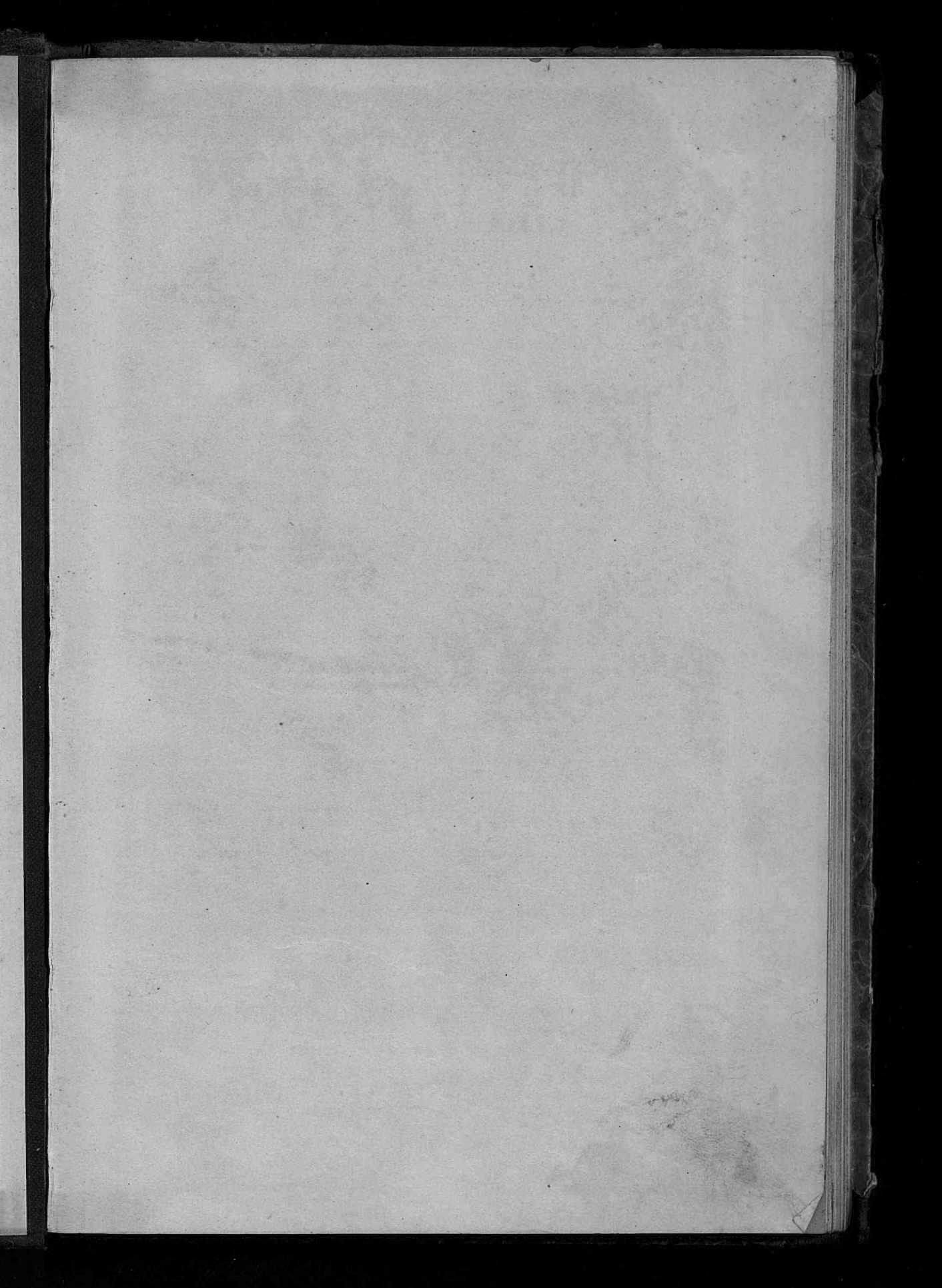

2/XI-1902.

1871

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIII-й.

Н О Я Б Р Ъ

1902 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Дубровина. 209—241
- II. Нишневское сидѣніе. (Изъ дневн. Д. С. Нагловскаго). 243—264
- III. Письма императрицы Маріи Феодоровны къ великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Сообщ. В. В. Щегловъ. 265—284
- IV. Изъ прошлаго. Ужасные дни. П. Д. Паренцова. 285—300
- V. Письма графа В. П. Кочубея къ М. М. Сперанскому 1823—1825 гг. (Изъ бумагъ акад. А. Ф. Вычкова). Сообщ. И. А. Вычковъ. 301—322
- VI. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никитина. 323—340
- VII. М. М. Сперанскій въ Пензѣ. А. Троицкаго. 341—345
- VIII. И. М. Муравьевъ-Апостоль. (Оконч.). Ив. Кубасова. 347—359
- IX. Письма В. П. Балабина графу П. Д. Ниселеву. 361—385
- X. Петербургъ въ 1840—1841 гг. (По дневнику П. Г. Дивова). 387—401
- XI. Записки баронессы Праксвовы Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. Сообщилъ князь А. Дадіанъ. 403—416
- XII. Записная книжка „Русской Старины“. Письмо С. С. Уварова М. М. Сперанскому, объ административной ихъ дѣятельности. 1-го декабря 1819 года. (стр. 242).—Высочайшій рескриптъ объ увольненіи графа Кочубея въ отставку. 28-го іюня 1823 г. (346).—Поручикъ Усовскій—участникъ въ тайномъ обществѣ декабристовъ. Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату. 14-го марта 1827 г. Сообщ. Г. Е. Рѣпинскій. (360).—Къ біографіи Е. К. Фредерици. Письмо Н. П. Резанова — Н. Е. Сухтелену. 13-го іюня 1805 г. (386).—О наблюденіи типографіями цензурныхъ узаконеній. Циркулярное отношеніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея гражданскимъ губернаторамъ. 13-го февраля 1822 года. (402).
- XIII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).
- ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Вычковъ.
2) Портретъ Дмитрія Станиславовича Нагловскаго.
3) Планъ окрестностей г. Плевны.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи, по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, № 39.
1902.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1902 года.

Бібліографічний листок.

Е. С. Шумигорскій. Екатерина Ивановна Нелидова (1758 — 1839 гг.). Очеркъ изъ исторіи императора Павла. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, съ портретами, рисунками и автографами. Спб. 1902 г.

Въ числѣ сочиненій, появившихся за последнее время и посвященныхъ эпохѣ императора Павла, обращаетъ на себя вниманіе трудъ г. Шумигорскаго, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Изучая событія Павловскаго царствованія, — говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, — мы не можемъ сочувствовать нравственному уровню этого желѣзнаго вѣка, хотя въ открывающемся предъ нами историческомъ калейдоскопѣ не можемъ не удивляться оригинальной комбинаціи политическихъ силъ, постоянно борющихся между собою, но дѣйствовавшихъ въ одномъ и томъ же направленіи и приводившихъ къ одной и той же цѣли. Императоръ Павелъ, напримеръ, во все кратковременное свое царствованіе жаждалъ уничтоженія сословныхъ привилегій, водворенія правды и законности въ государствѣ, но по революціонному духу времени, для достиженія этихъ цѣлей употреблялись и революціонныя средства: административный произволъ, ссылка и казнь.

Первый шагъ къ уравниенію сословій былъ сдѣланъ, несомнѣнно, императоромъ Павломъ, и хотя произведенная имъ «революція сверху» не сопровождалась такими ужасами, какъ французская, но жертвой ея сдѣлался онъ самъ. Въ этомъ смыслѣ Павелъ Петровичъ есть одно изъ самыхъ трагическихъ лицъ нашей исторіи: фанатикъ своихъ идей, онъ велъ непрерывно борьбу одинъ противъ всѣхъ, и духовныя его силы оказались недостаточны, чтобы безнаказанно вынести на себѣ всю ея тяжесть...

Наблюдая измѣнчивый круговоротъ политическихъ идей и борьбу страстей человѣческихъ, — историкъ отдыхаетъ на изображеніи лицъ, проявившихъ красоту душевную, которая, какъ высшее выраженіе человѣчности, невольно возбуждаетъ сочувствіе и удивленіе, и является залогомъ нравственнаго совершенства общества, указывая каждому, чѣмъ онъ долженъ быть. Люди, носящіе у себя въ сердцѣ эту искру Вожю, не даютъ заглухнуть ей и у другихъ; напротивъ, они питаютъ ее, поддерживаютъ ея пламя, и, такимъ образомъ, среди ужасовъ политической и общественной борьбы, — не позволяютъ ея дѣятелямъ забывать самага священнаго для нихъ званія — чело-вѣка и тѣмъ укрѣпляютъ, увеличиваютъ ихъ нравственныя силы.

Павелъ Петровичъ, въ теченіе 20 лѣтъ, въ самое тяжелое время своей жизни, имѣлъ возлѣ себя именно такого преданнаго, безкорыстнаго друга, полагавшаго свое личное счастье въ счастіи видѣть его добрымъ, любимымъ и уважаемымъ и постоянно напоминавшаго ему о вѣчныхъ, христіанскихъ началахъ любви и правды. Другомъ этимъ была фрейлинка его супруги, императрицы Маріи Феодоровны, — Екатерина Ивановна Нелидова.

О дѣтствѣ Нелидовой не сохранилось подробныхъ свѣдѣній. Она родилась 12-го декабря 1758 г. отъ брака поручика Ивана Дмитриевича Нелидова съ Анной Александровной Симоновой. Въ 1765 году она была опредѣлена во вновь открытый Смольный институтъ¹⁾ и была въ числѣ ученицъ перваго выпуска.

Цѣлью учрежденія Смольнаго института было воспитаніе дѣвицъ въ духѣ гуманности, путемъ развитія ихъ ума и сердца, чтобы сдѣлать ихъ вполнѣ достойными «отрадою семействъ» и способными не только смягчать «жестокіе» и «суетовные» нравы русскаго общества XVIII вѣка, но и воспитывать дѣтей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица была противъ того, чтобы дѣвицы «умничали», и оттого обученіе въ Смольномъ носило по преимуществу свѣтскій характеръ: все направлено было главнымъ образомъ лишь къ тому, чтобы онѣ умѣли держать себя въ обществѣ, вести непринужденный разговоръ на французскомъ языкѣ, быть любезными и веселыми и отнюдь не проявлять жеманства и кокетства.

За двѣнадцать лѣтъ пребыванія въ институтѣ дѣвицы должны были выучиться «исправно» читать, писать и говорить, кромѣ отечественнаго, на французскомъ, нѣмецкомъ и италіанскомъ языкахъ, обучиться Закону Божию, ариметикѣ, исторіи, географіи и опытной физикѣ, въ элементарныхъ ихъ курсахъ, и приобрести нѣкоторыя свѣдѣнія изъ архитектуры и геральдики, которая въ то дворянское время считалась важной наукой для «благородныхъ дѣвицъ». Болѣе всего учебнаго времени тратилось затѣмъ назанія рукодѣліемъ, музыкой и танцованіемъ; изъ искусствъ, кромѣ рисованія, воспитанницы изучали скульптуру и токарное дѣло. Въ свободное отъ учебныхъ занятій время дѣти, подъ руководствомъ своихъ наставницъ, читали историческія и правоучительныя книги со строгимъ выборомъ, чтобы ничто не могло преждевременно и вредно дѣйствовать на воображеніе дѣтей или ихъ нравственность.

По окончаніи курса въ 1776 г. Екатерина Ивановна была опредѣлена фрейлиной ко двору великой княгини Наталіи Алексѣевны, супруги наслѣдника престола Павла Петровича. Внезапная кончина великой княгини, знавшей Нелидову по институту и благоволившей къ ней, повлекла за собою, тотчасъ послѣ поступленія Нелидовой ко двору, второй бракъ Павла Петровича съ принцессой Виртембергской Софіей-Доротеей, въ православіи нареченной Маріей Феодоровной; молодая фрейлина участвовала при встрѣчѣ новой своей повелительницы при въѣздѣ ея въ Россію. При видѣ натянутаго отношеній Екатерины къ сыну, симпатіи Нелидовой влекли ее на сторону Павла Петровича, этой, какъ ей казалось, жертвы материнской несправедливости: любезный, рыцарскій характеръ 24-лѣтняго великаго князя, его высшренній стремленія къ правдѣ и народному благу какъ нельзя болѣе отвѣчали институтскимъ воззрѣніямъ на

¹⁾ Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1903 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

И С Т О Р І Я

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. О. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

закрывающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.

Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться
въ Товарищество «Общественная Польза», СПБ. Большая

Подъяческая, № 39.

Годъ изд. XIV.—Подписной годъ считается съ 1 ноября.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1903 ГОДЪ
на журналъ для семейнаго чтенія

ПРИРОДА И ЛЮДИ.

Всѣ подписчики получаютъ за ШЕСТЬ рублей ПЯТЬ изданій съ пересылкою и доставкою:

1) ежедѣльное

52

№№ ИЛЛЮСТР. ЛИТЕРАТ. ЖУРНАЛА
Въ журналѣ помѣщаются: очерки, романы,
повѣсти, разск., популярно-научн. статьи.

Природа и люди

2) ежемѣсячное

12

КНИГЪ СЪ РИС. болѣе 2400 стран.
Будетъ дано собраніе сочиненій из-
вѣстнаго соврем. авт. Райдера Хаггарда

Библіотека романовъ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ НА СУШѢ И НА МОРѢ.

3) ежемѣсячное

12

КНИГЪ БОЛЬШ. ФОРМ.
800 стран. и до 200 гравюръ,
портретовъ и рисунковъ.

Библіот. для самообразов.

Даваа новое бесплатное приложеніе, редакция имѣетъ цѣлью дать подписчи-
камъ возможность, не затрачивая денегъ, приобрести цѣнныя сочиненія по
всѣмъ отраслямъ знанія, изложенныя вполне популярно и доступно для всѣхъ.

Въ 1903 г., въ виду предстоящаго торжественнаго празднованія 200-лѣтія
основанія Петербурга Петромъ Великимъ, редакция рѣшила дать въ
„БИБЛИОТЕКѢ для САМООБРАЗОВАНІЯ“

ИЛЛЮСТРИРОВ. ИСТОРИЮ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

сочин. всемірно-извѣстнаго профессора русской исторіи А. Г. Брикнера.
Первое изданіе (А. С. Суворина) стоило 15 р., а въ настоящее время со-
ставляетъ библиографическую рѣдкость и стоитъ до 25 р.

4) ежемѣсячное

12

КНИГЪ СОЧИН.
1600 страницъ, зна-
менитаго писателя

Вас. Ив. Немировича - Данченко

Стоимость 12 книгъ его сочин. значительно превышаетъ подписную цѣну всего журнала.
Только благодаря тому обстоятельству, что издатель журнала является въ
то же время издателемъ всѣхъ произведеній Вас. Ив. Немировича-Данченко,
и можно давать такія цѣнныя приложенія.

5) настоящее роскошно-иллюстрир. изданіе

Поэма Гете „РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ“

12

пѣсенъ до 20 печ. лист. 160 стр. больш. форм. Полный переводъ (безъ
сокращеній) М. Достоевскаго. съ 36 рис. худож. Каульбаха. Загранич-
ное нѣмецкое изданіе стоило около 30 р., русское—(А. Ф. Маркса)—12 р.

МЫ ДАЕМЪ „РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ“ БЕСПЛАТНО.

Уплатившіе сполна подписную сумму получаютъ „РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ“
НЕМЕДЛЕННО (съ № 1 журнала)

Подписавшіеся въ разсрочку—по уплатѣ послѣдняго взноса.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 р., къ 1 марта 1 р., къ 1 мая
1 р. и къ 1 іюля 2 р. Безъ доставки въ СПБ. 5 р.

Подписка принимается у издателя П. П. Сойкина, СПБ.
Стремянная, 12, собств. д.

Открыта подписка на 1903 годъ (изд. XVIII годъ)
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

подъ редакціею

А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи

Отца ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

1 руб. за 2 мѣсяца съ дост. и перес. **6** руб. за годъ съ дост. и перес.

52 № журн. до 2000 столбц. текста и до 300 иллюстр. Очерки, рассказы, стихотворенія, статьи бытового, нравственнаго и историческаго содержанія, воспоминанія и пред. русск. старины, отелки на вопросы современной жизни.

12 книгъ до 2400 стран. убористой печати, заключающихъ въ себѣ повѣсти изъ исторіи русскаго народа и православной церкви, и рассказы изъ исторіи библейской, общей и церковной, описаніе святыхъ и т. п.

и кромѣ того **БЕЗПЛАТНО** будетъ выдано:

6 книгъ до 1000 страницъ всемірно-извѣстнаго труда досточтимаго автора
отца ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО

МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТѢ.

Это сочиненіе, переведенное почти на всѣ европейскіе языки, служитъ прекраснымъ руководствомъ къ духовной жизни для всѣхъ, кто стремится приблизить и свою личную жизнь къ тому идеалу, къ которому призываетъ читателей всероссійскій пастырь апостольскимъ завѣтомъ: „Подражайте мнѣ, какъ и я Христу“.

2 книги (болѣе 400 страницъ, 105 фотогравюръ, карта и 3 плана)

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ПО СВ. МѢСТАМЪ ВОСТОКА.

Составилъ А. А. Павловскій, специально въ началѣ 1902 года командированный отъ редакціи „Русскаго Паломника“ на Афонъ и въ Палестину.

Двѣнадцать книгъ «Русск. Пал.» будутъ содержать:

1) Отецъ Герасимъ. Пов. изъ жизни сербскаго народа подъ турецк. игомъ. Д. Илича. 2) За братъевъ-славянъ. (По поводу 25-л. войны 1877—1878 гг.). И. В. Преображенскаго. 3) Старецъ Серафимъ и Саровская пустынь. С. А. Архангелова. 4) Минувшія судьбы Петербургскаго края. Церковно-истор. оч. Ѳ. В. Четыркина. 5) Оедосеевскій владыка. Повѣсть изъ исторіи раскола XVIII в. Н. Н. Алексѣева-Кунгурцева. 6) Адскій годъ (Иезуиты въ Россіи). Церковно-историческ. хроника. Н. О. Лихарева. 7) Богомъ отмѣченный. Быль изъ жизни старца-подвижника. Г. Т. Сѣверцева. 8) Жизненные вопросы (по сочиненію Ѳомы Франка). Н. П. Двигубскаго. 9) На стражѣ православія. Повѣсть изъ жизни украин. духовенства XVIII в. В. А. Радича. 10) Сонъ великаго хана. Историческая повѣсть. М. Н. Лебедева. 11) „Господь воцарится“. Десять картинъ славы Господа Іисуса Христа. В. Моно. Перев. С. Моложаваго. 12) Подъ гнетомъ уни. Истор. пов. изъ быта Бѣлоруссіи XVIII в. Н. Стрѣшневъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ: безъ доставки въ Спб. пять р., съ доставкой и перес. во всѣ города Россійской имперіи шесть р., за границу 8 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля остальные.

Главная Контора: СПБ., Стремянная ул., 12, собств. домъ.

1—3

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, № 39.

М. Давыдов
Московский обл. библиотечки

ДМИТРІЙ СТАНИСЛАВОВИЧЪ

НАГЛОВСКІЙ

(р. 2 февраля 1837 † 13 января 1890).

ВЫПУСК
НОМЕР 1

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XXII ¹⁾.

Перемѣна во внутренней политикѣ императора Александра.—Впечатлѣніе, произведенное ссылкой М. М. Сперанскаго.—А. С. Шишковъ и его „Разсужденіе о любви къ отечеству“.—Порученіе, данное ему государемъ составить манифестъ о рекрутскомъ наборѣ.—Учрежденіе Комитета министровъ съ особою властью.—Два рескрипта графу Салтыкову.—Новыя назначенія. Назначеніе Шикова государственнымъ секретаремъ.—Недовѣріе къ русскимъ и пристрастіе къ иностранцамъ.—Приглашеніе прусскихъ офицеровъ въ русскую службу.—Отъѣздъ императора въ Вильну.—Встрѣча, ему сдѣланная.—Балъ, данный дворянствомъ.—Показная восторженность приѣма и дѣйствительное настроеніе дворянства.—Его враждебныя дѣйствія.—Расширеніе власти губернаторовъ.—Интриги Наполеона.—Отозваніе барона Биньона и назначеніе де-Прадта чрезвычайнымъ посломъ въ Варшаву.—Приготовленіе къ открытію сейма.—Положеніе князя Адама Чарторыйскаго.—Письма его къ императору Александру и къ Матусевичу.

Обираясь покинуть столицу и не желая оставлять въ ней вреднаго для себя элемента, а, напротивъ, привлечь къ себѣ общество и вызвать его содѣйствіе въ предстоящихъ событіяхъ, императоръ Александръ круто измѣнилъ свою внутреннюю политику. Не обращавшій прежде никакого вниманія на толки и выраженія неудовольствія общества, государь пошелъ теперь на всевозможныя уступки. Преобразовательная дѣятельность была остановлена, и ближайшій сотрудникъ въ этомъ дѣлѣ М. М. Сперанскій

¹⁾ См. „Русск. Старину“ октябрь 1902 г.

принесенъ въ жертву его врагамъ. Въ послѣднее время, въ глазахъ завистниковъ и людей стараго покроя, государственный секретарь былъ человѣкомъ, стремившимся къ разрушенію всѣхъ основъ Имперіи. О немъ ходили самыя нелѣпыя слухи: говорили, что онъ имѣетъ тайныя сношенія съ Франціею и что цѣлью этихъ сношеній было приглашеніе Наполеона вступить въ Россію, гдѣ имъ уже подготовлено освобожденіе крестьянъ уничтоженіе и дворянства. Послѣднее волновалось и въ особенности московское дерзко отзывалось о государѣ и его ближайшемъ совѣтникѣ. Если вѣрить словамъ А. Домерга ¹⁾, то императоръ Александръ, сядя за столъ, нерѣдко находилъ подъ салфеткой непріятныя для него записки, неизвѣстно какъ и кѣмъ туда положенныя. Это дало поводъ петербургскимъ врагамъ Сперанскаго указать императору Александру, что наканунѣ жестокой войны, во время которой только одинъ патріотизмъ дворянства можетъ спасти государство, необходимо его сплотить, уничтожить недовольство, а не оскорблять общество, сохраняя при себѣ человѣка ненавистнаго дворянству, подозрѣваемаго въ сношеніяхъ съ Наполеономъ, а слѣдовательно въ измѣнѣ.

Государь уступилъ наговорамъ, и 17-го марта Сперанскій внезапно былъ отправленъ въ ссылку въ Нижній-Новгородъ ²⁾. Происшествіе это поразило и озадачило многихъ. Никто не могъ ожидать, чтобы императоръ Александръ, постоянно говорившій и писавшій во многихъ письмахъ, что законъ стоитъ выше его власти, могъ безъ слѣдствія и суда отправить въ ссылку выдающагося государственнаго дѣятеля и человѣка ему весьма близкаго. Членъ Государственнаго Совѣта Н. С. Мордвиновъ подалъ въ отставку, а адмиралъ А. С. Шишковъ «уѣхалъ дома, дабы не показывать себя любопытствующимъ». Когда же спустя нѣсколько дней государь потребовалъ его къ себѣ и Шишковъ стоялъ въ секретарской, къ нему подошелъ статсъ-секретарь П. С. Молчановъ и спросилъ его, зачѣмъ онъ здѣсь?

— Не знаю,—отвѣчалъ Шишковъ,—государь за мною присылалъ.

— Какъ!—вскричалъ онъ,—государь за тобою присылалъ? О! такъ я отъ тебя скорѣе уйду.

Таково было впечатлѣніе высылки Сперанскаго на лицъ, стоявшихъ ближе другихъ у трона, впечатлѣніе «необычайное, наводившее нѣкій

¹⁾ La Russie pendant les guerres de l'Empire (1805—1815). Souvenirs historiques de M. Armand-Domergue, т. II, 368.

²⁾ Мы не касаемся подробностей ссылки М. М. Сперанскаго потому, что въ „Русской Старинѣ“ настоящаго года печатается сообщенное И. А. Бычковымъ обширное изслѣдованіе барона М. А. Корфа объ этомъ событіи. См. также „Жизнь графа Сперанскаго“ его же и „Русскую Старину“, т. XVI, стр. 73.

страхъ»¹⁾. Что касается большинства то высылка Сперанскаго возбудила всеобщее ликование, въ особенности въ тѣхъ, на коихъ отразилась его преобразовательная дѣятельность. Толпа праздновала его опалу, какъ первую побѣду надъ французами.

«Великъ день для отечества и насъ всѣхъ—17-е марта! писала В. И. Бакунина въ своихъ запискахъ²⁾.—Богъ ознаменовалъ милость свою на насъ, паки къ намъ обратился, и враги наши пали. Открыто преступленіе въ Россіи необычайное, измѣна и предательство... Должно просто полагать, что Сперанскій намѣренъ былъ предать отечество и государя врагу нашему. Увѣряютъ, что въ то же время онъ хотѣлъ возжечь бунтъ вдругъ во всѣхъ предѣлахъ Россіи и, давъ вольность крестьянамъ, вручить имъ оружіе на истребленіе дворянъ».

Эти слова должны считаться отголоскомъ общественнаго мнѣнія, и, конечно, ссылка Сперанскаго достигла цѣли—возбудить патриотизмъ, приверженность къ правительству и вызвать сочувствіе и содѣйствіе въ приближавшихся грозныхъ событіяхъ.

Съ удаленіемъ Сперанскаго предстояло рѣшеніе вопроса объ избраніи государственнаго секретаря. Выборъ государя останавливался на Н. М. Карамзинѣ, но Балашовъ, которому императоръ сообщилъ свое желаніе, указалъ ему на адмирала А. С. Шишкова, какъ на заслуженнаго сановника и ревностнаго патриота, еще такъ недавно обратившаго на себя вниманіе общества своею рѣчью «О любви къ отечеству»³⁾. Рѣчь эта была прочитана въ началѣ 1812 г. въ «Бесѣдѣ любителей русскаго слова» и какъ по своему содержанію, вызванному тогдашнимъ положеніемъ Россіи, такъ и по изложенію произвела сильное впечатлѣніе на общество и его патриотическое настроеніе. Шишковъ говорилъ, что человѣкъ, считающій себя гражданиномъ всего свѣта, не принадлежащимъ ни къ какому народу, «какъ бы не признаетъ ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Онъ, исторгаясь изъ рода людей, причисляетъ самъ-себя къ роду животныхъ».

— Что же такое отечество?—спрашивалъ Шишковъ и отвѣчалъ:—«Страна гдѣ мы родились, колыбель, въ которой мы возлелѣяны, гнѣздо, въ которомъ согрѣты и воспитаны, воздухомъ, которымъ дышали; земля, гдѣ лежатъ кости отцовъ нашихъ и куда мы сами ляжемъ. Какая душа дерзнетъ расторгнуть сіи крѣпкія узы? Какое сердце можетъ не чувствовать сего священнаго пламени? Самые звѣри и птицы любятъ мѣсто рожденія своего... Какой извергъ не любитъ матери своей? Но оте-

¹⁾ Записки А. С. Шишкова. Берлинское изданіе, т. I, стр. 119 и 120.

²⁾ „Русская Старина“ 1885 г., т. 47, стр. 393.

³⁾ См. Собраніе сочиненій и переводовъ адмирала Шишкова. Изданіе 1825 г., ч. IV, стр. 147—186.

чество меньше ли намъ, чѣмъ мать? Отвращеніе отъ сей противуестественной мысли такъ велико, что какую бы ни положили мы въ чело-вѣкѣ худую нравственность и безстыдство, хотя бы и представили себѣ, что можетъ найтись такой, который въ развращенной душѣ своей дѣйствительно питаетъ ненависть къ отечеству своему, однако же и тотъ постыдился бы всенародно и громогласно въ томъ признаться... Напротивъ того, вездѣ въ прошедшихъ и настоящихъ временахъ, тѣмочисленные находимъ примѣры, что сила любви къ отечеству препобѣждаетъ силу любви ко всему, что намъ драгоцѣнно и мило: къ женамъ, къ дѣтямъ нашимъ и къ самимъ себѣ».

Приводя въ примѣръ Пожарскаго и Минина, Федора Никитича Романова и патріарха московскаго Гермогена, спасшихъ Россію своею любовью къ отечеству, Шпиковъ указываетъ, что любовь эта говоритъ чело-вѣку, что «неисповѣдимая премудрость Божія повелѣла тебѣ родиться отъ отца и матери, имѣть братьевъ, сестеръ, родныхъ, ближнихъ; дала тебѣ отличное отъ животныхъ свойство знать и помнить ихъ отъ колыбели до гроба; обязала ихъ пещися о твоемъ младенществѣ, дышать тобою и любить тебя, даже и за предѣлами твоей жизни. Поставила сердце твое посреди сладчайшихъ чувствованій къ тѣмъ, отъ кого ты произошелъ, и къ тѣмъ, которые отъ тебя бытіе свое получили. Не благополученъ ли ты посреди объятій родившаго тебя и рожденнаго тобою? Симъ образомъ благодѣтель Вселенной назначила тебѣ домъ, жилище, мѣсто пребыванія. Повелѣла, чтобъ единое семейство посредствомъ брака соединялось съ другими: да течетъ во всѣхъ одна и та же кровь, да свяжутъ сіи священные узы весь народъ и да скрѣпятъ его единодушіемъ, любовію, дружбою. Отсюда законы назвали тебя гражданиномъ, единоземцы—братомъ, отечество—сыномъ...

«Что дѣлаетъ любовь къ отечеству? Съ благодію въ очахъ, съ прозорливостію въ умѣ, съ истинною и правосудіемъ въ сердцѣ, печется о благоденствіи народномъ. Она въ одной рукѣ держитъ законы, а въ другой—мечъ и говоритъ народу: сіи законы, начертанные мною на основаніи Божіихъ заповѣдей, суть ваша свобода; сей мечъ, держимый мною на пораженіе вѣншихъ и внутреннихъ враговъ, есть ваша безопасность: доколѣ сіи законы будутъ свято храниться, до тѣхъ поръ я съ вами я вы свободны; доколѣ мечъ сей никому, кромѣ нарушителей законовъ, не будетъ страшенъ, до тѣхъ поръ радость и спокойствіе обитать будутъ въ сердцахъ и жилищахъ вашихъ. Она говоритъ каждому сыну отечества: членъ великаго тѣла! не отрывайся отъ онаго никогда и поставленной отъ Бога надъ нимъ главѣ служи вѣрою и правдою. Люби Царя и отечество дѣлами твоими, а не словами. Не надѣйся никогда быть счастливымъ угрызаемый совѣстію, и не бойся ничего похваляемый ею...

«Что дѣлаетъ народная гордость?—не хочетъ никому уступать. Ревнуетъ украшаться и блистать собственными своими достоинствами. Велитъ любить честь, велитъ уважать себя, имѣть мужество, твердость, душу. Она не промѣняетъ имени, языка, нравовъ своихъ ни на что. Она покорствууетъ единой главѣ отечества своего и больше никому. Она простираетъ руку помощи слабому и смотритъ на сильнѣйшаго безъ зависти и безъ боязни. Всякъ чужеземецъ ей другъ, но какъ скоро помыслитъ онъ властвовать надъ нею, съ оружіемъ въ рукахъ, или съ лукавствомъ въ сердцѣ, на силу свою не надѣясь, или на прельщеніе, тотчасъ увидитъ ее грозну, какъ тучу, и страшну, какъ молнію и громъ. Между уничиженіемъ и погибелью избираетъ она погибель, между цѣпей и смертію кидается она въ объятія смерти».

«Гдѣ любовь къ народу своему, тамъ и желаніе видѣть его процвѣтающимъ, благополучнымъ, сильнымъ, превозносящимся надъ всѣми другими царствами. Тамъ всякій словами и душою не сравниваетъ имени отечества своего ни съ какимъ другимъ, пользуется чужими изобрѣтеніями, произведеніями, хвалитъ ихъ, но любитъ только свои.

«Когда одинъ народъ идетъ на другой съ мечемъ и пламенемъ въ рукахъ, откуда у сего послѣдняго возьмутся силы отвратить сію страшную тучу, сей громовой ударъ, если любовь къ отечеству и народная гордость не дадутъ ему оныхъ.

«Отечество требуетъ отъ насъ любви даже пристрастной, такой, какую природа вложила въ одинъ полъ къ другому... Но не одно оружіе и сила одного народа опасны бываютъ другому; тайное покушеніе прельститъ умы, очаровать сердца, поколебать въ нихъ любовь къ землѣ своей и гордость къ имени своему есть средство надежнѣйшее мечей и пушекъ. Средство сіе медленно, однако жъ вѣрно въ своихъ соображеніяхъ, и ранѣе или позже, но всегда цѣли своей достигнетъ. Мало-по-малу налагаетъ оно нравственныя узы, дабы потомъ наложить и настоящія цѣпи, зная, что плѣнникъ въ оковахъ можетъ разорвать ихъ, можетъ быть еще гордъ и страшенъ побѣдителю, но плѣнникъ умомъ и сердцемъ остается всегда плѣнникомъ».

По словамъ А. С. Шишкова, вѣра, воспитаніе въ національномъ духѣ и языкъ—«суть самыя сильнѣйшія средства къ возбужденію и вкорененію любви къ отечеству, которая ведетъ къ силѣ, твердости, устройству и благополучію».

Рѣчь была прочитана при многочисленномъ собраніи; прочиталъ ее и государь по указанію Балашова. Но Александръ не любилъ Шишкова и держалъ его въ загонѣ. При преобразованіи Государственного Совѣта многіе удивлялись, почему Шишковъ не былъ назначенъ его членомъ. Философовъ даже заявилъ о томъ государю.

— Но къ крайнему моему сожалѣнію,—говорилъ онъ потомъ Шиш-

кову,—увидѣлъ я въ немъ такое къ вамъ неблаговоленіе, что, при сильномъ настояніи моемъ, онъ напоследокъ сказалъ мнѣ, что лучше согласится не царствовать, нежели сдѣлать васъ членомъ. Я не могу понять, кто такъ несправедливо очернилъ васъ въ его умѣ.

«Сіе приключеніе,—пишетъ Шишковъ ¹⁾,—открывшее мнѣ, свыше всякаго воображенія моего, гнѣвъ на меня государевъ, крѣпко меня потревожило; но, наконецъ, чувствуя себя невиннымъ, я успокоился и пересталъ о томъ думать».

Скоро обстоятельства измѣнились для Шишкова. Сдѣлавъ одну уступку общественному голосу ссылкой Сперанскаго, государь пошелъ на другія и сталъ назначать на высшія государственныя должности такихъ людей, къ которымъ не только не былъ расположенъ, но чувствовалъ въ большей или меньшей степени отвращеніе ²⁾. 22-го марта онъ потребовалъ къ себѣ Шишкова.

— Я читалъ,—сказалъ ему императоръ,—разсужденіе ваше о любви къ отечеству. Имѣя таковыя чувства, вы можете ему быть полезнымъ. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я бы желалъ, чтобы вы написали о томъ манифестъ, въ которомъ бы побудительнымъ для народа образомъ изложена была необходимость сей предприемлемой правительствомъ мѣры.

— Государь!—отвѣчалъ Шишковъ,—я никогда не писывалъ подобныхъ бумагъ.—Это будетъ первый мой опытъ, а потому и не знаю, могу ли достойнымъ образомъ исполнить сіе порученіе. Попытаюсь. Но при томъ осмѣлюсь спросить: какъ скоро это надобно?

— Сегодня или завтра.

— Приложу все мое стараніе, но долженъ донести вашему величеству, что я подверженъ головнымъ болѣзнямъ, которыя такъ иногда усиливаются, что я лежу безъ движенія въ постелѣ. Проснувшись сегодня съ сею болью, я опасаясь, чтобы она, умножась, не лишила меня силъ исполнить въ скорости ваше повелѣніе.

— Ежели не сможете скоро,—замѣтилъ государь,—то хотя дня черезъ два или три.

На слѣдующій день Шишковъ привезъ манифестъ императору.

«Настоящее состояніе дѣлъ въ Европѣ—сказано было въ немъ,—требуетъ рѣшительныхъ и твердыхъ мѣръ, неусыпнаго бодрствованія и

¹⁾ Въ своихъ запискахъ, т. I, стр. 115. Берлинъ, изд. 1870 г.

²⁾ Таковыми лицами были между прочимъ князь Кутузовъ-Смоленскій, графъ Ростопчинъ, Роземкампфъ и нѣкоторые другіе. Еще будучи наслѣдникомъ, Александръ не терпѣлъ Ростопчина, съ которымъ имѣлъ много столкновений, оскорблявшихъ его самолюбіе. Но теперь, по настоянію сестры Екатерины Павловны и другихъ лицъ, Александръ назначилъ Ростопчина главнокомандующимъ въ Москву.

сильнаго ополченія, которое могло бы вѣрнымъ и надежнымъ образомъ оградить великую Имперію нашу отъ всѣхъ могущихъ противъ нея быть непріязненныхъ покушеній.—Издавна сильный и храбрый народъ російскій любилъ со всѣми окрестными народами пребывать въ мирѣ и тишинѣ, соблюдая свой и другихъ покой; но когда бурныя дыханія возстающей на него вражды понуждали его поднять мечъ свой на защиту вѣры и отечества, тогда не было времени, въ который бы рвеніе и усердіе вѣрныхъ сыновъ Россіи, во всѣхъ чинахъ и званіяхъ, не оказалось во всей своей силѣ и славѣ. Нынѣ настоятъ необходимая надобность увеличить число войскъ нашихъ новыми запасными войсками.—Крѣпкія о Господѣ воинскія силы наши уже ополчены и устроены къ оборонѣ Царства. Мужество и храбрость ихъ всему свѣту извѣстны. Надежда престола и державы твердо на нихъ лежатъ.—Но жаркій духъ ихъ и любовь къ намъ и отечеству да не встрѣтятъ превосходнаго противъ себя числа силъ непріятельскихъ!»

На этомъ основаніи повелѣвалось собрать по два рекрута съ 500 душъ ¹⁾).

Государь прослушалъ манифестъ, одобрилъ его и благодарилъ Шишкова за скорое его исполненіе.

— Очень хорошо,—сказалъ онъ;—оставьте его у меня.

— Я не очень чисто пишу,—замѣтилъ Шишковъ,—но не смѣлъ иначе написать, какъ моею рукою.

— Я велю переписать.

На другой день пріѣхалъ къ Шишкову одинъ знакомый ему сенаторъ.

— Я сейчасъ изъ Сената, гдѣ намъ читали написанный тобою манифестъ о рекрутскомъ наборѣ,—сказалъ онъ.

— Почему ты знаешь, что онъ написанъ мною?

— Потому, что многіе узнали твою руку, а при томъ и по слогу, отличающемуся отъ прежнихъ манифестовъ.

«Тутъ узналъ я,—записалъ Шишковъ,—что государь подписалъ ту самую бумагу, которую отъ меня взять».

Манифестъ этотъ былъ дѣйствительно не похожъ на прежніе: въ немъ не было канцелярскаго слога, а напротивъ онъ дышалъ простою и искренностію. «Спустя нѣкоторое время управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ показалъ мнѣ,—говоритъ Шишковъ,—изъ разныхъ городовъ три письма, въ которыхъ отовсюду отзываются, что присланный къ нимъ манифестъ не только не произвелъ того прискорбія какое обыкновенно при подобныхъ требованіяхъ

¹⁾ Записки А. С. Шишкова, Берлинское изданіе 1870 г., т. I, стр. 121 и 423. Полное Собраніе Законовъ, т. XXXII, № 25051.

бываетъ, но что напротивъ всѣми вообще съ радостію былъ читанъ. — Признаюсь, что это меня до слезъ тронуло» ¹⁾).

Манифестъ этотъ былъ подписанъ 23-го марта и окончательно утвердилъ Александра въ рѣшеніи избрать Шишкова государственнымъ секретаремъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть его при себѣ какъ бы личнымъ секретаремъ, для составленія манифестовъ и другихъ бумагъ. Но прежде утвержденія Шишкова въ этой должности послѣдовало нѣсколько новыхъ назначеній.

«По случаю отбытія нашего изъ столицы, — сказано было въ указѣ Сенату 20-го марта 1812 г., — за благо признали мы учредить подъ председательствомъ генераль-фельдмаршала графа Салтыкова Комитетъ министровъ, съ особою властію, по дѣламъ всѣхъ министерствъ, снабдивъ его на сей случай правилами, которыми онъ руководствоваться долженъ» ²⁾).

Утвержденными въ тотъ же день правилами ³⁾ Комитетъ министровъ состоялъ, подъ председательствомъ графа Салтыкова, изъ главнокомандующаго въ столицѣ, который въ отсутствіе председателя занималъ его мѣсто, изъ председателей департаментовъ Государственного Совѣта, изъ министровъ и чиновъ управляющихъ министерствами. «Никто изъ членовъ Комитета, — сказано въ учрежденіи о немъ, — не можетъ себя уволить отъ присутствія; въ случаѣ же болѣзни министръ извѣщаетъ Комитетъ чрезъ управляющаго дѣлами онаго, что по сей причинѣ присутствовать онъ не будетъ».

Комитетъ обязанъ былъ собираться въ одиннадцать часовъ утра въ Зимнемъ Дворцѣ, въ обыкновенной комнатѣ, два раза въ недѣлю, одинъ разъ по вторникамъ, а другой по назначенію председателя; въ экстренныхъ случаяхъ онъ долженъ былъ собираться и чаще. «Когда предстанутъ дѣла вышней важности или требующія безотлагательнаго рѣшенія, председатель назначаетъ чрезвычайное собраніе Комитета».

Разсмотрѣнію Комитета подлежали дѣла, которыя докладывались министрами императору, тѣ, по которымъ необходимо было общее соображеніе или содѣйствіе разныхъ министерствъ, а также и тѣ дѣла, въ рѣшеніи и исполненіи которыхъ министръ встрѣтитъ затрудненіе или сомнѣніе. Особенному вниманію Комитета поручались дѣла высшей полиціи, т. е. относящіяся до общаго спокойствія и безопасности, до народнаго продовольствія и по всякимъ чрезвычайнымъ происшествіямъ. На этомъ основаніи главнокомандующій въ С.-Петербургѣ обязанъ былъ доставлять Комитету свѣдѣнія: 1) о проживающихъ въ столицѣ

¹⁾ Записки Шишкова, т. I, 122.

²⁾ Полное Собраніе Законовъ, т. XXXII, № 25043.

³⁾ Полн. Собр. Законовъ, т. XXXII, № 25044.

подозрительныхъ людяхъ, о которыхъ неизвѣстно, какими дѣлами они занимаются; 2) о прѣзжающихъ въ столицу изъ-за границы или изъ внутри государства подозрительныхъ людяхъ; 3) о собраніяхъ и обществахъ, навлекающихъ на себя подозрѣніе; 4) о разглашаемыхъ слухахъ и извѣстіяхъ, опасеніе или тревогу наводящихъ; 5) вообще о всякихъ въ столицѣ случившихся въ сутки происшествіяхъ, обратившихъ на себя вниманіе полиціи, и получаемыхъ изъ губерній донесеній о чрезвычайныхъ происшествіяхъ; о цѣнахъ на всѣ жизненные потребности въ такомъ случаѣ, когда онѣ будутъ превышать обыкновенную ихъ мѣру.

По дѣламъ обыкновеннымъ, текущимъ, Комитету предоставлялось приводить свои положенія въ исполненіе; въ случаѣ разногласія, исполнять по большинству голосовъ. По дѣламъ, требующимъ высочайшаго разрѣшенія, и по дѣламъ высшей полиціи Комитетъ долженъ былъ представлять рѣшенія свои на высочайшее усмотрѣніе и ожидать повелѣнія. Въ случаяхъ же, не терпящихъ отлагательства, «приводить ихъ въ исполненіе подъ общою всѣхъ членовъ Комитета отвѣтственностію и о семъ немедленно доносить его императорскому величеству.—При разногласіи въ сихъ случаяхъ, отвѣтственность остается на тѣхъ, по мнѣнію которыхъ исполненіе будетъ сдѣлано».

Черезъ день послѣ указа Сенату объ учрежденіи Комитета министровъ, графъ Салтыковъ получилъ два рескрипта, оба отъ 22-го марта ¹⁾ «Возложивъ на васъ,—сказано было въ первомъ,—по отличной моей къ вамъ довѣренности, званіе предсѣдателя Комитета министровъ, учрежденнаго съ особою властью, на время отсутствія моего изъ столицы, предоставляю я вамъ созывать Комитетъ къ себѣ въ домъ, когда состояніе здоровья вашего не позволитъ вамъ присутствовать въ немъ, въ назначенномъ для него мѣстѣ.

«Поелику дѣла вышней полиціи,—сказано было во второмъ рескриптѣ,—во время отсутствія моего изъ столицы принадлежать по учрежденіи Комитета министровъ до его разсмотрѣнія, то повелѣлъ я министру внутреннихъ дѣлъ, для принятія надлежащихъ мѣръ въ нужныхъ случаяхъ, доставлять Комитету сему свѣдѣнія о подозрительныхъ перепискахъ, открыться могущихъ, сообщая предварительно вамъ, яко предсѣдателю онаго, копія съ перлюстрированныхъ писемъ, дабы вы, судя по важности содержанія ихъ, могли назначать чрезвычайное собраніе Комитета, въ случаѣ настоянія въ томъ надобности».

Уѣзжая изъ столицы и не желая оставлять въ ней дѣятелей, къ которымъ не чувствовалъ расположенія или довѣрія, императоръ Александръ рѣшилъ ограничить ихъ дѣятельность пребываніемъ при своей

¹⁾ Архивъ Комитета министровъ, дѣло № 108.

особѣ. Такъ, послѣ высылки Сперанскаго, смотря косо на его предателей, Армфельда и Балашова, бывшаго с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ и министромъ полиціи, государь приказалъ имъ обоимъ ѣхать въ Вильну. Управление столицею вмѣсто Балашова было поручено С. К. Вязмитинову, съ званіемъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, и на него же возложены обязанности министра полиціи, «исключая изъ нихъ единственно тѣ, которыя Балашовъ, по нахожденіи при императорѣ, могъ самъ исполнять» ¹⁾. Послѣднему было поручено имѣть постоянныя сношенія съ Вязмитиновымъ, чтобы обоимъ быть въ полной извѣстности по части дѣлъ полиціи.

Съ предоставленіемъ особыхъ правъ Комитету министровъ, онъ являлся единственнымъ распорядителемъ судебъ Россіи; Государственный же Совѣтъ былъ устраненъ, и его дѣятельность сведена почти къ нулю. Поэтому надо было убрать его председателя канцлера графа Румянцева. Императоръ Александръ не былъ къ нему расположенъ, какъ къ стороннику союза съ Франціею. Въ послѣднее время наиболѣе важная часть политическихъ сношеній шла не черезъ графа Румянцева, а черезъ Сперанскаго, А. И. Чернышева (впослѣдствіи князя) и графа Нессельроде. Поэтому указомъ 29 - го марта председателемъ Государственнаго Совѣта былъ назначенъ графъ Салтыковъ, съ оставленіемъ председателемъ и Комитета министровъ, а графъ Румянцевъ получилъ приглашеніе сопутствовать государю и состоять въ его свитѣ. Тамъ ему не предстояло особенной дѣятельности, такъ какъ у императора былъ другой довѣренный дѣятель по этой части—графъ Нессельроде,—и, какъ увидимъ, нѣкоторые другіе.

— Я сомнѣваюсь,—сказалъ однажды Александръ графу Нессельроде,—чтобы новая съ моей стороны попытка къ соглашенію, обращенная къ Наполеону, привела бы къ мирной развязкѣ. Такъ же, какъ и вы, я считаю разрывъ неизбежнымъ. Въ случаѣ войны я намѣренъ стать во главѣ армій; тогда мнѣ нуженъ будетъ человекъ молодой, могущій всюду слѣдовать за мною верхомъ и завѣдывать моею политическою перепискою. Канцлеръ, графъ Румянцевъ, старъ, болѣзненъ, на него нельзя возложить этой обязанности. Я рѣшился остановить свой выборъ на васъ; надѣюсь, что вы оправдаете мое довѣріе, исполняя свои обязанности съ вѣрностію и скромностію ²⁾.

Послѣ назначенія графа Салтыкова председателемъ Государственнаго Совѣта и почти диктаторомъ, нельзя было, по взаимнымъ отношеніямъ, оставлять графа Аракчеева председателемъ военнаго депар-

¹⁾ Указъ министру полиціи и рескриптъ С. К. Вязмитинову отъ 28-го марта 1812. Арх. Сената, копія Высоч. повелѣній, кн. 312.

²⁾ Н. К. Шильдеръ. „Императоръ Александръ I“, т. III, стр. 63.

тамента и ему повелѣно было также ѣхать въ Вильну, что исполнилъ онъ не съ охотою.

«Война неизбѣжна—писалъ графъ Аракчеевъ брату Петру ¹⁾»,—и уже всѣ войска наши на границахъ, главнокомандующіе на своихъ мѣстахъ, а и государь изъ Петербурга выѣзжаетъ завтра ²⁾. Мѣсто его (пребыванія), а слѣдовательно и всѣхъ съ нимъ находящихся предположено въ Вильнѣ. Война предполагается самая жестокая, усиленная, продолжительная и со всѣми возможными строгостями, о которыхъ выдано конфирмованное изъ четырехъ частей положеніе ³⁾, коего одинъ экземпляръ къ вамъ при семъ посылаю.

«Вы найдете въ сихъ положеніяхъ почти товарищей главнокомандующимъ,—то оныя сдѣланы въ арміяхъ: у Барклая ⁴⁾», гдѣ и государь предполагаетъ свое пребываніе—генераль-лейтенантъ Паулуччи, а во второй Западной арміи, т. е. у князя Багратіона—генераль-адъютантъ Сень-Приестъ. Вы увидите въ сихъ положеніяхъ важную должность генераль-интенданта; въ оныя помѣщены въ арміяхъ: у Барклая—

¹⁾ Въ письмѣ отъ 3-го апрѣля 1812 г. Собраніе автографовъ Императорской Публичной бібліотеки, лит. А.

²⁾ Отъѣздъ былъ отложенъ до 9-го апрѣля.

³⁾ Положеніе о большой дѣйствующей арміи.

⁴⁾ Барклай-де-Толли былъ назначенъ 16-го марта главнокомандующимъ первой Западной арміи съ оставленіемъ въ званіи военнаго министра. Замѣчательнѣе приказъ, отданный имъ 4-го апрѣля за № 6. „Его величеству всемилостивѣйшему государю нашему угодно препоручить мнѣ главное начальство надъ вами, храбрые и безподобные воины, и вмѣстѣ съ тѣмъ возложить на меня обязанность быть вашимъ попечителемъ и вождемъ на пути чести и славы.—Обязанность трудная, но лестная.

„Вы меня найдете всегда готовымъ доставить вамъ по возможности изобиліе и раздѣлить съ вами усердно всѣ труды и опасности. Путь чести и славы вамъ извѣстенъ, и вы вѣрно на немъ достигнете выпиную степень оной. Всему свѣту извѣстны непоколебимая ваша преданность къ отечеству и государю и отличная ваша храбрость. Соедините къ симъ достоинствамъ еще духъ порядка и слѣпое повиновеніе къ своимъ начальникамъ,—то ничто въ свѣтѣ противу васъ устоять не можетъ.

„Мнѣ весьма пріятно будетъ отдавать достоинствамъ и заслугамъ, от генерала до самаго нижняго чина, должную справедливость и награду. Съ другой же стороны, съ непоколебимою твердостью употребляю всю данную мнѣ власть къ поддержанію устройства и порядка. Они ведутъ насъ непремѣнно къ побѣдамъ; а безъ нихъ подвергаемся неудачѣ и недостатку всякаго рода. Сбереженіе края, въ которомъ находимся будемъ, доставить намъ изобиліе, а разореніе оного повлечетъ за собою голодъ.

„Воины! Государь нашъ всемилосердный, вашъ отецъ, полагаетъ всю надежду свою на васъ, а любезнѣйшее отечество наше возлагаетъ на васъ свою защиту. Окажите себя достойными сей довѣренности и приобретите себѣ вѣчную и потомственную благодарность своихъ согражданъ“. („Московский телеграфъ“ 1833 г., ч. 51, № 11).

Канкринъ, а у Ваграціона—сенаторъ Ланской, который былъ въ 1809 г. губернаторомъ въ Москвѣ.

«Вы увидите въ сихъ положеніяхъ строгую военную полицію, которая должна все знать и обо всемъ доносить. Къ сему употребляются тѣ люди, которые къ сему привыкли здѣсь въ Петербургѣ и которые уже нѣсколько лѣтъ живутъ счастливо на несчастье другихъ людей.

«Теперь приступаю къ описанію, что я думаю, извѣстно уже вамъ,—выѣздъ изъ Петербурга Сперанскаго и Магницкаго. На ихъ счетъ много здѣсь говорятъ нехорошаго, слѣдовательно, если это такъ, то они заслужили сами свою нынѣшнюю участь. Но вмѣсто оныхъ теперь партія знатныхъ нашихъ господъ сдѣлалась чрезвычайно сильна, состоящая изъ графовъ Салтыковыхъ, Гурьевыхъ, Толстыхъ и Голицыныхъ. Слѣдовательно, я, не бывъ съ первыми въ связи, былъ оставленъ безъ дѣла, а сими новыми патріотами равномѣрно не любимъ, также буду безъ дѣла и безъ довѣренности.

«Сіе все меня бы не беспокоило, ибо я ничего не хочу, кромѣ уединенія и спокойствія и предоставляю всѣмъ вышеписаннымъ вертѣть и дѣлать все то, что къ ихъ пользамъ; но беспокоитъ меня то, что, при всемъ ономъ положеніи, велятъ еще мнѣ ѣхать и быть въ арміи безъ пользы и, какъ кажется, только пугаломъ мірскимъ, и я увѣренъ, что пріятели мои употребятъ меня въ первомъ возможномъ случаѣ тамъ, гдѣ имѣтъ я буду вѣрный способъ потерять жизнь, къ чему я и долженъ быть готовъ. Вотъ вамъ мое положеніе въ ясности. Со всѣмъ онымъ какъ бы то ни было, но уже мнѣ объявленъ подписанный указъ, что-бы я ѣхалъ въ Вильну и находился при особѣ государя».

Встрѣтившись какъ-то съ А. С. Шишковымъ, Балашовъ сказалъ ему:

— Императоръ собирается ѣхать въ походъ и, думаю, возьметъ тебя съ собою.

— Куда мнѣ, — отвѣчалъ Шишковъ, — въ мои лѣта и съ моимъ худымъ здоровьемъ таскаться по походамъ!

Слова эти, конечно, были переданы государю. Тѣмъ не менѣе въ день своего отъѣзда (9-го апрѣля) онъ призвалъ къ себѣ Шишкова.

— Я бы желалъ,—сказалъ ему Александръ,—чтобъ вы поѣхали со мною. Можетъ быть, для васъ это и тяжело; но для отечества нужно.

— Государь!—сказалъ съ жаромъ Шишковъ,—силы и способности мои не отъ меня зависятъ; но въ ревности и усердіи служить вашему величеству я никому не уступаю. Употребите меня, какъ и куда угодно: я готовъ остальные дни мои посвятить вамъ и отечеству. Между тѣмъ, позвольте, государь, донести вамъ о себѣ правду: я морской человѣкъ, съ сухопутными войсками никогда не хаживалъ, плавалъ всегда на

корабляхъ и даже верхомъ ѣздить не смогу и не умѣю,—вы будете имѣть во мнѣ худаго вамъ спутника.

— Мое дѣло употреблять васъ тамъ,—сказалъ, улыбаясь, государь,—гдѣ въ верховой ѣздѣ не будетъ надобности.

Въ тотъ же день былъ подписанъ указъ, повелѣвавшій Шишкову быть при особѣ государя, въ званіи государственнаго секретаря ¹⁾. Назначеніе это было встрѣчено съ сочувствіемъ въ обществѣ.

«Съ удивленіемъ узналъ я,—пишетъ С. Т. Аксаковъ ²⁾,—что Александръ Семеновичъ (Шишковъ) сдѣланъ былъ государственнымъ секретаремъ на мѣсто М. М. Сперанскаго. Нисколько не позволяя себѣ судить, на своемъ ли онъ былъ мѣстѣ, я скажу только, что въ Москвѣ и другихъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, въ которыхъ мнѣ случилось въ то время быть, всѣ были обрадованы назначеніемъ Шинкова и что писанные имъ манифесты дѣйствовали электрически на цѣлую Русь. Не смотря на книжныя, иногда нѣсколько напыщенные выраженія, русское чувство, которымъ она была проникнута, сильно отозвалось въ сердцахъ русскихъ людей».

«Я помню,—говоритъ другой современникъ, князь П. А. Вяземскій ³⁾,—что во время оно мы смѣялись нелѣпости его (Шинкова) манифестовъ; но между тѣмъ большинство, народъ, Россія читали ихъ съ восторгомъ и умиленіемъ, и теперь восхищаются ихъ краснорѣчіемъ; слѣдовательно, они были кстати. Карамзина манифесты были бы съ большимъ благоразуміемъ, съ большимъ искусствомъ писаны, но имѣли ли бы они то дѣйствіе на толпу, на большинство, неизвѣстно».

За нѣсколько дней до отъѣзда въ Вильну, государь пригласилъ къ обѣду нѣкоторыхъ генераловъ и послѣ стола обратился къ нимъ съ слѣдующими словами ⁴⁾:

— Мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ французовъ, какъ союзники, и кажется, долгъ свой исполнили; теперь пришло время защищать свои собственные права, а не постороннія, и потому, уповая на

¹⁾ Объ удаленіи Сперанскаго не послѣдовало ни указа, ни другого какого-либо официальнаго распоряженія, и занимаемые имъ должности были распредѣлены между нѣсколькими лицами: старшему статсъ-секретарю Государственнаго Совѣта А. Н. Оленину поручено было, 3-го апрѣля, исполнять временно обязанности государственнаго секретаря; коммиссія законовъ поступила въ вѣдѣніе князя Лопухина, канцлерство Абосскаго университета и дѣла Финляндіи переданы барону Армфельду.

²⁾ Семейная хроника и воспоминанія.—Воспоминанія объ А. С. Шинковѣ. Москва, изд. 1856 г., стр. 506.

³⁾ См. полное собраніе сочиненій, т. IX, стр. 195.

⁴⁾ Записки графа Комаровскаго. „Русскій Арх.“ 1867 года, стр. 765. Графъ Комаровскій ошибочно говоритъ, что императоръ уѣхалъ въ Вильну въ мартѣ мѣсяцѣ.

Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнить свои обязанности, и что мы не помянемъ военную славу, нами пріобрѣтенную.

Въ этихъ словахъ слышится какъ бы недовѣріе къ собственнымъ силамъ и къ своимъ войскамъ. Такъ отчасти это и было. Симпатіи Александра и его довѣріе клонились болѣе на сторону иностранцевъ: онъ преимущественно совѣтовался съ Фулемъ ¹⁾ по части военныхъ дѣйствій, вызвалъ къ себѣ Штейна для совѣщаній по политической части, бесѣдовалъ съ извѣстнымъ іезуитомъ, бывшимъ сардинскимъ посланникомъ де-Местромъ, и наконецъ старался привлечь въ армію прусскихъ офицеровъ.

«Его императорское величество высочайше повелѣть соизволилъ, — писалъ Балашовъ правителю Вѣлостокской области ²⁾, — чтобы въ отмѣну общихъ правилъ о паспортахъ, безостановочно были пропускаемы въ границы наши всѣ прусскіе военные чиновники, которые представляютъ паспорта, за подписаніемъ находящагося въ Берлинѣ, чрезвычайнаго нашего посланника и полномочнаго министра графа Ливена».

13-го іюня послѣдовалъ указъ министру полиціи, слѣдующаго содержания:

«Уполномочивъ указомъ моимъ отъ сего числа, состоящаго по арміи маіора Голтца принять всѣхъ офицеровъ прусской службы, которые къ нему явятся, и употребить всѣ нужныя мѣры, какія онъ по сему предмету за благо найдетъ, поручаю вамъ предписать тайной полиціи, дабы она по сему предмету вступила съ нимъ въ сношеніе и содѣйствовала съ своей стороны маіору Голтцу во всемъ, что до исполненія даннаго ему порученія касается».

Наконецъ, въ два часа по полудни 9-го апрѣля, послѣ молебствія въ Казанскомъ соборѣ, государь при огромномъ стеченіи народа, его провожавшаго, выѣхалъ изъ столицы въ Вильну. Туда же отправились и всѣ лица, которыя должны были составлять свиту императора. Свита эта была значительна и весьма разнообразна по составу ³⁾.

Въ вербное воскресенье, 14-го апрѣля, въ два часа по полудни ⁴⁾,

¹⁾ Пертцъ въ біографіи Штейна называетъ Фуля „военно-духовнымъ отцомъ“ Александра. А. С. Шишковъ говоритъ, что Фуль былъ въ великой довѣренности у Александра „по части военного искусства“.

²⁾ Въ письмѣ отъ 18-го марта 1812 г. Арх. III отдѣленія 1-й экспедиціи, опись 1816 г., д. № 5.

³⁾ Въ свитѣ находились: принцъ Георгій Ольденбургскій, герцогъ Александръ Виртенбургскій, графъ Н. П. Румянцевъ, графъ Нессельроде, графъ Кочубей, оберъ-гофмаршалъ графъ Н. А. Толстой, А. С. Шишковъ; генералы: баронъ Беннигсенъ, гр. Аракчеевъ и Фуль; генералъ-адъютанты: Балашовъ, князь П. М. Волконскій, графъ Комаровскій, генералъ Армфельдъ, флигель-адъютанты и многія другія лица.

⁴⁾ Въ статьѣ Букольника „Историческія замѣтки о Сѣверо-Западномъ

звонъ колоколовъ и орудійные выстрѣлы возвѣстили жителямъ Вильны о прибытіи императора. За шесть верстъ отъ города, у первой полевой рогатки, ожидали высочайшаго прибытія генераль-адъютанта, а въ нѣкоторомъ отътуда разстояніи военный министръ и главнокомандующій первою арміею Барклай-де-Толли со всѣмъ генералитетомъ и нѣсколькими эскадронами кавалеріи. По отданіи чести, кавалерія направилась вслѣдъ за государемъ. У второй рогатки началась пальба изъ пушекъ, поставленныхъ на горахъ, на которыхъ играла полковая музыка ¹⁾. Въ предмѣстьи города, на Антоколѣ, императоръ Александръ сѣлъ на лошадь и, окруженный многочисленною свитою генераловъ, былъ встрѣченъ обывателями съ магистратомъ во главѣ. Вершины горъ, находящихся между предмѣстіемъ и городомъ, крыши домовъ покрыты были толпами народа; всѣ окна были растворены и наполнены зрителями. Ремесленные цехи, въ своихъ торжественныхъ одѣяніяхъ, съ распущенными хоругвями, преклоненіемъ ихъ привѣтствовали монарха и звуками барабановъ и литавръ отдавали честь высокому посѣтителю. Евреи, въ своихъ старинныхъ костюмахъ, по своему обряду вынесли десятословіе и хлѣбъ. Монашествующее духовенство привѣтствовало государя въ предмѣстьи, а члены капитула, при кафедральномъ соборѣ. Приложившись ко кресту, Александръ въѣхалъ въ городъ черезъ Замковыя ворота. Отсюда до самаго дворца стояли по одной сторонѣ войска, а по другой многочисленная толпа народа, кричавшая: «вивать, да здравствуетъ императоръ». Отъ главныхъ университетскихъ воротъ, вдоль св. Янскои улицы, стояли воспитанники университета и гимназій съ своими наставниками.

Прибывъ въ старый епископскій дворецъ, служившій въ то время помѣщеніемъ для генераль-губернатора, государь былъ встрѣченъ дворянствомъ, имѣвшимъ во главѣ губернскаго предводителя Казимира Сулистровскаго и уѣзднаго — князя Януша Гедройца. Здѣсь же находились: гражданскій губернаторъ Лавинскій съ чиновниками и ректоръ университета Янъ Снядецкій съ членами совѣта.

Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

Прибытіе Александра въ Вильно «Литовскій Курьеръ» назвалъ событіемъ, увѣнчавшимъ живѣйшія и вождедѣннѣйшія желанія здѣшнихъ жителей.

Вскорѣ прибыли въ Вильну великій князь Константицъ Павловичъ

краѣ“, „Вѣстанкъ Западной Россіи“ 1865—1866 г. № 6, стр. 100 и въ „Памятной книжкѣ Виленской губ. на 1861 г.“, стр. 80, день пріѣзда Александра въ Вильну обозначенъ не вѣрно.

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій. „Отечественная война“ (рукопись, хранящаяся въ Военно-ученомъ архивѣ).

и генераль Римскій-Корсаковъ, назначенный вмѣсто Беннигсена литовскимъ генераль-губернаторомъ. Съ прибытіемъ свиты, Вильна сдѣлалась центромъ управленія Россіею, гдѣ каждая административная часть имѣла по нѣскольку представителей. Полиція имѣла двухъ дѣятелей: Балашова въ Вильнѣ и С. К. Вязмитинова—въ Петербургѣ; военное министерство—Фуля, Барклая-де-Толли и графа Аракчеева въ Вильнѣ, а князя Горчакова въ Петербургѣ; совѣтникомъ по министерству внутреннихъ дѣлъ былъ въ Вильнѣ графъ Кочубей, а въ Петербургѣ управлялъ министерствомъ О. П. Козодавлевъ; но самое большое число представителей и совѣтниковъ было по министерству иностранныхъ дѣлъ: графъ Румянцевъ, графъ Нессельроде, Штейнъ и наконецъ де-Местръ.

По словамъ послѣдняго, ему поручена была редакція всѣхъ секретнѣйшихъ государственныхъ бумагъ, а потому онъ называлъ себя «конфиденціальнымъ редакторомъ». Де-Местръ говоритъ, что его положеніе было совершенно независимое и что онъ не только не имѣлъ никакого отношенія къ канцлеру графу Румянцеву, но напротивъ самъ министръ преклонялся передъ нимъ. Де-Местръ прямо сносился съ императоромъ и имѣлъ съ нимъ совѣщанія во внутреннемъ кабинетѣ. Несомнѣнно, что въ словахъ бывшаго сардинскаго посланника много хвастовства и лжи, но нельзя не сказать, что и онъ былъ въ числѣ совѣтниковъ Александра.

Графъ Н. П. Румянцевъ былъ почти устраненъ отъ личныхъ совѣщаній съ императоромъ по дипломатической части. Ему давали только подписывать или скрѣплять бумаги, написанныя другими совѣтниками, преимущественно нѣмцами. Когда Румянцевъ отказался подписать одну изъ послѣднихъ депешъ Наполеону, которую предполагалось отправить съ присланнымъ въ Вильну Нарбонномъ, то императоръ Александръ выразилъ канцлеру свое неудовольствіе и требовалъ его подписи.

«Не вчера ли,—писалъ императоръ графу Румянцеву ¹⁾, —мы согласились въ томъ, что будетъ сочинено письмо, такъ какъ я разумѣлъ? Не вы ли сами взялись распорядиться о написаніи оного? Поэтому я ожидалъ этого письма въ тѣхъ выраженіяхъ, какъ я желалъ... Но вмѣсто письма, такого, какъ я желалъ, я получилъ написанное Нессельродомъ по вашему указанію вчера вечеромъ и далеко не въ такомъ видѣ, какъ было мое желаніе... Если я имѣю основанія не отказываться отъ моего мнѣнія, то какое я буду имѣть средство видѣть осуществленіе оного, коль скоро мои министры не захотятъ подписывать отвѣтныя письма въ томъ видѣ, въ какомъ я нахожу нужнымъ, чтобы они были посланы... Развѣ это письма частныя? И по моему

¹⁾ См. „Русскій Арх.“ 1869 г., стр. 609 - 614.

положенію, не имѣю ли я права указывать, какой отвѣтъ хочу я, чтобы данъ былъ моимъ министерствомъ?.. Такъ какъ — вы канцлеръ моей Имперіи, а я имѣю нужду дать отвѣтъ министерству иностраннаго двора, то канцлеръ мой долженъ скрѣпить оный своею подписью... Дѣло не терпитъ отлагательства, такъ какъ я сказалъ г. Нарбонну, что отпущу его сегодня послѣ обѣда. И такъ, графъ, я нахожусь въ необходимости требовать, чтобы канцлеръ мой подписалъ отвѣтъ, который, по моему мнѣнію, долженъ быть данъ на сообщеніе французскаго министерства».

Первые дни пребыванія въ Вильнѣ прошли въ пріемахъ дворянства, духовенства, университета, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, магистрата, купечества и кагала. Императоръ старался очаровать всѣхъ своею любезностію и многихъ дворянъ приглашалъ къ обѣденному столу. Представители аристократіи, князья Сулковскій и Любецкій, графы Огинскій и Корвицкій, окружили Александра. Ласковый пріемъ, многія награды въ видѣ орденовъ, придворныхъ званій и назначеніе дочерей во фрейлины ознаменовали пребываніе императора въ Вильнѣ. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ «и не было на свѣтѣ челоуѣка, умѣвшаго держать себя такъ любезно, какъ императоръ Александръ» ¹⁾.

25770
Такъ, въ 1807 году было основано Виленское благотворительное общество, во главѣ котораго стоялъ епископъ Косаковскій. Утвердивъ уставъ общества, императоръ въ то же время пожертвовалъ 5.850 руб. на его потребности. Воспользовавшись пребываніемъ Александра, дамы-аристократки, по принятому обычаю, въ маѣ, открыли пилигримство изъ дому въ домъ, собирая милостыню для бѣдныхъ. Въ шести частяхъ, на которыя былъ раздѣленъ городъ, онѣ разсѣялись, въ качествѣ такъ называемыхъ квестарокъ, и всѣ по очереди перебивали у государя, прося его принести свою лепту. Александръ принималъ дамъ весьма милостиво и увеличилъ сборъ каждой ста червонцами. Примѣру императора послѣдовали многія лица, и въ короткое время сумма пожертвованія достигла до значительной цифры.

Во время своихъ поѣздокъ для производства смотровъ войскамъ въ Вилькомірѣ, Шавли, Тельши, Плуганы, Троки и Гродно, государь охотно навѣщалъ помѣщиковъ, принималъ приглашенія на завтраки, обѣды и «любилъ въ обществѣ хорошо образованныхъ женщинъ отдыхать послѣ кабинетныхъ и лагерныхъ трудовъ». Въ общемъ каждый день пребыванія въ Вильнѣ ознаменовывался какою-либо милостію, какимъ-либо доказательствомъ вниманія къ жителямъ.

На Святой недѣлѣ, виленское дворянство давало блестящій балъ въ честь государя. Вся улица и домъ были великолѣпно иллюминированы.

¹⁾ Шлоссеръ, VIII, 149.

Передняя стѣна дома была украшена вензелемъ императора. Лѣстница, ведущая въ залъ, была покрыта коврами и уставлена зеленью и цвѣтами. Въ залѣ находился транспарантъ, изображавшій Александра, сидящаго въ креслахъ, а передъ нимъ генія, преклоняющагося съ благоговѣніемъ. Подъ транспарантомъ были стихи на польскомъ языкѣ:

Прославляемъ мы, прославить потомство
Божественную благодѣль въ твоей особѣ.
И свѣтъ никогда не забудетъ
О Титѣ и о тебѣ.

Избраннѣйшее общество и почти всѣ военныя власти собрались въ 8 часовъ вечера и ожидали прибытія императора. Въ 9 часовъ прибылъ августѣйшій гость и, встрѣченный на лѣстницѣ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями, а на верху дамами, съ выраженіемъ живѣйшей радости, вошелъ въ залу. Тамъ, подъ аккомпаниментъ оркестра, хоръ привѣтствовалъ Александра составленною на этотъ случай кантатою, которая, въ буквальномъ переводѣ съ польскаго, выражала слѣдующее:

По милостивому опредѣленію небесъ
Мы видимъ эту священную главу,
Которая очарованіемъ своей благодѣль
Порабощаетъ поль-свѣта.
Монархъ грознаго сѣвера,
И народовъ извѣстныхъ мужествомъ!
Дабы ничто не избѣгло твоей власти,
Ты владѣешь сердцами подданныхъ.
Какъ солнце, которое одинаково свѣтитъ
Для бѣдныхъ деревень и городовъ,
Такъ одинаково ты любишь своихъ дѣтей.
Отче тысячи народовъ,
Прославляемъ мы, прославить потомство
Божественную благодѣль въ твоей особѣ
И свѣтъ никогда не забудетъ
О Титѣ и о тебѣ.
Уже хвала вѣетъ тебѣ вѣнокъ,
Добродѣтель возносить на стѣнѣ боговъ;
Мы повторяемъ: да здравствуетъ
Ограда человѣческаго рода!

По окончаніи кантаты, Александръ открылъ балъ польскимъ съ супругою генерала Беннигсена. Танцы продолжались до втораго часа, и когда всѣ перешли въ сосѣднія залы, гдѣ былъ приготовленъ великолѣпный ужинъ, то Александръ, окинувъ взоромъ приготовленные столы, оставилъ собраніе, — «очарованное его кротостію и привѣтливостію. Пировавшіе веселились до появленія зари».

На другой день въ той же залѣ была найдена подброшенная па-

сквиль, написанная на русскомъ языкѣ ¹⁾ и по содержанію своему не соотвѣтствовавшая тому восторженному изліянію чувствъ и неизмѣнной преданности «своему обожаемому монарху», которыя старалось выказать мѣстное дворянство.

Впрочемъ, Александръ и не придавалъ этимъ восторгамъ значенія чистосердечія.

Ему извѣстно было, что подъ наружнымъ восторгомъ существуетъ и подспудное теченіе, выражающееся въ постепенно усиливающимся волненіи, охватывающемъ всѣ наши Западныя губерніи. Еще до отъѣзда государя въ Вильну и именно 21-го марта послѣдовалъ указъ министру полиціи, которымъ ему поручалось сдѣлать распоряженіе объ особенномъ наблюденіи за жителями пограничныхъ губерній.

«Обстоятельства нашего времени,—сказано въ указѣ, — требуютъ, дабы обращено было особенное вниманіе на правила и образъ мыслей помѣщиковъ и другихъ обывателей пограничныхъ губерній, не весьма давно къ Россіи присоединенныхъ. Чего ради поручаемъ вамъ предписать гражданскимъ губернаторамъ тѣхъ губерній, которыя означены въ приложенномъ у сего спискѣ ²⁾, что мы, подвергая строгому съ ихъ стороны наблюденію поведеніе всѣхъ жителей ввѣренныхъ имъ губерній, повелѣваемъ доставить намъ черезъ васъ немедленно списки тѣмъ лицамъ, которыя ненадежны, съ раздѣленіемъ ихъ на двѣ части, изъ коихъ въ одной помѣстить сомнительныхъ, а въ другой совершенно подозрительныхъ.

«Гражданскіе губернаторы, продолжая имѣть неусыпное за ними наблюденіе, обязаны доносить, при каждомъ замѣченномъ случаѣ, которые вновь тому же замѣчанію подлежатъ будутъ, пріемля въ руководство свое всегда правила благоразумія и осторожности» ³⁾.

Въ началѣ апрѣля 1812 г. волынской губернаторъ донесъ, что по свѣдѣніямъ имъ полученнымъ отъ помѣщика Охоцкаго, бывшаго недавно въ Варшавѣ, тамошнее правительство имѣетъ намѣреніе, въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій русскихъ и перехода ихъ черезъ границу, отправить корпусъ польскихъ войскъ, минуя нашу армію, въ русскіе предѣлы и произвести возмущеніе; что съ этою цѣлью придвинуть къ нашимъ границамъ полкъ бѣжавшаго изъ Россіи помѣщика графа Тарновскаго. По заявленію Охоцкаго, склонныхъ и готовыхъ къ возмущенію наиболѣе въ Подольской и Латовскихъ губерніяхъ, а отчасти и въ Минской; въ Кіевской же и Волынской менѣе; но что всѣ вообще

¹⁾ Замѣтки Апастасевича. Рукопись въ Императорской Публичной бібліотекѣ, т. II, стр. 103.

²⁾ Губерніи: Гродненская, Минская, Волынская, Подольская, Кіевская, Бѣлостокская и Тарнопольская области.

³⁾ Арх. III отдѣленія 1-й экспедиціи, описъ 1812 г., дѣло № 6.

поляки и даже жители Варшавскаго герцогства могли бы сдѣлаться покойными и преданными, если бы императоръ принялъ на себя титулъ короля польскаго и содѣйствовалъ соединенію Польши.

Къ этому волынской губернаторъ прибавлялъ, что управляющіе губерніями не въ силахъ обнаружить того зла, которое можетъ скрываться въ ихъ губерніяхъ потому, что для этого они имѣютъ въ своемъ распоряженіи только однихъ земскихъ исправниковъ, но и изъ нихъ не всѣ «столько расторопны, чтобы при исполненіи должностей могли успѣвать въ точномъ и безошибочномъ за поведеніемъ жителей наблюденіи». Губернаторъ просилъ: 1) чтобы къ избраннымъ отъ дворянства засѣдателямъ прибавлено было въ помощь исправникамъ по два засѣдателя отъ короны, съ предоставленіемъ губернаторамъ права ихъ избранія и опредѣленія; 2) чтобы для пріобрѣтенія довѣрія людей къ открытію злонамѣренныхъ и ихъ покушеній отпускалась экстраординарная сумма и дано было особое уполномочіе общать каждому высочайшія награды, и 3) чтобы начальники губерній, для скорости въ доставленіи пособій арміи, имѣли право употреблять отставныхъ чиновниковъ, особую имъ на прогоны и содержаніе сумму, и на случай открытія злонамѣреній дѣйствовать по обстоятельствамъ, а не по правамъ, присвоеннымъ ихъ должности. Комитетъ министровъ, куда внесено было донесеніе волынскаго губернатора, 15-го апрѣля 1812 года, признавая, «что нужно дать пограничнымъ губернаторамъ болѣе способовъ дѣйствовать при настоящихъ обстоятельствахъ, положилъ ¹⁾: 1) Въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Волынской, Кіевской, Минской, Вѣлостокской области и Тарнопольскомъ краѣ, предоставить управляющимъ оными избрать и опредѣлить въ земскіе суды, сверхъ находящихся по выборамъ, еще по два засѣдателя отъ короны; 2) для употребленія на пріобрѣтеніе довѣрія и способовъ къ узнанію злонамѣренныхъ и ихъ покушеній, открыть начальникамъ тѣхъ губерній кредитъ въ тамошнихъ казенныхъ палатахъ каждому до 10 т. руб. съ тѣмъ, чтобы они, употребляя сію сумму по своему усмотрѣнію, доносили еженедѣльно министру полиціи, а также и главнокомандующему въ С.-Петербургѣ, представляя особо въ такомъ случаѣ, когда бы по обстоятельствамъ потребовалось болѣе означенной суммы; 3) позволить имъ дѣлать обѣщанія монаршихъ наградъ, но съ тѣмъ, чтобы всякій разъ, что кому и по какому случаю обѣщано будетъ, доносили бы министру полиціи и главнокомандующему въ С.-Петербургѣ; 4) предоставить имъ употреблять, въ случаѣ надобности, отставныхъ чиновниковъ, заимствуя на прогоны и содержаніе ихъ сумму изъ вышеозначенныхъ 10 т. руб., и, наконецъ, 5) что принадлежитъ до пред-

¹⁾ Журналъ Комитета министровъ 16-го апрѣля 1812 г. Архивъ III отдѣленія 1-й экспедиціи, опись 1812 г., дѣло № 19.

ставленія волынскаго губернатора о позволеніи дѣйствовать иногда по обстоятельствамъ, а не по правиламъ должности, то Комитетъ, не находя въ правилахъ должности губернаторской ничего стѣснительнаго и могущаго затруднить или остановить губернаторовъ въ распоряженіяхъ, считаетъ нужнымъ подтвердить только начальникамъ всѣхъ вышеозначенныхъ губерній, чтобы они, въ случаѣ нужды, употребляли всѣ тѣ способы, какіе къ прекращенію зла потребны будутъ».

Одобривъ 9-го мая положеніе Комитета министровъ, императоръ Александръ получилъ вслѣдъ за тѣмъ донесеніе виленскаго гражданскаго губернатора, что почти всѣ поляки его губерніи должны быть причислены къ числу сомнительныхъ.

«Извѣстно, впрочемъ,—писалъ онъ ¹⁾»,—что поляки всегда были легкомысленны и вѣтрены, слѣдовательно, весьма наклонны къ интригамъ. Отличительнымъ характеромъ ихъ во всѣ времена было: никогда не быть довольными тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находятся, и любить новости, хотя бы онѣ сопряжены были съ дѣйствительною ихъ невыгодою. И такъ, принявъ въ основаніе всѣ сіи истины, ежели и должно полагать, что, по врожденной вѣтренности нравовъ, они желаютъ переменъ, но тѣмъ не менѣе утвердить можно, что безъ какой-либо постоянной силы и вліянія, то же самое легкомысліе ихъ воспретитъ имъ дать дальнѣйшее дѣйствіе своимъ замысламъ».

Гродненскій губернаторъ доносилъ, что въ губерніи все тихо и спокойно; но при извѣстной гибкости умовъ при первомъ отступленіи нашемъ отъ непріятеля внутрь предѣловъ «все противъ насъ возстанетъ со всѣхъ сторонъ».

«Я утвердительно могу говорить о семъ несчастномъ событіи,—писалъ онъ ²⁾»,—буде бъ до того дошло, по совершенному знанію наклонности умовъ здѣшнихъ. Въ однихъ изъ нихъ дѣйствовать будетъ энтузіазмъ патріотизма, свойственный каждому благомыслящему, потерявшему свое отечество; въ другихъ алчность обогатиться грабежемъ; въ третьихъ—боязнь отъ своихъ собратій. Словомъ, самый добродѣтельный чловѣкъ, облагодѣтельствованный свыше мѣры, долженъ будетъ устремить роковое оружіе на своего благодѣтеля, ибо иначе его самого, яко измѣнника погубятъ».

Литовскій губернаторъ сообщалъ, что изъ дворянъ его губерніи большая часть не расположена къ Россіи, а другіе колеблются; «юношество же и люди, не имѣющіе никакого состоянія, готовы ко всякому возмущенію, въ надѣяніи чѣмъ-либо воспользоваться. Впрочемъ, теперь всѣ покорны и тихи; сему дивиться не должно, знавши характеръ по-

¹⁾ Министру полиціи 13-го апрѣля 1812 г. № 154.

²⁾ Министру полиціи отъ 13-го апрѣля 1812 г. № 114.

ляковъ, которые покуда въ рукахъ—спокойны и покорны; въ противномъ же случаѣ положиться на кого (либо) я бы не совѣтовалъ» ¹⁾).

Особенности польскаго характера допускали возможность вѣрить всякаго рода слухамъ, даже самымъ нелѣпымъ, и принимать ихъ за достовѣрные и совершившіеся факты.

Говорили, что маршалъ Даву, въ послѣднихъ числахъ марта прибывъ въ Варшаву, принялъ начальство надъ польскими войсками и дѣлалъ имъ смотръ; что русская армія не готова, не устроена, не имѣетъ ни денегъ, ни провіанта, ни фуража. Поляки увѣряли, что въ случаѣ военныхъ дѣйствій къ нимъ перейдутъ не только рекруты, взятые съ западныхъ губерній, но передадутся и конно-польскіе полки. Повсюду разглашали, что въ Варшаву доставлено болѣе полторы тысячи пушекъ и будетъ прислано еще много. Все это, съ точки зрѣнія патріотовъ, обѣщало несомнѣнный успѣхъ польскому дѣлу.

— Волынская губернія, — говорили поляки, — похожа на большой деревянный домъ, находящійся на концѣ большого города (Россіи). Если вѣтеръ будетъ со стороны дома, то, зажегши его, можно превратить въ пепелъ весь городъ. И такъ зажегши возмущеніемъ Волынь, загорится все до г. Великихъ-Лукъ. Виленская губернія уже горитъ, но находящійся тамъ лѣсъ способенъ только для обыкновеннаго огня, а не для политическаго. Минскіе лѣса могутъ быть большимъ убѣжищемъ для русскихъ, а находящаяся тамъ Бобруйская крѣпость грозитъ наиболѣе Волынской губерніи и окрестнымъ мѣстамъ.

Между простымъ народомъ ходили толки, что бывшій въ прошломъ году громовой ударъ въ комнаты, занимаемыя губернскимъ правленіемъ, отчего черезъ нѣсколько дней вывалилась стѣна, предвѣщаетъ паденіе въ нынѣшнемъ году здѣшняго края ²⁾).

«Приближеніе непріятеля къ вѣренной мнѣ губерніи, — писалъ волынской губернаторъ ³⁾, — и опасеніе нашествія онаго произвело во многихъ помѣщикахъ большую тревогу, и нѣкоторые начинаютъ требовать во внутрь Россіи паспорта. Хотя войскъ здѣсь нѣтъ, но до сихъ поръ тишина и спокойствіе соблюдаются, равно и предписанія начальства исполняются въ надлежащей точности и безъ промедленія.

«Особенную приверженность къ Россіи въ нынѣшнее время показали еврейскій народъ: они, страшась нашествія непріятеля, учредили между собою постъ и молитву для испрошенія российскому оружію успѣха и счастья».

¹⁾ Донесеніе литовскаго генераль-губернатора министру полиціи отъ 21-го апрѣля 1812 г.

²⁾ Записка о заграничныхъ происшествіяхъ, представленная литовскимъ генераль-губернаторомъ при письмѣ Балашову отъ 10-го мая 1812 г. № 372.

³⁾ Въ письмѣ Балашову отъ 11-го іюня 1812 г. № 788.

Все это, въ связи съ другими извѣстіями, мало утѣшало императора Александра, и онъ сознавалъ, что грозовыя тучи нависали. Въ письмахъ изъ Вѣны сообщали, что тамъ появилось объявленіе французскаго императора о томъ, что онъ противъ воли находитъ себя вынужденнымъ объявить войну Россіи. Наполеонъ говорилъ солдатамъ, что поведетъ ихъ въ Россію и въ началѣ іюля будетъ въ Петербургѣ. Онъ увѣрялъ поляковъ, но только на словахъ, что сдѣлаетъ изъ нихъ великую націю, и что королевство ихъ будетъ обширнѣе, нежели оно было прежде, а Россіи назначить границы, когда будетъ въ Петербургѣ ¹⁾. Вслѣдъ за тѣмъ въ Варшавѣ появилась прокламація, предупреждавшая о томъ, что русское правительство приказало не падать поляковъ, и просившая, чтобы они и въ отдаленнѣйшихъ странахъ не забывали, что они поляки, и что теперь открывается время, въ которое могутъ они возстановить упавшее отечество ²⁾.

Чтобы еще болѣе подогрѣть поляковъ, Наполеонъ отозвалъ изъ Варшавы барона Виньона и на его мѣсто назначилъ архіепископа молинскаго де-Прадта.

— Вы должны понимать, — сказалъ ему Наполеонъ, — что я призвалъ васъ не для того, чтобы отправлять тамъ церковную службу. Надо держать въ рукахъ обширное государство. Смотрите за женщинами, — онѣ имѣютъ большое значеніе въ странѣ. Доведите поляковъ до восторга, но не до безумія.

Облеченный званіемъ чрезвычайнаго посланника, де-Прадтъ долженъ былъ жить въ Варшавѣ со всѣмъ блескомъ роскоши, пышности и королевскаго великолѣпія. Съ этою цѣлью ему было назначено 180.000 франковъ годового содержанія. Зная то недовѣріе, которое Наполеонъ имѣлъ къ духовенству, всѣ были удивлены такому назначенію, но де-Прадтъ былъ его агентомъ въ испанскихъ дѣлахъ и находился въ ссорѣ съ папою. Въ апрѣлѣ 1812 года Прадтъ получилъ приказаніе слѣдовать за императоромъ въ Дрезденъ, а оттуда отправленъ въ Варшаву, съ порученіемъ готовить поляковъ къ предстоящимъ военнымъ дѣйствіямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Наполеонъ выразилъ желаніе имѣть при себѣ шесть человекъ изъ лучшаго дворянства польскихъ провинцій и въ особенности изъ нашихъ Западныхъ губерній. «Меня увѣряютъ, — доносилъ волынский губернаторъ Комбурлей ³⁾, — что здѣшніе помѣщики: генераль-

¹⁾ Донесеніе волынскаго губернатора Комбурлея министру полиціи отъ 4-го іюня 1812 года. Арх. III отдѣленія 1-й экспедиціи, опись 1812 года, дѣло № 11.

²⁾ То же отъ 22-го іюня 1812 г. № 661.

³⁾ Балашову отъ 11-го іюня 1812 г. за № 788.

маіоръ князь Евстафій Сангушко и графъ Александръ Ходкевичъ дѣйствительно теперь при немъ».

Инструкціи, данныя де-Прадту словесно и письменно, указывали ему на то, чего Наполеонъ ожидалъ отъ его дѣйствій.

«Если произойдетъ разрывъ съ Россіею,—говорилось въ нихъ ¹⁾,—поляки должны соединить свое оружіе съ нашимъ; мало того, при этомъ великомъ случаѣ, быть можетъ послѣднемъ, какой будутъ имѣть, они должны также рѣшиться дѣйствовать самостоятельно. Войну, которую мы хотимъ вести на сѣверѣ, они должны считать только пособіемъ для ихъ собственныхъ силъ, а Францію считать только могущественною союзницею. И такъ они должны готовиться съ настоящей минуты, должны напрягать всѣ свои силы, и, какъ только дозволятъ обстоятельства, вся Польша должна быть на конѣ».

Такимъ образомъ Прадтъ долженъ былъ возбуждать и говорить полякамъ о военныхъ приготовленіяхъ, но не былъ уполномоченъ обѣщать имъ возстановленія Польши. «Польша,—говоритъ Биязонъ ²⁾,—должна была сама побѣдить Россію (?). Таковы были желанія, намѣренія и инструкціи, данныя Наполеономъ новому чрезвычайному посланнику».

Отправляя де-Прадта, французскій императоръ высказалъ ему чтобы въ движеніи, къ которому призываютъ Польшу интересы Франціи, не бросалась въ глаза рука французскаго посланника, но онъ долженъ все видѣть, все знать, все направлять, воодушевлять и поощрять.

Для этой цѣли указаны и средства.

По волѣ французскаго императора около половины іюня долженъ былъ собраться сеймъ, избрать изъ своей среды комитетъ, составленный преимущественно изъ людей, пользующихся значеніемъ въ странѣ. Комитетъ долженъ былъ составить родъ записки о несчастіяхъ Польши, изложить надежду на возстановленіе отечества и побудить сеймъ объявить, какъ о своемъ существованіи, такъ и о возстановленіи Польскаго королевства. Съ своей стороны сеймъ долженъ былъ объявить о генеральной конфедераціи, чтобы поляки, гдѣ только они существуютъ, собирались въ общія публичныя собранія и составляли отдѣльные сеймики. Всѣ дѣйствія поляковъ должны быть направлены исключительно противу одной Россіи, такъ какъ Австрію Наполеонъ желалъ оставить въ покоѣ и нуждался въ ея помощи. Конфедерація, разъ организованная выборомъ маршала и совѣта, должна была тотчасъ приступить къ формированію комитетовъ въ различныхъ мѣстахъ и преимущественно

¹⁾ Шлоссеръ, т. VIII, стр. 128.

²⁾ Bignon. „Histoire de France“ III, 14.

въ Литовскомъ краѣ. Комитеты должны также издавать отъ себя прокламаціи, пользоваться всѣми средствами и ничѣмъ не пренебрегать.

«Комитеты различныхъ провинцій должны послать повсюду агентовъ, для разглашенія актовъ конфедерации, для публикаціи во всеобщее свѣдѣніе печатныхъ актовъ и распространенія ихъ во всѣхъ мѣстахъ Польши. Русскіе не могутъ занимать всю обширную страну, надобно стараться возбуждать инсurreкцію вездѣ, гдѣ только они не въ состояніи будутъ ей противиться... Надобно, чтобы Польша была вся поднята, чтобы она была въ инсurreкціи».

Таковы были наставленія, данныя Наполеономъ де-Прадту. Они заключали въ себѣ полный сводъ мятежническихъ правилъ, какими кратковременныя правительства, бывшія во Франціи со времени революціи, волновали страсти народа и держали умы въ безпрестанномъ браженіи.

«Je trouvait,—говоритъ Прадтъ,—dans mes instructions un cours complet de clubisme. Il n'était question que des moyens révolutionnaires en usage depuis vingt ans parmi ces perturbateurs du genre humain» ¹⁾.

Чтобы придать де-Прадту по возможности большее значеніе и дать своему посланнику власть въ администраціи герцогства, Наполеонъ заручился согласіемъ саксонскаго короля, чтобы Прадтъ имѣлъ право присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ совѣта министровъ. Поляковъ убѣждали въ законности и необходимости подобнаго присутствіи французскаго глаза. Имъ твердили, что французскій посланникъ долженъ пользоваться такимъ правомъ, для пользы самого Варшавскаго герцогства, какъ готовящагося принять участіе въ войнѣ, которой послѣдствія принесутъ столько счастья Польшѣ!

24-го мая (5-го іюня) Прадтъ прибылъ въ Варшаву и своимъ пріѣздомъ произвелъ сильное впечатлѣніе на все общество. Онъ тотчасъ же былъ ознакомленъ со всѣми министрами и главными сановниками страны. Блескомъ и роскошью онъ долженъ былъ привлекать и очаровывать польскихъ дамъ и вельможъ, искони привязанныхъ къ пышности и тщеславію.

«Прелать, не имѣвшій въ себѣ ничего духовнаго кромѣ титула, зато богатый гасконскими рѣчами и ловкій придворный, казался Наполеону лучшимъ представителемъ Франціи среди преданныхъ католичеству поляковъ и ихъ епископовъ. Онъ получилъ титулъ чрезвычайнаго посла; ему назначено было большое содержаніе, чтобы онъ могъ давать вечера и обѣды. Когда онъ явился въ Варшаву, всѣмъ полякамъ и польскимъ вельможамъ старой олигархіи, которые прежде одни гос-

¹⁾ Михайловскій-Данплевскій. Описаніе Отечественной войны, часть I-я, стр. 139.

поддествовали, блистали, пышничали и продавали отечество тому, кто больше платилъ имъ и ихъ партіи, всѣмъ имъ показалось, что возвратилось доброе старое время. Польскіе вельможи начали поступать и декламировать по-старинному, а старикъ король саксонскій, закоснѣлый католикъ, восхищался тѣмъ, что владычествуетъ католическій прелатъ; правда, королевская власть становилась пустымъ призракомъ, за то католическая вѣра имѣла опору въ архіепископѣ» ¹⁾).

Помѣстившись въ домѣ Станислава Потоцкаго, Прадтъ обнаружилъ необыкновенную пышность въ образѣ жизни и открылъ свою квартиру для всѣхъ, кто желалъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, какъ представителю великаго Наполеона. Онъ давалъ вечера, на которыхъ появлялось множество дамъ. «Полякамъ ново было видѣть челоуѣка, имѣвшаго вѣскій духовный санъ, окруженнымъ красивыми молодыми слушательницами, старающимся занимать ихъ и удовлетворять малѣйшія ихъ прихоти со всею угодливостію французскаго придворнаго. Недовольные этимъ говорили даже, что архіепископъ столь усердно занятъ дамскимъ обществомъ, что не имѣетъ времени посѣщать церковь» ²⁾).

Въ Варшавѣ Прадтъ думалъ разыгрывать роль вице-короля; но скромное положеніе его предшественника не приготовило умы къ подобному поведенію. Какъ поляки ни любили роскошь, какъ ни подчинялись они охотно власти французскаго императора, но трудно переносили поступки его посланника. Помѣшавшись на власти, де-Прадтъ смотрѣлъ глазами жалости и презрѣнія на поляковъ и на все окружающее. Мнѣніе его о польскихъ министрахъ было первое время самое невыгодное. Въ одной изъ первыхъ своихъ депешъ онъ говорилъ о нихъ съ большимъ пренебреженіемъ, но въ дѣйствительности и по справедливости всѣ эти отзывы должны быть отнесены къ нему самому. Поляки увидѣли въ немъ пустаго придворнаго болтуна, и де-Прадтъ незамѣтно для себя сдѣлался орудіемъ многихъ изъ тѣхъ, о комъ такъ презрительно отзывался ³⁾).

Еще саксонскій король Фридрихъ-Августъ не отказывался отъ герцогства Варшавскаго, еще государственный совѣтъ герцогства не былъ распущенъ, а между тѣмъ политическими и внутренними дѣлами заведывалъ де-Прадтъ. Среди такого положенія, совершенно неожиданно явился въ Варшавѣ знаменитый депутатъ на конституціонномъ сеймѣ 1788 года, бывшій «генералъ подольскихъ войскъ» престарѣлый князь Адамъ-Казиміръ Чарторыйскій въ одеждѣ австрійскаго фельдцейхмейстера. Лишь только прибылъ онъ въ столицу герцогства, какъ открылся

¹⁾ Шлоссеръ, т. VIII, стр. 127.

²⁾ Н. Поповъ. «Варшавское герцогство», «Русскій Вѣстникъ» 1866 г. № 3 стр. 80:

³⁾ Bignon, „Histoire de France“; см. также „Souvenir d'un diplomate“, p. 224.

варшавскій окружный сеймикъ безъ приглашенія мѣстной шляхты посредствомъ герцогскаго универсала. Какъ владѣлецъ имѣній въ Варшавскомъ округѣ, старикъ князь Чарторыйскій явился на сеймикъ съ правомъ голоса и былъ единогласно выбранъ депутатомъ въ предстоявшій сеймъ. Этотъ выборъ сопровождался громкими криками народной толпы, собравшейся около дома, гдѣ происходилъ сеймикъ.

Положеніе его сына князя Адама Чарторыйскаго, друга Александра, стало весьма затруднительнымъ. Онъ не только предвидѣлъ, но хорошо зналъ, что его семья приметъ непремѣнно дѣятельное участіе во всеобщемъ движеніи поляковъ.

Мы видѣли, что въ письмѣ отъ 28-го февраля (12-го марта) 1811 года онъ умолялъ Александра уволить его въ отставку.

«Прежде чѣмъ закончить настоящее письмо,—писалъ онъ 23-го мая (4-го іюня) 1812 года,—я долженъ коснуться одного чисто личнаго предмета, по поводу котораго я хотѣлъ бы высказать то, что чувствуетъ мое сердце. А именно, я хочу выразить вашему величеству мою величайшую благодарность за доброту, съ какою вы сообразовали стать на мое мѣсто и принять участіе въ отчаянномъ положеніи, въ которомъ я нахожусь. Я былъ глубоко взволнованъ, читая, какія причины побудили ваше величество прервать переписку со мною, и доводы, въ силу коихъ ваше величество милостиво не настаиваете на моемъ пріѣздѣ въ Вильну.

«Я прочувствовалъ эту снисходительность до глубины души и увидѣлъ въ ней доказательство прежней дружбы, коей вы удостоивали меня, увидѣлъ и деликатность чувствъ, какую, быть можетъ, вы одни, среди современныхъ монарховъ, можете проявить.

«Въ то время какъ несмѣтныя арміи, нынѣ уже сосредоточенныя и готовыя вступить въ бой, сдѣлаются вершительницами нашихъ судебъ, я не могъ бы ничѣмъ быть полезенъ вашему величеству и сильно скомпрометтировалъ бы свое семейство. Примите, государь, мою признательность за то, что вы дозволили мнѣ остаться въ моемъ убѣжищѣ. Живя въ немъ, я стараюсь избѣгнуть столкновенія между долгомъ и чувствами, которыя меня обуреваютъ. Ходъ событій не только не успокоиваетъ меня въ этомъ отношеніи, но удваиваетъ мои опасенія. Отечество, семья, дружба, признательность, общественное мнѣніе съ той или съ другой стороны,—словомъ, все то, что человекъ долженъ любить и уважать въ жизни, будутъ пущены въ ходъ и, весьма вѣроятно, будутъ находиться въ противорѣчій. Съ той минуты, какъ судьба приблизила меня къ вашему величеству, вамъ извѣстны всѣ сокровенныя мои мысли, которыя по вашему собственному признанію были поводами къ увольненію меня отъ дѣлъ. Вы одни можете вполне оцѣнить тѣ тысячи обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ мое положеніе чрезвычайно тягостнымъ

и затруднительнымъ. Возможность говорить объ этомъ съ вашимъ величествомъ съ полною откровенностью составляетъ мое единственное утѣшеніе. Я зачастую теряюсь въ этомъ лабиринтѣ противоположныхъ побужденій и тревогъ, которыя повергаютъ меня въ самое тяжелое смущеніе. Я уже предвижу моментъ, когда мои родители будутъ вынуждены отправиться въ Варшаву ¹⁾.

«Ваше величество полагаете, что Наполеонъ никогда не сдѣлаетъ ничего бѣльшаго и великодушнаго для Польши; но если бы случилось противное, что дѣлать тогда? Какое ужасное положеніе по отношенію къ семьѣ и согражданамъ, не только не принимать участія въ ихъ усиліяхъ, но даже слыть въ ихъ глазахъ человѣкомъ имъ враждебнымъ.

«Возможно, что событія пойдутъ совершенно иначе, нежели я, въ тревожномъ состояніи духа, представляю себѣ. Впрочемъ, я предоставляю вашему величеству рѣшить, въ какой моментъ вы признаете наиболѣе удобнымъ уволить меня отъ службы. Я отдаюсь въ этомъ случаѣ въ распоряженіе не монарха, но того, кто далъ мнѣ право исполнѣ довѣряться ему въ столь важныхъ моментахъ моей жизни».

Черезъ недѣлю съ небольшимъ князь Чарторыйскій повторилъ просьбу объ увольненіи его въ отставку.

«Съ той поры, какъ было написано мое письмо ²⁾, — писалъ онъ императору Александру ³⁾, — событія, какъ это бываетъ обыкновенно во время кризисовъ, шли быстрымъ шагомъ, и дѣла, по скольку они касаются Польши, приняли новый оборотъ.

«Наполеонъ, прибывъ въ Познань, ничего не сдѣлалъ для того, чтобы привлечь къ себѣ сердца поляковъ. Имъ сулятъ блестящую и счастливую будущность; говорятъ, что будетъ созванъ сеймъ; особенно стараются собрать наиболѣе видныхъ и уважаемыхъ представителей націи. Моему брату, какъ я и предполагалъ, предложили явиться въ Варшаву. Если бы онъ не явился, то его всѣ бы осудили, а его имущество и семья подверглись бы серьезной опасности. Явное содѣйствіе, оказываемое Австріей планамъ Наполеона, лишило бы моего брата всякаго оправданія. Поэтому онъ уѣхалъ вчера.

«Судя по обороту, который приняли военные дѣла по отношенію къ Польшѣ, приходится ежеминутно ожидать, что относительно моего отечества будутъ приняты какія-либо чрезвычайныя мѣры. По всей вѣроятности, это случится еще до полученія вашимъ величествомъ настоящаго письма. Всякое заявленіе или дѣйствіе съ вашей стороны, сдѣланное съ тою же цѣлію, было бы, на мой взглядъ, запоз-

¹⁾ Такъ и случилось, какъ мы только-что сказали.

²⁾ Вышеприведенное отъ 23-го мая (4-го іюня) 1812 г.

³⁾ Въ письмѣ отъ 1-го (13-го) іюня 1812 г. Архивъ Собственной Его Величества бібліотеки.

далымъ и совершенно не достигающимъ цѣли. Это было бы не болѣе какъ подражаніе, сдѣланное слишкомъ поздно. Я не предвижу возможности этого и не нахожу, чтобы сдѣлать это было бы такъ же удобно, какъ въ томъ случаѣ, если бы одержанныя побѣды и завоеванія дали вашему величеству возможность говорить съ увѣренностью, что васъ выслушаютъ и что ваши слова произведутъ желаемое дѣйствіе.

«Я остался здѣсь ¹⁾ одинъ, терзаемый невыразимой грустью. Вашему величеству извѣстно, какъ я преданъ своему отечеству и какъ горячо я ему желаю всевозможныхъ благъ. Вамъ извѣстна также моя величайшая преданность вашей особѣ. Благоволите понять, какія чувства я долженъ питать къ брату, и чувства, которыя связываютъ меня съ семьей и со столькими друзьями, которые уже высказали свои взгляды. Меня уже осуждаютъ и противъ меня возбуждены за то, что я не поступилъ такъ, какъ они. Какъ согласовать столько противорѣчивыхъ и разнообразныхъ чувствъ и обязанностей, или, лучше сказать, какъ примирить ихъ? Можетъ ли быть что-либо болѣе мучительное, какъ быть заподозрѣннымъ своими и быть въ ихъ глазахъ отступникомъ въ самыхъ сокровенныхъ своихъ чувствахъ и первѣйшихъ обязанностяхъ. Я высказываю вашему величеству свои мысли безъ утайки, какъ вы приучили меня. Вы могли бы уменьшить до нѣкоторой степени мучительность моего положенія, уволить меня окончательно въ отставку. Я обращаюсь съ этой просьбой не къ монарху, но къ лицу, коего дружеское расположеніе часто приходило мнѣ на помощь и къ которому я прибѣгаю въ самый важный и трудный моментъ моей жизни. Если бы ваше величество могли видѣть меня здѣсь и обсудить вполне мое положеніе, то вы пожалѣли бы меня и убѣдились въ томъ, что я вынужденъ просить объ отставкѣ. Каковъ бы ни былъ результатъ моей просьбы, соблаговолите увѣдомить меня, отвѣтивъ нѣсколько словъ черезъ Венковскаго, управляющаго моими имѣніями въ Меджибужѣ, съ приказаніемъ переслать мнѣ этотъ отвѣтъ надежнымъ путемъ.

«Надѣюсь, что Господь смилуется надо мною и что сила обстоятельствъ выведетъ меня изъ этого мучительнаго состоянія какимъ-либо способомъ, не идущимъ въ разрѣзъ съ моимъ долгомъ, исполнить который есть мое единственное желаніе.

«Я высказалъ наскоро и съ полною откровенностью все, что подсказало мнѣ сердце. Я знаю, что, говоря съ вами откровенно, не подвергаюсь никакой опасности. Позвольте мнѣ, ваше величество, еще разъ засвидѣтельствовать вамъ свою преданность и признательность».

Положеніе князя Адама Чарторыйскаго было дѣйствительно очень

¹⁾ Въ Сепявѣ.

тяжелое: его звали въ Варшаву и предлагали стать во главѣ движенія поляковъ; его тянули туда семья и собственные желанія; но чувство дружбы къ императору Александру и состояніе на русской службѣ не позволяли ему нарушить присягу. Долгъ и честь боролись съ патриотизмомъ и призывомъ соотечественниковъ, и надо отдать справедливость князю Адаму, что первые пересилили вторые.

«Любезный и достойный другъ, — писалъ онъ Матусевичу ¹⁾. — Я прочелъ ваше письмо къ моимъ роднымъ, и въ немъ нѣсколько строкъ, обращенныхъ ко мнѣ. Невозможно передать ощущеній, испытанныхъ нами при этомъ чтеніи. Итакъ достигается цѣль нашихъ обѣтовъ, нашихъ надеждъ, нашихъ мечтаній; исполняется то, къ чему каждый изъ насъ стремился по мѣрѣ силъ своихъ и возможности. Польша возникнетъ изъ пепла и можетъ рассчитывать на соединеніе всѣхъ разрозненныхъ частей своихъ. До кого ни дошла эта великая вѣсть, всѣ радуются; лишь мнѣ одному суждено испытывать скорбное чувство въ виду благоденствія моей родины. Мои родные немедленно ѣдутъ въ Варшаву, дабы присутствовать при достопамятномъ актѣ, которымъ начнется существованіе Польши; а я долженъ оставаться дома и не могу внять призыву дружбы, долга и столь многихъ побужденій. Такъ какъ изъ личнаго ко мнѣ расположенія, вы настаиваете, чтобы и я пріѣхалъ, то я долженъ разъяснить вамъ причины, которыя не позволяютъ мнѣ пока оставить мое уединеніе.

«Вамъ лучше другихъ извѣстны событія, вслѣдствіе которыхъ я былъ отправленъ въ Россію, а равно и обстоятельство, давшее мнѣ мѣсто въ министерствѣ. Императоръ Александръ съ самой первой нашей встрѣчи, 17 лѣтъ тому назадъ, не переставалъ осыпать меня знаками своего благоволенія и даже дружбы, какая рѣдко бываетъ между государями и подданными. Принявъ должность, я надѣялся, безъ нарушенія долга относительно этого государя, приносить пользу польскимъ землямъ Русской имперіи, а вмѣстѣ и тѣмъ, которыя поступили въ раздѣлъ между тремя державами. Вы знаете, что эта надежда меня не обманула, и доказательствомъ служить дарованное полякамъ позволеніе оставаться разомъ подданными трехъ державъ, освобожденіе многихъ значительныхъ лицъ, задержанныхъ со времени нашей революціи, и введеніе народнаго воспитанія въ нашихъ областяхъ. Скоро я началъ питать еще болѣе лестныя надежды. Я вѣровалъ въ возможность — соединить славу императора Александра, которому я обязанъ былъ приверженностью и благодарностью, съ благомъ моей отчизны. Въ то время Польша не на что было надѣяться, и Франція, повидимому, забыла о ней окончательно. Я

¹⁾ Письмо это напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863 г., стр. 875—879, но не указано, къ кому оно было адресовано.

возымѣлъ мысль возстановить дѣло Польши помощью двора, который былъ ей наиболѣе враждебенъ. Я подалъ русскому императору мысль положить въ основу его политики возстановленіе Польши и для достиженія онаго воспользоваться общою войною, которая тогда возгорѣлась. Быть отдѣльнымъ королевствомъ подъ конституціоннымъ управленіемъ русскаго государя—вотъ счастливѣйшій жребій, на который въ то время могли мы рассчитывать.

«Послѣдствія не оправдали моихъ расчетовъ. Европейскія дѣла все болѣе и болѣе запутывались; я предвидѣлъ, что два дѣла, двѣ обязанности, лежавшія у меня на сердцѣ, не только не могутъ быть ведены разомъ, но даже станутъ воплѣть несогласимы между собою. Это заставило меня выйти изъ министерства, и не безъ труда получить я увольненіе. Съ той поры, оставаясь въ русской службѣ, которую не дозволяли мнѣ покинуть мое положеніе, связи и положительная воля императора, я поставилъ себѣ единственною цѣлью охранять дарованныя польскимъ областямъ льготы, защищать отдѣльныя лица противъ притѣсненій, которымъ они подвергались, и, въ случаѣ новаго оборота политическихъ событій, блюсти выгоды моей отчизны. Таковую обязанность налагало на меня положеніе, въ которое меня поставила судьба. Между тѣмъ будущее скрывалось въ неизвѣстности, и, повидимому, чаянія Польши даже не находили себѣ мѣста въ обширныхъ замыслахъ, которыми были заняты сильные сего міра.

«Вы знаете, что въ послѣдніе четыре года я старался оставить Россію, но меня удерживали въ ней единственно мои личные обязательства къ императору. Большую часть этого времени я проводилъ въ отпуску, среди моего семейства. Я просился въ отставку и не могъ получить ее; но получилъ дозволеніе жить въ чужихъ краяхъ, гдѣ я и оставался нарочно, дабы не принять участія, хотя бы и косвеннаго въ какой-либо мѣрѣ, противной выгодамъ и надеждамъ моей отчизны.

«Между тѣмъ императоръ Александръ попрежнему изъявлялъ мнѣ знаки довѣрія, милости, дружбы; долгое отсутствіе мое не измѣнило его расположенія ко мнѣ; онъ могъ требовать, чтобъ я возвратился, и тѣмъ поставить меня въ самое тяжелое положеніе. Столь деликатная и столь рѣдкая во властителяхъ снисходительность естественно умножала во мнѣ чувства признательности.

«Теперь начинается новая сцена. Мечъ разрушенія виситъ надъ русскимъ императоромъ, и началомъ достопамятной борьбы этой служитъ возрожденіе Польши. Скажите же, достойный другъ мой, сообразно ли съ правилами чести (а ихъ нельзя преступать безнаказанно), сообразно ли съ законностью и самымъ необходимымъ приличіемъ, чтобы я одинъ изъ первыхъ возсталъ противъ государя, которому еще служу и который изъявилъ мнѣ столько знаковъ дружбы и деликатности? Я

подвергнусь позорнымъ затрудненіямъ, и, что еще важнѣе, я запятнаю мой характеръ, доселѣ безупречный, неблагодарностью и безчестностью, а такого пятна не смоешь даже и побужденіями патріотизма, которыя могли бы оправдать мой поступокъ. Воинъ въ моемъ положеніи рѣшился ли бы сдѣлаться перебѣжчикомъ? Не слѣдуетъ ли ему напередъ испросить увольненія и тѣмъ развязать священныя обязательства чести, а не считать ихъ самому разорванными? Моя служба не налагаетъ ли на меня такого же долга, не говоря уже о моихъ личныхъ связяхъ и отношеніяхъ?

«Можетъ быть, я и ошибаюсь, но побужденія, меня руководящія, во всякомъ случаѣ не могутъ внушить недовѣрія и должны быть признаны честными. Я доказалъ мою безкорыстную и неизмѣнную приверженность къ моей землѣ и къ моему народу. Я не могу не почитать священнымъ то дѣло, за которое стоитъ мой братъ, вся моя родня, столько друзей, и отъ котораго зависитъ счастье ихъ и моей отчизны. Какъ же мнѣ не мучиться, не имѣя возможности теперь же честно посвятить мою жизнь этому дѣлу? И мнѣ ли не чувствовать благодарность къ тому, кто даруетъ Польшѣ счастливое и блистательное существованіе? Никогда характеръ мой не былъ запятнанъ даже и тѣнью лукавства. Вѣдь не честолюбивое желаніе играть роль въ Россіи руководило моими поступками. Будь я способенъ жертвовать этому желанію священными обязанностями и выгодами, я бы не выѣхалъ изъ Петербурга.

«Если бы еще судьба мой родины была сомнительна, если бы для ея спасенія надлежало жертвовать самыми уважительными отношеніями, то я бы не колебался, или по крайней мѣрѣ оправдалъ бы себя и въ собственныхъ глазахъ и передъ моими судьями. Но кому не извѣстно, чѣмъ эта борьба кончится? Развѣ одни глупцы не видятъ, что всѣ возможныя вѣроятности обѣщаютъ побѣду генію побѣды. Напротивъ, всѣ несчастія должны обрушиться на Александра. Благородно ли, справедливо ли будетъ, чтобы въ этихъ несчастіяхъ душа его удручилась еще зрѣлищемъ неизвинительной неблагодарности со стороны человѣка, который ему столько обязанъ? Мое личное вліяніе въ эту минуту, конечно, не можетъ имѣть значенія для Польши; оно, конечно, не подѣйствуетъ на того, въ могущественныхъ и искусныхъ рукахъ котораго уже взвѣшены и рѣшены судьбы народовъ.

«И такъ, будучи убѣжденъ, что въ настоящую минуту не нуждаются во мнѣ, съ какой стати я покрою себя позоромъ и безчестіемъ? Вѣдь истинный патріотизмъ не разлученъ съ честью. Не скрываю отъ себя опасностей, которыя грозятъ мнѣ въ случаѣ, если поведеніе мое будетъ несправедливо истолковано. Но если я удалился отъ дѣлъ, чтобы избѣжать двухсмысленнаго положенія и всякой возможности невольно вредить моей отчизнѣ; если мое естественное мѣсто было въ русскихъ пре-

дѣлахъ, неужели мнѣ причтутъ въ вину и будутъ меня наказывать за то, что, руководствуясь похвальнымъ побужденіемъ, я очутился близъ сцены дѣйствія. Съ другой стороны, забудь я въ эту минуту мои обязанности къ императору Александру, такой поступокъ немедленно отразится на моихъ соотечественникахъ, живущихъ въ Россіи, и по всему вѣроятію дастъ поводъ къ самымъ крутымъ мѣрамъ въ польскихъ провинціяхъ Россіи.

«Мы съ вами довольно давно знакомы, мой достойный другъ, и я увѣренъ, что вы меня понимаете. Но мнѣ этого мало; я прошу, чтобы вы объяснили мое теперешнее поведеніе и оправдали мои побужденія въ глазахъ тѣхъ изъ моихъ соотечественниковъ, которые вздумали бы заподозрить ихъ. Ссылаюсь на мои дѣйствія и на свидѣтельство поляковъ, которые слѣдили за ними въ теченіе прошедшихъ десяти лѣтъ.

«Довѣрчиво подчинюсь приговору самого императора Наполеона. Пусть онъ будетъ моимъ судьей. Онъ умѣетъ столь же искусно распутывать тонкія нити, которыми руководятся въ трудныхъ обстоятельствахъ частныя лица, какъ и разрѣшать многосложныя судьбы народовъ. Смѣю надѣяться, что какое бы ни внушили ему понятіе обо мнѣ, онъ воздастъ мнѣ справедливость въ томъ отношеніи, что теперь, какъ и прежде, отечество мое было и всегда будетъ первѣйшимъ предметомъ моихъ обѣтовъ, единственнымъ направителемъ моихъ дѣйствій. Простите, достойный другъ, что такъ долго говорю вамъ о себѣ и насилую ваше терпѣніе этимъ длиннымъ письмомъ».

Между тѣмъ въ Варшавѣ готовились къ созыву сейма, открытіе котораго должно было послѣдовать 10-го (22-го) іюня, но авторское тщеславіе де-Прадта задержало его открытіе на четыре дня, такъ что онъ могъ быть открытъ только 14-го (26-го) іюня, когда Наполеонъ уже вторгнулся въ предѣлы Россіи, и военныя дѣйствія начались.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо С. С. Уварова—М. М. Сперанскому объ административной ихъ дѣятельности.

1-го декабря 1819 г. С.-Петербургъ.

Съ душевнымъ удовольствіемъ получилъ я прекрасное письмо вашего превосходительства изъ Иркутска отъ 18-го сентября и пріятнымъ долгомъ поставлю воспользоваться отправленіемъ пекинской миссіи для доставленія вамъ нѣсколькихъ книгъ. Вы найдете между ими первые два тома новаго собранія Академическихъ путешествій. Къ описанію Камчатки будетъ принадлежать дополнительный томъ, содержащій любопытныя извѣстія, частію препровожденныя ко мнѣ отъ достойнаго Р и к о р д а. Первая часть путешествія Лепехина выходитъ изъ печати. Сверхъ того, найдете вы еще нѣсколько новостей, какъ-то: записки (здѣсь запрещенныя) аббата Жоржеля—о Россіи. Вообще литература бѣднѣетъ каждый день. Политика все поглощаетъ; всѣ умы устремлены къ предметамъ, входящимъ въ ея кругъ.

Какъ радостно для русскаго, любящаго свое отечество, чувство общей признательности къ вашимъ трудамъ и къ вашему усердію! Письмо ваше ко мнѣ содержитъ наилучшій объѣтъ для всѣхъ благомыслящихъ. Дай вамъ Богъ довольно твердаго духа и силъ тѣлесныхъ, чтобъ окончить великое дѣло, вами начатое! впрочемъ—*in magnis tenasse sat est...* Сія мысль утѣшаетъ и меня въ скромномъ, но многотрудномъ кругу моихъ обязанностей. Бороться со всѣмъ окружающимъ и даже съ самимъ собою есть девизъ человѣка на поприщѣ жизни гражданской и даже моральной. Конечно, борьба не всегда удачная, но для совѣсти своей всегда необходимая. Даже и отдыхать слаще послѣ бурной службы гражданской, отдыхать съ друзьями всѣхъ столѣтій, живыми и мертвыми, съ вами, Цицерономъ и Монтанями.

Позвольте мнѣ издалека сказать: *macte animo! Sic itur ad astra!* Говоря недавно о Сибири, случилось мнѣ сказать, что исторія Сибири дѣлится на двѣ только эпохи: 1-я отъ Ермака до Пестеля, 2-я—отъ Сперанскаго до XX...—Это моя мысль—и мое убѣжденіе.

Я смѣю ласкаться надеждою, что я, нѣкоторымъ образомъ, содѣйствую вамъ въ великомъ предпріятіи вашемъ: основаніе и распространеніе восточныхъ языковъ должно произвести и распространеніе здравыхъ понятій объ Азіи въ ея отношенія къ Россіи. Вотъ поприще огромное, еще не озаренное лучами разума,—новое поле славы неприкосновенной—источникъ новой, національной политики, долженствующей спасти насъ отъ дряхлости преждевременной и отъ европейской заразы.

Карамзинъ пишетъ, но не печатаетъ еще 9-й томъ Исторіи.

Примите увѣреніе душевной моей преданности и непоколебимаго почтенія.

Кишиневское сидѣнье.

(Изъ дневника Д. С. Нагловскаго) ¹⁾.

26-го ноября. Изъ Петербурга я выѣхалъ 19-го ноября вмѣстѣ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ. Съ поѣздомъ его высочества ѣхалъ весь полевой штабъ, канцелярія и кромѣ того много чиновъ другихъ отдѣловъ полевого управленія арміи. Поѣздъ былъ громадный. Прощаніе съ Петербургомъ было очень торжественно: всѣ офицеры гвардіи и частей войскъ, квартировавшихъ въ Петербургѣ, въ парадной формѣ, собрались на станцію Московской желѣзной дороги. Громадныя массы народа толпились по Невскому проспекту, на площади, въ самомъ дебаркадерѣ и на платформѣ передъ поѣздомъ. Минутъ за 10 до пріѣзда его высочества, пріѣхали всѣ члены царской фамилии, исключая, впрочемъ, государя. Главнокомандующій былъ встрѣченъ восторженными криками «ура!», которое съ Невскаго проспекта постепенно переходило сначала на площадь, потомъ въ залы дебаркадера и затѣмъ на платформу. Офицеры гвардейскаго корпуса поднесли его высочеству икону.

Ровно въ 2 часа по полудни поѣздъ тронулся. Почти по всей дорогѣ повторялось то же, что и въ Петербургѣ, только, конечно, въ мень-

¹⁾ При формированіи полевого штаба дѣйствующей арміи полковникъ Дмитрій Станиславовичъ Нагловскій былъ назначенъ состоять для порученій при начальникѣ полевого штаба генералъ-адъютантѣ Непокойчицкомъ. Вли- зость его ко всѣмъ распоряженіямъ и блистательныя способности подавали надежду, что дневникъ, который онъ думалъ вести, будетъ драгоцѣннымъ вкладомъ въ исторію войны. Къ сожалѣнію, многочисленныя занятія въ штабѣ и затѣмъ открывшіяся военныя дѣйствія, въ которыхъ Нагловскій принималъ столь видное участіе, помѣшали веденію дневника. Редакція „Русской Старины“ помѣщаетъ на страницахъ журнала то немногое, что было написано Д. С. Нагловскимъ.

Ред.

шихъ размѣрахъ. Всюду народъ спѣшилъ выразить свое сочувствіе и посмотрѣть на царскаго брата, отъѣзжающаго на столь великое дѣло. Въ особенности торжественъ былъ вѣздъ въ Троицко-Сергіевскую лавру, куда мы пріѣхали утромъ 20-го ноября. Отслуживъ молебенъ у раки св. Сергія и посѣтивъ могилу митрополита Филарета, великій князь, вмѣстѣ со всей своей свитой зашелъ къ намѣстнику лавры, архимандриту Антонію, который угостилъ насъ завтракомъ и роздалъ всѣмъ намъ по иконѣ св. Сергія. Изъ лавры мы вернулись въ Москву, гдѣ его высочество заѣхалъ приложиться къ иконѣ Иверской Богородицы и затѣмъ заѣхалъ въ соборы, въ Кремль, гдѣ былъ отслуженъ молебенъ. Въ часть дня, послѣ завтрака у князя Долгорукова, его высочество прибылъ на станцію Курской желѣзной дороги, и мы отправились дальше. Вообще путешествіе уподоблялось торжественному шествію; всюду поднесеніе св. иконъ, хлѣба-соли, громогласное и восторженное «ура!».

Начиная отъ Курска, мы начали встрѣчать и обгонять поѣзды съ мобилизованными уже частями войскъ. Всѣ войска, попадавшіяся намъ по дорогѣ, производили въ высшей степени пріятное впечатлѣніе. Народъ прекрасный, видный, молодцеватый. Мобилизація окончилась вполне удачно. Всѣ призывные явились очень скоро, лошади прибыли своевременно и недочета въ людяхъ и лошадяхъ нѣтъ никакого. Обозъ, хотя по конструкціи и тяжелъ, но въ полной исправности. Недостатокъ только въ офицерахъ и при томъ весьма значительный. Во многихъ полкахъ ротами командуютъ молодые офицеры, субалтернъ же офицеровъ во многихъ ротахъ совсѣмъ нѣтъ. Какъ примѣръ укажу на 14-ю пѣхотную дивизію, гдѣ не хватаетъ до комплекта по 20 офицеровъ въ каждомъ полку и при томъ большинство въ старшихъ чинахъ. Причина такого недостатка заключается главнымъ образомъ въ томъ, что было приказано назначить офицеровъ изъ дѣйствующихъ полковъ въ запасные баталіоны, въ крѣпостные полки, въ интендантскіе транспорты и другія вспомогательныя учрежденія и при томъ все въ высшихъ чинахъ.

Въ Кіевѣ пріемъ былъ блистательный. Рота, выставленная въ почетный караулъ, поразила насъ всѣхъ своимъ великолѣпнымъ внѣшнимъ видомъ—молодцы; аммуниція и пригонка ея—восхитительныя; мундиры прелестные.

Во все время пути офицеры генеральнаго штаба, назначенные въ полевой штабъ арміи, сидѣли въ отдѣльномъ вагонѣ. Время провелъ очень весело и дружно. Большинство уже давно были въ дружескихъ между собою отношеніяхъ, остальные скоро между собою сдружились. Говорили очень много о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Не зная ничего о планѣ кампаніи, мы сами сочиняли свой собственный планъ

дѣйствій. При этомъ пришли къ заключенію, что слѣдуетъ устроить переправу черезъ Дунай въ промежуткѣ между Рушукѣмъ и Виддинѣмъ, и затѣмъ,—оставивъ всѣ турецкія крѣпости влѣво отъ насъ, слѣдовать на Габрово и на Шипку. Хотя при этомъ удлинняется операціонный путь, но за то не втягиваемся въ крѣпостную войну и не разбрасываемъ войска на обложенья крѣпостей и на оборону путей сообщенія. Цѣлью дѣйствія долженъ быть Константинополь. Но, впрочемъ, о планѣ кампаніи мы будемъ говорить впослѣдствіи, когда получимъ карты, которыхъ до сихъ поръ мы еще не имѣемъ. Удивительно, что до сихъ поръ насъ совсѣмъ не знакомили съ предстоящимъ театромъ военныхъ дѣйствій и даже не указали источники¹⁾. Печатанныхъ источниковъ почти нѣтъ, не печатанные же хранятся отъ насъ въ тайнѣ. Впрочемъ, у насъ все тайны: мы, офицеры генеральнаго штаба, ближайшіе помощники начальника штаба, находимся въ полномъ невѣдѣніи относительно всего, что творится, находимся въ полномъ бездѣйствіи, никакой работы. На сколько выиграетъ отъ этого дѣло, если и впредь дѣла будутъ идти въ такой же тайнѣ, какъ и теперь, неизвѣстно.

Во время дороги выказалось общее несочувствіе, скажу болѣе—непріязнь, къ помощнику начальника полевого штаба генералъ-маіору Казиміру Васильевичу Левицкому, котораго, въ отличіе отъ другаго Левицкаго, полковника генеральнаго штаба, старшаго адъютанта по строевой части въ полевомъ штабѣ и всѣми весьма любимаго, положено называть «воно»²⁾. Казиміра Васильевича, или какъ теперь мы его зовемъ «воно», давно уже знаютъ въ мірѣ генеральнаго штаба, а въ особенности въ Петербургскомъ военномъ округѣ. Сообразно своей натурѣ, онъ приобрѣлъ любовь всего начальства и общую нелюбовь всѣхъ подчиненныхъ. Человѣкъ положительно способный и свѣдущій, онъ въ то же время былъ въ высшей степени суетливъ, разсѣянъ, безалаберенъ во всѣхъ дѣлахъ, нахаленъ съ подчиненными и низкопоклоненъ передъ вышними. Къ тому же онъ страшный эгоистъ, не цѣнитъ работу, никому не довѣряетъ, никогда не скажетъ, что именно онъ желаетъ, а потомъ распекаетъ, что не такъ исполнено, какъ онъ желалъ. Полное отсутствіе терпимости.

Въ короткое время своего начальствованія онъ уже имѣлъ нѣсколько столкновеній со своими подчиненными въ полевомъ штабѣ и во всѣхъ

¹⁾ Знакомство съ театромъ войны на Балканскомъ полуостровѣ тогдашніе молодые офицеры генеральнаго штаба получили только въ академіи генеральнаго штаба отъ талантливыхъ лекцій уважаемаго профессора военной статистики Н. Н. Обручева, подробно и увлекательно развивавшаго мысль о необходимости и возможности обхода турецкихъ крѣпостей, а также прямо указывавшаго на Шипку.

Р е д.

²⁾ Передѣланное: „онъ“, „оно“, „воно“.

столкновеніяхъ былъ не правъ. Вся его цѣль быть необходимымъ для начальства, поэтому онъ и держитъ всѣхъ въ полномъ невѣдѣніи и оттираетъ всѣхъ отъ начальства. Вообще всѣ чрезвычайно недовольны его назначеніемъ и жалѣютъ, что на это важное мѣсто не назначенъ генераль-маіоръ Василій Николаевичъ Лавровъ, человѣкъ очень умный, знающій, опытный, спокойный, высоко честный, деликатный, трудолюбивый и вполне самостоятельный. Впрочемъ, вѣроятно, часто придется возвращаться къ Казимиру, а потому на первый разъ довольно; добавлю только, что это человѣкъ деталей, не имѣющій широкаго взгляда.

Въ Кишиневѣ мы пріѣхали 23-го ноября въ 6 часовъ утра. Громадная толпа народа ожидала великаго князя, который съ дебаркадера проѣхалъ прямо въ домъ Катарджи, отведенный для жительства его высочеству. Здѣсь былъ выставленъ почетный караулъ, при которомъ находился и начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи, свиты его величества генераль-маіоръ Драгоміровъ, знаменитый нашъ военный писатель и педагогъ. Въ 11 часовъ утра было назначено молебствіе въ здѣшнемъ кафедральномъ соборѣ. При входѣ въ церковь его высочество былъ привѣтствованъ Павломъ, епископомъ бессарабскимъ, который произнесъ замѣчательно хорошую рѣчь. Съ этихъ поръ началось наше кишиневское сидѣніе.

Я помѣстился на квартирѣ съ моимъ давнишнимъ пріятелемъ и товарищемъ по академіи генеральнаго штаба, состоящимъ при его высочествѣ главнокомандующемъ, полковникомъ генеральнаго штаба П. Д. Паренсовымъ. У насъ двѣ комнаты, очень порядочныя и теплыя—это большое удобство, тѣмъ болѣе, что близко отъ великаго князя и штаба. Около 12 часовъ дня, мы отправились къ полковнику генеральнаго штаба Жданову, завѣдующему топографическими работами въ Бессарабской области. Къ нему же вскорѣ пришелъ и генераль Драгоміровъ, живущій рядомъ съ нимъ. Всѣ мы очень любили и уважали Михаила Ивановича Драгомірова, а потому рѣчь была откровенная, задушевная. Вскорѣ онъ увидѣлъ нашу общую нелюбовь къ «воно» и, повидимому, согласился съ нашимъ мнѣніемъ о немъ. Между прочимъ, онъ напалъ на дислокацію арміи. Оказалось, что она составлена безъ всякаго соображенія какъ съ мирною дислокаціею, такъ и съ планомъ передвиженія войскъ. Вслѣдствіе этого произошло нѣсколько *chassé-croisé*. Кромѣ того, были важные пропуски; такъ, были пропущены всѣ дивизіонные интендантскіе транспорты. Наконецъ, многія части, раньше приходящія на свои квартиры, расположились ближе къ станціямъ выгрузки, а приходящія позже должны были проходить черезъ нихъ и располагаться дальше, вслѣдствіе чего произошло большое замедленіе въ расквартированіи войскъ. Такъ, черезъ расположеніе одной 14-ой дивизіи прошли четыре другія дивизіи 11-го и 12-го корпусовъ.

Вообще работа по составленію дислокаціи велась самымъ курьезнымъ образомъ. К. Левицкій созвалъ нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба, но не привлекъ ихъ къ общему обсужденію вопроса, а далъ каждому размѣстить по нѣсколько частей, опредѣливъ приблизительно районы. Такимъ образомъ, вся работа велась въ отдѣльныхъ клѣткахъ, какъ бы за перегородками, и при томъ К. Л. потребовалъ окончить работу въ одинъ день, вслѣдствіе чего неизбежно вкрались крупныя ошибки, вызвавшія общій ропотъ въ арміи. Какъ бы то ни было, но войска размѣщаются и по всей вѣроятности, въ концѣ концовъ, размѣстятся порядочно, благодаря тому, что у насъ много еще времени впереди. Французское правило: débrouillez-vous у насъ въ полномъ ходу; и спасибо туркамъ, давшимъ намъ два мѣсяца. Къ концу перемирія, такъ или иначе, мы разберемся и приведемъ все въ порядокъ.

Жизнь наша въ Кишиневѣ идетъ довольно однообразно. Каждый день, около часу дня, мы собираемся въ офицерскомъ клубѣ, затѣмъ часто собираются у насъ и ведутся неважныя товарищескія бесѣды. Въ 6-ть часовъ вечера большинство изъ насъ собираются у великаго князя обѣдать. Число лицъ, постоянно приглашенныхъ къ обѣду, доходитъ до 34; кромѣ того приглашаются и другія лица. Послѣ обѣда, я, Артамоновъ (полковникъ генер. шт.), Левицкій (Николай Васильевичъ, тоже полк. ген. шт.) и адъютантъ великаго князя Бибиковъ, собираемся въ комнатѣ великаго князя и играемъ въ шахматы, до которыхъ его высочество большой охотникъ. Играемъ четверную партію.

По-прежнему остаемся въ полномъ невѣдѣніи, что дѣлается вокругъ насъ, по-прежнему шибко достается К. Левицкому.

Особенно затруднительно положеніе начальника надъ вожатыми полковника генеральнаго штаба Артамонова. Онъ долженъ собирать свѣдѣнія о непріятелѣ, но до сихъ поръ, благодаря безалаберности «Воно», добытыя свѣдѣнія весьма бѣдны, а главное, не выработано никакой системы въ собираніи этихъ свѣдѣній; все, что до сихъ поръ мы знаемъ о непріятелѣ, добыто разными случайностями и урывками. Артамонову не хотять дать свободы въ дѣйствіяхъ и скупаются въ деньгахъ.

Великій князь почти ежедневно дѣлаетъ смотры разнымъ, проходящимъ частямъ войскъ. Общій видъ ихъ очень хорошъ; но обозы весьма тяжелы. Вслѣдствіе ужасной грязи и отвратительнаго состоянія путей сообщенія, обозы часто останавливаются и отстаютъ отъ войскъ.

29-го ноября. Третьяго дня вечеромъ, пріѣхалъ изъ Бухареста старшій совѣтникъ нашего посольства въ Константинополѣ Нелидовъ и полковникъ генеральнаго штаба князь Кантакузенъ. Они были посланы въ Бухарестъ, чтобы заключить съ Румыніей военную конвенцію. Послѣ разныхъ колебаній и сомнѣній, имъ удалось, наконецъ,

устроить это дѣло. Но, къ сожалѣнію, конвенція далеко не такъ благоприятна для насъ, какъ того мы ожидали. Румыны согласились только пропустить нашу армію черезъ ихъ территорію, но не отдаютъ свою армію въ наше распоряженіе. Хотя ихъ армія и дурная и немногочисленная, тѣмъ не менѣе значительно облегчила бы наши операціи по охраненію тыла и по исполненію разныхъ второстепенныхъ цѣлей. Жаль, что исходъ не таковъ, какъ мы ожидали. Впрочемъ, мы надѣемся еще, что впослѣдствіи они вполне примкнутъ къ намъ.

Для заготовленія сухарей въ прошлую кампанію было построено въ Кишиневѣ много печей. Въ то время, при дурномъ состояніи путей сообщенія, другаго рѣшенія этого вопроса быть не могло. Теперь же, при существованіи желѣзныхъ дорогъ, слѣдовало бы сдѣлать распоряженіе о заготовкѣ сухарей во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и затѣмъ доставить ихъ къ арміи. При этомъ распоряженіи, количество сухарей, потребное для арміи, было бы приготовлено скорѣе и значительно дешевле. Между тѣмъ путь снабженія арміи сухарями избранъ такой же, какъ и въ прошедшую кампанію. Велѣно построить въ Кишиневѣ около 300 печей и тутъ же заняться хлѣбопеченіемъ и перепеченіемъ хлѣба въ сухари. Первымъ результатомъ этого распоряженія была совершенно напрасная трата денегъ на постройку большаго количества печей, на покупку муки, по значительно возвысившимся цѣнамъ и на покупку большаго количества дровъ, которыя здѣсь очень дороги. Вторымъ результатомъ—значительная трата времени. Такъ къ 24-му октября всѣ печи должны были быть уже готовы, между тѣмъ, на дѣлѣ, ихъ было готово только 30; къ 16-му ноября рассчитывали на 30 тыс. четвертей готовыхъ сухарей, а между тѣмъ, на дѣлѣ, успѣли заготовить только 3 тыс. Интересно, какъ пойдетъ дальше это дѣло и не будетъ ли остановки въ снабженіи арміи сухарями.

Второе дурное распоряженіе—это заготовленіе обоза. Вся тяжесть пала на Бессарабскую область, съ которой взято около 1.500 повозокъ, съ Херсонской губерніи только 130. Slѣдовало бы сдѣлать наоборотъ: не трогая Бессарабію, какъ ближайшую къ театру военныхъ дѣйствій губернію, обратиться къ Херсонской и Екатеринославской губерніямъ. Такимъ образомъ Бессарабія была бы въ резервѣ, который можно было бы тронуть впослѣдствіи, когда начнется движеніе войскъ, послѣ объявленія кампаніи. Теперь Бессарабія оголена, что надо считать большою ошибкою.

Вообще говоря, перевозка войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, сверхъ всякаго ожиданія, идетъ довольно благополучно. Только послѣднее время, вслѣдствіе бури, свирѣпствовавшей 25-го и 26-го ноября, по линіи Кіево-Одесской желѣзной дороги, повалившей во многихъ мѣстахъ теле-

графные столбы и такимъ образомъ прекратившей телеграфное сообщеніе, отправка поѣздовъ не могла идти правильно, а потому произошло временное замедленіе въ движеніи и скопленіе поѣздовъ на многихъ станціяхъ. Тѣмъ не менѣе съ отправкою войскъ произошло нѣсколько курьезныхъ случаевъ. Такъ Чугуевскій полкъ Рейсига ¹⁾, квартировавшій возлѣ одной изъ станцій Кіево-Брестской желѣзной дороги, вдругъ получаетъ приказаніе, въ 12 часовъ ночи отправиться на слѣдующую станцію, за 45 верстъ, гдѣ на другой день, въ 10 часовъ утра, сѣсть на желѣзную дорогу. Такъ какъ всего оставалось 10 часовъ до посадки, то всѣ засуетились, поднялись, уложились по тревогѣ и на усиленныхъ аллюрахъ отправились на указанную станцію.

Между тѣмъ видя, что тутъ есть какое-то недоразумѣніе, Рейсигъ отправилъ депеши съ вопросами, не произошла ли какая-нибудь ошибка. Въ 6 часовъ утра онъ получаетъ отвѣтъ, что депеша послана ему по ошибкѣ и что онъ долженъ садиться въ вагоны на той станціи, около которой стоитъ и что посадка должна быть на другой день въ 2 часа дня. Тотчасъ были посланы курьеры возвращать эскадроны назадъ. Догнали, вернули. Оказалось, что многіе эскадроны уже дошли до слѣдующей станціи. Дѣлать нечего, возвращаются назадъ. Такимъ образомъ, эскадроны сдѣлали безъ всякой цѣли 90 верстъ, въ одинъ день, вслѣдствіе ошибки завідующаго передвиженіемъ войскъ. Но подобные случаи составляютъ исключеніе. Вообще же перевозка идетъ благополучно. На всѣхъ станціяхъ, гдѣ положена остановка, войска находятъ горячую пищу и чай. Всѣхъ поѣздовъ отправляется въ сутки до 13.

1-го декабря. Вчера вечеромъ мы были у архіерея. Генералъ Радецкій, Драгомировъ, Коссичъ и Петрушевскій (все бывшіе офицеры генеральнаго штаба), а также всѣ находящіеся въ полевомъ штабѣ офицеры генеральнаго штаба собрались у него. Такъ какъ архіерей человѣкъ очень умный и весьма хорошій, то вечеръ провели очень пріятно. Разговоры велись, по большей части, на военныя темы; «воно» доставалось весьма сильно. У него на-дняхъ было столкновеніе съ генераломъ Каталеемъ. Каталей назначенъ начальникомъ военныхъ сообщений и всѣхъ войскъ, находящихся въ тылу арміи. У него власть по положенію очень большая. Это человѣкъ очень умный, толковый, знающій, весьма добросовѣстный и аккуратный. Находясь до сихъ поръ въ полномъ невѣдѣніи относительно всего, что дѣлается и предполагается дѣлать, онъ пожелалъ получить кое-какія необходимыя разъясненія въ штабѣ, чтобы сообразно этому могъ сдѣлать необходимыя распоряженія. Но такъ какъ въ штабѣ тоже никто ничего не знаетъ, то онъ и обратился за разъясненіемъ къ К. Левицкому. Онъ принялъ

¹⁾ Командиръ Чугуевского уланскаго полка.

его,—во-первыхъ, стоя, не смотря на то, что Каталей, по своему чину генералъ-лейтенанта, старше его. Во-вторыхъ, отказался дать какія-либо разясненія, сказавъ только, что дѣло Катаlea исполнять, а дѣло его приказывать и что въ свое время онъ получитъ приказаніе. При этомъ Левицкій добавилъ, что онъ отвѣчаетъ за правильность приказаній, а Каталей за правильность исполненія. Такимъ образомъ дѣло нисколько не подвинулось впередъ, а только возбудилось неудовольствіе, такъ какъ Каталей остался очень недовольнымъ всѣмъ пріемомъ и отказомъ что-либо сообщить въ частности. Вообще К. Л. во всѣхъ своихъ сношеніяхъ ставитъ себя въ положеніе школьнаго учителя, а лицо, съ которымъ онъ говоритъ, въ положеніе ученика.

Занятія мелочами и вопросами второстепенными начинаютъ тяготить самого Казимира Васильевича. Вчера былъ такой случай. Полковникъ генеральнаго штаба Бобриковъ, передъ обѣдомъ у великаго князя, говорилъ съ адъютантомъ его высочества полковникомъ Скалономъ. Скалонъ сказалъ, что онъ хорошо не понимаетъ, что творится въ штабѣ; Бобриковъ замѣтилъ, что пока еще до важныхъ дѣлъ никто не касается, а занимаются только второстепенными мелочами. Во время этого разговора подошелъ къ нимъ Казимиръ Васильевичъ и началъ жаловаться на то, что онъ заваленъ работою, а между тѣмъ еще не коснулся до самыхъ важныхъ вопросовъ.

— Вы, мнѣ кажется,—замѣтилъ Бобриковъ,—занимаетесь мелочами.

— Нѣтъ это не мелочи,—отвѣчалъ онъ.

— Стало быть, вы разрабатываете вопросы, которые прямо касаются самой сути, и тѣмъ подготавливаете рѣшеніе важныхъ вопросовъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что то, чѣмъ я теперь занимаюсь, не подготавливаетъ рѣшенія важныхъ вопросовъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю, чѣмъ вы заняты.

— Текущей перепиской,—отвѣчалъ Левицкій.

А такъ какъ текущая переписка не уменьшается, а съ каждымъ днемъ все увеличивается и увеличивается, то когда же онъ займется болѣе важными вопросами?

Вчера Николай Левицкій разсказалъ пресмѣшную исторію съ К. Л. Надо замѣтить, что уже два дня, какъ въ нашей шахматной игрѣ началъ принимать участіе и самъ Непокойчицкій. Вчера послѣ игры Николай Левицкій зашелъ къ Казимиру Левицкому, который спросилъ его, что мы дѣлаемъ по вечерамъ у великаго князя? Левицкій отвѣтилъ ему и прибавилъ, что иногда и самъ главнокомандующій принимаетъ участіе въ игрѣ.

— Какъ! и самъ великій князь играетъ?—спросилъ К. Л.

— Да играетъ, а послѣднее время сталъ играть и Непокойчицкій.

— Какъ! Непокойчицкій тоже играетъ?

— Да играетъ.

— А что, скажите, пожалуйста, это трудная игра вчетверомъ?

— Да не легкая,—отвѣчалъ Николай Левицкій.

— Хотя я играю двойную партію, но могу ли играть четверную?

— Да, если немного подучитесь,—можете играть.

Такимъ образомъ, вѣроятно, Казимиру Левицкому предстоитъ новая работа—изученіе четверной партіи въ шахматы.

14-го декабря. Давно не писалъ я свой дневникъ, потому что все это время у меня было много работы. Во-первыхъ, мнѣ поручили составленіе еженедѣльныхъ рапортовъ, посылаемыхъ великимъ княземъ государю; а во-вторыхъ, я и Николай Левицкій были призваны составить соображенія по движенію арміи къ Дунаю. Обѣ эти работы очень интересны, но поглотили все мое время. Но прежде, чѣмъ я скажу о нихъ, припомню разныя другія обстоятельства въ нашей жизни, которыя современемъ исчезнутъ изъ памяти.

Мой сожитель и товарищъ Петръ Дмитріевичъ Паренсовъ получилъ командировку въ Журжу. Цѣль командировки собрать свѣдѣнія возможно полныя о турецкихъ силахъ, расположенныхъ въ Болгаріи, и если окажется возможнымъ, съѣздить въ Рушукъ, Варну и Шумлу. Онъ поѣхалъ инкогнито, въ штатскомъ платьѣ, а для лучшаго соблюденія инкогнито, поѣхалъ черезъ Кіевъ, Варшаву и Вѣну, такъ какъ, по слухамъ, Унгени (станція желѣзной дороги на границѣ съ Молдавіей), а также и Яссы наполнены турецкими и австрійскими шпионами, слѣдящими за всѣми лицами, ѣдущими изъ Россіи. Въ Варшавѣ Паренсовъ долженъ себѣ сдѣлать штатское платье, взять заграничный паспортъ. Въ Рушукъ онъ долженъ потребовать содѣйствія нашего консула Кожевникова. Впрочемъ ему совѣтовали больше пользоваться содѣйствіемъ его помощника (или секретаря, навѣрное не знаю) Карвонида ¹⁾, человека въ высшей степени рѣшительнаго, ловкаго, хитраго и имѣющаго большія связи и знакомства между турками. Самъ же Кожевниковъ, по общему отзыву, нерѣшительный и весьма трусливый, хотя и умный; Карвонида же, напротивъ, весьма отваженъ, и его турки трусятъ.

Для исполненія своей командировки, Паренсовъ получилъ 3 т. руб. сер., да на свои собственные расходы 1 т. руб. сер. Всѣ говорятъ, что этихъ денегъ мало; вмѣсто 3 т. рублей слѣдовало бы, по меньшей мѣрѣ, дать 5 т. руб., а еще лучше 10 т. Тогда можно было бы завести надежными лазутчиками и получить желаемыя свѣдѣнія. Вообще

¹⁾ Драгоманъ консульства.

часть шпионская у насъ устроена очень дурно; жалѣютъ денегъ и дѣйствуютъ безъ всякаго опредѣленнаго плана. Поэтому свѣдѣнія о туркахъ у насъ весьма бѣдны. На Дунай, кромѣ консуловъ, у насъ занимаются собираніемъ свѣдѣній еще два моряка: Рогуля и Новосельскій. Не знаю, скоро ли вернется назадъ Паренсовъ; боюсь, что до открытія военныхъ дѣйствій онъ не вернется. Еще боюсь весьма сильно, чтобы онъ не попался туркамъ и чтобы они не учинили съ нимъ какой-либо непріятности.

Дней 10 тому назадъ пріѣхалъ въ Кишиневъ Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ. На него, послѣднее время, сыплется столько нападокъ, что, право, становится и жалко и досадно за него. Человѣкъ съ прекраснымъ боевымъ прошедшимъ, съ твердыми убѣжденіями, въ высшей степени храбрый и рѣшительный, до мозга костей пропитанный славянскою идеей, въ высшей степени честный, настойчивый и теперь долженъ нести на своихъ плечахъ всю отвѣтственность за неудачу сербовъ. Вся же вина его состоитъ въ томъ, что подъ его начальствомъ были войска не дисциплинированныя, плохо обученныя, безъ офицеровъ безъ прочной военной организаціи и совѣмъ не желавшія драться. И кто же осуждаетъ его: люди, никогда не бывавшіе въ бою, изучавшіе войну только теоретически, никогда не находившіеся въ трудныхъ обстановкахъ. Между прочимъ на него сильно нападаетъ К. Левицкій. Онъ его винитъ въ томъ, что онъ не сумѣлъ организовать хорошей боевой арміи, завести порядокъ и дисциплину и справиться съ добровольцами. Но легкое ли это дѣло? Я думаю, что если Черняевъ не успѣлъ достигнуть всего этого, то Левицкій не достигъ бы и подавно, потому что между нимъ и Черняевымъ такая же разница, какъ между небомъ и землею. Черняевъ, всѣхъ, съ кѣмъ ему приводилось дѣйствовать, всегда къ себѣ привязывалъ, а Левицкій, напротивъ того, — отталкивалъ. На войнѣ нравственный элементъ есть элементъ рѣшающій и если начальникъ нелюбимъ, то дѣло не пойдетъ на ладъ. Затѣмъ Черняевъ доказалъ уже много разъ свою храбрость, что же касается до Левицкаго, то мы еще посмотримъ. Черняевъ человѣкъ спокойный, Левицкій же въ высшей степени суеусливъ. Одно, въ чемъ я виню Черняева, это въ томъ, что онъ окружилъ себя бездарностію. Но какъ бы то ни было, а на Черняева отовсюду сыплются нападки. Мнѣ было чрезвычайно интересно съ нимъ познакомиться. Онъ поразилъ меня своею скромностію и очень умнымъ, проницательнымъ выраженіемъ глазъ.

18-го декабря. Сегодня, часовъ около 10-ти утра, пришелъ ко мнѣ писарь и передалъ, что К. Левицкій зоветъ меня. Прійдя къ нему, я узналъ, что сегодня утромъ получена депеша отъ канцлера, увѣдомляющая, что перемиріе отложено до 17-го февраля 1877 года. Вѣсть эта весьма быстро распространилась по городу. Всѣ пріуныли, всѣ были

поражены этимъ извѣстіемъ. Неужели опять на два мѣсяца мы осуждены на бездѣйствіе? Время проходитъ, турки сосредоточиваютъ свои силы и укрѣпляютъ берега Дуная. Переправа черезъ Дунай, операція и безъ того чрезвычайно трудная, къ концу перемирія сдѣлается еще труднѣе. Ко дню нашего прихода на Дунай онъ будетъ въ разливѣ, и намъ, легко можетъ быть, придется ждать, когда онъ вернется въ свои естественные берега, т. е. второй половины іюня. Кромѣ того, проводочка времени намъ будетъ стоить очень дорого. Богъ знаетъ еще, какъ къ тому времени сложатся наши дипломатическія дѣла; быть можетъ, Австрія тоже будетъ втянута въ войну. Начиная войну въ концѣ февраля, намъ придется совершать передвиженіе арміи въ самую сильную распутицу: сколько падетъ даромъ жертвъ труднаго марша, по самымъ сквернымъ дорогамъ. Не начиная войны теперь же, мы пропускаемъ самое благоприятное для насъ время: быть можетъ, мы успѣли бы еще перейти Дунай по льду. Словомъ сказать, вѣсть о продленіи перемирія въ высшей степени непріятна. Но еще хуже, если все это кончится миромъ. Къ чему же тогда всѣ эти громадныя расходы?

Вечеромъ видѣлся съ интендантомъ арміи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Аренсомъ. Ему уже передали выработанный мною и Николаемъ Левицкимъ планъ движенія арміи къ Бухаресту съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ свои соображенія о продовольствіи арміи во время марша. Полковникъ генеральнаго штаба Раабенъ, состоящій при интендантѣ, уже разработалъ планъ продовольствія, но еще не довелъ его до конца, а потому и весь планъ еще не утвержденъ. Работа эта очень трудна и исполнена прекрасно. Но дѣло въ томъ, что Аренсъ находится въ крайнемъ затрудненіи, какъ привести въ исполненіе этотъ планъ. Конвенція съ Румыніей очень не полна, а къ тому же еще не ратификована. Надо сдѣлать большія закупки, подвезти провіантъ къ извѣстнымъ пунктамъ, устроить тамъ склады и хлѣбопекарныя печи. А какъ дѣлать все это въ чужой странѣ безъ конвенціи? Съ этой точки зрѣнія, отсрочка начала движенія очень намъ благоприятна. Если бы мы должны были теперь же начать кампанію, то продовольствіе арміи, во время движенія по Румыніи, было бы совсѣмъ не обеспечено. Аренсъ сообщилъ, что онъ получилъ на-дняхъ письмо отъ двухъ очень богатыхъ болгарскихъ купцовъ, проживающихъ въ Бухарестѣ и ведущихъ тамъ большія хлѣбныя операціи, увѣдомляющихъ, что они жертвуютъ на нужды арміи провіанта: одинъ на 80 т., а другой на 50 т. франковъ.

— Вотъ пока всѣ мои продовольственные средства въ Румыніи, — прибавилъ Аренсъ.

Я предложилъ воспользоваться этими купцами и, сдѣлавши на ихъ имя переводъ, черезъ банкирскія конторы, извѣстной суммы денегъ,

поручить имъ сдѣлать закупку провіанта въ различныхъ пунктахъ Молдавіи и Валахіи. Кромѣ того, обратиться къ нашимъ одесскимъ купцамъ, ведущимъ торговля дѣла съ Румыніей, и сдѣлать имъ тоже заказы на поставку провіанта въ различные пункты. Такъ какъ съ Румыніей мы находимся въ мирѣ, то никто не можетъ помѣшать нашимъ купцамъ вести тамъ хлѣбныя дѣла. Имѣя такимъ образомъ запасы провіанта и фуража въ различныхъ пунктахъ, придется только устроить хлѣбопекарныя печи, чего, конечно, сдѣлать безъ конвенціи нельзя будетъ. Но все-таки вся операція по продовольствію арміи, во время марша, уже значительно облегчится. Не знаю, будетъ ли принято это предложеніе. Очень можетъ быть, что, вслѣдствіе неопредѣленности положенія и неувѣренности въ исходѣ переговоровъ, не рискнуть приступить къ большимъ затратамъ, за которыя, въ случаѣ, если войны вовсе не будетъ, придется, пожалуй, еще отвѣчать передъ министеромъ.

Вотъ уже около двухъ недѣль, какъ вся армія находится подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ болѣзни нашего главнокомандующаго. Великій князь захворалъ 7-го декабря вечеромъ. Вскорѣ болѣзнь приняла угрожающій характеръ, и мы нѣсколько дней были въ тяжеломъ ожиданіи грустнаго исхода болѣзни. Въ началѣ доктора думали, что у его высочества заворотъ кишекъ—болѣзнь неизлѣчимая. Былъ выписанъ нашъ знаменитый медикъ Пироговъ, а дня три тому назадъ пріѣхалъ Боткинъ изъ Петербурга. Трудно описать то безпокойство, которое овладѣло всѣми въ виду тяжелой болѣзни любимаго начальника. Безпокойство дошло почти до паники. Всѣ съ грустію смотрѣли на разостланную возлѣ дома солому и на барьеры, воспреещающіе ѣзду возлѣ дома больного главнокомандующаго. При встрѣчѣ другъ съ другомъ первый вопросъ: какъ здоровье великаго князя? Но благодаря Бога, уже нѣсколько дней, какъ болѣзнь приняла благопріятный результатъ: больному теперь гораздо лучше; доктора говорятъ, что онъ внѣ опасности; но тѣмъ не менѣе онъ очень слабъ и какъ, кажется, раньше двухъ недѣль не выйдетъ изъ комнаты. Съ этой точки отсрочка кампаніи тоже весьма пріятна.

Всю прошлую недѣлю у насъ стояли довольно сильные морозы, доходившіе до 15°. Снѣгу выпало довольно много, и безобразный Кишиневъ принялъ благообразный видъ. Нѣтъ ни грязи, ни ужасной гололедицы, отъ которой мы очень много перенесли разныхъ непріятностей. Но теперь дня два какъ морозы прекратились и днемъ немного таетъ, а по ночамъ морозъ доходитъ градусовъ до 4, 5.

19-го декабря. На-дняхъ я говорилъ съ однимъ генераломъ, командиромъ корпуса, о генералѣ Черняевѣ. Онъ нападалъ на него, я его защищалъ. Сущность нападокъ состояла въ слѣдующемъ: Черняевъ не сумѣлъ организовать своей арміи, не сумѣлъ довести дисциплину до

должной высоты, не сумѣлъ обуздать буйства нашимъ добровольцевъ, не сумѣлъ выбрать хорошихъ помощниковъ, наконецъ, подбивши Сербію къ войнѣ съ турками, онъ вовлекалъ и насъ въ войну, а между тѣмъ, не зная положенія политическихъ дѣлъ, онъ рисковалъ втянуть насъ въ крайне трудную для насъ европейскую войну, на что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. Я же утверждалъ, что теперь еще не время судить о Черняевѣ, надо подождать нѣсколько лѣтъ, чтобы произнести окончательное о немъ сужденіе; теперь же мы видимъ голый фактъ: онъ держался съ неустроенною арміею противъ гораздо сильнѣйшаго непріятеля въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ и держался исключительно благодаря своимъ личнымъ качествамъ.

Въ городѣ начинаютъ ходить слухи о грабежахъ и воровствѣ, будто бы совершаемыхъ войсками. Насколько это справедливо, пока сказать еще очень трудно. Никакихъ дѣлъ по этому поводу до сихъ поръ не возникало. Очень можетъ быть, что это и правда, потому что при такомъ громадномъ скопленіи войска могутъ найтись и мерзавцы. Во всякомъ случаѣ, слухи эти весьма прискорбны.

21-го декабря. Вчера я узналъ, что получено оффиціальное сообщеніе отъ военнаго министра, что отсрочка перемирія касается только Сербіи, Черногоріи и Босніи. До насъ же это перемиріе нисколько не касается, и Россія ничуть не связана имъ; такъ что мы можемъ начать военныя дѣйствія во всякое данное время. Военный министръ увѣдомляетъ въ депешѣ, что наши дѣйствія будутъ зависѣть исключительно отъ хода константинопольскихъ конференцій. Слѣдовательно, легко можетъ быть, что очень скоро мы перейдемъ границу, и слава Богу! Но я думаю, что, во всякомъ случаѣ, мы уже опоздали къ зимней кампаніи. Если даже мы перейдемъ границу около 1-го января, то все-таки придемъ къ Дунаю только въ послѣднихъ числахъ февраля. Затѣмъ надо будетъ дать отдыхъ войскамъ около недѣли. Слѣдовательно, операцію переправы черезъ Дунай мы никакъ не можемъ начать раньше конца февраля, или начала марта; а тогда едва-ли будетъ ледъ. Богъ знаетъ; будетъ ли еще ледъ на Дунаѣ въ нынѣшнемъ году.

Наше великое кишиневское сидѣніе скоро будетъ оживлено пріѣздомъ изъ Одессы французской труппы, которая намѣрена дать нѣсколько представленій. Такимъ образомъ у насъ будетъ свой буффъ.

Вчера уѣхалъ Боткинъ; немного скоро, но за то фактъ вполне успокоительный: значитъ, нашъ главнокомандующій на пути выздоровленія.

22-го декабря. Сегодня уѣхалъ Пироговъ, еще новый признакъ вполне удовлетворительнаго состоянія здоровья великаго князя. Онъ уже началъ понемногу вставать, но еще слабъ.

Сегодня скончался въ Кишиневѣ Санъ-Мартини, итальянецъ, по-

бочный братъ италіанскаго короля Виктора-Эммануила. Онъ умеръ отъ воспаления легкихъ. Онъ пріѣхалъ въ Кишиневъ около 1-го декабря и поступилъ на нашу службу подполковникомъ, былъ зачисленъ по кавалеріи и состоялъ въ распоряженіи великаго князя.

23-го декабря. Сегодня, ровно мѣсяцъ тому назадъ, началось наше кишиневское сидѣнье. Жизнь наша очень однообразна, но нельзя сказать, чтобы мы уже очень скучали. Главною причиною нашей скуки—это незнаніе того, что творится въ арміи, какіе виды и предположенія нашего начальства, какъ идутъ дипломатическіе переговоры. Съ тѣхъ поръ какъ я посвященъ во многія тайны, я почти не скучаю, только грущу, когда вспоминаю о Питерѣ и о многихъ лицахъ, къ которымъ я особенно привязанъ. Я вообще очень скоро привыкаю къ однообразію въ жизни, и оно меня не тяготитъ.

Пора поговорить о предположеніи по движенію арміи впередъ. Но прежде всего долженъ я сказать, что средства румынскихъ желѣзныхъ дорогъ крайне слабы. Вначалѣ мы предполагали и имѣли даже свѣдѣнія, что будемъ имѣть въ своемъ распоряженіи до 8 поѣздовъ въ день и сообразно этому думали пустить большую часть пѣхоты по желѣзнымъ дорогамъ и только одинъ корпусъ и всю кавалерію по обыкновеннымъ дорогамъ. Но когда были получены болѣе подробныя и вѣрныя свѣдѣнія о дорогахъ, то оказалось, что подвижной составъ румынскихъ дорогъ такъ слабъ, что изъ Яссы могутъ отправляться только по 4 поѣзда въ день, изъ Бырлада по 6 и изъ Галаца по 8 поѣздовъ въ день. Эти свѣдѣнія чрезвычайно насъ сконфузили, и было рѣшено отправить обыкновенными дорогами: всю кавалерію, 8-й и 12-й корпуса, 11-ю пѣх. дивизію и стрѣлковую бригаду, т. е. большую часть арміи. По желѣзной же дорогѣ только 9-й корпусъ, 32-ю пѣх. дивизію, понтонные, телеграфные и осадные парки. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приняты мѣры къ усиленію подвижнаго состава румынскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ видахъ этого, великій князь просилъ военнаго министра о перевозкѣ изъ австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ 50 локомотивовъ, 350 платформъ и вагоновъ, или въ собранномъ видѣ черезъ Галицію, или въ разобранномъ, въ видѣ груза, черезъ наши дороги. Надо замѣтить, что колея румынскихъ дорогъ уже нашей колеи, поэтому нашъ подвижной составъ не можетъ слѣдовать по ихнимъ дорогамъ. Колея же австрійскихъ дорогъ одинакова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предполагая, что нельзя будетъ привести въ исполненіе своевременно это предположеніе, великій князь послалъ въ Вѣну особое лицо для того, чтобы законтрактовать въ частныхъ австрійскихъ компаніяхъ нужное число подвижнаго состава.

Сегодня опять день тревожный какъ послѣдній день конференціи. Если она будетъ неудачна, то легко можетъ быть, что на-дняхъ послѣдуетъ разрывъ. Въ воздухѣ опять запахло войной. Начинаютъ разсы-

латъ офицеровъ въ различныя части для развозки приказаній и маршрутовъ движенія впередъ. Такъ, сегодня отправляютъ полковника генеральнаго штаба Золотарева въ Н. Каушаны, въ 11-й корпусъ, для отвозки приказаній маршрутовъ и инструкцій.

Сегодня рѣшено назначить начальникомъ сводной Кавказской казачьей дивизіи генераль-лейтенанта Скобелева, начальникомъ штаба этой дивизіи полковника Паренсова, а старшимъ адъютантомъ штаб-ротмистра Кирасирскаго ея величества полка Лукашева; а за отсутствіемъ Паренсова будетъ исправлять его должность капитанъ Сахаровъ.

Сегодня былъ у меня съ визитомъ поручикъ л.-гв. уланскаго ея величества полка Крестовскій, который вчера пріѣхалъ въ Кишиневъ. Онъ назначенъ состоять при арміи въ качествѣ офиціального корреспондента «Правительственнаго Вѣстника». Частныхъ корреспондентовъ имѣть при арміи запрещено, и со всѣхъ насъ взято слово ничего и никому не писать о томъ, что дѣлается въ арміи. Такъ что все, что Россія будетъ знать объ арміи, будетъ исходить изъ-подъ пера Крестовскаго. Этотъ человекъ обладаетъ довольно большимъ талантомъ и весьма хорошимъ перомъ...

24-го декабря. Вчера Тутомлинъ сообщилъ мнѣ, что на-дняхъ было получено письмо отъ полковника Паренсова изъ Вѣны и что великій князь остался чрезвычайно доволенъ этимъ письмомъ, находя Паренсова очень умнымъ и находчивымъ. Въ этомъ письмѣ Паренсовъ, между прочимъ описывалъ свой разговоръ съ нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ Новиковымъ. Имѣя порученіе отъ великаго князя узнать взгляды австрійскаго правительства о предстоящей войнѣ, онъ прямо спросилъ Новикова, каковы эти взгляды. Новиковъ отвѣтилъ, что онъ никакъ не можетъ сообщить о нихъ, потому что это государственная тайна, о которой онъ сообщилъ только государю. Не смотря на то, что Паренсовъ говорилъ ему, что это необходимо знать великому князю главнокомандующему, Новиковъ все-таки не соглашался что-либо сообщить. Подъ конецъ разговора Новиковъ съ своей стороны спросилъ, гдѣ мы будемъ переправляться черезъ Дунай.

— Между Измаиломъ и Кладовой,—отвѣчалъ Паренсовъ.

— Что это—вы смѣтаете надо мною?—сказалъ Новиковъ.

— Нѣтъ, передаю только то, что знаю.

— Но я хочу знать опредѣлительно,—сказалъ Новиковъ.

— Въ такомъ случаѣ скажу, что, кажется, около Турнъ-Северина, съ цѣлю занять Сербію.

— Бога ради,—вскрикнулъ Новиковъ,—только не занимайте Сербію! Этого здѣсь и боятся. Переправляйтесь, гдѣ хотите, но только не въ Турнъ-Северинѣ, потому что переправа въ этомъ мѣстѣ повлечетъ за

собою большія complicаціи со стороны Австріи; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ она будетъ молчать.

Такимъ образомъ, ловкимъ маневромъ (потому что онъ знаетъ о дѣйствительномъ пунктѣ переправы), онъ вывѣдалъ то, что нужно было знать.

На-дняхъ пріѣзжалъ ко мнѣ командиръ 9-й артиллерійской бригады генер.-маіоръ Аносовъ, мой бывшій батареинный командиръ, подъ начальствомъ котораго я началъ свою службу, съ юнкерскаго званія. Я былъ чрезвычайно радъ его видѣть, мы много говорили о прошломъ, а въ особенности о 3-хъ лѣтнемъ моемъ пребываніи въ Варшавѣ. Я его спрашивалъ о мобилизаціи, онъ остался ею доволенъ. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что перевозка бригады была очень дурно соображена въ томъ отношеніи, что нѣкоторые батареи, стоявшіе весьма близко отъ станцій желѣзной дороги и при томъ большихъ, въ разстояніи отъ 10 до 20 верстъ, должны были, во исполненіе плана перевозки, двигаться назадъ на разстояніи отъ 80 до 130 верстъ, чтобы садиться на полустанціяхъ, что повлекло за собою большія безпокойства. Вообще онъ находить, что послѣ окончанія мобилизаціи непременно слѣдуетъ давать нѣсколько дней свободныхъ, оставаясь на мѣстахъ, а не двигаться тотчасъ на желѣзную дорогу для посадки.

Онъ рассказывалъ, что у него большой недостатокъ въ офицерахъ, и что при мобилизаціи у него взяли 12 офицеровъ, для различныхъ назначеній.

Сегодня, послѣ нѣсколькихъ дней воинственнаго настроенія, опять взяло верхъ мирное. Почему—не знаю. Вообще, политическій барометръ то падаетъ, то поднимается.

Сегодня вернулся изъ Бухареста полковникъ генеральнаго штаба Бобриковъ, который былъ туда посланъ съ дипломатическою миссіею. Онъ представлялся князю Карлу Румынскому и имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ. Сущность этого разговора состоитъ въ томъ, что онъ намъ вполне сочувствуетъ, готовъ все сдѣлать, но боится высказывать это официально, такъ какъ въ случаѣ, если войны не будетъ, то онъ можетъ много потерять. Поэтому и не заключается до сихъ поръ конвенція съ Румыніею. Словомъ сказать, онъ боится, чтобы мы его не бросили, и потому ведетъ себя чрезвычайно осторожно. Во всякомъ случаѣ онъ рѣшился не пускать турокъ въ княжество и, съ этою цѣлью, расположилъ свои войска слѣдующимъ образомъ: одну дивизію около Галаца и Браилова, чтобы охранять здѣсь, до прихода нашихъ войскъ, узелъ желѣзныхъ дорогъ; другую дивизію—въ Калафатѣ, чтобы не пускать здѣсь турокъ; тутъ же воздвигнуты сильныя батареи, могущія даже обстрѣливать Виддинъ. По слухамъ, турки собираютъ въ Виддинѣ большія силы и готовятся отсюда перейти Дунай и вести наступатель-

ныя дѣйствія. Третья дивизія расположена противъ Журжи, съ цѣлью охранять пути къ Бухаресту. Наконецъ, четвертая—въ окрестностяхъ Бузео и Фокшанъ, служить резервомъ, долженствующимъ по обстоятельствамъ подкрѣпить или Галацкую, или Журжинскую дивизію, или же идти по направленію Силистріи, или Гирсова. Расположивъ такимъ образомъ свои войска, князь Карлъ полагаетъ, что онъ будетъ въ состояніи удержатъ турокъ до прихода нашихъ войскъ. Затѣмъ князь говорилъ, что онъ назначить особыхъ чиновниковъ для встрѣчи русскихъ войскъ и приметъ всѣ мѣры для обезпеченія ихъ всѣмъ нужнымъ. Словомъ сказать, можно, кажется, надѣяться найти въ Румыніи полное намъ сочувствіе. Но, впрочемъ, князь сказалъ, что румынскія войска будутъ уходить изъ тѣхъ мѣстностей, которыя будутъ занимать нашими войсками.

28-го декабря. Послѣдній еженедѣльный рапортъ великаго князя государю былъ очень интересенъ, но далеко не утѣшителенъ. Передамъ его сущность. Сербія находится въ критическомъ положеніи. Послѣ продленія перемирія, было получено извѣстіе, что партія мира хлопочетъ о заключеніи сепаратнаго мира, такъ какъ Сербія не можетъ оказать туркамъ ни малѣйшаго сопротивленія и такъ какъ продленіе военнаго положенія весьма тяжело отражается на матеріальномъ положеніи страны. Войско тамъ распущено, не хочетъ сражаться, духъ совсѣмъ упалъ. Въ виду подобнаго состоянія дѣлъ, военный министръ сообщилъ великому князю, что государь находилъ присутствіе тамъ Никитина и нашихъ добровольцевъ бесполезнымъ, а потому спрашиваетъ мнѣнія великаго князя, не отозвать ли ихъ. Его высочество въ рапортѣ своемъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ отозваніе Никитина нежелательнымъ, потому что это отозваніе имѣло бы непремѣннымъ слѣдствіемъ заключеніе Сербіею сепаратнаго мира. А между тѣмъ, весьма желательно, чтобы она не заключала подобнаго мира, такъ какъ, во-первыхъ, въ случаѣ заключенія его, мотивы войны нашей съ турками значительно ослабѣваютъ, а во-вторыхъ, турки выведутъ всѣ свои войска изъ Сербіи и Босніи и встрѣтятъ насъ съ большими силами на Дунаѣ. Вслѣдствіе этого его высочество находитъ необходимымъ поддержать Сербію въ матеріальномъ отношеніи и употребить все вліяніе, чтобы она не заключала мира.

Получено сообщеніе отъ Новикова, что Австрія вообще будетъ смотрѣть не недружелюбно на нашу войну съ Турціею, но только при томъ условіи, чтобы мы не занимали Сербіи ни всею арміею, ни болѣе или менѣе сильною частью ея. Но если наши войска появятся въ Сербіи, то правительство Австро-Венгріи отнесется къ этому появленію враждебно, и такимъ образомъ занятіе Сербіи, хотя частью нашихъ войскъ, повлечетъ къ весьма серьезнымъ политическимъ усложненіямъ. Имѣя

въ виду, что, съ одной стороны, посылка войскъ въ Сербію весьма желательна, такъ какъ Сербія, предоставленная самой себѣ, рискуетъ быть раздавленной и совершенно ограбленной турками и не окажетъ имъ ни малѣйшаго сопротивленія; а съ другой стороны, имѣя въ виду тѣ серьезныя политическія затрудненія, какія повлечетъ за собою появленіе нашей дивизіи въ Сербіи, великій князь прежде, чѣмъ рѣшить, остаться ли при прежней мысли или отказаться отъ нея, испрашиваетъ высочайшее повелѣніе по сему предмету. Вообще это заявленіе Новикова хотя съ одной стороны и пріятно, но, съ другой стороны, связываетъ намъ руки. Пріятно потому, что Австрія, повидимому, дастъ намъ свободу дѣйствія, если мы не займемъ Сербіи.

Что касается до Румыніи, то князь Карлъ, повидимому, ведетъ двойную игру: на словахъ онъ до крайности любезенъ, на дѣлѣ же въ высшей степени сдержанъ.

Третьяго дня я былъ на балу въ здѣшнемъ дворянскомъ клубѣ. Общество было довольно многочисленное, зала очень хороша, но хорошенькихъ лицъ совсѣмъ нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, для Кишинева балъ можно считать вполне удавшимся.

Великому князю опять сдѣлалось хуже. Ухудшеніе началось 24-го декабря. Доктора опять встревожились и снова послали за Пироговымъ, который сегодня и пріѣхалъ.

29-го декабря. Сегодня распространился до крайности непріятный слухъ. Выходя изъ «Швейцарской» гостиницы, гдѣ я завтракалъ вмѣстѣ съ полковникомъ Вульффертомъ, я встрѣтилъ генерала Сталя, директора военныхъ телеграфовъ и военной почты. Онъ мнѣ сказалъ, что получилъ письмо изъ Петербурга, сообщающее, что тамъ сильно распространился слухъ, будто рѣшено назначить новаго главнокомандующаго арміею, — Коцебу. Это назначеніе мотивируютъ тѣмъ, что великій князь серьезно боленъ, еще не скоро поправится и хотя и выздоровѣетъ, но еще долго не будетъ въ состояніи садиться верхомъ. Слухъ этотъ ужасно поразилъ насъ. Во-первыхъ, въ высшей степени жалко разставаться съ великимъ княземъ; во-вторыхъ, въ высшей степени непріятно получить начальникомъ Коцебу, который тѣснитъ русскихъ и протезируетъ нѣмцамъ. Сегодня за обѣдомъ во дворцѣ (надо сказать, что, не смотря на болѣзнь великаго князя, мы все-таки обѣдаемъ у него), я обратился къ генералу графу Мавросу (состоящему при великомъ князѣ) съ вопросомъ, знаетъ ли онъ Коцебу.

— Ахъ, не говорите мнѣ про него, — отвѣтилъ Мавросъ; — если только оправдается слухъ, что онъ будетъ назначенъ главнокомандующимъ, то я убѣгу изъ арміи. Надо сказать, что я его родственникъ, а потому имѣю полное право говорить о немъ, такъ какъ я его отлично знаю. Онъ былъ въ послѣднюю кампанію начальникомъ штаба арміи у князя

Горчакова, и надо было видѣть, съ какою мефистофельскою, радостною улыбкою онъ выслушивалъ распоряженія князя, когда тотъ, въ разсѣянности, отдавалъ ошибочныя приказанія. Онъ радовался всякой ошибкѣ главнокомандующаго. Онъ удалялъ всѣхъ русскихъ и окружалъ себя нѣмцами.

Слухъ о назначеніи Коцебу очень скоро распространился, и надо было видѣть, какъ всѣ были поражены. Грустно, очень грустно разстаться съ любимымъ начальникомъ и получить вмѣсто него другаго. Какъ всѣ радовались назначенію великаго князя, такъ теперь всѣ убиты однимъ только слухомъ. Что же будетъ, если слухъ сдѣлается дѣйствительностью?

9-го января 1877 г. Въ планѣ о движеніи арміи произошла весьма важная перемѣна. Послѣдовало недавно высочайшее повелѣніе объ отозваніи изъ Сербіи генерала Никитина и разрѣшено добровольцамъ нашимъ возвратиться домой. Въ высшей степени жаль Сербіи, которая теперь предоставлена своимъ собственнымъ средствамъ. Въ случаѣ войны, она не окажетъ никакого сопротивленія туркамъ и будетъ очень скоро уничтожена и разорена. Ей остается одно—заключить сепаратный миръ. Но кого же мы будемъ спасать? война, такимъ образомъ, теряетъ *raison d'être*. Добровольцы уже начали выѣзжать изъ Сербіи отдѣльными партіями, человекъ по 400. Первая партія проѣхала черезъ Кишиневъ сегодня въ три часа ночи. Ихъ, повидимому, опасаются. Во вчерашнемъ отчетѣ государю, я, между прочимъ, помѣстилъ (разумѣется, по приказанію начальства), слѣдующую фразу: «принимая во вниманіе, что скопленіе большого числа людей, возвращающихся съ театра военныхъ дѣйствій, безъ опредѣленнаго положенія и отчасти отвыкшихъ отъ воинской дисциплины, можетъ подать поводъ къ разнымъ недоразумѣніямъ, сдѣлано распоряженіе о провозѣ добровольцевъ черезъ все расположеніе арміи въ видѣ воинскихъ командъ; при чемъ въ Кишиневѣ разрѣшено выпускать изъ вагоновъ только мѣстныхъ уроженцевъ». Фраза эта вышла изъ-подъ моей редакціи значительно смягченною; К. Левицкій же мнѣ говорилъ гораздо рѣзче. Бѣдные добровольцы: ихъ провозятъ какъ зачумленныхъ, боятся ихъ соприкосновенія съ арміею и это за то, что ихъ въ началѣ вся Россія прославляла; за то, что они молодцами, не жалѣя себя, ратовали за славянское дѣло, а главное—за то, что они были подчинены Черняеву, который развратилъ ихъ, разбивъ въ нихъ всякое понятіе о дисциплинѣ! Я убѣжденъ, что все это есть дѣло рукъ К. Левицкаго.

Вотъ уже нѣсколько дней, ходитъ онъ совсѣмъ убитый и разстроенный. Дѣло вотъ въ чемъ. Когда мы приступили къ составленію соображеній по движенію арміи впередъ, тогда я и всѣ другіе наши офицеры, которые были въ состояніи говорить объ этомъ предметѣ, совѣтовали

Казимиру прежде всего послать въ Румынію офицеровъ генеральнаго штаба, для осмотра дорогъ и для собранія на мѣстѣ всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ для составленія соображеній по движенію арміи. Но онъ нашелъ, что невозможно послать въ Румынію ни одного офицера, что это крайне неловко. Я нѣсколько разъ приставалъ къ нему съ этимъ вопросомъ, но всякій разъ получалъ отвѣтъ: «это невозможно».

— Почему же невозможно?—спрашивалъ я.

— Невозможно,—отвѣчалъ онъ,—и только.

Такимъ образомъ, пришлось руководиться только одною 10-ти верстною картою. Вслѣдствіе этого было рѣшено двинуть одну колонну на Рени и Галацъ. Впослѣдствіи, когда оказалось, что переправа черезъ Днѣстръ у Дубоссаръ крайне не надежна, рѣшено двинуть тою же дорогою 11-ю кавалерійскую дивизію. Наконецъ, когда отказались отъ посылки въ Сербію 32-й дивизіи, то рѣшили и ее двинуть тоже на Рени и Галацъ. Такимъ образомъ черезъ Рени должна была пройти колонна изъ 30 баталіоновъ пѣхоты, 96 пѣш. ор., 42 эскадрона и 24 конныхъ орудія. И что же вдругъ оказалось? Оказалось, что у Рени нѣтъ моста черезъ Прутъ; что дорога въ этомъ мѣстѣ проходитъ всего въ разстояніи 700 саж. отъ Дуная, что мѣстность здѣсь низменная, вслѣдствіе чего одинъ мониторъ, поставленный на Дунай, противъ впаденія Прута, помѣшаетъ устройству моста, что часть дороги отъ Рени до Галаца затопляется разливомъ Дуная. Однимъ словомъ, что движеніе по этой дорогѣ не возможно. Такимъ образомъ колонна могла подойти къ Рени и остановиться, за невозможностію дальнѣйшаго движенія. Къ счастью, на-дняхъ все это обнаружилось; что дѣлать? Посмотрѣть, нельзя ли переправиться гдѣ-нибудь по близости. Оказалось, что верстахъ въ 40 выше Галаца есть деревня Водолуй-Исакча, гдѣ существуетъ паромная переправа и гдѣ въ 1828 году перешли наши войска. Но весною Прутъ разливается и затопляетъ всю близъ лежащую мѣстность. Возможенъ ли тогда переходъ въ этомъ мѣстѣ? Сидя въ Кишиневѣ, рѣшить этотъ вопросъ нельзя. Надо посмотрѣть на мѣстѣ. И вотъ—волею неволею, пришлось послать туда офицера. Съ этою цѣлью отправился сегодня въ Галацъ полковникъ генеральнаго штаба Зомотаревъ. Сдѣлали то, что надо было сдѣлать еще въ началѣ декабря.

Левицкій уже давно разошелся съ Драгоміровымъ и теперь при всякомъ случаѣ старается повредить ему. Такъ, въ отчетѣ государю о смотрѣ великимъ княземъ 14-й пѣх. дивизіи я написалъ, что дивизія оказалась въ очень хорошемъ видѣ. Онъ вычернулъ слово очень. Затѣмъ на одномъ изъ смотровъ, великій князь замѣтилъ, что не слѣдуетъ дѣлать отступленій отъ устава. И вотъ Левицкій, побывавъ недавно на одномъ ученіи какой-то части 14-й дивизіи, поднялъ во

дворцѣ разговоръ, что Драгоміровъ напрасно дѣлаетъ нововведенія въ уставѣ и постоянно отъ него отступаетъ. Разговоръ этотъ велся горячо и громко, такъ чтобы всѣ слышали. Скверно; но въ духѣ говорившаго.

12-го января. На-дняхъ насъ призывалъ къ себѣ Непокойчицкій и передалъ благодарность государя за то, что всѣ управления штаба живутъ между собою мирно, дружно, безъ всякихъ интригъ. Государь прибавилъ, что старики не запомнятъ такого дружнаго, мирнаго штаба. Все это благодаря присутствію во главѣ арміи великаго князя, котораго всѣ любятъ, которому всѣ довѣряютъ и которому всѣ стараются угодить. Онъ все еще боленъ, вчера было лучше, но никто не радуется еще этому улучшенію; ему уже нѣсколько разъ бывало лучше, но затѣмъ опять становилось хуже и боялся радоваться.

Я уже говорилъ, что 32-я дивизія должна будетъ направиться черезъ Галацъ, Браиловъ, Слободзею и Обилешти въ Будешти. Ее предполагаютъ направить небольшими эшелонами въ составѣ одного полка пѣхоты, двухъ батарей и трехъ сотенъ казаковъ каждый. Впрочемъ, два задніе эшелона будутъ имѣть только по одной батарее. Дивизіи этой придется идти по близости отъ Дуная, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ разстояніи менѣе 10 верстъ, въ другихъ менѣе 20 верстъ. Вслѣдствіе этого дивизіи придется совершать опасный фланговый маршъ въ весьма близкомъ отъ непріятеля разстояніи. Когда я узналъ объ этомъ, то я былъ пораженъ тою легкостью, съ какою отнеслись къ движенію этой дивизіи, скажу болѣе: тою безпечностью, съ которою составилъ К. Левицкій соображеніе по движенію дивизіи. Я указалъ ему опасность этого марша и доказывалъ, что турки, обладая большими перевозочными средствами, могутъ легко перебросить на лѣвый берегъ Дуная около 15 т., напасть и разбить слабые эшелоны дивизіи, разбросанные на большомъ протяженіи, прежде чѣмъ успѣютъ принять какія-либо мѣры для парирования удара. Въ виду этого обстоятельства, слѣдуетъ усилить эшелоны, назначивъ въ каждый эшелонъ по бригадѣ пѣхоты, по три пѣшихъ батареи и по одному казачьему полку. При этомъ получится только два эшелона, да къ тому же слѣдуетъ вести ихъ въ разстояніи никакъ не болѣе 20 верстъ одинъ отъ другаго и даже лучше, если въ меньшемъ разстояніи. Полковникъ Николай Левицкій поддерживалъ меня и доказывалъ, что такъ какъ движеніе совершается вблизи отъ непріятеля, то не слѣдуетъ намъ предрѣшать порядокъ марша, а слѣдуетъ предоставить это усмотрѣнію начальника дивизіи, на которомъ лежитъ отвѣтственность за цѣлость дивизіи. Это, пожалуй, и вѣрно. Но К. Левицкій уперся на своемъ. Онъ говорилъ, что турки не рѣшатся на переходъ черезъ Дунай, а между тѣмъ большіе эшелоны нельзя будетъ размѣстить по квартирамъ и надо будетъ располагать биваками, что, вѣроятно отразится на здоровьи войскъ.

На это я возражалъ, что мы вѣдь хотѣли вести зимнюю кампанію и тогда бы пришлось располагать биваками всю армію, и тогда никто не думалъ о развитіи болѣзненности. Затѣмъ я указалъ на примѣръ Кавказа, гдѣ войска по цѣлымъ мѣсяцамъ ходили въ суровое время года по горамъ и подъ дождемъ и при сильныхъ морозахъ. Что, конечно, слѣдуетъ думать объ удобствахъ ночлеговъ, но не тогда, когда непріятель въ разстояніи какихъ-нибудь 7—10 верстъ. Въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ должно поставить условія боя. Лучше потерять больными человекъ 200—300, чѣмъ подвергнуть всю дивизію риску пораженія. Къ тому же каждому эшелону придется простоять на открытомъ воздухѣ всего 4—5 ночей, и при томъ всякій разъ половина эшелона будетъ расположена по квартирамъ, но не смотря на всѣ доводы, онъ стоялъ на своемъ. Наконецъ, пошелъ къ Непокойчицкому и, переговоривъ съ нимъ, вернулся назадъ и сказалъ, что утверждены малые эшелоны. Тогда я сказалъ:

— Мое дѣло указать, какъ я думаю и какъ слѣдуетъ поступить—воля начальства принять или не принять совѣтъ. Но не забудьте, какое тяжелое впечатлѣніе на всю армію произведетъ пораженіе цѣлой дивизіи въ началѣ кампаніи. Подумайте объ этомъ еще разъ и не рискуйте принять на совѣсть результаты этого пораженія. Затѣмъ я долженъ замолчать.

Но, несмотря на всѣ возраженія, онъ выказалъ стойкость достойную лучшей участи. Остается желать, чтобы мои опасенія не оправдались и чтобы турки оказались бездѣйствующими.

11-го февраля. Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, что я не писалъ своего дневника. Въ этотъ мѣсяцъ ничего особенно интереснаго не послѣдовало. Политическій горизонтъ все еще не разъясняется. Мы все еще находимся въ полной неизвѣстности относительно того, будетъ ли война, или вѣтъ. Румынія, которая одно время начала склоняться въ нашу пользу и уже готова была подписать конвенцію, опять нѣсколько отшатнулась отъ насъ. Въ министерство румынское вошло нѣсколько членовъ, къ намъ враждебныхъ. Сербія и Черногорія ведутъ съ Турціею мирные переговоры и, кажется, заключать съ нею сепаратный миръ. Если это будетъ, то мирное разрѣшеніе вопроса сдѣлается вѣроятнымъ...

На этомъ, къ сожалѣнію, кончается интересный дневникъ Дмитрія Станиславовича Нагловскаго.

Письма императрицы Маріи Ѣеодоровны

къ великимъ князьямъ

Николаю и Михаилу Павловичамъ.

Великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи все время просили позволенія принять фактическое участіе въ Отечественной войнѣ, но ни императоръ Александръ, ни императрица Марія Ѣеодоровна на это не соглашались. Только тогда получили они разрѣшеніе, когда война была перенесена во Францію; но и тутъ, по причинѣ разныхъ затрудненій, они поспѣли въ Парижъ, когда все уже было кончено.

Отпуская младшихъ сыновей своихъ за границу и въ дѣйствующую армію, императрица написала большое письмо ¹⁾, которымъ напутствовала своихъ дѣтей на открывавшееся передъ ними новое поприще жизни. Во время путешествія великихъ князей сопровождала: Ламсдорфъ, Алединскій, Арсеньевъ, Джанноти и докторъ Рюль.

«Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этой поѣздкѣ, — говоритъ баронъ Корфъ въ своей біографіи императора Николая ²⁾, — и о пребываніи великихъ князей за границею мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что они постоянно переписывались оттуда со своею родительницею, и эта переписка должна еще гдѣ-нибудь находиться».

Письма императрицы Маріи Ѣеодоровны хранятся въ Архивѣ Собственной Его Величества бібліотеки и съ соизволенія Государа Императора печатаются ниже на страницахъ журнала.

Р е д.

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 98, стр. 75.

²⁾ Тамъ же, стр. 81.

Num. 1.

Ce Jeudi, à sept heures du soir. Ce 13 Mai 1815.

Me voici déjà rapprochée de 4 heures du bonheur de vous revoir, mes chers enfants; vous voyez, cher Nicoche, que je mets à profit la consolation que vous m'avez donnée tantôt, et que je m'occupe déjà de votre retour, et, grand Dieu, puisse-t-il se réaliser au plus tôt. Je ne vous parlerai pas de notre retour à nous trois: personne de nous n'a dit mot, et cependant toutes trois nous pensions aux mêmes objets, à ces calèches qui m'emportent ceux que j'aime mille fois plus que moi même; vous n'avez qu'à deviner leurs noms. A la porte de la ville je me suis jetée presque hors de la portière pour saluer aussi amicalement que possible les moustaches qui vous ont rendu... furieux tantôt: ils n'ont pas produit cet effet sur moi; mais bien celui de sillonner mes joues de larmes. Arrivée ici je suis entrée chez Annette, j'ai passée chez le petit, qui m'a dit que vous viendriez bientôt: дадушки скоро будутъ; s'il dit vrai, il m'en deviendra encore plus cher. J'ai été droit chez vous; j'ai trouvé le bon vieux dogue auquel j'ai fait vos compliments, j'ai trouvé aussi Perinkow auquel je les ai fait de même: le petit Joseph était avec eux, que j'ai caressé; ensuite j'ai demandé aux deux valets de chambre dans quel bureau se trouvaient les lettres, et j'ai dit de les cacheter, je leur ai envoyé mes cachets et eux garderont les clefs. Revenue chez moi, j'ai trouvé Villamof que j'ai chargé d'écrire d'abord à Block pour lui dire d'aller remettre les 500 roubles au g(énéral) Krapowitzki pour l'officier Запольский d'Ismailowski, et de m'apporter demain les 100 roubles pour les gens qui ont travaillé à Cronstadt; je soignerai aussi la bague; je me suis mise à écrire à l'emp(ereur) et à expédier le courrier, mais je ne me sentais pas en train d'écrire. Ceci terminé, je prends la plume pour vous tracer ces mots, cela me console, je ne pleure plus tant, je jouis de l'illusion de vous parler, mais j'aimerais bien mieux la réalité. Chers enfants, voyagez heureusement, portez vous bien, pensez à moi, répétons nous souvent: Съ нами Богъ; j'espère que cette lettre vous parviendra demain; j'en ai prié Tiesenhausen. Pas de courrier de l'emp(ereur); au reste je n'ai vu personne. Je viens d'envoyer chez M-r de Glinka pour savoir s'il a retrouvé quelques effets, surtout ses papiers; je ne terminerai ma lettre qu'après avoir reçu sa réponse. J'embrasse le cher papa Lamsdorf et fais mes compliments à tous vos messieurs; quelque chose de particulier au bon Rühl. Bonsoir, mes bons, chers enfants, demain je vous écrirai par vos messieurs, après-demain par la poste: enfin je me rapproche de vous tant, tant que je pourrai. Adieu, cher Nicoche, adieu, cher Michel, je vous embrasse de tout mon cœur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Chers enfants, il est 9^{1/2} et je n'ai pas de réponse de Glinka, on ne peut le trouver, sa belle-mère m'a fait dire qu'il était à l'Institut de s-te Catherine, et Mad. ¹⁾... vient de me faire dire qu'il n'y est pas; apparemment qu'il est allé demeurer chez un ami; aussi ce ne sera donc que demain que je pourrai vous donner des nouvelles de ses pertes. Bonsoir, mes bons amis. Chrebtow vient de me dire que la première maison de commerce anglaise ici avait reçu la nouvelle que les Anglais avaient déclaré la guerre à la France: le sang donc va couler. Chers, chers enfants, que Dieu vous conserve.

Четвертъ, 13-го мая 1815 г. 7 часовъ вечера.

(Переводъ). Вотъ уже счастливая минута свиданія съ вами, дорогія дѣти, стала на 4 часа ближе; вы видите, дорогой Никошъ, что я воспользовалась утѣшеніемъ, которое вы мнѣ подали, и что я уже думаю о вашемъ возвращеніи: Боже мой, если бы это осуществилось поскорѣй!

Не стану говорить вамъ о томъ, какъ мы возвратились ²⁾ всѣ трое; никто изъ насъ не произнесъ ни слова, а между тѣмъ мы всѣ трое думали объ одномъ и томъ же: о коляскахъ, умчавшихъ тѣхъ, коихъ я люблю тысячу разъ болѣе, нежели самое себя; вамъ не трудно угадать ихъ имена.

Подѣзжая къ городскимъ воротамъ, я едва не выскочила изъ дверецъ (кареты), чтобы поклониться какъ можно привѣтливѣе усачамъ, которые привели васъ передъ отъѣздомъ въ такую ярость: на меня они не произвели подобнаго впечатлѣнія, но вызвали слезы, которыя оросили мои щеки. Приѣхавъ сюда, я прошла къ Анетѣ и къ малюткѣ, который сказалъ мнѣ, что вы скоро приѣдете: «дадушки скоро будутъ»; если онъ говоритъ правду, то станетъ мнѣ еще дороже. Затѣмъ я отправилась прямо къ вамъ; увидавъ добраго стараго дога, я передала ему отъ васъ поклонъ, видѣла также Перинкова, которому также поклонилась отъ васъ: съ ними былъ маленькій Иосифъ, котораго я приласкала; потомъ я спросила обоихъ камердинеровъ, въ которой конторкѣ лежатъ письма, и приказала ихъ опечатать; я послала имъ свою печать, ключи останутся у нихъ. Вернувшись къ себѣ, я застала Вилламова, которому поручила написать Блоку, чтобы онъ отправился къ ген. Храповицкому и передалъ ему 500 р. для офицера Измайловскаго полка Запольскаго и привезъ мнѣ завтра 100 р. для раздачи людямъ, работавшимъ въ Кронштадтѣ. Я позабочусь также о перстнѣ. Потомъ я

¹⁾ Фамилія не разобрана.

²⁾ Послѣ проводовъ.

принялась писать императору и отвѣчать на письма, но была не въ ударѣ писать.

Покончивъ съ этимъ, я берусь за перо, чтобы написать вамъ эти строки; это меня утѣшаетъ, я меньше плачу и наслаждаюсь воображаемой бесѣдою съ вами; но конечно я предпочла бы несравненно болѣе дѣйствительность. Желаю вамъ благополучнаго путешествія, дорогія дѣти, будьте здоровы, вспоминайте обо мнѣ; будемъ часто говорить себѣ: Съ нами Богъ; надѣюсь, что вы получите это письмо завтра; я просила объ этомъ Тизенгаузена. Отъ императора не было курьера; впрочемъ я никого не видѣла. Сейчасъ послала къ г. Глинкѣ узнать, отыскались ли его вещи, въ особенности бумаги. Не закончу этого письма до полученія отъ него отвѣта. Цѣлую дорогаго папашу Ламсдорфа, кланяюсь всѣмъ вашимъ кавалерамъ, шлю особый привѣтъ доброму Рюлю. Прощайте, дорогія дѣти, буду писать вамъ завтра съ вашими кавалерами, а послѣ-завтра по почтѣ; словомъ, я стараюсь быть къ вамъ какъ можно ближе. Прощайте, дорогой Николъ, прощайте, дорогой Михаилъ, цѣлую васъ отъ души и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Дорогія дѣти, уже 9^{1/2} часовъ, а я не получила отвѣта отъ Глинки, его не могутъ разыскать; его теща прислала сказать, что онъ въ Екатерининскомъ институтѣ, а г-жа ¹⁾ увѣдомила меня сейчасъ, что его тамъ нѣтъ; очевидно, онъ отправился къ кому-либо изъ своихъ друзей; поэтому я только завтра буду имѣть возможность сообщить вамъ о томъ, что у него пропало. Прощайте, добрые друзья мои. Хрентовъ только-что сообщилъ мнѣ, что первый англійскій торговый домъ въ Петербургѣ получилъ извѣстіе, что англичане объявили войну Франціи: итакъ кровь польется. Дорогія дѣти, да хранить васъ Господь.

Num. 2.

Ce Vendredi, 14 Mai à 8^{1/2} du soir.

Chers enfants, j'ai reçu vos deux lettres de Kaskowo et à 3 heures aujourd'hui celle de Narva, et vous embrasse de tout, tout mon cœur pour vous remercier de porter ce baume consolateur dans le cœur de maman, qui en a grand, grand et grand besoin. Vous voyagez d'une vitesse, mes enfants, à désoler, à ce que je suppose, le feldjäger qui court après vous depuis hier au soir. Je suis charmée, cher Nicoche, de vous savoir bien appâtelés; j'espère que vous conserverez alors bonne mine, et je voudrais qu'à Berlin, pour certaine cause à nous connue, vous paraissiez avec un air de prospérité, et non pas avec la mine d'un long sec. Je

¹⁾ Фамилія не разобрана.

prendrai des informations, cher Nicoche, sur le cuisinier et viendrai à son secours avec vous, mes enfants; mais comment a-t-il perdu son avoir la nuit passée; est-ce à l'incendie d'ici? J'ai vu aujourd'hui le bon Glinka: heureusement que le premier volume de sa traduction était chez un copiste; pour ses autres papiers, il est encore à les arranger et ignore ce qu'il en a perdu jusqu'à ce moment! Son argent lui a été volé de même que son linge, celui de sa femme, des objets en argenterie, et sa bibliothèque a beaucoup souffert; mais ce qui est très particulier, c'est qu'il a trouvé son bureau fermé, il en avait la clef en poche, et lorsqu'il l'a ouvert, il a trouvé qu'il avait été ouvert et qu'on lui en avait enlevé 6 mille et quelques centaines de roubles qui s'y trouvaient, et qu'on avait dérangé ses papiers pour les prendre, ensuite le bureau avait été refermé. J'en ai averti ce matin M-r de Wesmitinof, et j'ai fait écrire le fait à M-r de Gorgoli en lui faisant dire, que j'espérais que vu le bon ordre de notre police l'argent se retrouverait, que j'en étais persuadée. En attendant, mes chers enfants, j'ai dit à Block d'après vos désirs qu'il remette en vos noms de la part de chacun de vous deux mille roubles à M-r de Glinka, et Anne et moi y avons ajouté notre contingent. J'ai rempli vos désirs aussi, cher Nicoche, pour l'officier d'Ismailowski, et les 500 roubles ont été apportés ce matin par Block à M-r de Krapowitzki. J'ai envoyé de même ce matin au marquis les mille roubles pour les ouvriers de Cronstadt et la bague pour le commissaire. Le marquis m'a fait avertir que le vent était parfait, et qu'à midi le bâtiment allait se mettre sous voile, ainsi il doit être en pleine mer depuis huit heures. J'ai dit à Block ce matin, cher Michel, d'aller chez M-r de Taube pour le prier de m'avertir lorsque M-r le colonel Basilewitch serait parti, alors je lui ferai remettre vos mille roubles. Vous voyez, mes bons amis, que je suis exacte à remplir vos commissions et à m'occuper de vous. Je vous dirai que je ne suis pas sortie ce matin, j'ai été occupée chez moi; j'ai eu la visite du bon Tolstoi auquel j'ai fait vos compliments et commissions, mais il ne veut pas me donner de lettres pour son fils; son grade, dit-il, l'en empêche, et il espère que vous le ferez venir, lui parlerez et lui direz la bonne nouvelle de la délivrance de sa soeur. J'ai dit adieu au comte Rostopchin, dont la conversation m'a beaucoup intéressée ce matin, il s'est deboutonné, et il m'a conté bien des anecdotes intéressantes sur les événements passés. J'ai dîné dans mon cabinet avec Kurakin, Kotchoubey, Golowkin, la Sievers, la Nélidof et Villamof; ma belle-sœur a été des nôtres; chacun m'a parlé de vous; les assidus se rappellent à votre souvenir. Cet après-dîné j'ai vu le bon Jeannotti et vos deux messieurs, mais j'ai prié ceux-ci de revenir, ma lettre n'étant pas prête. Je suis allée dire adieu aux orphelins militaires et à l'Institut Marie et me voici, mes bons amis, jasant avec vous. Mais pour tenir un langage qui

vous fasse plaisir, cher Michel, je vous dirai que Nap(oléon) s'amuse ou du moins s'occupe à faire emballer les chefs-d'œuvre de l'art à Paris et que les dames de la halle lui ont donné à cause de cela le surnom de prince Lamballe. M-r Mentureau est revenu à Paris, un commandant prussien s'est amusé à la frontière à lui faire donner des coups de bâton, ce qui lui a fait dire à Paris, que les hostilités avaient commencé. Qu'en dites vous, mes enfants? Que cette nation est légère, frivole et méprisable! Notre temps est mauvais, et nous n'avons pas de courrier de l'emp(ereur). Je m'y perds et ne sais plus qu'en penser, mais j'avoue que cela m'inquiète beaucoup. D'après les gazettes les hostilités doivent commencer, mais on dit que plusieurs régiments français passent du côté du roi. On annonce la déclaration de guerre de l'Angleterre comme prochaine. Au reste vous apprendrez ces nouvelles plus tôt que nous. Dieu veuille que cet état de choses finisse bientôt et que vous nous reveniez, chers et bons enfants, sous d'aussi heureux auspices que la dernière fois et mes vœux soient exaucés. Bonsoir, mes bons amis, j'embrasse papa Lamsdorf; mes compliments à vos messieurs et au bon Rühl. Je vous donne mes tendres bénédictions et vous aime de tout, tout mon cœur. Restez toujours les mêmes, chers enfants, et maman sera heureuse.

Marie.

Пятница, 14-го мая, 8½ часовъ вечера.

(Переводъ). Дорогія дѣти, я получила ваши два письма изъ Каскова, а сегодня въ 3 часа письмо изъ Нарвы. Отъ всего, отъ всего сердца цѣлую васъ и благодарю за этотъ утѣшительный бальзамъ, пролитый въ сердце вашей матери, которая очень, очень и очень въ немъ нуждается.

Вы путешествуете, дѣти мои, съ такою быстротою, которая приведетъ, я думаю, въ отчаяніе фельдъегеря, отправившагося за вами въ догонку вчера вечеромъ. Мнѣ очень пріятно слышать, дорогой Никошъ, что вы хорошо питаетесь; надѣюсь, что вы сохраните въ такомъ случаѣ здоровый, бодрый видъ.

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы, по извѣстной намъ причинѣ, вы появились въ Берлинѣ въ цвѣтущемъ видѣ, а не въ видѣ длинной засушенки. Я наведу, дорогой Никошъ, справки насчетъ повара и помогу ему, любезныя дѣти, вмѣстѣ съ вами; но какимъ образомъ потерялъ онъ свое имущество прошлую ночью? Развѣ во время бывшаго тутъ пожара? Я видѣла сегодня добраго Глинку: къ счастью, первый томъ его перевода находился у переписчика; что касается прочихъ его бумагъ, то онъ

еще приводить ихъ въ порядокъ и до сихъ поръ не знаетъ, что изъ нихъ утрачено. У него украли деньги, бѣлье, его собственное и его жены серебряныя вещи; его библиотека также сильно пострадала; но что особенно странно, это то, что его конторка оказалась запертою; ключъ отъ нея былъ у него въ карманѣ, а когда онъ ее открылъ, то оказалось, что она была вскрыта, и что у него украдено болѣе шести тысячъ п. рублей, лежавшихъ въ этой конторкѣ, и что для того, чтобы достать деньги, перерыли его бумаги, а затѣмъ конторка снова была заперта. Я дала знать объ этомъ сегодня утромъ Вязмитинову и велѣла написать о случившемся Горголи, приказавъ сказать ему, что, зная благоустройство нашей полиціи, я надѣюсь, что деньги найдутся и что я даже убѣждена въ этомъ. Пока, дорогія дѣти, я сказала Блоку, согласно вашему желанію, чтобы онъ передалъ отъ каждого изъ васъ по двѣ тысячи рублей г. Глинкѣ; Анна и я приложили къ этому нашу долю. Я исполнила также ваше желаніе, дорогой Никошъ, относительно офицера Измайловскаго полка. Блокъ отвезъ сегодня утромъ 500 р. Храповицкому; я послала также сегодня утромъ маркизу ¹⁾ тысячу рублей для кронштадтскихъ рабочихъ и перстень для комиссара.

Маркизь прислалъ сказать мнѣ, что вѣтеръ прекрасный и что судно выйдетъ изъ гавани въ полдень; слѣдовательно, оно находится въ морѣ уже цѣлыхъ восемь часовъ. Я сказала сегодня утромъ Блоку, дорогой Михаилъ, чтобы онъ отправился къ г. Таубе и попросилъ его дать мнѣ знать, когда ѣдетъ полковникъ Базилевичъ; тогда я прикажу дать ему вашу тысячу рублей. Какъ видите, добрые друзья мои, я въ точности исполняю ваши порученія и занимаюсь вашими дѣлами. Скажу вамъ, что я не выходила сегодня утромъ, была занята дома; у меня былъ добрый Толстой, которому я передала отъ васъ поклонъ и ваши порученія, но онъ не хочетъ дать мнѣ писемъ для его сына; его чинъ не позволяетъ этого, говоритъ онъ; онъ надѣется, что вы призовете его къ себѣ, поговорите съ нимъ и сообщите ему добрую вѣсть о разрѣшеніи его сестры отъ бремени.

Я простилась съ гр. Ростопчинымъ; бесѣда съ нимъ меня очень заинтересовала сегодня утромъ; онъ былъ очень откровененъ и разсказалъ мнѣ много интересныхъ анекдотовъ о прошлыхъ событіяхъ. Я обѣдала у себя въ кабинетѣ съ Куракинымъ, Кочубеемъ, Головкиною, г-жею Сиверсъ, Нелидовой и Вилламовымъ. Моя невѣстка также была съ нами; всѣ говорили о васъ. Завсегдатаи просятъ напомнить вамъ о нихъ. Сегодня, послѣ обѣда, я видѣла добраго Жанноти (Джанноти) и вашихъ двухъ кавалеровъ; я просила ихъ зайти еще разъ, такъ какъ мое письмо не готово. Я ѣздила проститься съ сиро-

¹⁾ Траверсе.

тами военнаго вѣдомства и въ Маріинскій институтъ, а теперь, добрые друзья мои, я болтаю съ вами. Чтобы повеселить васъ, дорогой Михаилъ, скажу вамъ, что Наполеонъ забавляется, или, лучше сказать, занять укупоркой произведеній искусства, находящихся въ Парижѣ, вслѣдствіе чего торговли прозвали его prince Lamballe ¹⁾. Г. Ментюро возвратился въ Парижъ; командиръ какой-то отдѣльной части, пруссакъ, вздумалъ отдать приказаніе отдуть его на границѣ палками, и онъ рассказываетъ въ Парижѣ, что непріязненные дѣйствія возобновились. Что вы скажете на это, любезныя дѣти? Что это за вѣтреный, легкомысленный и достойный презрѣнія народъ! Мы переживаемъ плохое время.

Отъ императора нѣтъ курьера; я теряюсь въ догадкахъ и не знаю, что думать; признаюсь, меня это очень беспокоитъ. Судя по газетамъ, непріязненные дѣйствія должны начаться; но говорятъ, будто нѣсколько французскихъ полковъ переходятъ на сторону короля; предвѣщаютъ, что Англія объявитъ въ скоромъ времени войну. Впрочемъ, вы узнаете эти новости раньше насъ. Дай Богъ, чтобы это положеніе вещей скоро окончилось, и чтобы вы возвратились къ намъ, дорогія и милыя дѣти, при такихъ же счастливыхъ предзнаменованіяхъ, какъ послѣдній разъ, и чтобы мои желанія исполнились. Прощайте, дорогие друзья мои, обнимаю папашу Ламсдорфа; поклонъ вашимъ кавалерамъ и доброму Рюлю. Посылаю вамъ свое благословеніе и люблю васъ всѣмъ сердцемъ. Оставайтесь всегда такими же, какъ вы есть, дорогія дѣти, и ваша мать будетъ счастлива. Марія.

Num. 3.

Ce Samedi, 15 Mai 1815.

En tout premier lieu j'embrasse mon Nicoche Nikanor et Michel le diacre Melchisédek; j'ai reçu vos lettres par Auguste, elles m'ont fait un plaisir extrême, et je vous jure que j'ai embrassé Auguste en pensant à vous. Chers enfants, que Dieu vous bénisse de penser à moi; vos messieurs sont partis ce matin; je les avais priés, du moins j'avais cru m'être expliqué ainsi, de venir à 9¹/₂ du soir; ils ont cru que c'était ce matin; j'ai entendu vers les 10 heures parler ces messieurs, alors j'ai pris des informations, et il s'est trouvé qu'ils ont cru que c'était aujourd'hui qu'ils devaient venir; alors j'ai chargé de mes lettres Mademoiselle de Nélidof pour les porter à Arsénief devant la maison duquel elle passait pour lui remettre mes lettres, lui souhaiter un heureux voyage de même qu'à Alédinski, leur dire mes regrets et que je les

¹⁾ Игра словъ: укупоривать emballer.

priais en grâce de partir à l'heure qu'ils voulaient pour vous rejoindre au plus tôt. Auguste m'a dit que vous vous portiez bien; il est certain que vous voyagez très c é l é r e m e n t. Le courrier de l'emp(ereur) est arrivé, j'ai reçu deux lettres à la fois du 23 et 29. Le courrier du 23 est tombé malade à Minsk, de là le retard. Il n'y a pas de contre-ordre de départ mes enfants, même l'emp(ereur) ne me parle pas de votre départ dans cette lettre; il ne me dit rien de nouveau, mais il me parle des succès en Italie. Le même courrier apporte l'ordre au prince Gortschakof de faire marcher les gardes; ils se mettent donc en marche, et leurs vœux seront remplis. Demain je verrai le comte Miloradovitch, et je suis persuadée que je le verrai le plus heureux des hommes. Je verrai aussi le général Krapovitzki que je fais inviter à dîner pour lui parler de vous, cher Nicoche. Je n'oublierai pas vos commissions pour les jeunes Adlerberg et Uschakof pour la marche: pauvre mère Adlerberg, que je la plains. J'ai reçu par M-r de Wassiltschikof une lettre de Constantin Benkendorf qui m'envoie par erreur (сынъ мой догадливъ) un médaillon dont je ne connais pas la physionomie: il me paraît rappeler des traits connus, mais je ne puis les démêler; comme Benkendorf sera parti de Berlin, je vous envoie ce médaillon, et vous pourrez le rendre à sa femme, si vous ne préférez pas de l'emporter avec vous et le rendre à Benkendorf lorsque vous serez à l'armée; je trouve les traits et l'expression de la figure des plus intéressantes. J'ai dit au bon Tolstoi que vous le remerciez de vous si bien nourrir; il est très heureux, sa femme lui écrivait que l'emp(ereur) lui avait dit qu'il permettrait à son fils de rester chez le bon Michaud. Nous donnerons à nous trois mille roubles au cuisinier qui a perdu son avoir par l'incendie; Tolstoi m'a dit que c'est bien réparer sa perte. J'ai été cruellement fatiguée ce matin, et attends avec impatience mon arrivée à Paw(lowski) pour me reposer. M-r de Lévaschof ne paradera pas longtemps à Pawlowski; mes enfants, et apparemment M-r Gorkoi le remplacera. Je suis chargée de mille et mille choses pour vous, mes bons amis. J'embrasse mon cher papa Lamsdorf et fais mes compliments à tous les vôtres; bien des choses au bon Rühl; demandez lui, si lorsqu'il fera bien chaud je pourrai me servir du bain qui se trouve dans mon jardin où la pluie vous arrose de tout côté. Me voici séparée depuis déjà deux fois 24 heures, et ces deux jours m'ont paru d'une longueur cruelle. Je n'ai fait aucune promenade, mais ce matin j'ai fait l'inspection des enfants trouvés et de l'hôpital des pauvres avec M-r Weyley qui m'en a paru des plus contents. Dans ce moment je vais aller à la forteresse et après à la communauté. Mon pauvre Brown a perdu sa femme en couches, et la comtesse Litta a perdu sa soeur, la pr(incesse) Galitzyn, mère de tous ceux que vous connaissez; elle en est très affligée. Adieu, mes bons, chers enfants; voyagez

heureusement, montrez vous partout ce que vous êtes et devez être, et qu'en toute occasion j'aie la satisfaction de m'entendre dire du bien de vous et de savoir que vous le méritez. Je vous embrasse mille et mille fois et vous donne toutes, toutes mes bénédictions. Ne m'oubliez pas.

Marie.

Суббота, 15-го мая 1815 г.

(Переводъ). Во-первыхъ, цѣлую моего Никошу - Никанора (патріарха) и Михаила—діакона Мельхиседека. Я получила ваши письма черезъ Августа; они доставили мнѣ чрезвычайное удовольствіе. Клянусь вамъ, обнимая Августа, я думала о васъ. Да благословить васъ Господь, дорогія дѣти, за то, что вы не забываете меня. Ваши кавалеры уѣхали сегодня утромъ; я просила ихъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ казалось, что я такъ именно выразилась, зайти въ 9^{1/2} ч. вечера; но они поняли, что я сказала сегодня утромъ; я слышала часовъ около 10 голосъ этихъ господъ, тогда я спросила, въ чемъ дѣло; оказалось, они думали, что я велѣла имъ придти сегодня; тогда я поручила г-жѣ Нелидовой отнести мои письма Арсеньеву, мимо дома котораго она прошла, чтобы отдать ему мои письма, пожелать ему и Алединскому счастливаго пути, выразить имъ мое сожалѣніе и оказать, что я умоляю ихъ ѣхать въ какомъ угодно часу, чтобы быть съ вами какъ можно скорѣе. Августъ сказалъ мнѣ, что вы здоровы; несомнѣнно, что вы ѣдете очень быстро. Отъ императора прибылъ курьеръ; я получила одновременно два письма, отъ 23-го и 29-го. Курьеръ, выѣхавшій 23-го числа, заболѣлъ въ Минскѣ, отчего и произошла задержка. Вашъ отъѣздъ не отмѣненъ, дѣти мои; императоръ даже вовсе не упоминаетъ о немъ въ этомъ письмѣ; онъ не сообщаетъ ничего новаго, но пишетъ о побѣдахъ въ Италіи. Тотъ же курьеръ привезъ князю Горчакову приказаніе двинуть гвардію, поэтому она выступаетъ, и ея желаніе исполнится. Я увижу завтра графа Милорадовича и убѣждена, что онъ счастливѣйшій изъ людей. Я увижу также генерала Храповицкаго, котораго я пригласила къ обѣду, чтобы поговорить съ нимъ о васъ, дорогой Никошъ; я не забуду вашихъ порученій касательно молодыхъ Адлерберга и Ушакова на случай похода; бѣдная мать Адлерберга, какъ я ее жалѣю. Я получила черезъ г. Васильчикова письмо отъ Константина Бенкендорфа, который послалъ мнѣ по ошибкѣ (сынъ мой догадливъ) медальонъ, съ портретомъ, который мнѣ совершенно незнакомъ; онъ какъ будто напоминаетъ мнѣ знакомыя черты, но я не могу разобрать чьи именно; такъ какъ Бенкендорфъ, вѣроятно, уѣхалъ уже изъ Берлина, то посылаю вамъ этотъ медальонъ, который вы можете отдать его женѣ, если не захотите взять

его съ собой и передать Бенкендорфу, когда будете въ арміи; черты лица и выраженіе по-моему чрезвычайно интересны. Я сказала доброму Толстому, что вы благодарны ему за то, что онъ такъ хорошо кормитъ васъ; онъ очень счастливъ; жена писала ему, что императоръ сказалъ ей, что онъ позволить его сыну остаться у добраго Мишо. Мы дадимъ, втроемъ, три тысячи рублей повару, который потерялъ имущество во время пожара; Толстой сказалъ мнѣ, что это вполне возмѣститъ его потери. Я была жестоко утомлена сегодня утромъ и съ нетерпѣніемъ ожидаю переѣзда въ Павловскъ, чтобы отдохнуть. Г. Левашовъ не долго будетъ красоваться въ Павловскѣ, дѣти мои; по всей вѣроятности, его замѣнитъ г. Горькой. Мнѣ поручено передать вамъ тысячу и тысячу привѣтствій, добрые друзья мои. Обнимаю дорогаго папалу Ламсдорфа и кланяюсь всѣмъ вашимъ; привѣтъ доброму Рюлю. Спросите его, могу ли я, когда будетъ совсѣмъ тепло, пользоваться купальней, которая находится у меня въ саду и гдѣ со всѣхъ сторонъ поливаетъ дождь. Вотъ уже двое сутокъ, какъ я разлучена съ вами, и эти два дня показались мнѣ невыносимо длинными. Я не сдѣлала никакой прогулки, но сегодня утромъ, вмѣстѣ съ Вилліе, осматривала воспитательный домъ и больницу для бѣдныхъ; онъ остался ими, повидимому, очень доволенъ. Сію минуту ѣду въ крѣпость и затѣмъ въ институтъ. Мой бѣдный Броунъ потерялъ жену въ родахъ, а графиня Литта потеряла свою сестру, княгиню Голицыну, мать всѣхъ тѣхъ Голицыныхъ, коихъ вы знаете; она очень опечалена этимъ. Прощайте, милыя, дорогія дѣти мои; желаю вамъ благополучнаго путешествія; покажите себя вездѣ такими, какъ вы есть и какими должны быть, чтобы я всегда имѣла удовольствіе слышать о васъ похвалы и сознавать, что вы ихъ заслуживаете. Тысячу, тысячу разъ цѣлую васъ и посылаю вамъ свое благословеніе; не забывайте меня. Марія.

Num. 4.

Ce Dimanche 16 Mai.

Chers enfants, le courrier m'a remis vos lettres, que j'ai trouvées bien aimables et pour lesquelles je vous remercie mille fois. Votre souvenir m'est bien cher et fait ma consolation; vous me manquez beaucoup, mes enfants; que je vous ai désirés à la messe, à diner; que je vous désirerais à Paw(lowski) pour où je pars à l'instant. J'ai distribué vos compliments à Miloradowitch, Gortchakof, Chrapovitzki, Sipjagin, il m'a dit avoir été bien peiné de ne pas vous voir à Strelna; Chrapowitzki m'a dit qu'Osipof se marie. La garde laisse tous ses vieux ici, ainsi j'aurai ma douzaine: je m'en réjouis véritablement. La garde marchant j'ai dit à Block de donner les deux mille roubles à Adlerberg et les deux mille à Uschakof: vous

*

voyez que je me rappelle de vos commissions. Block remettra demain, cher Michel, les mille roubles à M-r le colonel Basilevitch; c'est à dire il les donnera à M-r Taube pour lui. Je vous envoie, cher Nicoche, l'uniforme que M-r Chrapovitzki m'a remis pour vous. Cette lettre vous parviendra par le prince Wolkonski. Ma matinée a été agitée par les visites. Ce matin j'ai été à la forteresse, et comme le pont du Jardin d'été n'est pas mis, j'ai dû faire le détour; ce qui prend du temps. J'ai été voir la comtesse Litta qui m'a chargée de bien de belles choses pour vous; je ne puis pas vous en dire davantage ce soir, mes chers amis, il est déjà 8 heures du soir, et il me faut partir. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille bénédictions. Je vous envoie, à tous deux, deux petits médaillons à mettre en poche ou dans vos portefeuilles; c'est une bénédiction de plus que vous envoie maman en vous serrant contre son coeur. Ne m'oubliez pas.

Marie.

Mille amitiés à papa Lamsdorf et à vos messieurs.

Воскресенье, 16-го мая.

(Переводъ). Дорогія дѣти, курьеръ передалъ мнѣ ваши письма, которыя были мнѣ весьма пріятны и за которыя тысячу разъ благодарю васъ. Ваша память мнѣ очень дорога и служить утѣшеніемъ; мнѣ васъ очень не достаетъ, милыя дѣти; какъ мнѣ не доставало васъ за обѣдней, за обѣдомъ; какъ будетъ не доставать въ Павловскѣ, куда я уѣзжаю сію минуту. Я передала вашъ поклонъ Милорадовичу, Горчакову, Храповицкому, Сипягину; онъ говорилъ мнѣ, что ему очень грустно не видѣть васъ въ Стрѣльнѣ. Храповицкій сказалъ мнѣ, что Осиповъ женится. Всѣ старыя гвардейцы остаются здѣсь; такимъ образомъ, я не лишусь своихъ двѣнадцати человѣкъ, что меня искренно радуетъ. Такъ какъ гвардія выступаетъ, то я велѣла Блоку выдать Адлербергу и Ушакову по двѣ тысячи рублей. Какъ видите, я не забываю вашихъ порученій. Завтра Блокъ передастъ, дорогой Михаилъ, тысячу рублей полковнику Базилевичу, т. е. онъ вручитъ ихъ Таубе для передачи ему. Посылаю вамъ, дорогой Никошъ, мундиръ, который г. Храповицкій передалъ мнѣ для васъ. Это письмо передастъ вамъ Волконскій. Сегодня все утро было занято у меня посѣтителями. Утромъ я была въ крѣпости, и такъ какъ мостъ у Лѣтняго сада не наведенъ, то мнѣ пришлось объѣхать кругомъ, что беретъ довольно много времени. Я навѣстила графиню Литта, которая просила меня передать вамъ ея искренній привѣтъ. Не могу болѣе писать вамъ сегодня вечеромъ, дорогіе друзья мои, уже 8 часовъ, и я должна выѣхать. Отъ души цѣлую васъ и посылаю вамъ тысячу

благословеній. Посылаю вамъ обоимъ два маленькихъ медальона, которые вы можете носить въ карманѣ или въ бумажникѣ; это также благословеніе, которое посылаетъ вамъ мамаша, прижимая васъ къ своему сердцу. Не забывайте меня. Марія.

Привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и вашимъ кавалерамъ.

Num. 5.

Pawlowski, ce 17 Mai 1815.

Je viens de chez vous, mes chers enfants; je vous ai cherchés dans tous les coins et recoins de votre maison: tout est vide, triste, et je ne trouve mes enfants que dans mon coeur: là ils sont toujours et toujours; et qui plus est, je suis persuadée qu'ils mériteront constamment de s'y trouver. Je suis arrivée hier à 10 et demie du soir, et suis partie au moment même après avoir terminé ma lettre à vous, dont j'ai chargé le courrier de l'emp(ereur), car après m'être levée de ma table à écrire, je n'ai fait que passer dans la chambre où nous écoutions la messe, pour nous recommander tous à la protection divine, et suis partie avec Annette, la comtesse et Auguste. Le temps était abominable; nous avons eu une véritable tempête toute la journée, mais le marquis m'a assurée qu'elle était des plus favorables pour faire avancer le bâtiment aux chevaux; mais je crains que les pauvres passagers et certains quadrupèdes s'en seront mal trouvés, c'est à dire ça avait été très incommode. Le ciel était digne du mois de Nov(embre) et en avait la couleur, un froid perçant rendait la journée détestable. A l'arrivée j'ai trouvé votre général Lévaschof, qui m'a dit qu'ils avaient été inquiets de nous voir arriver si tard; je lui ai dit qu'ils allaient nous quitter, il m'a répondu on le dit, j'ai répondu par un j'en suis bien fâchée, et la conversation s'est terminée. J'ai été à la chapelle prier Dieu pour vous et demander à l'Être suprême de terminer bientôt nos peines. Le petit dormait déjà, nous avons soupé dans mon cabinet, puis j'allai dormir ce dont j'avais grand besoin. La nuit m'a-t-on dit a été des plus froides, et je me suis levée à 8 heures qu'il n'y avait que 2 degrés de chaud, il a neigé et le vent est le même qu'hier. J'ai passé ma matinée à arranger mes papiers, mes affaires, mes livres; j'ai été chez Annette et le petit que je n'ai pas voulu faire sortir à cause du froid. A une heure je suis allée en voiture chez vous; ensuite j'ai passé au Pavillon des roses: ah, mes enfants, que cette vue m'a fait peine, mon coeur s'est serré par tant et tant de souvenirs, et je m'en suis allée le plus vite possible. Le joli groupe de Koslowski, que je dois à l'amabilité de M-r Akverdof, est placé comme je l'avais déterminé à la dernière visite que nous avons faite ici. Il fait très bien; je suis revenue par le petit jardin: les jacinthes fleurissent,

mais elles ont l'air gelées. En arrangeant ma table j'ai trouvé vos arrêts qui m'ont bien touchée: j'en remercie encore le patriarche et son diacre. Les officiers dînent chez moi selon la vieille coutume. Adieu, mes enfants, peut-être vous dirai-je encore un mot ce soir. Bonsoir, mes bons amis. Nous nous sommes réunis dans mon cabinet à sept heures pour prendre le thé et avons jasé jusqu'à 8 où nous sommes sortis dans la salle à manger et avons fait une partie de macao; M-r le g(énéral) de Lévaschef en était; je lui ai fait vos compliments à vous deux. M-r Kotchétof m'a fait rire un moment; la petite Anrep est des nôtres. La comtesse de Lieven a prêché le frère, qu'elle ne connaît presque pas du tout, sur son peu d'exactitude à écrire à sa mère; le jeune homme, malgré son embarras, s'en est bien tiré; c'était comique à entendre. Bonsoir, mes bons amis; tout cela est peu intéressant, mais, lorsqu'on est éloigné, le plus petit détail fait plaisir.

Ce Mardi, 18 Mai.

Il a gelé cette nuit, mes chers enfants, et il fait un air froid, me dit-on, je ne suis pas sortie encore et ne m'en suis pas sentie l'envie. J'avoue que tout ce qui me faisait plaisir ci-devant ne m'en fait guère, vu les circonstances qui absorbent toutes mes pensées. Je vous crois loin de nos frontières depuis hier, mes bons amis; cette pensée est pénible; aussi longtemps que vous vous trouviez dans le même pays, il me semblait, que mes pensées pouvaient vous atteindre plus facilement, au lieu que présentement je ne sais plus où vous trouver; je vous adresse cette lettre à Francfort sur le Main, elle ira par estafette jusque à Polangen pour qu'elle vous y arrive sûrement. Demain je vous écrirai par le courrier de l'emp(ereur). Il faut que je m'occupe de vous, mes amis, pour soulager mon coeur. Adieu, mes bons amis. J'ai été à mes devoirs toute la matinée, et j'ai expédié tous mes papiers: sous ce rapport mon séjour est plus agréable qu'en ville, parce que ma matinée n'est pas interrompue par des visites qui vous enlèvent des moments précieux. Voici un cache-mir pour notre papa que j'embrasse tendrement. M-r de Glinka est arrivé, ce qui me fait plaisir, c'est une parcelle de vous autres. Adieu, mille et mille fois je vous embrasse, vous bénis et vous aime tendrement, en vous répétant nos paroles de ralliement: Съ нами Богъ.

Marie.

Mes compliments à tous les autres. Dites à Rühl que je me porte bien depuis que j'ai repris mon régime d'hiver.

Le g(énéral) Lévaschef a désiré me présenter les officiers de son régiment qui sont à Zarskoe Sélo ce qui aura lieu aujourd'hui, et pour qu'il n'y en ait pas trop à la fois, on les partage en deux jours. Le chancelier m'arrive aujourd'hui.

Павловскъ, 17-го мая 1815 г.

(Переводъ). Я сейчасъ вернулась отъ васъ, дорогія дѣти: я искала васъ во всѣхъ уголкахъ и закоулкахъ вашего дома. Тамъ все пусто, уныло, и моихъ дѣтей нѣтъ нигдѣ, какъ только въ моемъ сердцѣ, гдѣ они находятся всегда и всегда; и болѣе того, я увѣрена, что они всегда будутъ достойны находиться тамъ. Я пріѣхала сюда вчера въ 10 съ половиною часовъ вечера, а выѣхала тотчасъ по окончаніи письма къ вамъ, которое я отдала курьеру императора, такъ какъ, вставъ изъ-за письменнаго стола, я только зашла въ комнату, гдѣ мы слушали обѣдню, прося у Господа защиты и покровительства; и затѣмъ уѣхала съ Аннетой, графиней и Августомъ. Погода была отвратительная: весь день была настоящая буря; но маркизъ увѣрялъ меня, что это очень благоприятно для быстрѣйшаго переѣзда на лошадяхъ; но я боюсь, что бѣдные пассажиры и нѣкоторые четвероногія очень пострадаютъ отъ этого, т. е. что это было очень неудобно. Небо было совершенно ноябрьское, — такого цвѣта, какъ въ ноябрѣ; и пронзительный холодъ, такъ что день былъ отвратительный. Пріѣхавъ въ Павловскъ, я застала тамъ вашего генерала Левашова, который сказалъ мнѣ, что они покоились, что мы пріѣхали такъ поздно. Я сказала ему, что они покидаютъ насъ; онъ отвѣчалъ: «говорятъ», я отвѣтила: «очень сожалѣю объ этомъ»; на томъ разговоръ и кончился. Я зашла въ часовню помолиться Богу о васъ и просить Его прекратить въ скоромъ времени наши страданія. Малютка уже спалъ; мы поужинали въ моемъ кабинетѣ; затѣмъ я легла спать, что было для меня весьма необходимо. Ночь была, какъ мнѣ сказали, очень холодная. Когда я встала въ 8 часовъ, то было всего 2 градуса тепла; шелъ снѣгъ, и вѣтеръ дуетъ такой же, какъ вчера. Я провела утро, просматривая бумаги, приводила въ порядокъ свои дѣла, книги, была у Аннеты и у маленькаго, котораго я не пустила на воздухъ по случаю холода. Въ часъ я поѣхала въ каретѣ къ вамъ, затѣмъ проѣхала въ Розовый павильонъ. Ахъ, дѣти мои, какъ видъ павильона опечалилъ меня; сердце мое сжалось отъ столь многихъ воспоминаній, и я поспѣшила уѣхать. Хорошенькая группа Козловскаго, которой я обязана любезности г. Ахвердова, поставлена такъ, какъ было рѣшено мною въ наше послѣднее посѣщеніе павильона; она очень украшаетъ комнату. Я вернулась черезъ маленькій садъ; гіацинты цвѣтутъ, но они какъ будто померзли. Приводя въ порядокъ свой столъ, я нашла ваши приказы, которые меня очень тронули. Я еще разъ благодарю за нихъ патріарха и его діакона. Офицеры обѣдаютъ у меня по старой привычкѣ. Прощайте, дѣти мои, быть можетъ, я напишу вамъ еще словечко сегодня вечеромъ.

Добрый вечеръ, друзья мои. Мы собрались у меня въ кабинетѣ въ 7 часовъ пить чай и проболтали до 8, а затѣмъ перешли въ столовую и сѣиграли партію въ макао; съ нами былъ и генераль Левашовъ. Я передала ему поклонъ отъ васъ обоихъ; Кочетовъ немного посмѣшилъ меня; маленькая Анрепъ также была съ нами; графиня Ливенъ сдѣлала выговоръ ея брату, котораго она почти совсѣмъ не знаетъ, за то, что онъ неаккуратно пишетъ своей матери; хотя молодой человекъ былъ видимо смущенъ, но онъ кое-какъ выпутался изъ неловкаго положенія; ихъ было очень смѣшно слушать. Покойной ночи, друзья мои, все это не особенно интересно, но когда находишься далеко отъ своихъ, то малѣйшая подробность доставляетъ удовольствіе.

Вторникъ, 18-го мая.

Сегодня ночью былъ морозъ, дорогія дѣти, и говорятъ, воздухъ холодный; я еще не выходила и не имѣла къ тому ни малѣйшей охоты. Признаться, все, что доставляло мнѣ удовольствіе прежде, ничуть не радуетъ меня, при теперешнихъ обстоятельствахъ, которыя поглощаютъ всѣ мои мысли. Я считаю, что вчера вы уже были далеко за нашими предѣлами, дорогіе друзья мои. Эта мысль угнетаетъ меня. До тѣхъ поръ, пока вы находились въ одной странѣ со мною, мнѣ казалось, что я лучше могла слѣдить за вами мыслию, тогда какъ въ настоящее время я не знаю, гдѣ искать васъ. Адресую вамъ это письмо во Франкфуртъ-на-Майнѣ, оно будетъ послано эстафетой до Полаугена, чтобы дошло до васъ вѣрнѣе. Завтра я напишу вамъ съ курьеромъ императора. Мнѣ необходимо думать о васъ, друзья мои, чтобы облегчить свое сердце. Прощайте, добрые друзья мои. Я была все утро занята исполненіемъ своихъ обязанностей и написала всѣ нужныя бумаги. Въ этомъ отношеніи пребываніе здѣсь пріятнѣе, нежели въ городѣ, такъ какъ утромъ время не прерывается посѣщеніями, которыя отнимаютъ драгоцѣнное время. Посылаю кашмировый платокъ для папаши, котораго нѣжно обнимаю. Сюда пріѣхалъ г. Глинка, это меня радуетъ, такъ какъ это частичка васъ. Прощайте, цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ, благословляю васъ и нѣжно люблю васъ, повторяя вамъ нашъ лозунгъ: «Съ нами Богъ». Марія.

Поклонъ всѣмъ: скажите Рюлю, что я чувствую себя хорошо съ тѣхъ поръ, какъ я стала снова придерживать зимней діеты.

Генераль Левашовъ пожелалъ представить мнѣ офицеровъ своего полка, находящихся въ Царскомъ Селѣ; это представленіе состоится сегодня, а для того, чтобы офицеровъ не было слишкомъ много разомъ, ихъ раздѣлили на двѣ группы. Сегодня у меня будетъ канцлеръ.

Num. 6.

Pawlovsk, ce 19 Mai 1815.

J'ai reçu hier au soir vos lettres de Roop, mes chers enfants, et trouve que vous allez avec une vélocité très célère. Votre souvenir me rend très heureuse, me fait du bien, me console et vous vaut mille et mille bénédictions. Vous me dites, Nicoche, de penser à vous, de ne pas vous oublier; grand Dieu, vous devriez plutôt me dire: maman, ne pensez pas tant à moi, car je ne fais que penser à vous deux, et c'est chaque fois avec un sentiment de douleur de notre séparation qui me fait un véritable mal au cœur. Chers, chers enfants, je vous aime inexprimablement, et sans vous mon existence est bien malheureuse, mais le devoir vous appelant loin de moi, il est du mien de souffrir seule et de me sentir heureuse par votre contentement.

Je vous remercie, cher Nicoche, des nouvelles que vous nous donnez: il ne nous en parvient guère, mais cependant ¹⁾ que Nap(oléon) est entravé dans ses volontés; puisse-t-il l'être dans ses actions.

Je n'ai vu personne de nos militaires de la ville, tous sont très affairés du départ de leurs régiments, qu'on hâte à ce qu'il me semble. J'espère que nous aurons l'escadron d'hussards de réserve comme garde ici; j'ai dit que cela me ferait plaisir, et j'ai appris que hier Lévaschof s'était occupé à prendre des arrangements pour cela, mais il faudra savoir encore si les autorités de la ville le permettront; ce serait plus agréable pour nous que d'avoir M-rs Gorkoi et compagnie; car il vaut mieux, je trouve, lorsqu'on se rencontre en société avec des gens d'une bonne naissance qu'avec des parvenus. Je ferai aujourd'hui vos compliments au g(énéral) Lévaschof, hier soir il était en ville. Il doit se faire encore plusieurs mariages d'officiers avant le départ du régiment: pauvres femmes, que je les plains. Le colonel Karobka s'est marié aussi depuis peu et va quitter sa femme. Ne vous en déplaise, mes enfants, la guerre est une vilaine chose; que Dieu nous donne la paix, le calme, et vous ramène tous au plus tôt parmi nous: alors le bonheur renaîtra chez nous.

Le temps s'étant un peu radouci j'ai été hier au soir au monument de feu l'emp(ereur); j'y ai trouvé mon nouveau gardien qui a eu la gentillesse de se donner le nom de Philippe, mais du reste c'est un plat personnage; il a servi longtemps, mais étant toujours malade, il n'a pas vu l'ennemi; je compte le changer par un de vos fidèles hommes à moustaches; je crois que je finirai par en prendre 24 au lieu de douze: cela n'est pas sûr, mais je verrai si la chose m'est possible, j'en ai le désir, et pour rendre service à ces braves gens, et puis parce que je suppose que cela

¹⁾ Нѣсколько словъ не разобрано.

en fera à mes deux petits messieurs. Cher Michel, j'ai ri de votre calambour; il m'aurait fait plus de plaisir encore, si vous vous fussiez mis dans le couvert pour m'arriver. Какъ попъ, такъ приходъ: votre protégé M-r de Lévaschof est très bien, parle sensément, il a de l'instruction, et est rempli d'attention; tout cet ensemble est assaisonné par un peu de fatuité, qui nous fait nous occuper souvent de notre moustache; nous sommes parfumé comme un bouquet, mais hors ces petites mièvreries près nous sommes très bien. Adieu, mes chers et bons enfants, je vous embrasse de tout mon cœur et de toute mon âme et vous donne mille tendres bénédictions.

Marie.

Mille et mille tendresses à papa Lamsdorf et mes compliments à tous les vôtres. Les miens se rappellent à votre souvenir.

Павловскъ, 12-го мая 1815 г.

(Переводъ). Я получила вчера вечеромъ ваши письма изъ Роопы, дорогія дѣти мои, и нахожу, что вы ѣдете съ большой быстротою; я счастлива, что вы не забываете обо мнѣ, это радуетъ и утѣшаетъ меня, и я тысячу и тысячу разъ благословляю васъ за это. Вы пишете, Никошъ, чтобы я думала о васъ, чтобы я не забывала васъ. Великій Боже! вамъ слѣдовало бы сказать: мамаша, не думайте такъ много обо мнѣ, ибо я только о васъ обоихъ и думаю, и наша разлука вызываетъ во мнѣ всякій разъ такое горестное чувство, которое причиняетъ боль въ сердцѣ. Милыя, дорогія дѣти, нельзя выразить, до чего я васъ люблю; безъ васъ моя жизнь самая жалкая; но такъ какъ долгъ повелѣваетъ вамъ быть вдали отъ меня, то я должна страдать одна и быть счастливой тѣмъ, что вы довольны.

Благодарю васъ, дорогой Никошъ, за сообщаемыя вами новости: мы не получаемъ никакихъ извѣстій, но (говорять), что Наполеонъ встрѣчаетъ помѣхи въ исполненіи своихъ желаній; дай Богъ, чтобы онъ встрѣтилъ таковыя и въ своихъ дѣйствіяхъ.

Я не видѣла никого изъ нашихъ военныхъ, живущихъ въ городѣ. Всѣ они очень заняты по случаю выступленія ихъ полковъ, которое стараются, какъ мнѣ кажется, ускорить; надѣюсь, что здѣсь будетъ стоять въ караулѣ резервный гусарскій эскадронъ. Я сказала, что это было бы мнѣ пріятно, и слышала, что Левашовъ хлопоталъ объ этомъ вчера; но посмотримъ еще, позволятъ ли это городскія власти; это было бы пріятнѣе для насъ, нежели имѣть г. Горькаго и компанію, ибо, по моему мнѣнію, пріятнѣе встрѣчаться въ обществѣ съ людьми хорошаго происхожденія, нежели съ выскочками. Я передамъ сегодня отъ

васъ поклонъ генералу Левашову; вчера вечеромъ онъ былъ въ городѣ. Передъ уходомъ полка должно еще состояться нѣсколько офицерскихъ свадебъ: бѣдныя жены, какъ я ихъ сожалею. Недавно женился полковникъ Коробка, онъ также разстается съ женою. Не въ обиду вамъ будь сказано, милыя дѣти, война скверная вещь. Да ниспошлетъ намъ Господь миръ и спокойствіе и да возвратитесь вы всѣ къ намъ какъ можно скорѣе: тогда мы снова будемъ счастливы.

Такъ какъ погода сдѣлалась нѣсколько потеплѣе, то я ходила вчера вечеромъ къ памятнику покойнаго императора и видѣла тамъ моего новаго сторожа, который былъ такъ милъ, что называлъ себя Филиппомъ; впрочемъ, это человѣкъ довольно глупый, онъ долго служилъ, но такъ какъ онъ постоянно хворалъ, то не видалъ непріятеля. Я разсчитываю смѣнить его, назначивъ на его мѣсто одного изъ вашихъ преданныхъ усачей. Я думаю, что я возьму ихъ въ концѣ концовъ 24 человѣка вмѣсто двѣнадцати; это еще не рѣшено, но я подумаю, возможно ли это; мнѣ хотѣлось бы это и для того, чтобы оказать услугу этимъ молодцамъ и такъ какъ я полагаю, что это будетъ пріятно моимъ двумъ господамъ. Дорогой Михаилъ, я посмѣялась надъ вашимъ каламбуромъ; онъ доставилъ бы мнѣ еще больше удовольствія, если бы вы сами помѣстились въ конвертъ и явились ко мнѣ. «Каковъ пошъ—таковъ приходъ»¹⁾: вашъ любимецъ Левашовъ очень милъ, говоритъ разумно, образованъ и чрезвычайно предупредителенъ; все это приправлено нѣкоторой долей фатовства, которое заставляетъ насъ часто поглаживать наши усики; мы благоухаемъ, какъ букетъ цвѣтовъ, но если не считать этихъ маленькихъ шалостей, то мы очень хороши. Прощайте, милыя и добрыя дѣти мои, отъ души цѣлую васъ и тысячу разъ нѣжно благословляю. Марія.

Тысячу, тысячу разъ привѣтствую папашу Ламсдорфа и всѣхъ вашихъ. Мои просятъ васъ не забывать ихъ.

Num. 7.

Ce 21 Mai 1815. Vendredi.

Je ne vous dis que deux mots par la poste, mes bons amis, seulement pour vous embrasser et pour vous prouver que je ne néglige aucune occasion. J'ai vu Miloradovitch, Chrapovitzki, Arsénief, et leur ai distribué à tous vos compliments. Le comte Miloradovitch m'a dit l'attention que vous avez eu de lui envoyer le feldjäger pour lui faire vos compliments il y a été bien sensible; j'ai eu beaucoup de plaisir à l'entendre parler de vous deux, et tous ces messieurs m'en ont fait autant: ils paraissent vous

¹⁾ Это писано по-русски.

être très attachés. Je n'ai pas grande mémoire, j'oubliais de vous nommer le bon Wénévitinof qui est très touché dit-on de votre lettre, cher Nicolas. J'ai beaucoup pensé à vous. Le grand chambellan est aussi des nôtres. Malgré ce rassemblement Pawlowski ne se ressemble pas; deux êtres y manquent, et ces deux chers êtres ont emporté la gaieté, le contentement, et laissent un vide cruel dans le coeur maternel. Adieu, mes bons amis, je vous embrasse mille et mille fois et vous donne mes tendres bénédictions. Marie.

Mes amitiés au cher papa Lamsdorf, mes compliments à tous vos messieurs.

Le bon Déпрерадовичъ est ici, je lui ai fait vos compliments; il est bien triste sa femme étant très malade; elle est un peu mieux aujourd'hui.

Пятница, 27-го мая 1815 г.

(Переводъ). Пишу вамъ всего два слова по почтѣ, добрые друзья мои, только для того, чтобы поцѣловать васъ и чтобы доказать вамъ, что я не упускаю никакого случая (писать вамъ). Я видѣла Милорадовича, Храповицкаго, Арсеньева и передала имъ всѣмъ отъ васъ поклонъ. Графъ Милорадовичъ сказалъ мнѣ, что вы были такъ любезны и прислали ему съ фельдъегеремъ поклонъ: онъ былъ этимъ очень тронутъ. Мнѣ было очень пріятно слышать, что онъ говорилъ о васъ обоихъ такъ же точно, какъ всѣ эти господа: они видимо очень преданы вамъ. У меня не много гостей, но я забыла упомянуть о добромъ Веневитиновѣ, который очень тронутъ, какъ мнѣ говорили, вашимъ письмомъ, дорогой Николай. Я много думала о васъ. Оберъ-камергеръ также у насъ. Не смотря на общество, Павловскъ не похожъ на себя; въ немъ недостаетъ двухъ существъ, и эти два дорогія существа увезли съ собою веселье, удовольствіе и оставили въ материнскомъ сердцѣ жестокую пустоту. Прощайте, дорогіе друзья мои, цѣлую васъ тысячу, тысячу разъ и нѣжно благословляю. Марія.

Мой привѣтъ дорогому папашѣ Ламсдорфу и поклонъ всѣмъ вашимъ кавалерамъ.

Добрый Депрерадовичъ здѣсь; я передала ему вашъ поклонъ, онъ очень грустенъ, такъ какъ его жена очень больна; сегодня ей немного лучше.

Сообщ. В. В. Щегловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

Ужасные дни.

II ¹⁾.

Пріѣзды къ Скобелеву разныхъ лицъ для справокъ о положеніи дѣлъ.—Ночь на 29-е августа.—Распоряженія генерала Зотова.—Характеристика Зеленыхъ горъ.—Поученія Скобелева.—Переходъ отряда къ Брестовацу и занятіе второго гребня.—Характеристика третьего гребня.—Проекты штурма южной стороны Плевны.—Пріѣздъ Скобелева въ Брестовацъ.—Нѣсколько словъ о самоопычаніи и о танцевомъ инструментѣ.

Когда улеглось первое непріятное впечатлѣніе быстрого отъѣзда Левицкаго, всѣ вернулись къ своимъ дѣламъ и, конечно, къ разговорамъ о послѣднемъ событіи. Нѣкоторые говорили, что Левицкій убоялся ѣхать съ Скобелевымъ. Ѣхать съ Скобелевымъ впередъ бывало дѣйствительно не особенно заманчиво для лицъ, слишкомъ проникнутыхъ инстинктомъ самосохраненія. На Зеленныя горы часто пріѣзжали гости; иногда это были ординарцы, посланные великимъ княземъ главнокомандующимъ узнать на мѣстѣ о положеніи дѣлъ, а иногда это бывали просто любопытные. Первые—почти все молодежь и прибавлю—отличная молодежь, смотрѣли на все съ большимъ вниманіемъ и вели себя подѣ огнемъ примѣрно ²⁾;

¹⁾ См. „Русскую Старину“, октябрь 1902 г. Для удобства чтенія прилагается кроки окрестностей Плевны.
Ред.

²⁾ Изъ Прошлаго. Часть I. На войнѣ. Стр. 346 и 347.

вторые же, кажется, приѣзжали по большей части только для того, чтобы, по возвращеніи туда, откуда приѣхали, сказать: «былъ я сегодня у Скобелева; мы съ нимъ поѣхали впередъ... такой былъ огонь»... и т. д. По приѣздѣ гостя, желавшаго «видѣть положеніе дѣлъ на мѣстѣ», Скобелевъ охотно соглашался показать это положеніе: подавали лошадей и ѣхали въ первую линію. Приѣхавъ къ флангу батареи, Скобелевъ слѣзалъ, слѣзали и остальные; затѣмъ Михайлъ Дмитріевичъ велъ приѣхавшаго по линіи орудій, молчаливо и грозно стоявшихъ, въ полной готовности, на позиціи и указывалъ разные пункты нашего и турецкаго расположеній. Слышалось его картавое «посмотрите сюда... вонъ тамъ, впереди, налѣво»... и т. д. Пройдя немного по батарее, Скобелевъ говорилъ: «такъ мы ничего съ вами не увидимъ; на бѣду и турки не стрѣляютъ»... Потомъ, вдругъ обращаясь къ артиллеристамъ: «поручикъ N, дайте нѣсколько выстрѣловъ». Поручикъ не заставлялъ себя долго ждать и вслѣдъ за симъ тотчасъ же мы — бухъ, а затѣмъ и турки — бухъ; мы продолжаемъ и они тоже; поднимается артиллерійская стрѣльба, рѣдкая и по большей части безвредная. Дойдя до фланга батареи, Скобелевъ указывалъ посѣтителю: «а вотъ тутъ прикрытіе наше, а тамъ», протягивая руку въ сторону турокъ, «турецкіе ложементы; но ихъ теперь плохо видно. Капитанъ Z», обращаясь къ пѣхотному ротному (или взводному) командиру — «откройте огонь — рѣдкій, съ фланга». Начинаютъ; турки, конечно, тоже, и вотъ дымки ихъ выстрѣловъ отчетливо обрисовываютъ начертаніе ложементовъ и траншей. Картина получается полная.

Послѣ войны мнѣ рассказывалъ подобный эпизодъ, съ нимъ бывший, одинъ изъ ординарцевъ великаго князя, безусловно храбрый и очень хладнокровный офицеръ, прибавляя: «онъ такъ меня проманежилъ, что потомъ, на вопросъ Скобелева: *«et bien, avez vous vu»*, я съ убѣжденіемъ отвѣтилъ: *«oui, j'ai vu»*».

Послѣ отъѣзда Левицкаго нѣкоторые изъ насъ допускали возможность, что онъ, зная такую повадку Скобелева, уклонился ѣхать изъ боязни. Я, конечно, не ясновидящій, но глубоко убѣжденъ въ томъ, что: 1) Скобелевъ, навѣрное, все изложенное выше продѣлалъ бы и 2) что Левицкій не этого убоялся. При всей моей не то что нелюбви, а нерасположенности къ Левицкому, я глубоко убѣжденъ, что онъ подъ огнемъ былъ бы хорошъ. Левицкій былъ чрезвычайно самолюбивъ, а самолюбіе такой рычагъ, что тутъ, на глазахъ у всѣхъ, подъ жадными и, конечно, не особенно дружелюбными взорами зрителей, несомнѣнно вѣрю, что онъ выдержалъ бы искусъ достойнымъ образомъ, и причина его быстрого отъѣзда была другая; онъ началъ чувствовать, что въ разговорѣ съ Скобелевымъ и княземъ Имеретинскимъ, специалистами по части южной стороны Плевны и прибавлю — специалистами по части

процедуры штурма, онъ, генераль-квартирмейстеръ дѣйствующей арміи, начинаетъ терять почву; профессоръ теоріи пассуетъ передъ профессорами практики—и уѣхалъ. А можетъ быть, дѣйствительно, торопился къ великому князю...—и это возможно.

Ночь на 29-е августа прошла спокойно. Я спалъ рядомъ съ княземъ Имеретинскимъ какъ разъ подъ тѣмъ деревомъ, подъ которымъ отдыхалъ 28-го августа, во время пріѣзда генерала Левицкаго; но теперь, наученные моимъ горькимъ опытомъ, вмѣсто злополучныхъ бурокъ, мы распорядились подостлать наши собственные ковры, а подъ ними солому въ снопахъ.

Съ вечера князь посылалъ меня къ Скобелеву уговориться относительно общихъ нашихъ дѣйствій на 29-е число, но Скобелевъ такъ крѣпко спалъ, утомившись донельзя въ теченіе всѣхъ предшествовавшихъ дней, что я не могъ его добудиться, да и жаль стало. Бѣды въ этомъ не было, такъ какъ ни князь, ни Скобелевъ, въ ожиданіи распоряженій генерала Зотова, не собирались предпринимать что-либо 29-го августа. Вернувшись къ князю, я получилъ приказаніе поѣхать еще разъ къ Скобелеву, но пораньше утромъ.

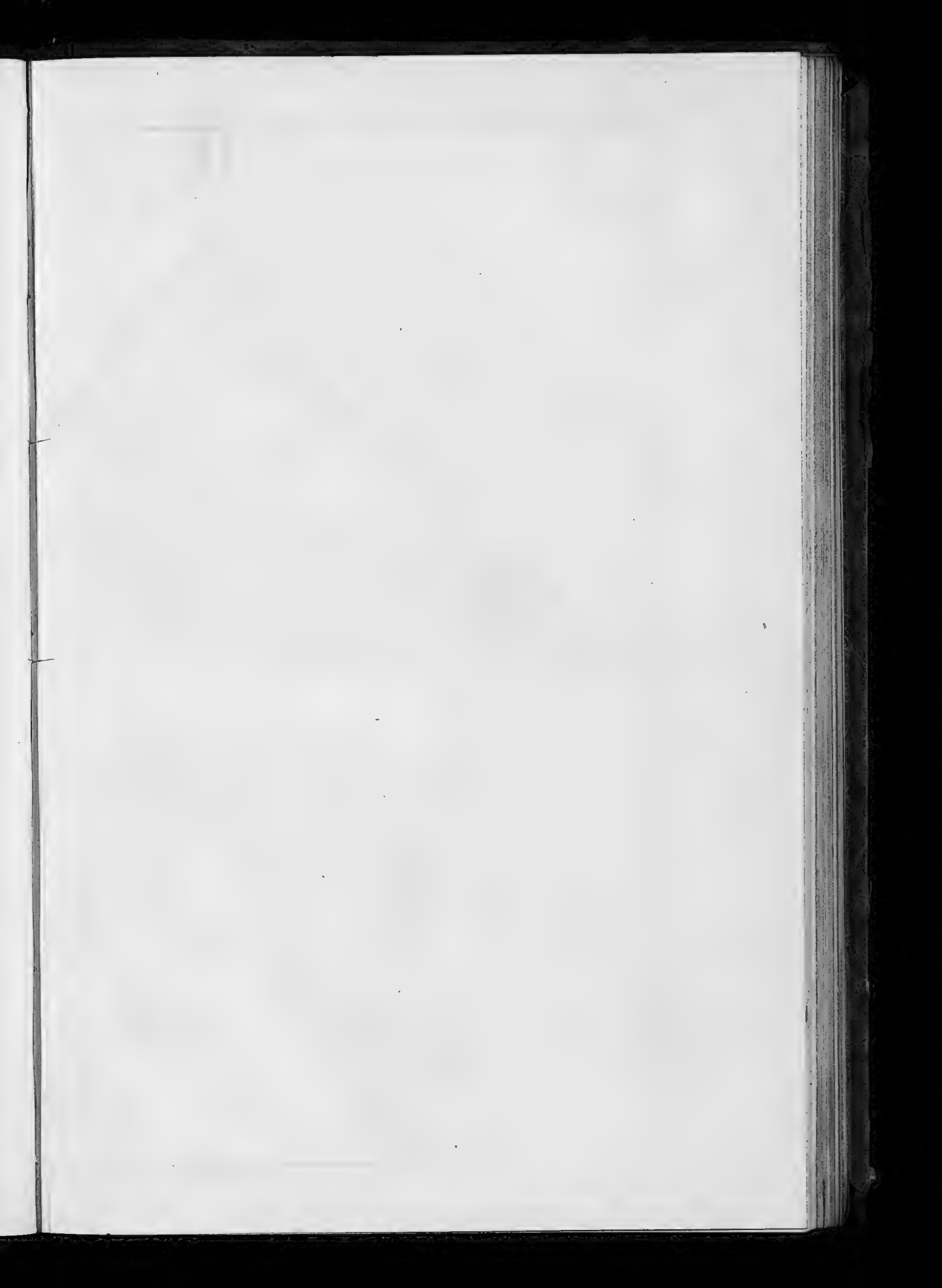
Хотя я и сказалъ выше, что ночь прошла спокойно, но это сказано въ томъ смыслѣ, что турки намъ не мѣшали, а собственно говоря, спать-то хорошенько не удалось и на этотъ разъ. Сперва мы были разбужены какимъ-то необычайнымъ шумомъ вблизи насъ, криками людей, ржаніемъ и топотомъ лошадей, а также, неизбежными въ темнотѣ ночнаго переполоха, случайными выстрѣлами. Скоро все затихло и по справкамъ оказалось, что сорвались съ коновязей лошади сосѣдней батареи, помяли людей, а прикрытіе, съ просонья, открыло огонь. Послѣ этого привезли записку отъ генерала Зотова; пришлось ее перепасывать съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ редакціи, для отправленія приказаній къ Скобелеву. Зотовъ предписывалъ 29-го августа овладѣть высотой, «командующею Плевною съ южной стороны»; при этомъ онъ называлъ эту высоту: «третьимъ гребнемъ». Очевидно, что въ штабѣ западнаго отряда арміи совершенно не были знакомы съ мѣстностью и, какъ узнали мы впоследствии, дѣйствительно не было сдѣлано рекогносцировокъ Зеленыхъ горъ, не было ни плана, ни кроки; мало того, никто на эти горы изъ западнаго отряда арміи не пріѣзжалъ. Это положительно непонятно, такъ какъ идея о будущемъ штурмѣ Плевны въ штабѣ арміи не умирала. Генералъ Зотовъ самъ признавалъ важное значеніе южной стороны Плевны, называлъ ее «стратегически-тактическимъ ключемъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ, на Плевно-Ловченскомъ шоссе, послѣ сраженія 18-го іюля, перебивало нѣсколько различныхъ отрядовъ нашихъ. Въ день штурма Ловчи на этомъ шоссе находился рекогносцировочный отрядъ полковника Лауница, а потомъ, по

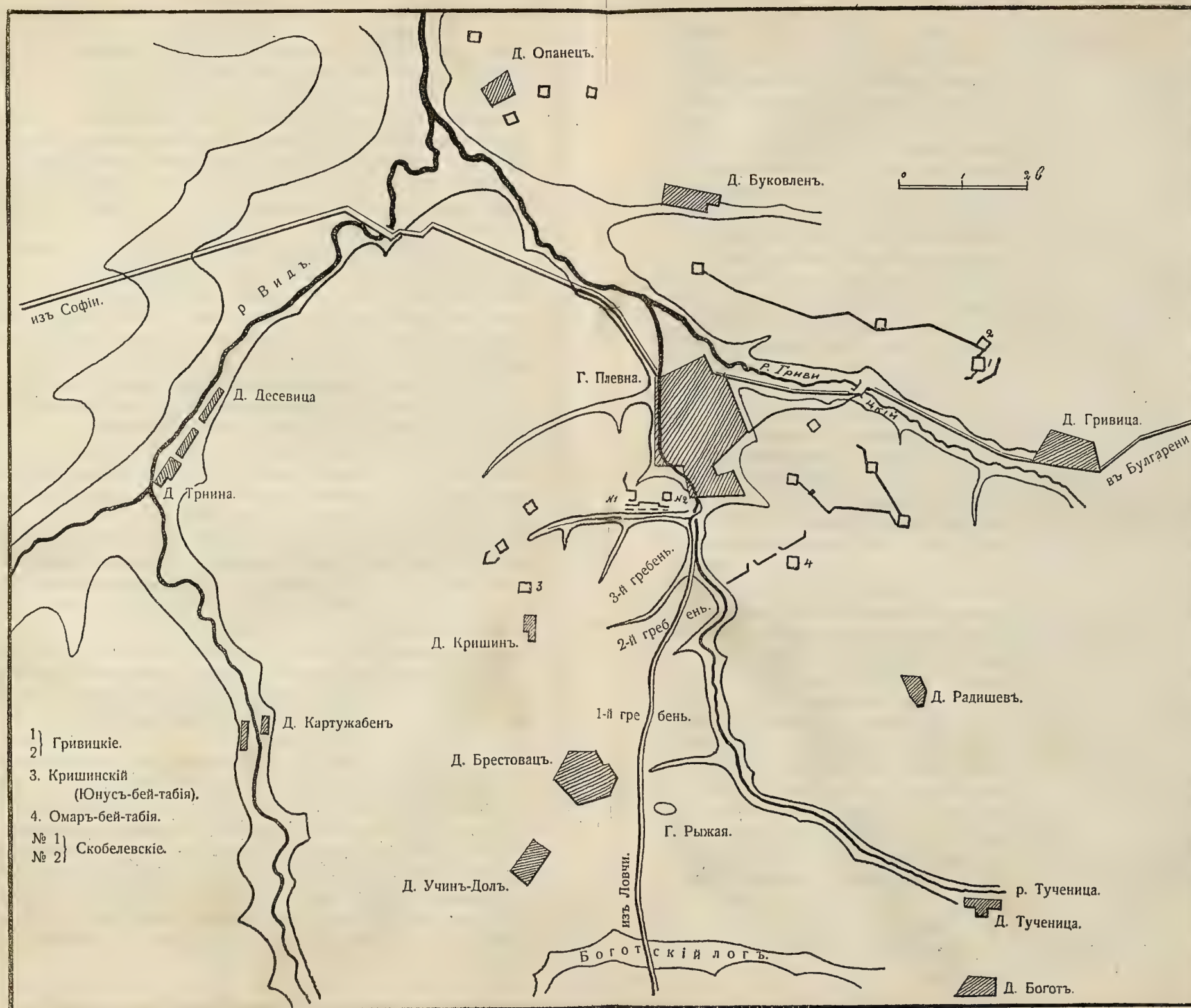
близости этого шоссе, стояла кавалерія генерала Ратіева. Всѣ эти отряды были подчинены генералу Зотову, имѣвшему, слѣдовательно, право возложить на нихъ рекогносцировку южной стороны Плевны. Наконецъ свойства и очертанія мѣстности къ югу отъ Плевны должны были быть извѣстны изъ многочисленныхъ донесеній, записокъ, а также вѣроятно и словесныхъ докладовъ генерала Скобелева. Въ дѣйствительности же одной общей высоты, командующей Плевной съ юга, не было и не одинъ только третій гребень господствовалъ надъ южной стороной Плевны, а также второй, нами тогда еще не занятый. Третій же гребень, спускаясь къ зеленогорскому долу и ручью, былъ настолько близокъ къ ложементамъ и траншеямъ впереди редутовъ Абдуль-бей-табія и Реджибей-табія (впослѣдствіи—Скобелевскимъ № 1 и № 2), а въ особенности такъ открытъ ружейному огню турокъ, что занятіе его могло быть только введеніемъ въ бой, конечной цѣлью котораго должно было быть овладѣніе этими редутами. Антрактъ между этими двумя дѣйствіями, т. е. занятіемъ 3-го гребня и штурмомъ редутовъ, могъ быть только для того, чтобы дать передохнуть войскамъ; остановиться же на немъ подъ носомъ редутовъ, безъ возведенія прочныхъ и большихъ укрѣпленій для войскъ, было немыслимо. Князь приказалъ мнѣ написать Скобелеву (за своей подписью), что въ виду полученнаго приказанія онъ отдаетъ въ его распоряженіе бригаду 2-й пѣхотной дивизіи, два стрѣлковыхъ баталіона и, конечно, соотвѣтственную артиллерію, а что, кромѣ того, утромъ 29-го отъ Зотова прибудетъ еще бригада 16-ой пѣхотной дивизіи, полки: Владимірскій и Суздальскій.

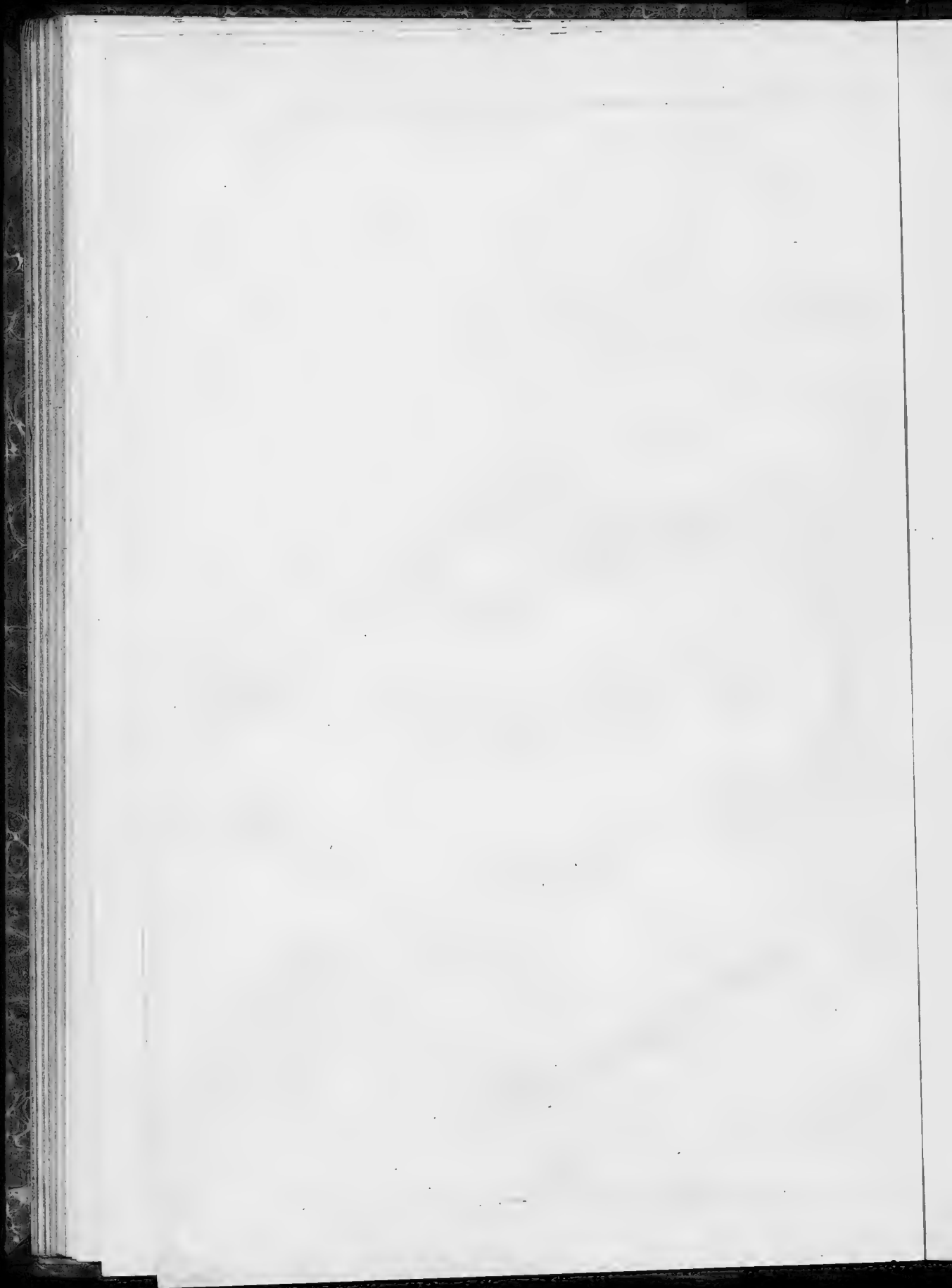
Упомянутое въ запискѣ генерала Зотова о подкрѣпленіи только двумя полками навѣяло на насъ грустные размышленія, такъ какъ очевидно было, что къ штурму мы ничего болѣе не получимъ; иначе было бы оговорено. А что такое два полка, гдѣ ихъ нужно было куда больше! Въ концѣ записки князь предупреждалъ Скобелева, что остальные войска, подъ командой генерала Добровольскаго, будутъ передвинуты къ д. Брестовацъ и станутъ позади этой деревни.

Рано утромъ, еще до разсвѣта, поѣхалъ я къ Скобелеву съ запиской князя Имеретинскаго, но не засталъ его.

Намъ было по опыту извѣстно, какъ внимательно относятся турки къ мѣстности, какъ ловко руководители ихъ умѣютъ къ ней примѣняться, какъ удачно выбираютъ они мѣста для укрѣпленій и какъ тщательно изслѣдуютъ мѣстность, непосредственно прилегающую къ укрѣпленіямъ. Всѣ выдающіеся пункты, на разстояніи дальняго орудіянаго огня съ форта, опредѣлены, разстоянія до нихъ измѣрены и заблаговременно произведена пристрѣлка. Въ виду этого, князя очень беспокоило передвиженіе къ Брестовацу отряда подъ командой Добровольскаго, князь опасался, что передвиженіе наше будетъ открыто съ Кри-

шинскаго редута (Юнусъ-бей-табѣя) и что мы попадемъ подѣ его выстрѣлы. На мое счастье я хорошо зналъ мѣстность еще съ 18-го іюля по собственному опыту и по наставленіямъ Скобелева. Здѣсь, кстати скажу, что Михаилъ Дмитріевичъ былъ удивительный мастеръ воспитывать и поучать лицъ, къ нему приближенныхъ. Безъ всякаго высокомерія и олимпійства, точно дѣлясь впечатлѣніями, иногда какъ будто бы спрашивая мнѣніе другаго, онъ, любившій поговорить, постоянно: при отдыхѣ, на походѣ, въ антрактахъ боя, даже при первоначальной артиллерійской подготовкѣ боя—указывалъ на свойства мѣстности, на положеніе своихъ и непріятельскихъ войскъ, дѣлалъ иногда мѣткія сравненія, вспоминалъ подходящіе примѣры изъ военной исторіи и т. д. Я и теперь помню, какъ онъ однажды прочиталъ мнѣ цѣлую лекцію объ условіяхъ стоянки войскъ на бивакѣ, о важности ассенизаціи бивака и различныхъ способахъ это устроить, въ особенности если предстоитъ долгая на немъ стоянка, прибавляя, что этому онъ научился у Константина Петровича Кауфмана въ Туркестанѣ ¹⁾. Въ другой разъ поучалъ онъ меня насчетъ того, когда начальнику колонны на походѣ, не въ предвидѣніи боя, полезно быть позади, чтобы по порядку въ хвостѣ колонны и по количеству отсталыхъ судить о благоустройствѣ и внутреннемъ порядкѣ части, а также о состояніи обуви въ пѣхотѣ и т. п. Поучительные рассказы его часто начинались: «я помню...»; тутъ оставалось только слушать, не перебивая, развѣ только изрѣдка, въ случаѣ прекращенія разсказа, чтобы подзадорить его продолжать, на что онъ легко поддавался. Вообще быть при Скобелевѣ это значило пройти цѣлую школу теоріи, примѣняемой тутъ же на практикѣ. Скобелевъ поучалъ, т. е. дѣлился впечатлѣніями и взглядами со всѣми, къ которымъ онъ благоволилъ. Подѣ руководствомъ Скобелева, за время состоянія при немъ, я изучилъ мѣстность на Плевно-Ловченскомъ шоссе и потому, конечно, благодаря и самой мѣстности, мнѣ удалось провести отрядъ по Боготскому логу къ д. Брестовацъ такъ укрыто и удачно, что въ насъ не пустили ни одного снаряда. Для этого пришлось сдѣлать кругъ, окружить всю Рыжую гору. Но счастье никогда не бываетъ полнымъ; пѣшая батарея, шедшая въ хвостѣ колонны, неизвѣстно почему, заблагоразсудила пойти прямо черезъ верхушку Рыжей горы. Оно, правда, заманчиво: чѣмъ тащиться шагомъ, да еще въ хвостѣ колонны, въ пыли, съ безпрестанными остановками, хватимъ-ка напрямки, придемъ прежде другихъ на ночлегъ, а чтобы не имѣть потери — рысью. Но неумѣстная прыть эта и ослушаніе приказанія были тотчасъ же наказаны: только-что батарея, на полныхъ рысяхъ, очевидно надѣясь

¹⁾ Скобелевъ вообще очень почиталъ К. П. Кауфмана и часто вспоминалъ о немъ, называя его своимъ учителемъ.

быстро проскочить опасное мѣсто, въѣхала наверхъ и затѣмъ, какъ всегда бываетъ при переваливаніи черезъ гору, попридержала передъ спускомъ, какъ въ самую середину батареи грохнулись гранаты, и мы снизу, изъ лощины, увидѣли сперва дымки отъ разрыва ихъ, затѣмъ лошадей, поднявшихся на дыбы, а потомъ кувырканье и барахтанье бившихся въ постромкахъ лошадей, а съ ними, понятно, и людей. Но этимъ и кончилось; примѣръ былъ дотога очевиденъ, что охотниковъ ему слѣдовать не нашлось. Князь, ѣхавшій шагомъ съ колонной, прибылъ въ Брестовацъ, былъ чрезвычайно доволенъ благополучнымъ исходомъ этого, хотя и очень короткаго, но опаснаго передвиженія.

Пока мы совершали передвиженіе къ Брестовацу, Скобелевъ передвинулся съ перваго гребня на второй. Операція эта совершилась довольно благополучно: турки не упорствовали и отступили. Дальше идти, какъ сказано уже выше, было бы неосновательно, тѣмъ болѣе, что третій гребень обстрѣливался не только съ фронта, но еще слѣва—съ Кришинскаго редута и даже справа, изъ редута Омаръ-бей-табія, лежавшаго по восточную сторону Тученицкаго оврага. Такимъ образомъ третій гребень былъ уже внутри того, широкаго въ началѣ и узкаго въ концѣ, мѣшка, въ который отряду предстояло ринуться при штурмѣ Плевны съ юга. Я надѣюсь, что изъ этой краткой характеристики позиціи третьяго гребня и южной оконечности Плевны, а такъ же сказаннаго мѣстами выше о положеніи этого гребня по отношенію къ Скобелевскимъ редутамъ явствуетъ, что штурмъ этихъ редутовъ, траншей и ложементовъ, ихъ связывавшихъ и окружавшихъ, могъ быть успѣшенъ только въ томъ случаѣ, если бы мы, обладая значительнымъ превосходствомъ въ силахъ, могли отдѣлить самостоятельную часть для одновременнаго штурма Кришина (Юнусъ-бей-табія), а вредное дѣйствіе Омаръ-бей-табіи парализовали бы одновременной же атакой этого редута войсками центра (корпуса Крылова), да при этомъ имѣли бы еще на Плевно-Ловченскомъ шоссе солидный резервъ. Безъ этихъ условій мы влѣзали въ мѣшокъ—и влѣзли; если же широко раздвинутое отверстіе этого мѣшка за нами не затянулось, то это было только по милости Свыше; у насъ же, на лѣвомъ флангѣ, для воспрепятствованія этой катастрофѣ—силъ не было: всѣ, какія были, растаяли 30-го и 31-го августа.

Въ Брестовацѣ, благодаря хорошей погодѣ,—день былъ теплый и солнечный,—расположились мы на землѣ у плетня: князь сѣлъ спиной къ плетню и Кришину, Добровольскій, генералъ-маіоръ Леонтьевъ, командовавшій кавалеріей, и я—напротивъ. Сидѣли, ожидая диспозиціи отъ Зотова. Мы были увѣрены, что ее вотъ-вотъ привезутъ; мы имѣли право такъ думать, такъ какъ штурмъ былъ задуманъ давно, назна-

ченъ на 28-е августа, затѣмъ, по увѣдомленію генерала Зотова, только отложенъ на нѣкоторое время и, наконецъ, по словесному сообщенію Левицкаго, сдѣланному 28-го августа, былъ окончательно назначенъ на 30-е августа. Ожидая диспозиціи, естественно, разбирали съ разныхъ сторонъ, каковъ-то будетъ планъ штурма, и на основаніи всѣхъ имѣвшихся у насъ данныхъ: мѣстности, силы и расположенія турокъ, ихъ укрѣпленій—рѣшали безповоротно, что у насъ на лѣвомъ флангѣ произойдетъ одновременный штурмъ въ двухъ направленіяхъ: на Кришинъ и на два южныхъ Плевненскихъ редута. Договорились и до того, что, если это будетъ такъ,—а иначе, по мнѣнію князя и быть не могло,—то Скобелевъ атакуетъ южные редуты, а Добровольскій—Кришинъ ¹⁾. Но тутъ мы сейчасъ же натыкались на щемящій вопросъ: силъ мало. Если Скобелевъ пойдетъ прямо, а Добровольскій на Кришинъ, то что же останется въ резервѣ? И вотъ какъ и у человѣка, находящагося въ безвыходномъ, безнадежномъ положеніи, все-таки гдѣ-то таится искра надежды, которая, по временамъ, вдругъ засвѣтитъ яркимъ лучемъ,—надежды на то, что выходъ будетъ—такъ и у насъ, нѣтъ-нѣтъ, да и промелькнетъ мысль: подкрѣпить... нельзя не подкрѣпить; вѣдь должны же они понимать... Имеретинскій нѣсколько разъ сказалъ мнѣ, когда мы оставались вдвоемъ: «подкрѣпить; увидишь—Скобелевъ выпроситъ». Въ этотъ день, уже съ утра, князь Имеретинскій былъ очень молчаливъ и задумчивъ; видно было, что онъ озабоченъ, удрученъ и былъ не доволенъ, а грустный. Удачный переходъ части отряда къ Брестовацу и полученіе извѣстія, что Скобелевъ благополучно занялъ второй гребень, только на короткое время ободрили князя, но затѣмъ онъ вновь погрузился въ свои думы—очевидно невеселыя.

Кришинъ, энергично обстрѣливавшій сначала второй гребень, занимаемый Скобелевымъ, сталъ пускать потомъ рѣдкія гранаты въ другомъ направленіи; онѣ перелетали высоко надъ нами и рвались гдѣ-то тамъ, надъ Рыжей горой. Солнце начинало уже спускаться къ Виду, ощущался легкій холодокъ; небо стало заволакивать тучами, какъ къ намъ прилетѣлъ Скобелевъ. Какъ всегда бодрый, энергичный, Михаилъ Дмитріевичъ принялъ участіе въ обсужденіи занимавшихъ всѣхъ вопросовъ: долгое неполученіе диспозиціи, невѣроятное, но все же возможное, сильное запозданіе ея и необходимость изготovitъ самимъ—на всякій случай. Скобелевъ говорилъ, что у него горло пересохло и просилъ пить; какими-то судьбами у кого-то нашлась бутылка шампанскаго, которую немедленно распили.

¹⁾ Вслѣдствіе такого взгляда князь приказалъ генералу Добровольскому произвести заблаговременно рекогносцировку подступовъ въ Кришину отъ Брестоваца.

Я спросилъ Михаила Дмитриевича, гдѣ Алексѣй Николаевичъ ¹⁾, на что получилъ отвѣтъ: «на второмъ гребнѣ; роется какъ кротъ и тебя ругаетъ».

— За что?

— За шанцевый инструментъ.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Стоять на второмъ гребнѣ не окопавшись и не заслонившись отъ прямыхъ выстрѣловъ съ южныхъ фортвъ Плевны, а также косыхъ, со стороны Крипина, было невозможно; надо было рыть траншеи, ложементы, но тутъ являлась бѣда: не было шанцеваго инструмента. Надо замѣтить, что до турецкой войны у насъ мало обращалось вниманія на самоокапываніе; въ войскахъ даже не было выраженія: «окопаться». Говорили обыкновенно: укрѣпить позицію для обороны и подъ этимъ разумѣли—построить на оборонительной позиціи нѣсколько батарей, преимущественно горизонтныхъ, иногда съ эполементомъ, а для пѣхоты такъ называемые «ровики для стрѣлковъ»; укрѣплять же позицію въ наступательномъ бою совсѣмъ не практиковалось. Турецкая война, вслѣдствіе ея особенностей (мѣстныхъ, характера противника, его способа дѣйствій, жестокаго огня и проч.) заставила и насъ обратить вниманіе на самоокапываніе. Появился новый терминъ: «занявъ позицію и окопался». Но привычки воспитанія мирнаго времени не скоро забываются, и наши войска, особенно въ началѣ войны, были слабы въ искусствѣ самоокапыванія. Мало приученныя къ этого рода дѣйствіямъ, они естественно относились небрежно къ орудію самоокапыванія, къ шанцевому инструменту, тяжелому въ носкѣ и рѣдко употребляемому. 2-я пѣхотная дивизія пришла на войну, понятно, вполне снаряженная шанцевымъ инструментомъ, но еще при штурмѣ Ловчи растеряла большую его часть; затѣмъ много было утеряно на Зеленыхъ горахъ до 30-го августа, такъ что когда я получилъ отъ капитана Куропаткина записку, съ просьбой собрать какъ возможно болѣе шанцеваго инструмента въ полкахъ 2-й дивизіи, то, не смотря на самыя энергичныя мѣры, я могъ послать и то уже поздно ночью съ 29-го на 30-е, штукъ сто разнаго инструмента. Не получая его, войска наши рыли землю штыками, крышками отъ манерокъ и наконецъ—руками. Хорошо еще, что грунтъ былъ мягкій.

Скобелевъ уѣхалъ, когда совсѣмъ стемнѣло; началъ накрапывать дождь, скоро усилившійся. Диспозиціи не было; мы разошлись. Князь пошелъ въ избу, а я воспользовался любезнымъ предложеніемъ Добровольскаго и расположился на ночлегъ въ его чудной походной коляскѣ.

¹⁾ Генеральнаго штаба капитанъ Куропаткинъ, нынѣ военный министръ.

III.

Ночь на 30-е августа.—Генераль Добровольскій.—Его предчувствіе о близкой смерти.—Полученіе диспозиціи генерала Зотова.—Разборъ нѣкоторыхъ ея частей.—Докладъ диспозиціи князю Имеретинскому.—Впечатлѣніе, произведенное ею на князя.—Князь Имеретинскій и Скобелевъ.

Высокій ростомъ, молодцоватый, съ увѣренными и бойкими манерами, щегольски одѣтый, генераль Добровольскій производилъ весьма пріятное впечатлѣніе на окружающихъ. Въ 3-ей стрѣлковой бригадѣ, которою командовалъ, его, кажется, любили, а князь Имеретинскій былъ къ нему очень расположенъ. Въ моей записной книжкѣ, бывшей у меня во время штурма Ловчи 22-го августа и сохранившейся до сихъ поръ, находится копія записки, слѣдующаго содержанія: «22-го авг. 11 ч. у.. батарея правѣ шоссе. Генералу Скобелеву. Казавшееся занятіе нами турецкихъ ложементовъ правѣ шоссе, по вѣрнымъ свѣдѣніямъ (Тихановъ пріѣхалъ)—ложно; помню все, что вы сказали. Паренсовъ». Сбоку же этой копіи приписано очевидно позже, чернилами, но уже порывѣвшими отъ времени: «съ батареи, гдѣ стоялъ кн. Имеретинскій, были видны всѣ передовыя позиціи турокъ. Замѣтивъ, что тур. лож. противъ д. Присяка перестали стрѣлять, многіе доказывали, что Добровольскій взялъ уже ихъ. Я былъ противъ этого, спорилъ... Послалъ моего неоцѣненнаго Тиханова (30 п.) узнать; это было при Скобелевѣ, который уѣхалъ, не дождавшись возвращенія Тиханова. Помню, все относится къ секретному разговору моему съ Скобелевымъ, который сказалъ мнѣ: «если вы дадите Добровольскому еще подкрѣпленій, то я контуженъ и уѣду». А Имеретинскій, котораго Добровольскій очаровалъ, былъ склоненъ, несмотря на мои просьбы, дать еще подкрѣпленій Добровольскому» ¹⁾).

¹⁾ Изъ Прошлаго. Ч. I-ая. На войнѣ. Стр. 418 и 419. Въ копіи записки моей, слова: „казавшееся“ и „ложно“ подчеркнуты одинъ разъ, а слово „все“ подчеркнуто даже два раза. Выраженіе дать „еще“ подкрѣпленій надо понимать въ томъ смыслѣ, что дать еще подкрѣпленій послѣ состоявшейся уже послыки къ Добровольскому Ревельскаго полка, о чемъ я извѣщалъ его другой моей запиской: „22-го августа. 9 ч. у., 2-ая батарея 16-ой бригады. 1-ая линія батарей правѣ шоссе. Генералу Добровольскому. Къ вамъ отправленъ Ревельскій полкъ. Расходуйте его крайне осторожно“, и т. д. Тихановъ былъ полковымъ адъютантомъ 30-го Донскаго полка. Полкъ этотъ былъ разбитъ посотенно въ разныхъ отрядахъ, а часть штаба полка, съ войсковымъ старшиной Митрофаномъ Грековымъ во главѣ, находился при князѣ Имеретинскомъ; Тихановъ же пристроился ко мнѣ. Красавецъ собой, нарядный, лихой и неутомимый наѣздникъ, Тихановъ былъ военно-образованъ, толковъ, смысленъ и храбръ; я берегъ его, пользовался

Генераль Добровольскій получилъ хорошее военное образованіе, служилъ прежде въ генеральномъ штабѣ, былъ довокъ и находчивъ. Когда князю Имеретинскому привезли отъ государя Георгія 4-ой степени за взятіе Ловчи, то вѣсть объ этомъ быстро распространилась въ отрядѣ. Однажды утромъ, кажется 25-го августа, при выступленіи отряда послѣ дневки изъ Богота въ Тученицу, князь пропускалъ мимо себя войска, здороваясь съ ними. Прошли полки 2-ой пѣхотной дивизіи, которыми временно командовалъ бригадный командиръ генераль-маіоръ Энгманъ, добрый, смирный и очень флегматичный шведъ, прошла 2-ая артиллерійская бригада, имѣя во главѣ тоже добрейшаго старичка генераль-маіора Бури, а за артиллеріей, молодцами и какъ-то весело, шли стрѣлки. Отвѣтивъ на привѣтствіе князя обычнымъ: «здравія желаемъ», головной батальонъ стрѣлковъ вдругъ закричалъ: «имѣемъ честь поздравить съ монаршей милостью»...; остальные батальоны Добровольскаго повторили то же самое. Это было такъ неожиданно, что князь смутился и въ первую минуту не нашелся сказать что-нибудь кромѣ зауряднаго: «спасибо»; но затѣмъ, быстро оправившись, приказалъ мнѣ остановить бригаду, поставить ее въ каре и, войдя въ середину его, сказалъ нѣсколько словъ благодарности и похвалы бригадѣ за дѣйствія ея подъ Ловчей.

У Добровольскаго была чудесная дорожная коляска, запряженная четверкой нарядныхъ бѣлыхъ лошадей. Чего только не было въ этой коляскѣ: выдвижные сундуки, ящички, карманы въ обивкѣ и т. п., но главное ея удобство заключалось въ томъ, что внутренняя, передняя часть ея откидывалась и образовывала двѣ мягкія постели, что при соотвѣтственной длинѣ и ширинѣ коляски позволяло двумъ лицамъ удобно растянуться въ ней для отдыха. Когда мы расположились въ этой коляскѣ на ночлегъ, шелъ уже порядочный дождь, не лѣтній, быстро проходящій, а настоящій осенній, не предвѣщавшій скорого конца. Для того, чтобы насъ могли легче найти, мы зажгли фонари коляски. Поднявъ верхъ, закрывшись—Добровольскій своимъ длиннымъ кожаномъ, а я буркой, мы пристегнули еще сверху кожаный фартухъ, но не могли скоро заснуть; все еще поджидали диспозиціи, толковали о томъ, о семъ и я, между прочимъ, расхвалилъ коляску.

— Пожалуйста не хвалите,—сказалъ Добровольскій,—это мой гробъ.

имѣ въ особо-важныхъ случаяхъ, и онъ былъ для меня дѣйствительно: „неоцѣненный“. Въ высшей степени симпатичный и милый, Тихановъ былъ сильно раненъ въ животъ на рекогносцировкѣ, которую я производилъ 26-го августа вечеромъ на лѣвомъ флангѣ 4-го корпуса подъ Плевной, между Радисевымъ и Тученицей (Тамъ же, стр. 439). Впослѣдствіи я видѣлъ Тиханова въ госпиталѣ, въ Горнемъ Студнѣ,—слава Богу, поправляющимся.

Я отвѣчалъ, какъ всегда отвѣчаютъ въ аналогичныхъ случаяхъ, и сказалъ что-то успокоительное.

—Нѣтъ, нѣтъ,—продолжалъ настойчиво и нѣсколько раздражительно Добровольскій,—чувствую, что меня въ ней повезутъ.

Я не придавалъ тогда значенія, оказавшимся пророческими, словамъ его, усталость взяла свое, и я заснулъ подъ монотонный шумъ мѣрно падавшего дождя.

Будяте; слышу громкіе голоса: «гдѣ тутъ штабъ князя Имеретинскаго?»—Въ свою очередь кричу: «здѣсь; что такое?»—«Пакетъ отъ генерала Зотова». Добровольскій зажигаетъ ручной фонарь, тоже особенный, дорожный, я получаю конвертъ, росписываюсь въ полученіи, дождь мочитъ конвертъ и разносную книгу. Вижу—диспозиція. Подписана: «начальникъ штаба западнаго отряда арміи генералъ-лейтенантъ Зотовъ». Посмотрѣлъ на часы—12 ¹/₂ ночи.

Чтобы не утомлять читателя чтеніемъ всей длинной диспозиціи, выпишу изъ нея только самое необходимое для дальнѣйшаго моего повѣствованія.

«Завтра, 30-го августа, назначается общая атака укрѣпленнаго Плевненскаго лагеря, для чего: 1) съ разсвѣтомъ со всѣхъ батарей открыть самый усиленный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и продолжать его до 8 часовъ утра. Въ 9 часовъ одновременно и вдругъ прекратить всякую стрѣльбу по непріятелю. Въ 11 часовъ дня вновь открыть усиленный артиллерійскій огонь и продолжать его до часа по полудни. Съ часа до 2 ¹/₂ часовъ опять прекратить огонь на всѣхъ батареяхъ, а въ 2 ¹/₂ часа вновь начать усиленную канонаду, прекращая ее только на тѣхъ батареяхъ, дѣйствію которыхъ могутъ препятствовать наступающія войска. 2) въ 3 часа по полудни начать движеніе для атаки».

Но тутъ я остановился и пересталъ читать. Какъ же это начинать движеніе для атаки въ 3 часа? Да вѣдь въ 7-мъ часу наступаютъ короткія сумерки, а потомъ сразу и темно! Гдѣ же это въ три съ тѣмъ-то часа времени дойти съ боемъ до траншей и редутовъ, штурмовать ихъ и брать? Надо же помнить, что за первыми, т. е. ближайшими къ намъ редутами, есть еще вторые и даже третьи! Какъ это можно начинать движеніе такъ поздно!

Уже въ одномъ этомъ чувствовался предвѣстникъ предстоящей неудачи!

Далѣе являлось существенное недоразумѣніе; въ диспозиціи въ п. I-мъ сказано: «съ разсвѣтомъ со всѣхъ батарей»... и т. д. и продолжать его до 8-ми часовъ утра ¹). Въ 9 часовъ одновременно и вдругъ прекратить всякую стрѣльбу ¹)... Спрашивается: въ 8 или

¹) Курсивъ нашъ. П. П.

въ 9 прекращать стрѣльбу? Если продолжать до 8—значитъ въ 8 и прекращается, а если прекращается въ 9—то, слѣдовательно, стрѣльба продолжается не до 8, а до 9. Гдѣ же точность? Затѣмъ это дѣленіе пальбы и не пальбы на періоды, по часамъ... точно на мирномъ ученіи, или на урокъ гимнастики: всѣ начинаютъ, потомъ одновременно и вдругъ всѣ кончаютъ, вновь начинаютъ, опять прекращаютъ, вновь начинаютъ и т. д. Я думаю, туркамъ все это было на руку, для нихъ это было предупрежденіемъ, а для насъ неудачнымъ примѣненіемъ выраженія Святослава: иду на васъ. Турки, сидя за своими окопами, конечно, готовились, поправлялись.... Положимъ, что часы во всемъ отрядѣ должны быть свѣрены, ну, а турки-то что же, такъ и будутъ сидѣть спокойно и смотрѣть на всѣ эти «вдругъ» и «вновь». Ужасно, ужасно!! А что, если турки тоже «вдругъ» перейдутъ хотя бы на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ въ наступленіе ¹⁾; тогда всѣ эти періоды пальбы и антракты не пальбы спутаются! Турки уже показали намъ, что они осмѣлились, выучились переходить въ наступленіе. Такъ было подъ Пелишаномъ 19-го августа, такъ было неоднократно передъ 30-мъ августа, на Зеленыхъ горахъ.... Просто: гляжу, недоумѣваю и поражаюсь! Читаю дальше: «3) Румынская армія атакуетъ сѣверное укрѣпленіе». Знаю, что одного сѣвернаго укрѣпленія нѣтъ; есть самые сѣверные Опанецкіе редуты, окружающіе д. Опанецъ, но изъ дальнѣйшаго чтенія вижу, что это говорится не о нихъ, а о линіи редутовъ, идущихъ отъ д. Гривицы по направленію д. Буковленъ, но и тутъ не одно укрѣпленіе, а четыре редута, расположенныхъ по линіи верстъ на 5, два вмѣстѣ (Гривицкіе), остальные два въ затылокъ первымъ, съ длиннѣйшими между ними траншеями. Дальнѣйшее въ диспозиціи пробѣгаю наскоро, ищу, гдѣ мы и вдругъ читаю: «е) Отряду генерала Скобелева»... Это что такое; новый отрядъ сформировали?—«отряду генерала Скобелева, состоящему изъ 1-ой бригады 16-ой пѣхотной дивизіи, стрѣлковой бригады генерала Добровольскаго и одного полка 2-ой пѣхотной дивизіи и т. д.—атаковать укрѣпленный непріятельскій лагерь, прикрывающій г. Плевну со стороны Ловченскаго шоссе». Когда я читалъ это мѣсто, слышались возгласы Добровольскаго, слушавшаго мое чтеніе: «какъ, меня отъ васъ взяли?»... Переходя отъ изумленія къ изумленію, я былъ окончательно пораженъ, прочитавъ, что даже дивизію князя расчленили, взявъ изъ нея одинъ полкъ и передавъ его въ новый отрядъ Скобелева! Ну, а князь что же? Читаю дальше: «ж) Въ резервъ колонны генерала Скобелева, съ обязанностию поддерживать его атаку ²⁾ и прикрывать лѣвый флангъ его колонны, слѣдуютъ осталь-

¹⁾ Чтò они и сдѣлали 30-го августа въ 11 час. утра, желая отнять у Скобелева занятый имъ третій гребень. П. П.

²⁾ Курсивъ нашъ. П. П.

ные полки 2-ой пѣхотной дивизіи съ ихъ батареями подъ начальствомъ свиты его императорскаго величества генераль-маіора князя Имеретинскаго».

Такимъ образомъ, князь Имеретинскій, только-что получившій Георгія за взятіе Ловчи, черезъ 8 дней лишается главнаго командованія, у него отбирають отрядъ; мало того, даже собственную его дивизію частью изъемятъ изъ его вѣдѣнія. Въ Ловченскомъ отрядѣ было три генерала: князь Имеретинскій, Добровольскій и младшій изъ нихъ—Скобелевъ. Одного старшаго, Добровольскаго, по-просту подчиняють младшему, другаго же, князя, ставятъ въ зависимость отъ младшаго! Положимъ, на войнѣ бывають подобныя примѣры; такъ, при второмъ движеніи за Балканы, графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ былъ подчиненъ младшему—генералу Гурко; но тамъ были соблюдены формы, и самъ графъ Павелъ Андреевичъ, только-что прибывшій съ гвардіей на войну, исполнѣ сознательно не только принялъ это подчиненіе, но и пошелъ ему навстрѣчу въ виду большаго боеваго опыта и гремѣвшей уже славы генерала Гурко ¹⁾. А тутъ?... Изумительная диспозиція; изумительная по существу, изумительная и по изложенію; виданное ли дѣло, резервъ колонны, освобожденный отъ обязанности поддерживать атаку своей колонны?... И почему резервъ князя долженъ прикрывать непременно лѣвый флангъ Скобелева? Положимъ, опасались Крипина, но приказаніе, что именно прикрывать, лучше бы предоставить самому начальнику колонны, который и дастъ надлежащія указанія своему резерву. Нѣкоторыя странности съ формальной стороны давали поводъ думать, что вся диспозиція писана на-скоро, второпяхъ; 3-ю стрѣлковую бригаду въ официальномъ документѣ именуютъ «стрѣлковой бригадой генерала Добровольскаго»; при перечисленіи кавалерійскихъ частей отряда генераль-маіора Леонтьева, поименованъ Кавказскій казачій полкъ, котораго не было, такъ какъ была Кавказская казачья бригада изъ двухъ полковъ; одного генераль-маіора свиты его величества—Скобелева называютъ просто «генераломъ», другаго же, князя—называютъ полнымъ титуломъ...

¹⁾ И мнѣ пришлось, въ чинѣ полковника, исправлять обязанности начальника штаба у подполковника Бакланова, слѣдовательно, быть въ его распоряженіи. Но такъ распорядился Левицкій, да, наконецъ, тамъ шло дѣло о штабъ-офицерахъ, съ которыми было легче не церемониться, хотя тоже, по существу, неправильно. Почему невѣдомый Левицкому казачій подполковникъ Баклановъ, никогда не бывавшій въ Ловчѣ, могъ командовать отрядомъ, туда посланнымъ, а вѣдомый тому же Левицкому полковникъ генеральнаго штаба Паренсовъ, участвовавшій въ первомъ взятіи этого города и даже отличенный за это крупной наградой, не могъ командовать? (Изъ Прошлаго, ч. I-я. На войнѣ, стр. 307).

Какъ бы то ни было, нечего дѣлать, пошелъ я съ диспозиціей къ Имеретинскому.

Скользко, мокро сверху, мокро снизу, фонарь плохо освѣщаетъ дорогу, спотыкаюсь, иду полный мыслью: что-то будетъ, что-то будетъ?

Князь лежалъ на кровати, полураздѣвшись, въ сапогахъ; свѣча горѣла у кровати. «Что, диспозиція?»—Да, диспозиція». — «Читай, читай»... Тутъ разыгралась сцена, которую я какъ теперь вижу передъ собой и слышу каждое слово. Я началъ читать медленно, какъ будто даже противъ воли моей оттягивая наступленіе критической минуты, читаю все безъ пропусковъ, князь торопится, повторяя: «гдѣ же мы?»... и только-что я началъ: «отрядъ генерала Скобелева», — какъ князь меня прервалъ восклицаніемъ: «какъ, Скобелева у насъ взяли?»... Я продолжалъ; когда же я прочиталъ весь пунктъ е и слѣдующій за нимъ ж, князь, послѣ вопроса о Скобелевѣ упорно молчавшій, вскочилъ, сорвался съ кровати и закричалъ: «Модесть»¹⁾. А когда Модесть вошелъ: «прикажи запрягать и давай одѣваться»... «Что такое, князь... куда... зачѣмъ?»... Но послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія князь уже овладѣлъ собой, какъ будто преобразился и, очевидно сильно сдерживаясь, своимъ обыкновеннымъ, размѣреннымъ слогомъ, но весьма энергично отвѣтилъ мнѣ: «какъ куда,—въ главную квартиру. Что же, любезный другъ, или ты думаешь, что я здѣсь останусь? Да развѣ ты, знающій наше положеніе, не понимаешь, что Скобелевъ сразу же отниметъ у меня все... да ему иначе и нельзя. При чемъ же я останусь?»...

Не буду описывать въ деталяхъ дальѣйшаго; я умолялъ князя остаться, пожертвовать собою, но остаться. Я взывалъ къ чувству патриотизма, чувству чести солдата, говорилъ, что нельзя русскому генералу, начальнику отряда, какого ни на есть, а все же отряда—уѣзжать съ поля сраженія, покидать свои войска за нѣсколько часовъ до штурма... Князь молча шагаль по комнатѣ. Говорилъ я долго, навѣрное очень пламенно и кажется убѣдительно; по крайней мѣрѣ, слѣдя за княземъ, мнѣ начало казаться, что онъ сдается; онъ менѣе горячился, началъ ходить тише, ровнѣе. Очевидно было, что первый взрывъ, первая горячка прошли. Я рѣшился на крайнее; подойдя къ нему, я умоляюще, чуть-чуть не ставъ передъ нимъ на колѣни, сказалъ: «князь, голубчикъ,—останься!»... Водворилось молчаніе; князь еще походилъ, наконецъ, сказалъ: «хорошо изволь, я останусь; но помни, что завтра же съ утра Скобелевъ отберетъ у насъ все, и мы останемся въ тобой вдвоемъ». На это я отвѣчалъ, что несомнѣнно Скобелевъ, силою вещей, вынужденъ будетъ если не сразу, то постепенно взять у насъ все, что у него и съ нами-то будетъ не ахти какъ много; наконецъ, что мы—

¹⁾ Камердинеръ князя.

резервъ, для того и назначены, чтобы его усиливать, по мѣрѣ его надобности, а затѣмъ, что мы, оставшись вдвоемъ, будемъ дѣлать, что должно и что можно.

Князь остался, но мы уже не ложились спать; надо было писать, посылать приказанія, и скоро начало свѣтать.

На короткое время я уклонюсь немножко въ сторону отъ прямой послѣдовательности моего повѣствованія и скажу нѣсколько словъ о двухъ главныхъ дѣятеляхъ предстоящаго боя. Къ этому времени я искренно полюбилъ князя Имеретинскаго и сильно къ нему привязался. Много было въ немъ рыцарскаго и симпатичнаго; да и жаль было его и обидно за него; а это всегда еще болѣе привязываетъ. Скобелева я зналъ хорошо, зналъ его со всѣхъ сторонъ; я былъ имъ сильно увлеченъ, увлеченъ и по настоящее время и при томъ настолько, что, кажется, встань Скобелевъ теперь для боя и позови меня съ собой — сейчасъ бы пошелъ, пошелъ, не озираясь и даже не спрашивая куда... Онъ былъ олицетвореніемъ бойца, образованнаго, начитаннаго, изящнаго, талантливаго предводителя, все за собой увлекающаго, все передъ собою сметающаго. Разъ побывавъ съ нимъ въ бою, видя эту красивую, дышащую смѣлостью, увѣренностью и отвагой фигуру, да еще на бѣломъ конѣ — имъ нельзя было не увлечься. Князь былъ другаго склада человекъ. Разсудительный, до крайности сдержанный, умный, тоже начитанный и образованный, князь Имеретинскій, бесѣдуя, очаровывалъ своихъ слушателей, но я не могу себя даже представить Имеретинскаго на борзомъ конѣ, звучнымъ голосомъ увлекающаго за собой въ огонь, одушевленнаго личнымъ его примѣромъ, войска... Князь былъ идеальнымъ начальникомъ штаба, вдумчивымъ, точнымъ, не молчаливымъ и, если можно такъ выразиться — не машиннымъ только исполнителемъ приказаній своего начальника, а съ очень большою инициативой, но все же въ военномъ ремеслѣ, которое, строго говоря, не было его призваніемъ, онъ былъ скорѣе мужъ совѣта и администраторъ, а не предводитель. Съ назначеніемъ на постъ варшавскаго генералъ-губернатора ему открылось обширное поприще для примѣненія его блестящихъ административныхъ способностей, и онъ всецѣло предался работѣ въ краѣ. Въ 1900 г. онъ говорилъ мнѣ въ Варшавѣ: «относительно Польши мы остановились на 63 годѣ и застыли. Это нельзя; жизнь идетъ впередъ, край живетъ; надо и намъ идти впередъ, надо творить» ¹⁾ и привался энергично за творческую дѣятельность. Не было,

¹⁾ Мнѣ пришлось еще въ первые годы моей службы, въ концѣ 1862 г. на дѣлѣ, совершенно случайно, столкнуться съ такъ называемымъ „польскимъ вопросомъ“, а въ 1864 году, служа въ Кіевскомъ военномъ округѣ, я видѣлъ слѣды бывшаго возстанія и далеко не улегшееся еще броженіе. Вопросъ этотъ меня такъ заинтересовалъ, что я, по мѣрѣ возможности, зани-

кажется, отрасли, которой бы онъ не затронулъ. По весьма мѣткому выраженію одного лица, со мной откровеннаго и весьма близкаго къ князю, Имеретинскій въ Варшавѣ «зажегъ костеръ со всѣхъ сторонъ». Онъ, можетъ быть, на первыхъ порахъ своего правленія, нѣсколько увлекся идеальными воззрѣніями, но быстро отрезвѣлъ; природный умъ и разсудительность скоро взяли верхъ, и дѣйствія его были имъ самимъ поставлены въ надлежащія рамки. Князь много бы принесъ пользы Россіи на ея важной западной окраинѣ, но, увы, неумолимая судьба безжалостно перерѣзала нить его жизни, полной будущаго. Человѣкъ не можетъ соединить въ себѣ все, всѣ дарованія, всѣ таланты. Безусловно одаренный государственнымъ умомъ, блестящими способностями администратора, организатора, устроителя, князь Имеретинскій не былъ тѣмъ блестящимъ вождемъ, при одномъ появленіи котораго войска, имъ предводимыя, воодушевляются настолько, что всѣ становятся героями и по мановенію руки его готовы, на жертвы, совершаютъ чудеса. Съ другой стороны, я не могу себѣ представить Скобелева начальникомъ штаба и, случись это, его начальникъ навѣрное былъ бы несчастнѣйшимъ чело-вѣкомъ. Порывистый, дѣлающій все скоро, торопясь, писавшій отрывистыми, часто незаконченными фразами, иногда только намеками, непосѣда, даже пищу глотавшій торопясь, не давая себѣ труда разжевать ее какъ слѣдуетъ—Скобелевъ былъ полная противоположность князю Имеретинскому,—но увлекалъ всѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Я тоже увлекся—и не каюсь.

П. Паренсовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П о п р а в к а .

Въ главѣ I-й статьи „Изъ Прошлаго“, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ, на стр. 64 строка 9 сверху напечатано: „высланъ на подмогу Серпуховскій полкъ“ слѣдуетъ читать—„Коломенскій полкъ“.

мался имъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, въ Вильнѣ (я былъ начальникомъ штаба 2-го армейскаго корпуса), вновь окунулся я въ польскія дѣла, и тутъ мои занятія сдѣлались шире, благодаря моему корпусному командиру Александру Павловичу Никитину, умнѣйшему, даровитому чело-вѣку и большому знатоку Сѣверо-Западнаго края. Здѣсь я научился понимать, что съ „польскимъ вопросомъ“ неразрывно связанъ и „еврейскій вопросъ“. Наконецъ, понавъ въ 1887 году въ Варшаву и прослуживъ тамъ 15 лѣтъ, я естественно не переставалъ изучать, всѣми доступными мнѣ способами, эти въ высшей степени интересныя и важныя вопросы. Князь Имеретинскій зналъ это и очень часто, во всѣ три года своего правленія, посвящалъ меня въ его взгляды и планы, давалъ читать, а иногда самъ читалъ мнѣ свои записки, доклады, отчеты и проч.

Письма графа В. П. Кочубея къ М. М. Сперанскому 1823—1825 гг.

(Изъ бумагъ академика А. Θ. Бычкова).

Въ частной перепискѣ Сперанскаго одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ принадлежитъ, по интересу фактовъ и наблюдений, письмамъ къ нему графа (впослѣдствіи князя) Виктора Павловича Кочубея. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ выдержкахъ, приведены барономъ М. А. Корфомъ въ «Жизни графа Сперанскаго». Немало ихъ въ полномъ видѣ издано А. Θ. Бычковымъ въ сборникѣ «Въ память графа М. М. Сперанскаго». Наконецъ, нѣсколько изъ нихъ, также полностью, напечатано на страницахъ «Русской Старины» за текущій годъ въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго». Помѣщаемъ еще рядъ неизданныхъ писемъ Кочубея къ Сперанскому за 1823 — 1825 годы по копіямъ, сохранившимся въ бумагахъ А. Θ. Бычкова. Поясняя разные современные обстоятельства и подробности, письма эти, во всякомъ случаѣ, представляютъ не лишній матеріалъ для исторіи императора Александра I и его царствованія.

И. Б.

1.

Царское Село. 9-го іюля 1823 г.

Я ожидалъ давно случая немного вѣрнаго, чтобъ писать къ вамъ, но доселѣ онаго не представлялось, и теперь только, когда уже я совсѣмъ

на отъздѣ, г. Григорьевъ доставляетъ мнѣ способъ весьма наскоро нѣсколько строкъ къ вамъ написать.

Указъ объ отпускѣ моемъ ¹⁾ тянулся весьма долго, и я только 2 или 3 іюля оный получилъ. Между времени изданія оного и первыхъ переговоровъ ²⁾, были нѣкоторые другія объясненія, столь же милостивыя, какъ и прежнія; была снова рѣчь объ васъ, или, лучше сказать, разговоръ, до васъ относящійся. Изъ оного я удостовѣрился, что его величество дѣйствительно желаетъ, чтобъ Уложеніе и обрядъ производства дѣлъ были окончены непременно; я говорю и о формахъ процедуры, ибо о семъ было мнѣ упомянуто. Его величество такую важность дѣлу сему приписываетъ, что онъ никуда васъ отрывать не хочетъ; одно его сожалѣніе, или, лучше сказать, неудовольствіе, есть то, что дѣло идетъ тихо. Сіе неоднократно было поставлено вамъ на видъ. Конечно, далеко отъ того, чтобъ можно было ожидать совершенства въ Уложеніи; совершенства нигдѣ нѣтъ, но не можно оставлять вещей въ настоящемъ хаосѣ, и какъ бы ни былъ неполонъ кодексъ, все несравненно лучше будетъ того, что нынѣ существуетъ. Сіи мысли заставили его величество сожалѣть, что вы и въ отпускъ отправились ³⁾. Мысли сіи, или, лучше сказать, все сужденіе сіе, такъ вѣрны, что я не могъ не убѣдиться совершенно въ основательности оныхъ. Графъ Аракчеевъ, будучи здѣсь, тоже мнѣ говорилъ объ Уложеніи и, признавая оное полезнымъ, рассуждалъ, что вы одни можете дѣломъ симъ заниматься и что вамъ кончить его должно. Сіи свѣдѣнія я вамъ сообщаю, полагая, что вамъ не противно будетъ ихъ имѣть. Впрочемъ, я и прежде сказывалъ вамъ, и нынѣ повторю, что величайшую услугу окажете вы отечеству изданіемъ Уложенія и приобрѣтете себѣ безсмертную славу. Къ сему присоединю я, что дальнѣйшая медленность или отлагательство будетъ, безъ сомнѣнія, весьма непріятно и можетъ породить непріятности. За таковыми расположеніями и ожиданіями, возвращеніе ваше скорое и, какъ пишете, къ 1 августа, необходимо. Оно сугубо полезно быть можетъ и по Совѣту, ибо, истинно, не остается теперь въ немъ почти ничего, дѣло понимающаго. Мнѣ кажется, что Совѣтъ получить новыхъ членовъ, но кого и когда, не вѣдаю.

¹⁾ Кочубей былъ въ то время управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ Съ императоромъ Александромъ.

³⁾ Кочубей писалъ это письмо передъ самымъ отъездомъ изъ Петербурга; Сперанскій уѣхалъ тогда въ Малороссію. Но государь, при прощаніи съ нимъ, объ Уложеніи ничего не упоминалъ. „Данъ видъ—сказано въ дневникѣ Сперанскаго подъ 21-мъ мая,—что занимаются учрежденіемъ военныхъ поселеній, и что потому не желаютъ, чтобъ отсутствіе мое продолжалось далѣе 15-го августа“.

Баронъ Кампенгаузенъ отправляетъ до времени мою должность ¹⁾. Онъ принялъ безъ дальняго затрудненія, но затрудняется всѣмъ или многимъ по министерству. Мухи кажутся ему слонами, и теперь вижу я, какая бѣ была бѣда, еслибы попалъ онъ въ министры финансовъ. Канкринимъ ²⁾ вообще довольны; мнѣ кажется, что онъ слишкомъ скоръ и не даетъ довольно времени разсужденію. Изъ сего выйти могутъ противоположности довольно странныя; прежній министръ ³⁾, можетъ быть, дѣлалъ глупости отъ того, что слишкомъ долго кряхтѣлъ надъ какою-нибудь чужою мыслью, а нынѣшній можетъ ихъ дѣлать отъ легковѣрія и необдуманности; но, какъ бы то ни было, съ послѣднимъ стократно лучше имѣть дѣло.

Мы бы уже уѣхали, если бы отсутствіе его величества не мѣшало сіе исполнить. По возвращеніи его, на другой день мы и отправимся въ путь. Больная наша ⁴⁾ примѣтно поправилась. Пульсъ лучше, отъ 100—108. Цвѣтъ лица здоровѣе, и сама она полнѣе. Я весьма радъ, что и вы одобряете поѣздку мою въ Крымъ. Признаюсь, что въ настоящемъ положеніи я несравненно предпочитаю ее путешествію за границу. Впрочемъ, воображеніе мое не распространяется такъ далеко, какъ ваше, въ отношеніи всего того, что поѣздка сія заключать можетъ пріятнаго и полезнаго. Прошли времена всѣхъ мечтаній, и остается мнѣ уже доживать только кое-какъ. Въ началѣ будущаго лѣта располагаюсь я пріѣхать сюда, дабы такъ или иначе рѣшить жребій мой; то есть: или вступить въ должность, или оставить оную навсегда другому. Государь удостоилъ меня рескриптомъ, коего я не заслужилъ, и какъ оцымъ, такъ и всѣми изъявленіями участія и благорасположенія дѣйствительно тронулъ меня. Рескриптъ сей при семъ препровождаю.

По пріѣздѣ въ Крымъ, учредя семейство мое, располагаюсь съѣздить въ Диканьку и, если успѣю, въ Вознесенскъ, чтобы поклониться тамъ его величеству. 24 іюля надѣюсь быть въ Рыбинскѣ; 27 или 28 въ Нижнемъ-Новгородѣ. Между 10 и 15 августа у Качалинской пристани на Дону. Не оставляйте меня письмами вашими, а особливо, когда будете имѣть вѣрные случаи. Вы знаете, сколько мы искренно интересуемся во всемъ томъ, что до васъ касается, сколь истинно мы вамъ преданы. Я говорю о себѣ и о женѣ ⁵⁾, которая усердно вамъ кланяется. Она худа, слаба

¹⁾ Баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ, государственный контролеръ. Управлялъ онъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ всего лишь два мѣсяца († 10 сентября 1823 г.).

²⁾ Е. Ф. Канкринъ былъ назначенъ министромъ финансовъ въ 1823 году.

³⁾ Графъ Д. А. Гурьевъ.

⁴⁾ Дочь графа Кочубей.

⁵⁾ Графъ В. П. Кочубей былъ женатъ на Маріи Васильевнѣ Васильчиковой.

и находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Елисаветъ Михайловнѣ ¹⁾ прошу о дядѣ ея припомнить.

Р. С. Г. Григорьевъ по дѣламъ Семена Михайловича Кочубея ²⁾ не могъ до сегодня уѣхать. Его величество вчера поздно возвратиться изволилъ. Я ѣду сію минуточку откланиваться; а послѣ-завтра рано, если только погода не помѣшаетъ, не будетъ уже насъ здѣсь.

12 іюля.

2.

Θеодосія. 14-го октября 1823.

Я долженъ былъ давно изъяснить вамъ искреннюю благодарность мою за два письма ваши, полученные мною одно въ Саратовѣ, а другое здѣсь, но по предопредѣленію вышнему, довольно въ положеніи нашемъ счастливому, лишенъ былъ я сей возможности. На пятый день по пріѣздѣ нашемъ въ Θеодосію, и именно тогда, какъ собирался я отправиться въ Одессу и потомъ въ Вознесенскъ, получилъ я сильную подагру въ обѣихъ ногахъ и колѣняхъ и хирагру въ лѣвой рукѣ, такъ что я пролежалъ почти три недѣли въ постели и только нѣсколько дней оставилъ ее, чтобъ сидѣть въ спальнѣ на креслахъ. Во время мученій моихъ и теперь сколько разъ благодарилъ я Бога, что болѣзнь не постигла меня гдѣ-нибудь на Волгѣ, на Дону или въ морѣ, ибо тогда разстроился бы весь планъ путешествія нашего, и мы по неволѣ съ больною нашею остались бы, можетъ быть, на зиму гдѣ-нибудь въ Дубовкѣ, Качалинскѣ или иномъ сямъ подобнымъ жалкимъ изображеніямъ нашихъ городовъ. Одно досадно мнѣ, это, что не могъ я быть въ Вознесенскѣ. Мнѣ вообще хотѣлось воспользоваться полученнымъ мною на сіе отъ его величества позволеніемъ, а при томъ объясниться по одному глупому и подлому дѣлу, которое избобрѣлъ министръ юстиціи ³⁾ и коимъ, какъ пишутъ къ намъ, городъ и предмѣстья столичныя занимались. Дочь моя ⁴⁾ по возвращеніи ея встрѣчена была сими сплетнями и крайне ими огорчилась. Въ дѣлѣ семъ, которое князь Лобановъ принялъ такъ къ сердцу, потому что тутъ замѣшанъ отчасти Яковлевъ и зять его нѣкто Якубовичъ или Якубовскій, я такъ виноватъ, какъ Нессельродъ или иной кто служащій. На провинціальныя сплетни, ни глупости министра юстиціи никогда меня не занимали, а о послѣднемъ я, истинно,

¹⁾ Дочери Сперанскаго, Е. М. Фроловой-Багрѣевой.

²⁾ Троюроднаго племянника графа В. П. Кочубея.

³⁾ Генералъ-отъ-инфантеріи князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій.

⁴⁾ Графиня Наталья Викторовна, бывшая замужемъ за графомъ А. Г. Строгановымъ.

никогда и не думалъ; къ сему присоединить долженъ я, что и дѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, доставляя мнѣ весьма мало отрады (sic), я занимался въ строгомъ смыслѣ тѣмъ, что составляло обязанность мою, и не только не старался умножать дѣлъ, но, напротивъ, искалъ всегда уменьшать ихъ. Губернаторъ калужскій ¹⁾, коего я никогда до 1820 или 1821 года не зналъ и не видалъ, получилъ лично высочайшее повелѣніе прислать чрезъ меня записку о чиновникахъ калужскихъ. Записку сію онъ ко мнѣ доставилъ. Для чего? Для представленія его величеству. Государь находился тогда не знаю гдѣ, въ Лайбахѣ или Веронѣ. Между тѣмъ отправляется въ Калугу одинъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ для совокупнаго слѣдствія съ чиновниками министерства финансовъ и юстиціи по какому-то казенному имѣнію. Я поручаю ему узнать подъ рукою о партіяхъ въ Калугѣ и пр. Онъ возвращается и словесно дѣлаетъ мнѣ донесеніе, отзываясь, что онъ не хочетъ быть донощикомъ. Я напелъ, что долгъ его требуетъ, чтобъ онъ представилъ мнѣ записку, и удостовѣрялъ его, что его величество не компрометируетъ его. Свѣдѣнія, въ запискѣ сей заключающіяся, подтверждены были мнѣ отзывами княгини Голицыной и дочери ея графини Строгановой ²⁾ объ интригахъ въ Калугѣ противъ губернатора и пр.

Все дѣло сіе оставалось у меня въ числѣ неконченныхъ, потому что я рѣдко имѣлъ случай видѣть его величество, и, вѣроятно, и теперь бы въ семъ положеніи находилось, еслибы я, по случаю отъѣзда моего, не счелъ себя обязаннымъ очистить дѣла, по высочайшему повелѣнію у меня непосредственно производившіяся, и тѣмъ, такъ сказать, очистить свою отвѣтственность. Его величество хотѣлъ чиновниковъ сихъ отрѣшнить, но по замѣчаніямъ моимъ велѣно ихъ только перемѣстить. Приплетаютъ къ сему дѣло какого-то Гурьева и князя Вяземскаго, коего, какъ то государю извѣстно, я презираю, съ коимъ я никакихъ сношеній не имѣю; это гнусная подлость, которой его величеству не должно бы терпѣть. По невозможности личнаго объясненія, я не оставлю, коль скоро силы мои позволяютъ, писать къ его величеству, такъ, какъ должно человѣку, который честь свою почиталъ всегда для себя выше всего и который службою своею надѣялся пріобрѣсти право на вниманіе и до-вѣріе.

Путешествіе наше сопровождено было по Волгѣ всѣми возможными пріятностями; все меня тутъ интересовало; по системѣ каналовъ нашихъ и Дону множествомъ затрудненій и величайшихъ непріятностей; вообще путешествія подобнаго никому я ни желать, ни совѣтовать не

¹⁾ Д. с. с. Никита Кузьмичъ Омеляненко.

²⁾ Княгини Натальи Петровны Голицыной (рожд. графини Чернышевой) и ея дочери, графини Софіи Владиміровны Строгановой.

могу, да по истинѣ безъ необыкновенныхъ усилій и страшныхъ издержекъ оно и невозможно. Мы издержали до Θεодосіи 48.000 рублей. Вездѣ на пути я разспрашивалъ, развѣдывалъ, слушалъ, разсуждалъ. Какъ счастливо государство, которое или безъ управленія въ провинціяхъ или при самомъ злоупотребительномъ оныхъ управленіи можетъ наслаждаться тишиною и быть удостовѣреннымъ, что она нарушена быть не можетъ! Впрочемъ, сколько можно сдѣлать пользы и заставить прославлять настоящее царствованіе, это неисчислимо! Но не мнѣ, бѣдному немощному, сидящему въ крымской Камчаткѣ, можно ласкать себя надеждою въ чемъ-либо полезномъ участвовать. Мнѣ остается только помышлять провести остатокъ жизни моей въ покой; и сего только я нынѣ и желаю.

Жена моя благодаритъ васъ усердно за ваше воспоминаніе и поручаетъ вамъ послать дружеской ея поклонъ. Мы пользовались цѣлый мѣсяцъ самую прекрасною погодою; но вчера при сильномъ сѣверовосточномъ вѣтрѣ показался сильный снѣгъ съ мятелю; сказываютъ, что сіе явленіе есть чрезвычайное и что мы опять должны будемъ сидѣть скоро съ открытыми окошками.

Примите свидѣтельство искренняго моего почтенія и преданности.

3.

Θеодосіа. 30-го октября 1823.

Графъ Везбородко-Куселевъ ¹⁾ посѣтилъ насъ здѣсь; я пользуюсь возвращеніемъ его въ Петербургъ, сколько впрочемъ ни будетъ оно медленно, чтобъ писать откровеннѣе, нежели можно отважиться на сіе по почтѣ. Я начну изъясненіемъ вамъ искренней благодарности за письмо ваше отъ 28-го сентября и приложеніе къ оному, чрезъ Черниговъ мнѣ доставленныя. Вамъ уже извѣстно, что по причинѣ болѣзни моей не могъ я быть въ Вознесенскѣ; впрочемъ сіе, можетъ быть, послужило для меня къ лучшему. Глупая исторія моя съ княземъ Лобановымъ (Дмитріемъ Ивановичемъ) такъ меня разсердила, что я при разстройствѣ нервовъ моихъ, можетъ быть, сказалъ бы и много правды и много лишняго. Тутъ досадны были мнѣ не дѣйствія Лобанова, но то, что забыто было, какимъ образомъ приказано было мнѣ производить дѣло о чиновникахъ калужскихъ; что я избавилъ ихъ отъ отрѣшенія; что мнѣ сказано было именно: «Напиши рескриптъ, дабы уже не можно было министру юстиціи отговариваться»,—и

¹⁾ Графъ Александръ Григорьевичъ Куселевъ-Везбородко, впоследствии сенаторъ.

все сіе забыто—когда? Послѣ самыхъ сильнѣйшихъ увѣреній въ благо-расположеніи ко мнѣ и изъявленіи желанія неоднократно, чтобъ я не-премѣнно возвратился. Самой простой ходъ состоялъ бы въ томъ, чтобъ у меня спросить объясненія; но тутъ уже должно видѣть и образъ дѣйствія и замашку графа Аракчеева. Ему не нравилось, что я доклады-валъ его величеству; но часто ли я докладывалъ и виновать ли я, что сіе было мнѣ самымъ государемъ съ самаго начала предоставлено? Да и самъ графъ Аракчеевъ присылалъ иногда ко мнѣ бумаги съ объявле-ніемъ повелѣнія объ оныхъ лично доложить его величеству.

Но, какъ бы то ни было, ни прежде, ни нынѣ, на шестомъ десятѣѣ жизни моей, не могу я быть расположенъ переносить подобные поступки. Вслѣдствіе сего я писалъ къ его величеству, какъ слѣдовало человѣку правому и честь свою выше всего для себя поставляющему. Съ бумагъ сихъ посылаю я вмѣстѣ съ симъ списки къ дочери моей, которая, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, бывъ встрѣчена вездѣ исторією такъ называемою моею съ княземъ Лобановымъ, крайне, какъ писала она къ матери своей, симъ огорчилась. Дочь моя сообщить вамъ бумаги сіи для единственнаго свѣдѣнія вашего; я и ей пишу о всевозможной скромности, въ избѣжаніе какихъ-либо новыхъ комеражей. Къ графу Аракчееву, пи-савшему къ женѣ моей самое привѣтливое письмо изъ Вознесенска по случаю болѣзни моей, писалъ я также коротко о дѣлѣ семъ, извѣщая его, что онымъ осмѣлился я обременить непосредственно государя.

Вотъ ходъ и движенія мои по обстоятельству, которое сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ отъ родственниковъ моихъ и жены моей, а симъ послед-нимъ отъ всѣхъ и во всѣхъ обществахъ.

Въ такомъ положеніи отнюдь не могу я имѣть намѣренія прибыть бу-дущаго лѣта въ Петербургъ, и напротивъ (поколику, впрочемъ, можно въ семъ мѣрѣ дѣлать какія-либо на будущее время плавы), кажется, при-шлю просьбу объ увольненіи отъ службы. Я не думаю, чтобъ сіе встрѣ-тило затрудненіе. Дѣла и безъ меня шли и пойдутъ къ удовольствію. Сдѣ-ляется привычка къ новымъ людямъ и къ новому порядку, и все про-шедшее забудется. В. С. Ланской придѣляется къ тому времени еще бо-лѣе къ министерству¹⁾, и всѣ останутся довольными. Я долженъ сказать, что многіе Ланского хвалятъ столько, сколько проклинали покойнаго барона²⁾.

Лѣто думаю провести въ Диканькѣ, если здоровье Анеты позво-литъ, а будущую зиму въ Одессѣ. Далѣе не дерзаю распространять видовъ моихъ.

¹⁾ Василій Сергѣевичъ Ланской (р. 1754 † 1831) управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ 1823 по 1827 г.

²⁾ Кампенгаузена.

Оставляя мои скучныя обстоятельства, я обращусь къ тѣмъ, кои до васъ относиться могутъ. Я удивился, узнавъ отъ васъ, что по возвращеніи вашемъ его величество не изволилъ вамъ ничего сказать о желаніи его, чтобъ вы поспѣшили окончить Уложеніе. Что сіе мнѣ его величество говорилъ обстоятельно, въ томъ, какъ то уже я и писалъ къ вамъ, не имѣйте никакого сомнѣнія. Графъ же Аракчеевъ, изъясняясь мнѣ въ томъ же смыслѣ, сказалъ однажды: «Я еще то думаю, что одинъ Михайло Михайловичъ можетъ написать законы и что, если его не станетъ, то надобно все бросить». «Сіе,—примолвилъ онъ,—и государю я осмѣлился сказать». Изъ сего вы судить можете, что есть точная воля и желаніе, чтобъ вы не теряли времени. Я, съ своей стороны, видѣвъ всегда въ Уложеніи величайшую пользу и привязавъ будучи къ личной славѣ вашей и выгодамъ вашимъ, люблю ласкать себя надеждою, что вы наконецъ приметесь рѣшительно за дѣло и удовлетворите всѣмъ ожиданіямъ.

Петербургская газета, на которую бросаемся мы съ жадностію, какъ на единую вѣстницу нашу изъ столицы, въ послѣднемъ № своемъ возвѣстила пріѣзжими двухъ чиновниковъ министерства финансовъ Царства Польскаго. Мнѣ пришло на мысль, не будутъ ли они употреблены для преобразованія сей части у насъ? Если бы сіе такъ случилось, то дай только Богъ, чтобъ не затѣяли какихъ-либо новыхъ налоговъ. Общая бѣдность по истинѣ описана быть не можетъ. Надобно бы г. Канкрину сперва подумать о составленіи новыхъ источниковъ богатства и о прочномъ утвержденіи тѣхъ, кои существуютъ; тогда будетъ съ чего собирать налоги. Въ настоящемъ же положеніи вещей, если вздумаетъ еще брать, то легко подпадетъ подъ тѣ общія и единогласныя проклятія всей Россіи, коимъ подвергся отъ сѣвера до юга предмѣстникъ его¹⁾. Я знаю нѣсколько дѣйствій г. Канкринина, кои показываютъ поспѣшность и неосмотрительность. Исторія его съ Рибопьеромъ была самая неприличная и совершенно, какъ говорятъ французы, *d'un raг venu*. Балугіанскій²⁾, говоря мнѣ однажды, при случаѣ увольненія графа Гурьева, о свойствахъ, кои нужны министру, хотѣлъ меня увѣрить, что нужна важная осанка *et mѣme un ventre*³⁾. Я думаю, что чуть ли онъ не правъ. По системѣ сей я бѣ уже хотѣлъ, чтобъ Канкринъ, къ коему брюха приставить не можно, хотя бы сдѣлался вантрилокомъ.

Здѣсь слухъ пронесся о пожалованіи въ Москвѣ немалаго числа новыхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Какъ газета наша о Совѣтѣ

¹⁾ Графъ Д. А. Гурьевъ.

²⁾ Михаилъ Андреевичъ, павѣтный юристъ, въ то время членъ Коммисіи составленія законовъ, потомъ сенаторъ († 1847).

³⁾ Т. е. и даже брюшко.

всегда молчить, то и не знаю доселѣ пмятъ ихъ. Я желаю, чтобъ они были толковитѣе тѣхъ, коими въ немаломъ числѣ Совѣтъ доселѣ былъ наполненъ; а впрочемъ, какъ турки и татары говорятъ: Ишъ аллахъ — аллахъ керимъ, то есть: какъ Богу угодно — великъ Богъ.

Упомянувъ о татарахъ, я опомнился и испугался, чтобъ, по долготѣ письма моего, не приняли вы и меня за какого-нибудь азіатца, кои обыкновенно весьма склонны бываютъ много писать, когда хоть немного грамотѣ знаютъ. Итакъ простите и прощайте. Я весьма счастливъ тѣмъ, что отнюдь здѣсь не скучаю. Читаю много, и время проходить самымъ пріятнымъ образомъ. О суетахъ свѣта и столицы истинно никогда не думаю. Жена моя, благодареніе Богу, въ тѣхъ же расположеніяхъ находится. Одно, что дурно и что много меня озабочиваетъ, это домашнія мои дѣла. Доходовъ нѣтъ, а долги умножаются довольно страшною пропорціею. Вѣрьте душевной моей преданности.

Р. S. Н. С. Мордвиновъ подалъ, сказываютъ, какое-то мнѣніе по бумагѣ министра юстиціи противу меня. Не можно ли при случаѣ хотя слово мнѣ о семъ сказать.

4.

Оеодосія. 26-го февраля 1824 г.

Если весьма рѣдко къ вамъ пишу, то не отнесите сего ничему иному, какъ скромности моей. Люди праздные, подобные мнѣ, часто противно сему поступаютъ и, заботя людей, занятыхъ дѣлами, жалуются, что на письма ихъ не отвѣчаютъ; но если и храню я молчаніе противу васъ, то тѣмъ не менѣе не оставляю принимать искренняго участія во всемъ томъ, что до васъ касается, и посему съ особенною признательностію приму, буде, при свободной минутѣ, скажете мнѣ хотя нѣсколько словъ объ успѣхѣ трудовъ вашихъ по части Уложенія. О! сколько желательно было бы, чтобъ часть судная выведена была наконецъ изъ настоящаго хаоса! И здѣсь, въ семъ маленькомъ городкѣ, всѣ неудобства сего видны. Въ Оеодосіи есть коммерческій судъ, который неправильностями своими и медлительностію приводитъ всѣхъ иностранцевъ въ отчаяніе. Судьи жалуются, что нѣтъ торговаго Уложенія; но что за люди и судьи! Прокуроръ переведенъ изъ Кавказской губерніи, а одинъ судья былъ гдѣ-то въ Иркутской губерніи полиціймейстеромъ или городничимъ. Прокуроръ по одному дѣлу между шкипера казака и купцовъ грека и еврея приводилъ недавно какъ-то законъ царя Алексѣя Михайловича; но я теперь такъ боюсь князя Дмитрія Ивановича Лобанова, что еслибы прокуроръ его и на законы царя Ивана Васильевича сослался, то и тогда я бы молчалъ.

Бѣдный Перовскій ¹⁾ (котораго, я думаю, вы знаете), предобрый и пречестный малый, но совсѣмъ къ дѣламъ администраціи неспособный, находится теперь въ самомъ непріятномъ положеніи. Онъ ввѣрилъ себя слѣпо нѣкому Аверкіеву, правителю его канцеляріи, злодѣянія коего теперь лишь обнаружили, и когда? Тогда, какъ онъ уже ушелъ. Чиновники, за нимъ посланные, нашли его за Симферополемъ въ его имѣніи и сюда на-дняхъ привезли.

Крымъ ожидаетъ вашихъ разрѣшеній совѣтскихъ о повинностяхъ, межеваніи и пр. Время бы кончить уже дѣла сіи.

Примите свидѣтельство истиннаго моего почтенія и искренней преданности.

5.

Диканька. 6-го іюня 1824 г.

Я весьма давно не писалъ къ вамъ и все по тому же правилу, чтобъ не беспокоить письмами моими людей, дѣлами занятыхъ. Основавъ теперь пребываніе мое здѣсь, мнѣ весьма пріятно было при самомъ началѣ онаго узнать о перемѣщеніи Багрѣва ²⁾. Отъ людей весьма хорошихъ слышу я, что въ губерніи сожальютъ о немъ, отдавая справедливость честности его и добрымъ намѣреніямъ и опасаясь преемника; но я считаю, что для самого Александра Алексѣевича это большое счастье, не потому, чтобъ новое мѣсто его было весьма выгодно, но по опасности, которая предстоить можетъ и самому благонамѣреннѣйшему мѣстному начальнику, когда зависимость его также на мѣстѣ не руководствуется ни правилами, ни законами. О беспорядкахъ здѣшнихъ я много слышу со времени пребыванія моего въ семь краю. Слыхъ про-неся было, что князь Репнинъ ³⁾ не возвратится; а за нимъ послѣдовалъ и другой, всѣхъ въ уныніе приведшій, будто генераль Эртель назначается ему въ преемники. Эртеля знаютъ здѣсь по пребыванію его въ Ромнѣ для сформированія резервовъ. Тамъ прославился онъ пьяными своими привычками, кои продолжая, обобралъ было онъ и могилевскаго помѣщика Яншина, о чемъ и его величеству извѣстно.

Въ самый день отъѣзда моего изъ Крыма (5-го маія) повергъ я на высочайшее усмотрѣніе бѣдственныхъ моихъ обстоятельства и участь мою,

¹⁾ Николай Ивановичъ († 1858), бывшій таврическимъ губернаторомъ.

²⁾ Зять Сперанскаго Александръ Алексѣевичъ Фроловъ-Багрѣвъ, занимавшій должность черниговскаго гражданскаго губернатора, былъ въ 1824 г. назначенъ членомъ Совѣта министра финансовъ.

³⁾ Малороссійскій генераль-губернаторъ князь Николай Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій († 1845 г.). Онъ занималъ эту должность съ 1816 по 1835 годъ.

прося его величество уволить меня или дать безсрочный отпускъ, если бы сіе могло быть его величеству угодно. Сію просьбу дополнилъ я удостовѣреніемъ весьма искреннимъ, что всякое рѣшеніе, то есть то или другое, приму я съ подобаемымъ повиновеніемъ и живѣйшею признательностію. Между тѣмъ послалъ я къ государю разныя записки о надобностяхъ брошеннаго Крыма и о нѣкоторыхъ способахъ или мѣрахъ къ исправленію. По соображенію времени я полагаю, что въ псходѣ іюня участь моя будетъ рѣшена, и напередъ ожидаю, что по нѣкоторымъ неудобствамъ останется, какъ говорятъ у насъ, министерство безъ хозяина, хотя графъ Вязмитиновъ и былъ *ad interim* восемь или девять лѣтъ, (а) я получу увольненіе.

Кстати объ увольненіи. Таковое князя А. Н. Голицына ¹⁾ произвело въ провинціяхъ довольно пріятное впечатлѣніе. Я не сомнѣваюсь, чтобъ онъ не имѣлъ добрыхъ намѣреній, но не умѣлъ, кажется, прилагать оныхъ какъ слѣдовало. Повидимому, онъ занимался чѣмъ-то не тѣмъ, что для дѣла нужно. И духовныя дѣла, и часть ученая находятся въ провинціяхъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, кои я видѣлъ, большею частію въ самомъ жалкомъ положеніи. Архіереи или секретари ихъ такъ же берутъ, какъ и чиновники свѣтскіе, и безпорядки и безчинства духовенства неисчислимы. Объ училищахъ нашихъ и говорить нечего. Они приводятъ въ отчаяніе всѣхъ отцовъ. Я видѣлъ въ Одессѣ того архимандрита, который разстроилъ тамошнюю гимназію. Ненависть къ нему есть общая; правильна ли она или неправильна, я не знаю; но отголосокъ, почти безъ исключеній, въ понятіяхъ моихъ что-нибудь значить. Видѣ архимандрита сего крайне мнѣ не понравился, *c'est quelque chose de jésuitique au suprême degré* ²⁾. Надѣяться теперь должно, что князь Голицынъ, имѣя болѣе свободнаго времени, обратитъ все вниманіе свое на устройство почтъ въ государствѣ. Мы обращаемъ вниманіе на раскрытіе разныхъ вѣтвей промышленности и на внутреннюю торговлю, и сіе дѣйствительно необходимо и полезно; но какимъ образомъ, при таковыхъ благихъ намѣреніяхъ, лишать торговыхъ людей способовъ сообщенія? Изъ С.-Петербурга въ Одессу приходитъ почта въ семьмя сутки; это прекрасно; но изъ портовъ крымскихъ до Одессы, т. е. на разстояніи не болѣе 550-ти верстъ, почта идетъ восемь и девять дней. Изъ Москвы, гдѣ находятся главнѣйшія фабрики наши, почта въ Курскъ, Харьковъ, составляющій средоточіе торговли между Москвы, Петербурга, Риги и южныхъ портовъ, приходитъ только одинъ разъ въ недѣлю. Кушцы должны отправлять эстафеты; но спросите, чего онѣ

¹⁾ Отъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ.

²⁾ Т. е. это нѣчто въ высшей степени іезуитское.

стоять? Однимъ словомъ, по почтовымъ устройствамъ князь Голицынъ можетъ себя прославить. Прошу покорно оставить всё сіи откровенныя разсужденія мои единственно для васъ. Я, истинно, желчи не имѣю, давно знаю князя Александра Николаевича и вообще, въ отношеніи всѣхъ вещей сихъ, почитаю себя давно человѣкомъ до-полу-мертвымъ, который думаетъ только о томъ, какъ бы дожить остальные дни жизни своей.

Я нашелъ здѣсь все въ самомъ восхитительномъ видѣ. Деревья сада моего, коего такъ давно не видалъ, разрослись чрезвычайно. Цвѣтовъ множество; домъ отдѣланнымъ вновь, какъ не можно лучше. Мы живемъ довольно уединенно и потому весьма пріятно. Удовольствіе мое было бы несравненно больше, если бы не надобно было заниматься хозяйственными моими дѣлами. Они довольно разстроены отъ худаго управленія и отъ недостатка доходовъ. Ничто не продается, и деньги рѣже всего. Я ожидаю со дня на день ослицъ изъ Киевской губерніи, чтобъ начать лѣченіе мое посредствомъ употребленія молока ихъ и пр., и тогда уже останусь неподвижнымъ здѣсь на все лѣто.

Примите свидѣтельство совершеннаго почтенія и преданности.

6.

Диканька. 20-го августа 1824.

Елизавета Михайловна ¹⁾, къ большому нашему сожалѣнію, спѣшитъ отъѣздомъ въ С.-Петербургъ. Она засвидѣтельствуетъ вамъ, сколько рады были мы ее видѣть и сколько привыкли мы считать ее въ числѣ ближнихъ нашихъ, самыхъ для насъ пріятныхъ и дорогихъ. Багрѣву лично я повторилъ о убѣжденіи моемъ, что не могло для него быть ничего счастливѣе, какъ перемѣщеніе его въ столицу. Здѣсь все идетъ противъ здраваго разсудка, и злоупотребленія неисчислимы. Генераль-губернаторъ ²⁾ въ деревнѣ своей ѣстъ и пьетъ, а управляютъ губерніями канцелярскіе чиновники, изъ всего деньги дѣлающіе.

Я увѣдомилъ васъ о просьбѣ, посланной мною объ увольненіи вовсе или о пожалованіи отпуска беззачто. Доселѣ не имѣю никакого отвѣта. О семъ просилъ я непосредственно его величество. Къ графу Аракчееву не писалъ ничего потому, что, вызванъ будучи имъ на переписку дружескими или ласковыми отзывами, я нашелъ въ немъ мало склонности кончить дѣло мое съ министромъ юстиціи, которое самъ онъ, не знаю по какимъ видамъ, и породилъ. Опытъ прошедшихъ временъ показалъ мнѣ, какъ люди въ нѣкоторыхъ лѣтахъ и въ высшихъ степеняхъ по

¹⁾ Дочь Сперанскаго, Е. М. Фролова-Багрѣва.

²⁾ Князь Н. Г. Репнинъ-Волконскій (см. выше, стр. 310, прим. 3-е).

службѣ были трактуемы и государями, и тѣми, кои дѣлами при нихъ управляли, и я не могу понять, какъ можно отказать человѣку въ судѣ, который онаго просить? Какъ бы то ни было, *d'autres temps, d'autres mœurs* ¹⁾. Я рѣшился ничего теперь вновь ни къ государю, ни къ первому министру не писать. Жена моя поѣдетъ въ октябрѣ въ столицу. Она, можетъ быть, исходатайствуетъ увольненіе мое отъ министерства, въ коемъ я остаться не могу; а если и ея поѣздка оставитъ меня въ настоящей нерѣшимости, тогда я самъ явлюсь въ май мѣсяцѣ на короткое время и стараться буду выйти изъ неудобнаго положенія моего. Женѣ моей нужно необходимо быть въ Петербургѣ. Она хочетъ увидѣться съ Натальею Кирилловною ²⁾ и сверхъ сего нужно намъ сдѣлать что-нибудь для воспитанія старшихъ нашихъ сыновей. Можно ли будетъ послать ихъ въ чужіе края, или по запрещеніямъ, кои нынѣ иногда дѣлаютъ, должно будетъ окончить воспитаніе ихъ въ Россіи?—Гдѣ и какъ? Въ послѣднемъ случаѣ немало встрѣтятся затрудненій. Не знаю, исправляется ли часть воспитанія въ столицахъ, а въ провинціяхъ не можно себя представить, до какой степени всѣ училища упали. Не думаю, признаюсь, что(бъ) Александръ Семеновичъ Шишковъ ³⁾ много пользы произвелъ. Общее мнѣніе держится также сего заключенія. Я знаю, что его не уважаютъ, однакожъ уничтожить его не можно, и люди судятъ и говорятъ охотно о дѣйствіяхъ правительства и актахъ, отъ него выходящихъ. На досугахъ, живучи въ деревнѣ, я читалъ весьма много старыхъ бумагъ покойнаго князя Безбородко, начиная съ 1776 года, и восхищался правилами, кои тогда руководили императрицу. Между бумагами сими нашелъ я, что съ 1778 или 1779 года императрица весьма занималась обрядомъ производства дѣлъ, что о семъ требовала мнѣнія отъ всѣхъ генералъ-губернаторовъ и что для разсмотрѣнія мнѣній сихъ учреждена была особая коммиссія, въ которую подъ конецъ попалъ графъ Завадовскій. Не знаю, извѣстно ли вамъ сіе обстоятельство? Мнѣ кажется, что вы должны имѣть всѣ сіи бумаги въ Коммиссіи законовъ, вѣроятно, впрочемъ, довольно ничтожныя. Я нашелъ также между бумагами князя и нѣсколько листовъ проекта инструкции для губернскихъ референдаріевъ. Кажется, что императрица хотѣла ихъ учредить при каждомъ губернскомъ правленіи для принятія прошеній. Сколько могу я о семъ судить, установленіе сіе не имѣло никакаго твердаго основанія, да вѣроятно, что таковымъ почиталъ оное и князь Безбородко, потому что онъ его не окончилъ.

¹⁾ Т. е. нѣя времена, нѣя нравы.

²⁾ Извѣстною Натальею Кирилловною Загряжскою.

³⁾ Назначенный министромъ народнаго просвѣщенія вмѣсто кн. А. Н. Голицына.

Кстати о бумагахъ. Я не могу вамъ изъяснить, съ какимъ удовольствіемъ видѣлъ я изъ послѣдняго письма вашего, что вы продолжаете усердно заниматься Уложеніемъ. Не оставляйте Бога ради сего дѣла. Пойдетъ ли оно въ ходъ или нѣтъ, вы тѣмъ не менѣе приобрѣтете у насъ имя историческое. Составить Уложеніе для государства, не имѣющаго онаго, въ коемъ всѣ законы перемѣшаны, запутаны, гдѣ нѣтъ суда, есть предпріятіе важнѣйшее, какое только исполнено быть можетъ, и я желаю, чтобъ Богъ далъ вамъ довольно силъ и твердости оное совершить. Если графъ Аракчеевъ въ могуществомъ своемъ поможетъ вамъ Уложеніе сіе обратить въ законъ, то симъ приобрѣтеть онъ право на общую благодарность. Я говорю о могуществомъ его потому, что всѣ объ томъ твердятъ въ провинціяхъ, а приѣзжающіе отъ васъ укрѣпляютъ сіе мнѣніе, утверждая, что онъ отъ дня въ день дѣлается болѣе все и безъ него ничего нѣтъ.

Мы ожидаемъ нетерпѣливо всякой день дочь нашу и сокрушаемся кратковременнымъ нашимъ съ нею свиданіемъ, ибо не позже 15-го сентября должны мы выѣхать въ Одессу. Больная наша, кажется, все идетъ къ лучшему. Я пилъ все лѣто ослиное молоко и употреблялъ *des fondants* ¹⁾, но не знаю, что сказать о здоровьѣ моемъ. Кровохарканье иногда пресѣкается. Движеніе немного сильное мнѣ вредно, и я почти не могу ходить, дѣлается одышка и большое движеніе крови. Кромѣ сего я довольно здоровъ и безмѣрно счастливъ, наслаждаясь неописаннымъ удовольствіемъ деревенской жизни. Всѣ мы оставимъ Диканьку съ большимъ сокрушеніемъ.

Смерть графини Анны Ивановны ²⁾ искренно меня огорчила. Кромѣ того, что она была предобрая женщина, я считалъ всегда, что существованіе ея нужно для дочери ея, которая теперь можетъ расточить и послѣднее имѣніе и можетъ найтись безъ куска хлѣба. Я писалъ къ ней; но не думаю, чтобъ она послушалась моихъ и чьихъ бы то ни было совѣтовъ.

Непростительно долго занялъ я васъ письмомъ моимъ. По извѣстной вамъ лѣности моей, одно только удовольствіе бесѣдовать съ вами могло заставить меня написать четыре или пять листовъ. Я ничего никогда не пишу и почти ничего не дѣлаю. Хотѣлъ было заняться хозяйствомъ, но оно такъ глухо здѣсь идетъ у всѣхъ, что я подъ старость и слабость не счелъ себя въ силахъ что-либо предпринять.

Прощайте и вѣрьте искреннѣйшей моей преданности.

¹⁾ Растворяющія средства.

²⁾ Вдовы графа Ильи Андреевича Безбородко, рожденной Ширяй († 1824).

7.

Одесса. 10-го октября 1824.

Жена моя предпринимаетъ наконецъ свой страшный путь до Петербурга. Главное побужденіе ея къ сему есть намѣреніе увидѣться съ Натальею Кирилловною ¹⁾ и желаніе взять мнѣніе докторовъ насчетъ лѣченія нашей больной. Положеніе Анеты есть самое горестное для родителей. Сомнѣнія нѣтъ, что здоровье ея поправляется, но вмѣстѣ съ симъ имѣемъ мы уже почти полное удостовѣреніе, что она будетъ хромать и останется безобразною. Сіе удостовѣреніе мы здѣсь получили, и теперь нужно знать, что на будущее время предпринять. Совѣтуютъ ѣхать весною въ Теплицъ. Хорошо; я и туда отправлюсь; но что будетъ далѣе, и долженъ ли я быть осужденъ надолго скитаться по свѣту, въ семъ состоитъ вопросъ, разрѣшеніе коего зависитъ отъ Гардера, Буша и компаніи.

Жена моя будетъ совѣтоваться съ вами и обо мнѣ. Я не получилъ никакого отвѣта на просьбу, принесенную мною объ увольненіи 5-го мая. Мнѣ кажется по истинѣ, что неприлично ни для государя держать министра только по имени, ни для меня быть онымъ только по званію. Вотъ общее мое заключеніе; но сверхъ сего никакъ не могу я желать и быть министромъ.

Въ настоящемъ порядкѣ вещей, когда съ одной стороны генералъ-губернаторы, большею частію, все коверкаютъ и безчинствуютъ, а съ другой графъ Аракчеевъ всемъ управляетъ, я не вижу никакой возможности управлять министерствомъ, ни даже почти надобности сохранить оное, а на 57-мъ году жизни моей можно ли мнѣ забыть достоинство человѣка съ чувствами и обратиться къ подлости и терпѣть уничиженіе? Изъ сего слѣдуетъ, что не должно мнѣ имѣть званія министра внутреннихъ дѣлъ. Засимъ, я готовъ буду пріѣхать въ Петербургъ и сѣсть въ Совѣтъ членомъ подъ г. фонъ Дезинымъ ¹⁾; но если бы была какая переменна въ нашей администраціи и графъ Аракчеевъ объявилъ себя, безъ дальнихъ обиняковъ, первымъ министромъ, то тогда я, можетъ быть, рѣшился бы еще остаться министромъ и тѣмъ показать, что я удаленъ отъ всякихъ гордыхъ видовъ и ничего другаго не желаю, какъ быть по возможности полезнымъ. Вы можете, при случаѣ, сказать графу Аракчееву о желаніи моемъ, чтобъ онъ сдѣлался первымъ министромъ. Впрочемъ я думаю, что дѣла, можетъ быть, пошли бы лучше; ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ настоящее ихъ на-

¹⁾ Загряжскою.

²⁾ Старый (р. 1740 † 1826), ничтожный адмиралъ Вилимъ Петровичъ фонъ-Дезенъ, безъ всякихъ знаній въ гражданской части.

правленіе. Къ графу Аракчееву давно уже я не пишу и объ увольненіи моемъ вовсе ничего ему не упоминалъ, а потому и васъ прошу о семъ съ нимъ не изъясняться, развѣ бы онъ первый началъ вамъ говорить. Жена моя сію же самую черту въ поведеніи ея соблюдеть, если графъ Аракчеевъ пожелаетъ ее видѣть. О томъ, что у васъ дѣлается, мы въ провинціяхъ ничего совершенно не знаемъ, кромѣ того, что проскакиваютъ иногда слухи о подозрѣніяхъ, недовѣрчивости, задержаніяхъ и пр. Въ провинціяхъ иногда ищутъ, какъ сказываютъ, карбонаровъ, но не находятъ, а я только видѣлъ доселѣ невѣждъ помѣщиковъ, иногда жестокихъ, употребляющихъ власть свою, какъ во времена царя Іоанна Васильевича. Одесса мнѣ довольно понравилась. Городъ имѣетъ нѣчто иностранное, и климатъ, по увѣреніямъ всѣхъ, долженъ быть здоровый. Графа Воронцова ¹⁾ нашелъ я въ жалкомъ положеніи. Онъ думаетъ, что крымская лихорадка привела его въ такое расслабленіе, но мнѣ кажется, что болѣзнь его гораздо серіознѣе, и я не знаю, какъ можетъ онъ предпринять путь въ Петербургъ, куда онъ въ будущемъ мѣсяцѣ выѣхать собирается.

Скажите, что сдѣлалось съ нашимъ Канкринымъ? Я ничего кромѣ глупостей о немъ не слышу, да по нѣкоторымъ актамъ его и самъ готовъ считать, что не напрасно ихъ ему приписуютъ. Слѣдуя по стезямъ фискальнымъ предметника своего, онъ мелочами сдѣлалъ еще болѣе несносными разныя мѣры свои. Край и отъ нихъ, и отъ неурожаевъ, и саранчи находится въ самомъ страдательномъ положеніи. Вѣроятно, что и Малороссія не избѣжитъ въ будущемъ году многихъ бѣдствій, потому что саранча вездѣ тамъ на зиму остановилась. Не видѣвъ прежде зла, насѣкомымъ симъ производимаго, я бы никогда не воображалъ, чтобъ оно могло быть такъ велико.

Не задерживайте, пожалуйста, долго жены моей. Признаюсь, что разлука моя съ нею весьма для меня тягостна, а наипаче нынѣ, когда на рукахъ моихъ остаются дѣти и немощная дочь наша. Жена моя будетъ съ вами говорить и о воспитаніи старшихъ нашихъ сыновей. Не оставьте ея безъ добраго вашего совѣта.

Пріймите увѣреніе искреннѣйшей моей преданности.

8.

Одесса. 18-го генваря 1825 г.

Жена моя, по возвращеніи въ Одессу, доставила мнѣ, милостивый государь мой Михайло Михайловичъ, интересное ваше письмо. Я ожи-

¹⁾ Графа Михаила Семеновича Воронцова, въ то время новороссійскаго генералъ-губернатора.

дать только надежного случая, чтобъ принести вамъ за оное искреннѣйшую мою благодарность и нынѣ, находя оный въ отъѣздѣ графа Воронцова, исполняю сіе съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что могу откровенно съ вами бесѣдовать.

Жена моя, конечно, сообщила вамъ, что на возобновленное мною чрезъ нее прошеніе объ увольненіи меня отъ министерства послѣдовало высочайшее соизволеніе; но какъ однакожь не приведено было въ дѣйствіе, то, возвращая фельдгегера, съ женою сюда прибывшаго, я осмѣлился прямо его императорскому величеству благодарность мою за увольненіе мое (принести) ¹⁾, полагая, что, по полученіи письма моего, вспомнить объ ономъ и что приказано будетъ написать указъ. Сіе по понятіямъ моимъ и по образу мыслей моихъ для меня необходимо, ибо если нынѣ не избавлюсь я отъ министерства, коню ни за что на свѣтѣ въ настоящемъ порядкѣ управлять я не могу, то, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, не можно будетъ мнѣ тотчасъ оное безъ неприятностей оставить, и я буду брошенъ въ грязь съ перваго моего появленія. Что касается до будущаго моего существованія, то въ отношеніи публичнаго моего званія, я весьма мало онымъ занимаюсь. Не знаю по истинѣ, что лучше еще, быть ли простымъ членомъ Совѣта или президентомъ онаго. О послѣднемъ званіи самъ государь мнѣ говорилъ года два тому назадъ и, при опредѣленіи меня въ министерство, бралъ тотъ примѣръ, что какъ графъ Румянцовъ ²⁾, бывъ министромъ, занималъ мѣсто президента, то и я тѣмъ быть могу; но я и припоминать о семъ не стану, ни претензій какихъ-либо имѣть не буду ³⁾ и весьма охотно уступлю всѣ права свои (если бы я и могъ ихъ имѣть) князю Куракину ⁴⁾, который, конечно, всегда пріятнѣе будетъ графу Аракчееву. По слухамъ провинціальнымъ, князь сей заступилъ, сказываютъ, барона Кампенгаузена. Говорятъ, что когда что-нибудь особое хотятъ сдѣлать, то князю дѣлается откровенно внушеніе, и онъ тотчасъ словесно или письменно излагаетъ свое мнѣніе, которое утверждается, несмотря на то, что оно есть единственно; говорятъ, что князь также и усиленіемъ наказаній угождать хочетъ, а у Канкринна, какъ вѣрная собака, у ногъ лежитъ. Согласитесь, что не можно большаго имѣть желанія ни предсѣдательствовать такихъ людей, ни засѣдать съ ними.

¹⁾ Это письмо Кочубея къ государю, отъ 3-го января 1825 г., напечатано Н. О. Дубровиннымъ въ „Письмахъ главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I“. Спб. 1883, стр. 403—404.

²⁾ Канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.

³⁾ Извѣстно, что Кочубей былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта уже при императорѣ Николаѣ, въ 1827 году, по смерти князя П. В. Лопухина.

⁴⁾ Князю Алексію Борисовичу, бывшему генералъ-прокурору. См. „Русскую Старину“ 1902 г., февраль, стр. 292.

Канкринъ обнаруживаетъ каждый день болѣе нелѣпость свою. Въ торговомъ городѣ, каковъ Одесса, еще болѣе она обнаруживается, несмотря на то, что недавно видѣлъ я письмо добрѣйшаго нашего Николая Семеновича ¹⁾, въ которомъ, браня безъ пощады и съ удивительнымъ жаромъ графа Гурьева, превозноситъ онъ преемника его. Что доходы не поступаютъ, сему не можно удивляться. Надобно видѣть вблизи положеніе губерній. Торгу нѣтъ, внутренняя промышленность чрезмѣрно слаба. Графъ Гурьевъ разстроилъ крутыми и необдуманными мѣрами, а Канкринъ хочетъ исправлять школьными распоряженіями, прибавляя однакожъ вездѣ, гдѣ можетъ, письмоводство, формы и контроли, вѣроятно, сообразныя тѣмъ, коимъ онъ слѣдовалъ по интендантству. Здѣсь утверждаютъ, что онъ есть большой врагъ южному краю, и потому всѣ чрезмѣрно его не любятъ. Между тѣмъ въ несчастномъ край сѣмъ, разстроенномъ неурожаеми и саранчею, бѣдность чрезмѣрная. Порядочная лошадь продается за 40 и 50 рублей. Волъ рублей за 20, овца рубля два. Къ счастью, что смежныя губерніи польскія и малороссійскія изобилуютъ хлѣбомъ и онымъ цѣнами сносными снабжаютъ здѣшнія мѣста. Одесса въ большомъ уныніи. Нѣтъ почти никакого торгу, и многія конторы хотятъ отсель переселиться. Сомнѣнія нѣтъ, чтобъ дѣла греческія не имѣли тутъ большаго вліянія. Любопытно теперь будетъ видѣть, какія послѣдствія имѣть будетъ возстановленіе прежнихъ нашихъ сношеній съ Портою? Сомнѣнія нѣтъ, что коль не покажемъ мы большой твердости въ Константинополѣ, когда тамъ будетъ Рибопьеръ ²⁾, и коль будемъ мы всегда употреблять посредство другихъ державъ, то поставимъ мы себя въ самое трудное и непріятное положеніе. Что ни утверждаетъ графъ Нессельродъ, нашъ первый врагъ, и врагъ личной государевъ, есть Меттернихъ. Это извѣстно всей Европѣ, и только вы одни въ Петербургѣ сему не вѣрите.

Главный начальникъ здѣшній ³⁾ будетъ стараться васъ видѣть. Онъ при извѣстныхъ правилахъ его преисполненъ усердія и добрыхъ намѣреній, и край сей дѣйствительно счастливъ, имѣя генераль-губернатора, который не хочетъ оборотить всего вверхъ дномъ. Если случится ему иногда спросить вашего совѣта по какимъ-либо дѣламъ, до края сего относящимся, то не откажите ему онаго. Не скажу вамъ ничего отличнаго о другомъ начальникѣ здѣшнемъ графѣ Гурьевѣ ⁴⁾. Тутъ долженъ

¹⁾ Извѣстнаго адмирала Н. С. Мордвинова, въ то время предсѣдателя департамента гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта.

²⁾ Александръ Ивановичъ († 1865), назначенный посланникомъ въ Константинополь, потомъ бывший посланникомъ въ Берлинъ и членомъ Государственнаго Совѣта, впоследствии графъ.

³⁾ Графъ М. С. Воронцовъ.

⁴⁾ Одесскомъ градоначальникѣ, графѣ Александрѣ Дмитриевичѣ Гурьевѣ

я (между насъ) сознать большую ошибку мою. По наружности я думалъ, что онъ человѣкъ здраваго разсудка и педантъ, который могъ быть полезенъ для исправленія вѣтренности Ланжерона ¹⁾; но оказалось, что нѣтъ никакой способности, и дѣла еще болѣе запутались. Кстати, при исповѣди ошибокъ моихъ, кто бы могъ представить, чтобъ я сдѣлалъ столь грубую въ покойномъ Кампенгаузенѣ? Двадцать почти лѣтъ я дѣлалъ ему добро. Предъ отъѣздомъ моимъ я имѣлъ нѣкоторое влияние и на порученіе ему министерства внутреннихъ дѣлъ, а сей подлый человѣкъ мѣсяцъ спустя, распрощавшись со мною самымъ дружескимъ образомъ и изъясняясь сильно о благодарности своей и пр., подалъ его величеству записку, въ которой написалъ: «Послѣ весьма слабаго прежняго управленія, нужно принять самыя строгія мѣры и пр.»; но подлець ошибся: сіе не понравилось, хотя, вѣроятно, и было пріятно покровителю его (Аракчееву). Прошу анекдотъ сей оставить въ единственномъ вашемъ вѣдѣніи. Вотъ каковы люди! А Кампенгаузенъ слушалъ однакожъ всегда проповѣди Госнера ²⁾, слылъ человѣкомъ набожнымъ, умеръ, говорятъ, таковымъ и въ семь, конечно, званія за- вѣщалъ бібліотеку свою.

Вы меня всякой разъ радуете, когда пишете, что занимаетесь Уложеніемъ. Если и можетъ предстоить сомнѣніе, что оно не будетъ издано, то по крайней мѣрѣ то вѣрно, что работа сія, первая въ Россіи, сдѣлаетъ вамъ величайшую честь и что даже одно напечатаніе проектовъ Уложеній произведетъ немалую пользу, ибо раскроетъ понятіе многихъ, законами у насъ во всѣхъ сословіяхъ занимающихся. Въ отношеніяхъ моихъ личныхъ къ вамъ, я не могу не принимать участія въ томъ, что можетъ основать справедливое мнѣніе о васъ и достоинствахъ вашихъ, а потому, хотя и наскучу вамъ, но все буду твердить, чтобъ вы дѣломъ симъ прилежно и постоянно занимались. Какое поэтическое мнѣніе Николая Семеновича ³⁾ о наказаніяхъ, а какой гаерской вздоръ въ возраженіи Лобанова ⁴⁾. Уничтоженіе смертной казни, кромѣ случаевъ преступленій противу величества (*haute trahison*), будетъ вещь совсѣмъ новая въ Европѣ, и, по мнѣнію моему, немалыя послѣдствія имѣтъ мо-

(† 1860), сынъ министра финансовъ, впоследствии кievскомъ генераль-губернаторѣ и членѣ Государственнаго Совѣта.

¹⁾ Извѣстнаго графа Александра Ѳеодоровича Ланжерона, предмѣстника Гурьева.

²⁾ Извѣстнаго пастора Іоанна Госнера.

³⁾ Мордвинова. Рѣчь идетъ объ извѣстномъ мнѣніи Н. С. Мордвинова о смертной казни, поданномъ въ Государственный Совѣтъ 23-го октября 1824 года, по поводу предполагавшагося внесенія ея въ новое уголовное Уложеніе. Это мнѣніе напеч. въ „Чтеніяхъ Импер. Московск. Общества исторіи и древностей российскихъ“ 1859 г., книга IV, смѣсь, стр. 29—36.

⁴⁾ Князя Дмитрія Ивановича, министра юстиціи.

жетъ въ столь обширномъ государствѣ, каково есть наше, и гдѣ преступленія утончаются болѣе и болѣе и сближаются съ преступлениями просвѣщенныхъ земель. Я думаю, что смертная казнь, обращенная на нѣкоторыя большія уголовныя преступленія и, слѣдовательно, рѣдко употребляемая, можетъ быть весьма полезна. Сколько мы видимъ убійцовъ, два и три раза кнутомъ наказанныхъ и два и три раза въ новыхъ убійствахъ уличенныхъ. Смертная казнь, рѣдко приложенная, служить можетъ большимъ примѣромъ къ воздержанію. Недавно одинъ преступникъ, сосланный въ Николаевъ на работы по наказанію кнутомъ, увидѣвъ адмирала Грейга ¹⁾, сказалъ ему: «Пошлите меня въ Сибирь, я непременно хочу тамъ быть»; и когда услышалъ отъ адмирала, что это не отъ него зависитъ, то онъ возразилъ ему: «Ну, когда такъ, то я сдѣлаю, что вы непременно меня въ Сибирь отправите», и подлинно, нѣсколько дней спустя, схвативъ ножъ, заколотъ имъ хотѣлъ одного офицера и сильно его ранилъ. Какъ такихъ людей не вѣшать! Что касается до кнута, то я не адвокатъ онаго. Какъ не повѣсить того крымскаго мурзу, который, изнасиловавъ купца тридцатью татарами, наконецъ умертвилъ его, посадивъ на колъ, и который нашелъ покровительство въ Государственномъ Совѣтѣ, послѣ поѣздки сына его въ Петербургъ, собравшаго до 60 тысячъ рублей отъ разныхъ мурзъ, дабы избавить все сословіе сіе отъ стыда, что за христіанина ссылается на каторгу магометанинъ, да еще дворянинъ. Если надобно вѣрить молвъ общей по сему весьма гласному въ Крыму дѣлу, то г. Марченко ²⁾ имѣлъ въ немъ немалое вліяніе, возбудивъ состраданіе Николая Семеновича ³⁾. Вотъ вамъ примѣръ и того мѣнѣя, которое начинаютъ имѣть и о Совѣтѣ.

Слишкомъ много увлекся я удовольствіемъ бесѣдовать съ вами. Простите мнѣ сію нескромность и вѣрьте чувствамъ искреннѣйшей моей преданности.

9.

11-го февраля 1825 г.

Письмо, которое вмѣстѣ съ симъ получите вы, написано было мною вскорѣ послѣ возвращенія жены моей и когда собирался къ отъѣзду

¹⁾ Главнаго командира Черноморскаго флота, Александра Самуиловича Грейга (р. 1775 † 1845).

²⁾ Василій Романовичъ Марченко, прежде приближенный статсъ-секретарь Александра, а въ это время удаленный, просками Аракчеева, отъ его лица и находившійся статсъ-секретаремъ въ департаментѣ гражданскихъ дѣлъ Государственнаго Совѣта. Несмотря на содержащійся здѣсь явный намекъ, тотъ же Марченко, когда Кочубея назначили председателемъ Совѣта, опредѣленъ былъ, по его выбору, государственнымъ секретаремъ.

³⁾ Мордвинова.

въ Петербургъ графъ Воронцовъ. Бывъ нынѣ задержанъ открывшеюся въ Бессарабіи моровою язвою, я поручаю сіе доктору Гардеру, принимающему обратный въ столицу путь.

Послѣ того, что я сперва писалъ къ вамъ, обстоятельства мои существенно перемѣнились. На письмо мое къ его величеству съ фельд-егеремъ, жену мою до Одессы провожавшимъ, получилъ я отъ графа Аракчеева весьма ласковой, но лаконическій отзывъ, въ коемъ онъ спрашиваетъ у меня по высочайшему повелѣнію, въ какомъ видѣ желаю я получить увольненіе, и предлагаетъ мнѣ, чтобъ я самъ написалъ указъ и его къ нему препроводилъ ¹⁾. Я естественно отказался отъ изъясненія какой-либо на счетъ сей мысли и предоставилъ все сіе совершенно на волю государя. Копію съ письма моего доставилъ я къ зятю моему, у коего можете вы оную увидѣть. Въ отвѣтъ моемъ я написалъ сущую истину ²⁾. Желаній по службѣ я никакихъ имѣть не могу, въ личныхъ моихъ отношеніяхъ, а служить готовъ, если то угодно его величеству, по истинной признательности за всѣ его къ семейству моему благорасположенія и участіе въ горестныхъ нашихъ обстоятельствахъ. Вотъ вамъ ключъ той развязки, которая, конечно, въ положеніи моемъ гласно уже послѣдовала, и я ожидаю со дня на день указа. Одно меня нѣсколько удивило. Я почти не могу сомнѣваться, что графу Аракчееву не была извѣстна просьба, мною еще въ прошломъ майѣ объ увольненіи моемъ посланная. Одно послѣднее письмо мое было, кажется, только ему сообщено.

Докторъ Гардеръ нашелъ большую нашу во многихъ отношеніяхъ несравненно лучше, а въ нѣкоторыхъ весьма далеко еще отъ того, чего совершенное исцѣленіе требовать можетъ. Мы назначены къ отъѣзду за границу, и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пустимся въ Вирцбургъ, гдѣ прославившійся докторъ Гене своими механическими средствами долженъ держать, сколько ему будетъ угодно. Говорятъ, что можно намъ воротиться осенью въ Петербургъ. Ничего бы не было для меня пріятнѣе. Настоящая кочевая жизнь моя томитъ меня паче мѣры, и я бы желалъ гдѣ-нибудь въ Россіи твердо уже и навсегда основаться, но, кажется, что чѣмъ болѣе сего я желаю, тѣмъ менѣе могу я симъ себя ласкать.

Здѣшній край въ большомъ теперь смущеніи. Графъ Витген-

¹⁾ Это письмо Аракчеева къ Кочубею, отъ 18-го января 1825 г., напечатано Н. О. Дубровиннымъ въ „Письмахъ главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I“. Спб. 1833, стр. 404.

²⁾ Это письмо Кочубея къ Аракчееву, отъ 30-го января 1825 г., напечатано тамъ же, стр. 404—406.

штейнъ ¹⁾, какъ полагаю, въ намѣреніи выказать себя, по полученіи извѣстія, что отъ чумы померло чловѣкъ 15 солдатъ въ Измаилѣ, велѣлъ двинуть къ Днѣстру три бригады. Не говоря о томъ, что мѣра такая, по незначительности заразы, въ-время остановленной и никакихъ важныхъ послѣдствій не имѣвшей, сама по себѣ бесполезна, вы легко себѣ представить можете, чего стоитъ можетъ землѣ голодной движеніе трехъ бригадъ, кои требуютъ дровъ и соломы для бивуаковъ и пр. Присоедините къ сему, сколько солдатъ погибаетъ отъ стужи на кордонѣ, который они должны держать на Днѣстрѣ. Удивительно, какъ и самые знаменитѣйшіе у насъ люди пускаются на разные обороты и сметки. Графъ Воронцовъ въ Бессарабіи, гдѣ, между тѣмъ какъ войско идетъ, и сообщеніе съ крѣпостію Измаильскою за пресѣченіемъ тамъ болѣзни открыто.

Движеніе нѣкоторыхъ чиновниковъ миссіи константинопольскихъ, здѣсь находящихся и получившихъ, какъ сказываютъ, повелѣніе отправиться къ посту ихъ, заставляетъ здѣсь заключить, что мы должны быть въ лучшихъ сношеніяхъ съ Портою. Говорятъ, по письмамъ, здѣсь полученнымъ, что дѣла греческія идутъ довольно для нихъ дурно; но что они, не видя никакого для себя спасенія въ примиреніи съ турками, рѣшились продолжать войну и никакихъ предложеній о посредничествѣ иностранныхъ державъ не принимать.

Что значить опредѣленіе В. А. Пашкова ²⁾ въ предсѣдатели департамента законовъ и пр. и что значить увольненіе князя Лобанова ³⁾? Хотя Пашковъ, конечно, не большой грекъ, но онъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше предмѣстника своего, который одинъ Богъ вѣдаетъ, какъ, къ большому соблазну, попалъ въ дѣловые люди.

Прощайте, не забывайте насъ; напишите иногда что-нибудь при случаѣ о себѣ, симъ доставите мнѣ вы истинное удовольствіе.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

¹⁾ Главнокомандующій 1-ю арміею, фельдмаршалъ графъ Петръ Христіановичъ Витгенштейнъ.

²⁾ Василій Александровичъ Пашковъ (р. 1762 † 1838), оберъ-егермейстеръ, а потомъ оберъ-гофмаршалъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта 22-го января 1825 года.

³⁾ Предмѣстникъ Пашкова по должности предсѣдателя департамента законовъ князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина ¹⁾.

VIII.

Наступленіе 1863 года.—Характеристика дѣятельности дворянства.—Крестьянскій вопросъ.—Появленіе вооруженныхъ шайекъ.—Преслѣдованіе ихъ войсками.—Плѣненіе Сѣраковского и Колышко.—Наши раненые.—Виленскій народный жондъ и его подпольная дѣятельность.—Отозваніе В. И. Назимова и назначеніе М. Н. Муравьева начальникомъ края.—Отѣздъ Назимова.—Состояніе края передъ прибытіемъ М. Н. Муравьева въ Вильну.

Наступилъ, наконецъ, и 1863-й годъ, готовившій кровавую развязку, какъ прямое послѣдствіе долговременнаго снисхожденія къ совершавшимся въ западныхъ нашихъ губерніяхъ политическимъ безобразіямъ, занесеннымъ къ намъ съ береговъ Вислы. Никто изъ насъ, русскихъ, жившихъ въ Вильнѣ, начиная съ генераль-губернатора, не подозрѣвалъ даже и возможности вооруженнаго мятежа, не смотря на то, что онъ у насъ былъ уже за плечами. Мы все еще смотрѣли на польскія выходки, какъ на дѣтскую шалость. Нужно сознаться, что поляки вели подпольную интригу отлично. Выше мы видѣли, что въ 1856 году, за нѣсколько дней до коронаціи, предводители дворянства виленскаго генераль-губернаторства заявили въ Москвѣ, черезъ генераль-адъютанта Назимова, о готовности тамошняго дворянства содѣйствовать государю въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ изъ-подъ крѣпостной зависимости, за что въ 1858 году дворянство удостоилось получить въ Вильнѣ личную вы-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1902 г.

сочайшую благодарность. Видѣли затѣмъ мы и тѣ продѣлки, которыя творились дворянами-помѣщиками, чтобы сохранить свои земли и карманы на счетъ освобождаемыхъ крестьянъ. Всѣ эти продѣлки были ведены очень искусно; для не посвященныхъ въ это дѣло онѣ оставались совершенно тайною. Когда члены повѣрочныхъ комиссій приступили къ разсмотрѣнію уставныхъ грамотъ, уже при одномъ взглядѣ на назначенные по нимъ оклады можно было догадаться, что оброки были крайне отяготительны для крестьянъ; впоследствии же времени, когда приступили къ производству повѣрочныхъ работъ на мѣстахъ, открылось ясно, что паны составленными во имя правительства уставными грамотами, настойчиво веденною системою переселенія, обезземливанія и назначенія худшихъ надѣловъ, ставили сельское населеніе въ совершенно безвыходное положеніе. Не даромъ мнѣ пришлось услышать отъ одного крестьянина, Минской губерніи, поговорку: «Наша воля—горькая доля». И дѣйствительно дѣло было такъ устроено, что крестьянинъ, вмѣстѣ съ свободою, попадалъ въ совершенную кабалу панамъ; онъ поневолѣ долженъ былъ подчиниться всякимъ ихъ требованіямъ, какъ бы они ни были тяжки, такъ какъ отъ этого зависѣло его существованіе. Сами помѣщики говорили, что, съ освобожденіемъ крестьянъ, они были бы совершенно обезпечены, да мятежъ помѣшалъ; поэтому коноводы мятежа оказали плохую услугу своимъ собратіямъ. Общія крестьянамъ даровые надѣлы за участіе въ мятежѣ, они ничѣмъ не рисковали: въ случаѣ успѣха «польской sprawy» можно было дать и по носу крестьянину. Къ счастью нашему, здравый смыслъ простолудина не поддавался обману, и крестьяне, за весьма ничтожными исключеніями, единодушно стали на сторонѣ правительства и охотно поддерживали его мѣропріятія по усмиренію крамолы.

Въ первыхъ числахъ марта мѣсяца, хотя я и получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева письмо о назначеніи предсѣдателемъ повѣрочной комиссіи Опшянскаго уѣзда, Виленской губерніи, но долженъ былъ заняться еще около мѣсяца въ политической слѣдственной комиссіи, въ которой состоялъ членомъ, такъ какъ въ Вильнѣ подъ арестомъ содержалось множество политическихъ арестантовъ. 17-го апрѣля, виленскій губернаторъ М. Н. Похвисневъ былъ переведенъ въ Петербургъ директоромъ департамента министерства внутреннихъ дѣлъ, а на его мѣсто тогда же переведенъ изъ Гродны тамошній губернаторъ И. В. Галлеръ, давно вздыхавшій по Вильнѣ. Когда онъ прибылъ на мѣсто новаго назначенія, около этого времени стали съѣзжаться въ Вильну члены повѣрочныхъ комиссій, которые и занялись подготовительными работами по переводу крестьянъ на оброкъ по уставнымъ грамотамъ, на основаніи указа 1-го марта. Приступить къ повѣрочнымъ работамъ на мѣстахъ было нельзя, такъ какъ всюду бродили шайки

мятежниковъ, а тайная революціонная организація стала заявлять себя разными звѣрствами.

10-го марта полковникъ Алхазовъ истребилъ подъ Миткишками, въ Виленской губерніи, партію мятежниковъ, вышедшую изъ Вильны и сформированную въ поль-верстѣ за Звѣринцемъ, лѣтнимъ мѣстопробываніемъ генераль-губернатора, расположеннымъ на самомъ берегу рѣки Вилии, противъ Закретской сосновой рощи. Про это дѣло не лишнимъ будетъ рассказать слѣдующее. Въ исходѣ 9-го часа, вечеромъ, В. И. Назимовъ, съ нѣсколькими лицами изъ своихъ знакомыхъ и приближенныхъ къ нему лицъ, ходилъ по верхней большой залѣ дворца, въ которой царствовалъ полумракъ. Обширная комната эта временно освѣщена была двумя только стѣнными лампами. Разговоръ вертѣлся около тогдашнихъ кровавыхъ событій. Генераль-губернаторъ съ минуты на минуту дожидаль извѣстій отъ полковника Алхазова, который телеграфировалъ ему днемъ, что настигаетъ шайку мятежниковъ. Незадолго до приглашенія гостей внизъ на чай, адъютантъ генераль-губернатора, молодой графъ Илинскій, подалъ ему телеграмму. Едва успѣлъ взглянуть на нее В. И. Назимовъ, какъ весело вскрикнулъ: «Господа! Поздравляю васъ съ побѣдой! Полковникъ Алхазовъ истребилъ шайку, сформированную въ Вильнѣ. Молодецъ, спасибо ему!»

Вслѣдъ за этимъ поздравленіемъ, сидѣвшій рядомъ со мною у дверей залы трокскій уѣздный продвигатель дворянства, помѣщикъ Еленскій, поднимаясь съ своего мѣста, довольно громко произнесъ:

— Послѣ этого я не хочу оставаться у такого лица, которое радуется подобнымъ звѣрствамъ.

— А вы, какъ полагаете, — отвѣтилъ я этому господину. Васъ будутъ по-прежнему все гладить по головкѣ, да считать дѣтскими шалостями кровавые подвиги вашихъ бандъ?

Владиміръ Ивановичъ, вѣроятно, не разслышалъ словъ Еленскаго, такъ какъ стоялъ по срединѣ залы; при томъ, тогда шли оживленные толки про побѣду, подъ вліяніемъ которой всѣ бывшіе у него гости направились за гостепріимнымъ хозяиномъ внизъ, въ столовую, гдѣ сервированъ былъ чай. Впослѣдствіи времени было раскрыто, что этотъ Еленскій, вмѣстѣ съ Александромъ Осеркою, принадлежалъ къ мятежнической организаціи и дѣйствовалъ за-одно съ графомъ Старжинскимъ, гродненскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Отдавшись душой и тѣломъ мятежу, Старжинскій напускалъ тьму и мглу на петербургскія власти относительно правильнаго пониманія тогдашнихъ политическихъ безобразій, совершавшихся по цѣлому краю, и требовалъ скорѣйшаго присоединенія Литвы къ Польшѣ, съ дарованіемъ имъ особаго управленія, такъ какъ это одно, по мнѣнію ясновельможнаго пана, могло положить конецъ плачевнымъ событіямъ, то-есть

повторялъ ту же самую исторію, о которой говорилось въ подольскомъ адресѣ и въ протоколѣ дворянъ Мѣнской губерніи, составленномъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1862 года. Къ счастью для Россіи, Провидѣнію угодно было устроить это дѣло нѣсколько иначе, чѣмъ ожидали того наши крамольники.

15-го марта вооруженный мятежъ вспыхнулъ въ Ковенской губерніи, и съ этихъ поръ начались постоянныя стычки съ мятежниками. Наши солдаты неудержимо рвались въ бой. Столько времени они безропотно переносили всѣ оскорбленія, которыми ихъ осыпали поляки чуть не на каждомъ шагу, и вотъ настигли, наконецъ, они своихъ ненавистниковъ. Мятежники часто отчаянно защищались и поступали съ нашими плѣнными безчеловѣчно.

26-го апрѣля генераль-маіоръ И. С. Гонецкій, вышедшій изъ Вильны съ тремя ротами командуемаго имъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, присоединилъ къ себѣ встрѣченный имъ на пути отрядъ Мерлина и атаковалъ соединенныя шайки Доленги и Колышки, болѣе 1.500 человекъ, въ лѣсу у фольварка Гудинки, гдѣ мятежники укрѣпили еще ранѣе свою позицію завалами. Упорный бой продолжался четыре часа. Генераль Гонецкій подъ конецъ лично поведъ войска свои въ атаку, шайка была выбита штыками изъ-за заваловъ и преслѣдуема по пятамъ до наступленія ночи. Мятежники въ этомъ дѣлѣ потеряли до 100 человекъ убитыми, при чемъ взяты въ плѣнъ начальникъ праваго крыла Станишевскій, самъ же Доленго (Сѣраковский), по показаніямъ плѣнныхъ, былъ раненъ пулею въ грудь навзлетъ, но успѣлъ скрыться. Съ нашей стороны: убито 5 человекъ и 32 ранено. 27-го апрѣля, съ наступленіемъ дня, И. С. Гонецкій настойчиво продолжалъ преслѣдованіе мятежниковъ и настигъ шайку у фольварка Шнуркишки. Въ этой мѣстности къ разбитой шайкѣ Доленги присоединилась шайка ксендза Мацкевича, главнаго организатора вооруженнаго мятежа въ Ковенской губерніи, такъ что обѣ шайки насчитывали у себя до двухъ тысячъ хорошо вооруженныхъ людей. Зогорѣлся ожесточенный бой... Мятежники снова были разбиты и разсѣяны, часть изъ нихъ бѣжала въ сосѣдніе лѣса Курляндской губерніи. Въ этомъ дѣлѣ наши войска взяли два знамени, цѣлый обозъ съ боевыми и продовольственными запасами и сорокъ кавалерійскихъ лошадей. Мятежники потеряли въ этомъ дѣлѣ 50 человекъ убитыми и 60 ранеными и плѣнными; въ числѣ послѣднихъ находился и начальникъ кавалеріи Лобановскій, 50-лѣтій старикъ. Вотъ его собственное показаніе о томъ, какъ онъ попалъ въ шайку:

— Наши дамы постоянно надоѣдали мнѣ своими насмѣшками и упреками за недостатокъ патріотизма; я и порѣшилъ доказать лично на дѣлѣ, что онѣ ошибаются.

Если старикъ попался на эту удочку, то нѣтъ ничего удивительнаго,

что молодежь, очертя голову, бросалась до лясу. Въ политической тюрьмѣ зданія № 14 содержались два брата Павловича, взятые въ плѣнъ послѣ пораженія шайки въ Вилейскомъ уѣздѣ; старшій изъ нихъ, которому было 24 года отъ роду, пошелъ, по собственному сознанию, въ мятежъ оттого, что пріѣхавшая изъ костела, послѣ вѣнчанія молоденькая его жена, объявила ему, во всеуслышаніе, на свадебномъ шпру, что онъ воспользуется правами мужа только тогда, когда привезетъ ей трофей послѣ боя съ москалями. Дѣлать было нечего, женатый холостякъ взялъ да и отправился до лясу, а оттуда и попалъ въ политическую тюрьму.

Выше мы видѣли, что Доленго (Сѣраковский) былъ раненъ пулею въ грудь. Въ послѣднемъ бою поэтому онъ участвовать не могъ; но куда онъ скрылся—было не извѣстно. Наши войска, по окончаніи сраженія, хотя тотчасъ же были направлены малыми отрядами въ погоню за убѣгавшими повстанцами, но нигдѣ не находили ускользнушаго отъ нихъ польскаго вождя. Наконецъ, одинъ изъ офицеровъ Копорскаго полка, дѣлая поиски въ густомъ лѣсу, нечаянно набрелъ съ своимъ отрядомъ на небольшую мызу, которая, какъ оказалось, отсюду была заперта; мызу тотчасъ же одѣпили, и затѣмъ солдаты стали стучать и требовать, чтобы имъ отперли ворота. Черезъ нѣсколько времени въ домѣ отворилось окно, и чей-то голосъ произнесъ:

— Потихе... здѣсь Сѣраковский.

Столь неожиданное открытіе обрадовало нашихъ солдатъ. Попаля, наконецъ, въ руки правосудія измѣнникъ, опозорившій русскій военный мундиръ. Когда отрядный офицеръ вошелъ съ нѣсколькими солдатами въ домъ, то засталъ тамъ Сѣраковского, Колышку и нѣсколько лицъ изъ ихъ штаба, какъ они выразились. Всѣхъ ихъ было тамъ 21 человекъ. Такъ какъ остановиться въ глухомъ лѣсу съ небольшимъ отрядомъ представлялось не совсѣмъ-то безопаснымъ, то всѣ плѣнные были тотчасъ же переведены на сосѣднюю мызу какого-то бывшаго въ шайкѣ польскаго графа, отстоявшую въ восемнадцати верстахъ отъ нашего штаба въ Медейкахъ, куда тотчасъ же и было дано знать о сдѣланной важной поимкѣ. По полученіи этого извѣстія, изъ штаба отправили 40 стрѣлковъ, на подводахъ, при одномъ офицерѣ для перевоза раненыхъ и конвоированія плѣнныхъ.

Тихая, ясная ночь спустилась на землю послѣ тревожнаго дня; все живое погрузилось въ сонъ... Не спали на мызѣ только копорцы, державшіе караулъ въ передней комнатѣ дома, гдѣ находись плѣнные, да одинъ молодой человекъ, крѣпкаго тѣлосложенія, съ красивыми, но рѣзкими чертами лица, облокотясь на столъ, сидѣлъ какъ бы въ забытіи въ сосѣдней комнатѣ, въ которой спали на соломѣ двѣнадцать плѣнныхъ повстанцевъ. О чемъ онъ думалъ—не извѣстно; вѣроятно, по временамъ, приходила ему въ голову мысль о побѣгѣ, но мѣрные шаги на-

ружныхъ часовыхъ показывали ему ясно, что противу этой попытки приняты были все мѣры предосторожности. Незадолго до полуночи, командированный изъ штаба отрядъ стрѣлковъ прибылъ на мызу. Когда присланный за плѣнными офицеръ вошелъ въ ту комнату, гдѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, послѣдній всталъ съ своего мѣста и лаконически отрекомендовался: «Колышко».

Въ смежной комнатѣ, на кровати, выдвинутой на середину, лежалъ погруженный въ сонъ раненый Сѣраковский. У его изголовья сидѣли два доктора въ польскихъ костюмахъ, около стѣны размѣщено было еще шесть раненыхъ. При входѣ офицера въ эту комнату, къ нему подошелъ на цыпочкахъ весьма красивой наружности молодой человѣкъ и отрекомендовался ему съ поклономъ:

— Графъ Коссаковский, адъютантъ нашего генерала.

— Кончите, пожалуйста, эту комедію, — отвѣчалъ ему офицеръ, — и разбудите Сѣраковского, мнѣ приказано перевезти васъ всѣхъ немедленно въ Медейку.

— Невозможно это, господинъ офицеръ, рана нашего генерала опасна; теперь кризисъ, онъ не переживетъ... Подождите до 7 часовъ утра, — возразилъ одинъ изъ докторовъ.

Такъ какъ на мызу дошелъ слухъ, что шайка Мацкевича замышляетъ отбить плѣнныхъ, то медлить не приходилось, а потому офицеръ самъ разбудилъ Сѣраковского.

— Вы прибыли взять меня, — сказалъ проснувшійся Сѣраковский, — но я не могу ѣхать, господинъ офицеръ, погодите до 7 часовъ утра; я вамъ буду полезнѣе живой, а то привезете мертвого.

— Извините меня за отказъ, но если вы надѣетесь на помощь мятежниковъ, то это напрасно. Вы должны собираться въ дорогу, — отвѣтилъ офицеръ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ хоть чаю напиться, — сказалъ Сѣраковский, которому доктора помогли подняться.

Офицеръ позволилъ и, разбудивъ затѣмъ всѣхъ прочихъ плѣнныхъ, приказалъ имъ поскорѣе одѣваться. Начались сборы и приготовленія къ чаю... Плѣнные давно уже сидѣли на подводахъ, а Сѣраковский, котораго ожидала отысканная на мызѣ коляска, все еще медлил. Выведенный, наконецъ, долгимъ ожиданіемъ изъ терпѣнія, офицеръ сказалъ ему:

— Господинъ Сѣраковский, про васъ идетъ молва въ шайкахъ, что вы человѣкъ съ желѣзной волей... Докажите, что вамъ чашка чаю ни почемъ...

Минуть чрезъ пять Сѣраковский, съ докторомъ и Коссаковскимъ, сидѣли уже въ экипажѣ. Поѣздъ тронулся подъ конвоемъ солдатъ. На пути приняты были все мѣры предосторожности, чтобы не встрѣтить

нечаяннаго нападенія; впрочемъ, оно было и немыслимо... Былъ уже четвертый часъ, и начинало свѣтать, а въ Медейку сообщили заранѣе о выступленіи партіи плѣнныхъ, такъ что во всякомъ случаѣ оттуда могла быть подмога. Ёхавшій на повозкѣ съ офицеромъ, бывшій начальникъ шайки Колышко разсказалъ ему про себя слѣдующее:

— Я уже третій мѣсяцъ начальствую шайкою; въ Генуэзской школѣ приобрѣлъ стратегическія познанія. Два мѣсяца меня ловили ваши отряды, но я не попадался; даже иногда проходилъ между двумя отрядами и оставался у нихъ назади. Меня бы никогда не поймали, если бы не Сѣраковский. Не соединись я съ нимъ, я былъ бы и теперь съ шайкою преспокойно въ лѣсу. Но Сѣраковский начальникъ, мы должны его слушаться. Онъ умный человѣкъ, но не полководецъ; у него мало энергіи; онъ не позволилъ мнѣ напасть на Медейку, когда тамъ была копорская рота.

По прибытіи плѣнныхъ въ Медейку, они вскорѣ отправлены были оттуда въ Вильну, гдѣ Сараковский, вмѣстѣ съ простыми ранеными, былъ помѣщенъ въ военное отдѣленіе госпиталя св. Іакова, что нынѣ юнкерское училище, а Колышко посаженъ въ политическую тюрьму, въ зданіи № 14 Виленской цитадели. Трагическая кончина двухъ этихъ лицъ будетъ описана въ своемъ мѣстѣ.

Вслѣдъ за пораженіемъ шайки Сѣраковского въ Вильну привезли и нашихъ раненыхъ, которые и были размѣщены въ нарочно нанятыхъ для нихъ помѣщеніяхъ на Погулянкѣ, за нѣмецкимъ кладбищемъ, не вдалекѣ отъ военнаго отдѣленія госпиталя. Все русское общество, начиная съ генераль-губернаторскаго семейства, очень часто бывало тамъ съ разными приношеніями—для облегченія страданій тѣхъ, кто своею честною кровію запечатлѣлъ вѣрность престолу и отечеству. Въ одно изъ такихъ посѣщеній меня особенно поразили въ лазаретѣ два раненыхъ необыкновеннымъ спокойствіемъ духа: фельдфебель и ефрейторъ, оба лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Первый былъ раненъ двумя пулями—въ лицо и грудь на-вылетъ; другой—пулею въ ногу, около колѣна. Я вошелъ въ лазаретъ съ виленскимъ комендантомъ А. С. Вяткинымъ, бывшимъ въ прежнее время командиромъ Финляндскаго полка, который привезъ фельдфебеля, по порученію В. И. Назимова, георгіевскій крестъ. Надобно было видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ осѣнялъ раненую грудь свою православнымъ крестомъ честный страдалецъ, принимая изъ рукъ генерала заслуженный имъ высшій знакъ военнаго отличія; онъ поднесъ его къ обвязанному своему лицу, но не могъ поцѣловать его, такъ какъ повязка мѣшала... Слезы потекли изъ выразительныхъ глазъ его. Эта сцена брала прямо за душу; всѣ присутствовавшіе тамъ прослезились. Такъ какъ волненіе было вредно больному, то комендантъ, поцѣловавши его въ лобъ, просилъ его успокоиться и,

взявши у него изъ рукъ георгіевскій крестъ, повѣсилъ его на стѣнку подлѣ висѣвшей у его кровати иконы, къ которой и обратились съ мольбою увлажненные глаза бѣднаго страдальца. Находившійся тутъ дежурный военный врачъ порадовалъ насъ заявленіемъ, что, судя по признакамъ, онъ надѣется на благополучный исходъ его ранъ. Фельдфебель при этихъ словахъ перекрестился снова. Да, могуча ты, дорогая моя родина, чистымъ чувствомъ вѣры твоихъ православныхъ сыновъ! Пока будетъ теплиться въ нихъ хоть искра святой твоей вѣры, тебѣ не будутъ страшны никакія политическія невзгоды, никакіе коварные замыслы твоихъ враговъ и ненавистниковъ. Въ тяжелую годину испытанія эта искра разовьется въ большой пожаръ и снесетъ, смететъ все нечистое, замышляющее на твой покой и твое величіе.

Раненый ефрейторъ лежалъ на спинѣ и казался веселымъ; вся нога была у него обложена льдомъ въ пузыряхъ. Послѣ обѣда ему предстояла ампутація.

— Какъ это, братецъ, тебя окалѣчили?—спросилъ его комендантъ.

— Да и самъ не знаю, какъ, ваше превосходительство,—бойко отвѣтилъ раненый.—Двумя выстрѣлами, по указанію товарищей, свалилъ двухъ мятежниковъ; выпустилъ удачно и третью пулю по ихъ начальнику; хотѣлъ было перебѣжать подальше, да вдругъ почувствовалъ, что меня стегануло по колѣну словно кнутомъ; я и ни съ мѣста, а потомъ отъ сильной боли и сомлѣлъ. Когда очнулся, около меня хлопотали нашъ докторъ съ фельдшеромъ.

— Не хочется ли тебѣ чего-нибудь?—вмѣшался я.

— Вотъ если бы кисленькаго,—отвѣтилъ раненый.

Послѣ обѣда, когда я повезъ цѣлую корзину апельсиновъ отъ комендантскаго семейства и, ничего не подозрѣвая, заглянулъ въ фельдшерскую комнату, тамъ увидѣлъ я отнятую ногу ефрейтора... При этомъ зрѣлищѣ холодъ подступилъ мнѣ подъ сердце, и я чуть-чуть не грохнулся съ своею ношею на полъ. Къ счастью, меня подхватилъ на руки солдатъ. Глотокъ холодной воды немного освѣжилъ меня, но мнѣ стало невыразимо грустно: Великій Боже! подумалъ я, Ты заповѣдалъ людямъ миръ и любовь и на крестѣ молился Отцу за враговъ своихъ. Болѣе восемнадцати вѣковъ прошло уже съ тѣхъ поръ, когда принесена была великая жертва искупленія человѣчества, но святая заповѣдь Твоя забыта, поправа... Вмѣсто мира и любви, ссора и ненависть царятъ на землѣ; люди-братья терзаютъ и рѣжутъ другъ-друга, словно дикіе звѣри. Всѣ ищутъ какого-то недосягаемаго счастья; строятъ по этому случаю несбыточныя теоріи, а Твое божественное слово, на которомъ только и зиждется всеобщій миръ, истинная свобода и широкое довольство—забыто...

Попросивъ доктора передать раненымъ апельсины, я поспѣшилъ домой, чтобы отдохнуть и успокоиться послѣ испытаннаго волненія.

1-го мая ожидалось возвращеніе финляндцевъ въ Вильну изъ похода. Весна была въ полномъ блескѣ, день былъ по истинѣ роскошный. Величественную картину представляла тогда широкая каедральная площадь, застроенная временными лавками, которыя были изукрашены пестрыми вывѣсками и разноцвѣтными флагами, такъ какъ это было время Георгіевской ярмарки. Вправо отъ этихъ лавокъ высились одна за другою три историческія памятника—горы: Замковая, Крестовая и Бекешевая, у подножія которыхъ быстро катила свои струя бѣшеная въ весеннее половодье Вилейка; влѣво шла аллея къ Вилии изъ высокихъ пирамидальныхъ тополей. Прибавьте ко всему этому роскошную зелень весны, благоуханіе воздуха, аналогъ посрединѣ площади, съ крестомъ и евангеліемъ, православное духовенство въ блестящемъ облаченіи; русскихъ дамъ въ лѣтнихъ костюмахъ, съ букетами цвѣтовъ и съ вѣнками въ рукахъ для возвращающихся побѣдителей; генераль-губернатора съ большою свитою военныхъ и гражданскихъ лицъ, ожидавшихъ прибытія полка, и вы сами скажете, что картина была по истинѣ восхитительная! И вотъ, со стороны Георгіевского проспекта послышались отдаленные звуки полкового марша. Показался наконецъ верхомъ полковой командиръ, генераль-маіоръ И. С. Гонецкій, во главѣ своихъ войскъ; финляндцы, не смотря на сдѣланный походъ, шли бойко, истинными молодцами и построились около аналога на молитву. По окончаніи молебствія, генераль-губернаторъ В. И. Назимовъ поздравилъ солдатъ съ побѣдой. Раздалось въ отвѣтъ русское могучее «ура!», которое наэлектризовало восторгомъ всѣхъ ожидавшихъ. А. А. Назимова подала лавровый вѣнокъ И. С. Гонецкому; прочія дамы осыпали букетами офицеровъ и солдатъ; послѣдніе воткнули букеты на штыки.

Раздалась команда къ церемоніальному маршу, по окончаніи котораго парадировавшія войска пошли съ пѣнями и музыкой въ казармы, гдѣ ожидало ихъ угощеніе. И. С. Гонецкій, загорѣвшій отъ солнца, покрытый пылью, былъ отвезенъ, по желанію дамъ, въ фотографическое заведеніе, гдѣ и снята была съ него на память всѣмъ намъ русскимъ его карточка. Кто только зналъ покороче достойнѣйшаго Ивана Степановича, тотъ не могъ не полюбить его за его пылкую, честную и правдивую русскую натуру.

Пораженіе нѣсколькихъ шаекъ и взятіе въ плѣнъ Сѣраковского и Колышки навели уныніе на поляковъ, а мы, русскіе, дотога были легковѣрны, что, полагаясь на поздравленіе генераль-губернатора съ окончаніемъ мятежа, думали, что насталъ конецъ кровавой неурядицѣ, и радовались этому чистосердечно. Но, увѣ! очень скоро постигло насъ полное разочарованіе! Съ этого времени виленьскій народовой жондъ

началъ заявлять себя разными звѣрствами; пустилъ въ ходъ терроръ... Не смотря на прокламаціи о даровомъ надѣлѣ, крестьяне не только не принимали никакого участія въ мятежѣ, но и служили проводниками нашимъ войскамъ при преслѣдованіи мятежническихъ шаекъ. Чтобы остановить ихъ въ этомъ порывѣ, крамола придумала истязанія. Староста Дукштанскаго сельскаго общества Иванъ Томашевичъ былъ повѣшенъ 10-го мая, по приказанію подпольнаго комптета, за преданность русскому правительству, а брату его былъ отрѣзанъ языкъ. Изъ шести лицъ, участвовавшихъ въ этомъ преступленіи, трое разбойниковъ-исполнителей: Вашкевичъ, Мончунскій и Королькевичъ были пойманы и сознались, а Маурицъ, Станкевичъ и Данилевичъ скрылись. Вслѣдъ затѣмъ, въ самой Вильнѣ совершенно было убійство около Поплавъ.

Вскорѣ послѣ того, какъ я получилъ назначеніе по крестьянскому дѣлу, въ Вильнѣ распространились слухи, что В. И. Назимовъ оставляетъ край, такъ крѣпко ему насолившій. Сначала мы думали, что это были одни пустые городскіе толки; но слухи эти нисколько не унимались, а становились день ото дня настойчивѣе. Наконецъ, въ половинѣ апрѣля генераль-губернаторъ объявилъ за чаемъ, что онъ не останется въ Вильнѣ и просилъ государя отозвать его въ Петербургъ.

На сдѣланный же ему собесѣдниками вопросъ о преемникѣ отозвался совершеннымъ незнаніемъ. Грустно было намъ, русскимъ, выслушать тяжелую вѣсть о предстоявшей разлукѣ съ добрымъ и милымъ Владиміромъ Ивановичемъ и его милымъ семействомъ, но, увы! нужно было свыкаться съ этою мыслию. Наконецъ, 1-го мая получено было официальное извѣстіе, что главнымъ начальникомъ Сѣверо-Западнаго края назначенъ М. Н. Муравьевъ, который въ тридцатыхъ годахъ былъ губернаторомъ въ Гроднѣ, зналъ поляковъ насквозь и хорошо извѣстенъ былъ имъ. Со втораго мая начались въ домѣ Назимовыхъ поспѣшныя сборы въ дорогу. Наконецъ, къ 12-му числу мая все было упаковано; цѣлый верѣхъ былъ приготовленъ къ принятію новаго начальника.

14-го мая, въ третьемъ часу по полудни, пріѣхалъ во дворецъ, подъ охраною гвардейскихъ казаковъ, новый главный начальникъ Сѣверо-Западнаго края. Помолившись въ дворцовой церкви, онъ тотчасъ же телеграфировалъ государю о вступленіи своемъ въ должность и занялся дѣломъ. Обѣдалъ онъ въ этотъ день у Владиміра Ивановича, а на другой день пригласилъ его съ семьею къ себѣ на обѣдъ. Въ первый разъ мнѣ пришлось увидѣть этого великаго государственнаго дѣятеля сквозь замочную скважину двери комнаты, въ которую онъ пришелъ съ верха для объясненій съ своимъ предшественникомъ; показала его мнѣ старшая дочь Назимовыхъ. Хорошо разсмотрѣть его тогда я не могъ, не смотря на сильное мое желаніе, какъ по самому мѣсту наблюденія,

такъ и по невольному чувству, которое овладѣло тогда мною, какъ и другими, которые въ первый разъ его видѣли.

Разговоръ между двумя собесѣдниками былъ непродолжителенъ: они вскорѣ оба ушли наверхъ. Въ послѣдствіи времени Михаилъ Николаевичъ рассказывалъ въ шутку, что предмѣстникъ передалъ ему, послѣ семилѣтняго управленія краемъ, только ризы, пожалованныя государемъ во дворцовую церковь, да деревья, посаженныя его женою, подъ окнами на дворѣ, съ просьбою поберечь ихъ.

16-го мая, въ третьемъ часу по полудни, В. И. Назимовъ уѣхалъ изъ Вильны съ семействомъ въ Петербургъ, по желѣзной дорогѣ, которая была выстроена при немъ. Отъѣздъ его навелъ на меня тяжелую думу и показалъ наглядно непрочность и переменчивость людскаго счастья. Дѣйствительно, семь лѣтъ тому назадъ, 27-го мая, дворянство цѣлаго края давало блестящій балъ Назимовымъ; восторгамъ и оваціямъ не было конца. Заказанный въ Парижѣ портретъ Владиміра Ивановича, въ количествѣ шести тысячъ экземпляровъ, былъ распроданъ въ двѣ недѣли, при чемъ оказалась и тутъ афера; платили въ Парижѣ по два франка, а продавали по шести. Имя Анастасіи Александровны произносилось поляками и польками, повидимому, съ полнымъ благоговѣніемъ. И чтѣ же? Въ минуту отъѣзда никто изъ поляковъ не счелъ даже нужнымъ проводить уѣзжавшихъ на желѣзную дорогу.

По выслушаніи напутственнаго молебна въ дворцовой церкви, В. И. Назимовъ съ семействомъ своимъ, въ полдень 16-го мая, пѣшкомъ отправился на квартиру жившаго по сосѣдству отъ дворца генераль-адъютанта И. С. Фролова, который предложилъ имъ напутственный хлѣбъ-соль; экипажамъ приказано было пріѣхать туда, чтобы отвезти ихъ на желѣзную дорогу. Торжественный въѣздъ генераль-губернаторскаго семейства въ Вильну въ 1856 году и болѣе чѣмъ скромный отъѣздъ его въ Петербургъ въ 1863 году составляютъ двѣ такія противоположности, что, не видѣвши того, трудно даже и повѣрить... Къ отходу поѣзда собрались на желѣзную дорогу всѣ русскіе знакомые Назимовыхъ, чтобы сказать свое послѣднее «прости».

Послѣ трогательныхъ, искреннихъ прощаній, раздался свистокъ оберъ-кондуктора, начались послѣднія прощальныя пожеланія, поѣздъ тронулся и вскорѣ скрылся изъ глазъ, унося съ собою тѣхъ, которые въ продолженіе семи лѣтъ сосредоточивали въ своемъ домѣ русское широкое гостепріимство и неподдѣльное веселье. Нижеслѣдующее письмо отъ А. А. Назимовой, сохраненное мною, какъ самая дорогая память о ней, покажетъ то настроеніе во истину доброй ея души, съ какимъ выѣхала она изъ края, гдѣ потратила такъ много своихъ духовныхъ и физическихъ силъ и гдѣ пріобрѣла болѣзнь, такъ преждевременно сведшую ее въ могилу.

«Устье, 6-го іюля 1863 г. Простите мнѣ, мой добрѣйшій Иванъ Акимовичъ, что такъ долго не отвѣчала на ваше милое письмо, и, Бога ради, не усумнитесь въ моемъ дружескомъ расположеніи къ вамъ. Въ мои годы мудрено безъ причины мѣняться, а я, въ продолженіе семи лѣтъ, видѣла въ васъ столько добраго, честнаго, благороднаго, что, конечно, навсегда сохраню къ вамъ искреннее уваженіе и дружбу. А насчетъ памяти, вы знаете, что у старухъ всегда больше и живѣе память о прошломъ, нежели о настоящемъ. Да что его и помнить-то, настоящее; не приглядно оно! Люди кипятъ злобою, ненавистью, рѣжутъ другъ друга, клеветуютъ, злословятъ, и нѣтъ правды нигдѣ! Богъ съ ними! Въ нашемъ милomъ Устьѣ тихо, спокойно, весело, и хорошо бы забыть весь міръ, если бы не было въ этомъ мірѣ людей, которыхъ бы хотѣлось тоже видѣть у добраго пристанища въ счастіи и покоѣ! Но, какъ бы ни хотѣлось мнѣ васъ видѣть въ Устьѣ, однако не совѣтую мѣнять своего мѣста и оставлять этотъ край, такъ больно намозолившій намъ всѣмъ. Вы знаете и край, и людей, и языкъ; вы можете быть полезнымъ, а грѣхъ всякому русскому, который хоть малую ленту можетъ принести и не принесть ее. Приносите же ее посильно, добрѣйшій мой, и не тоскуйте о томъ, что цѣнять, или нѣтъ вашъ трудъ. Трудъ есть такой капиталъ, который несмыслящій цѣнитель не увидитъ. Онъ свой плодъ принесетъ непременно и несомнѣнно. Вѣрьте мнѣ. Только приносите его на алтарь отечества; есть Око, видящее все, и Мздовоздатель за самыя тайныя помыслы даже. Пусть же это Око всегда видитъ въ сердцѣ вашемъ полное самоотверженіе къ благу общему; неутолимое стараніе исполнять возложенное на васъ, не для оцѣнки, а для удовлетворенія вашей совѣсти, и посмотрите, какъ все будетъ хорошо. Только терпите и не кипятитесь. Кипятокъ хорошъ въ чаю, а никакъ не въ человѣкѣ. Простите мнѣ мои совѣты, они происходятъ отъ искренняго желанія вамъ всего лучшаго, а еще и отъ увѣренности, что въ глазахъ вашихъ ничто не перемѣнилось, и отношенія наши тѣ же. Такъ ли? Но во всякомъ случаѣ я такъ увѣрена, любезнѣйшій Иванъ Акимовичъ! Я думаю, вамъ очень хочется къ намъ пріѣхать къ 15 числу? И намъ очень хочется васъ видѣть; но если это можетъ быть хоть сколько-нибудь вамъ вреднымъ, то, Бога ради, и не пробуйте; а если можно, то другое дѣло. Мы будемъ очень рады. Теперь у насъ погода совершенно по вашему вкусу! Холодъ, дождь, вѣтеръ—все озеро всколыхалось. Вы бы тутъ сейчасъ на островахъ фейерверкъ задали бы! Но намъ и съ дождемъ хорошо. Пускай себѣ озеро колышется, вѣтеръ свищетъ, люди клеветуютъ—у моего Вл. Ив. легко на душѣ. Онъ несъ цѣлыя семь лѣтъ тяжелый крестъ, безпощадно трудясь день и ночь, борясь сильно и мощно со всѣми противоборствующими элементами, и честно вышелъ изъ борьбы, что Богъ со временемъ покажетъ. А мнѣ весело смотрѣть

на отдыхъ моего добраго, честнаго мужа, и нѣтъ выше счастья нашего на землѣ. Люди его у насъ не отнимутъ. Прощайте, любезнѣйшій, добрѣйшій Иванъ Акимовичъ! Анна, Маня, Стазя, Эми, Софья Петровна, Елизавета Петровна, Оедосья Ивановна, m-elle le Rond, весь женскій персоналъ вамъ съ пискомъ кланяется, а Вл. Ив. безъ писка, но съ сердечнымъ привѣтомъ. Берегите свое здоровье и не забывайте насъ. Что здоровье вашей доброй жены? Кланяйтесь ей; простите ужасное мараенье».

Много лѣтъ прошло со времени нашей разлуки; душа Анастаси Александровны давно переселилась въ вѣчность; но дорогая память о ней будетъ свято храниться въ моемъ сердцѣ. Тяжелый вздохъ вырывается по нынѣ изъ моей груди, и картина давно былого, пережитаго счастья, вмѣстѣ съ пролетѣвшею моею молодостью, еще живо рисуется передъ моими глазами. При воспоминаніи о невозвратимыхъ прошлыхъ дняхъ, въ которые я имѣлъ счастье пользоваться ея уваженіемъ, невольная слеза катится изъ глазъ моихъ, и скорбящее сердце творить молитву объ упокоеніи святой души ея тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

Вслѣдъ за вооруженнымъ возстаніемъ, въ Вильнѣ, не смотря на военное положеніе, началось какое-то лихорадочное движеніе среди ополченнаго городского населенія; дерзость дошла до того, что объявленія полиціи и распоряженія генераль-губернатора, расклеенныя по городу, среди бѣлаго дня мгновенно уничтожались, даже подлѣ полицейскихъ будокъ; при невозможности же сорвать ихъ они пачкались грязью и даже... навозомъ. Въ разговорахъ по городу то и дѣло слышалось: «жондъ народовой разсказаль» (приказаль); въ Вильнѣ снова появился Вацлавъ Пржебыльскій, бывшій учитель дворянскаго института и раввинскаго училища, который былъ переведенъ изъ края, по распоряженію начальства, учителемъ въ Вологодскую гимназію за прикосновенность къ волненіямъ; эта личность, какъ оказалось впоследствии, была изъ самыхъ дѣятельныхъ коноводовъ мятежа. Когда онъ былъ представленъ къ генераль-губернатору старшимъ полицеймейстеромъ, какъ самовольно возвратившійся, то успѣлъ не только оправдать свое самовольное возвращеніе въ Вильну серьезною болѣзнію своей матери, въ чемъ даже и не удостовѣрились, но и получилъ дозволеніе временно оставаться въ городѣ, впредь до ея выздоровленія, съ отдачею его подъ надзоръ полиціи; а этотъ надзоръ въ то время былъ такого рода, что когда хватились взять его подъ арестъ—его и слѣдъ простылъ.

Въ деревянномъ домѣ, противъ Бонифратеровской каплицы, черезъ улицу отъ запертыхъ воротъ генераль-губернаторскаго сада при дворцѣ, учитель пѣнія Бонольди ни съ того ни съ сего завелъ фотографію и литографію, а въ мезонинѣ установилъ подворную трубу такимъ обра-

зомъ, что оттуда можно было наблюдать за приходившими къ генералъ-губернатору лицами; Бонольди также успѣлъ бѣжать за границу. При графѣ М. Н. Муравьевѣ было раскрыто, что съ февраля мѣсяца въ Вильнѣ образовался революціонный комитетъ, распорядившійся всѣми дѣйствіями по мятежу; въ поль-верстѣ за Звѣринцемъ (лѣтнее мѣсто-пробываніе генералъ-губернатора) формировались шайки; само собою разумѣется, что при этомъ дѣло не обходилось безъ коммисіонерства евреевъ, которые, можно сказать съ положительною, потворствовали мятежу, обѣщавшему имъ богатую наживу. Вся торговля цѣлаго Западнаго края и всѣ промыслы находятся въ ихъ рукахъ; мятежники ничего не могли бы сдѣлать безъ ихъ содѣйствія, а правительство только тогда узнало про вооруженное возстаніе, когда пошли разгуливать шайки по цѣлому краю. По указаніямъ политическихъ арестантовъ, у бронзовыхъ дѣлъ мастера Беніамина Ляма, при произведенномъ въ занимаемомъ имъ помѣщеніи обыскѣ, найдена была запрятанная мѣдная, о пяти гнѣздахъ литейная форма для коническихъ пуль. На вопросъ слѣдственной коммисіи о причинѣ нахожденія у него этой формы еврей отвѣчалъ, что, предъясь дешевизною матеріала, онъ купилъ ее для своихъ издѣлій у неизвѣстнаго ему еврея, изъ деревни къ нему зашедшаго. Подобныя объясненія у насъ принимались тогда за чистую монету. У генералъ-губернатора въ кабинетѣ на столѣ найдена была записка съ печатью революціоннаго комитета, въ которой было сказано, чтобы онъ ни о чемъ не беспокоился, такъ какъ ни одинъ волосъ съ головы его и его семьи не спадетъ... Разгадка этому объяснилась тогда, когда обнаружилось участіе въ мятежѣ Сѣраковскаго, Жвирждовскаго, Оскерки, Еленскаго и другихъ, имъ же имя легіонъ, которые бывали вхожи въ домъ къ генералъ-губернатору. Главное и мѣстное начальство, всецѣло погруженное въ заботы по усмиренію вооруженнаго мятежа, было совершенно незнакомо съ подпольною организаціею, т. е. съ главною силою, которою только и былъ страшенъ послѣдній польскій мятежъ. Побѣды нашихъ доблестныхъ войскъ надъ шайками мятежниковъ и въ особенности плѣнь Сѣраковскаго и Колышки возродили было надежду на лучшее будущее. Но на самомъ дѣлѣ обстоятельства въ край все болѣе и болѣе усложнялись и запутывались, а на западѣ Европы поднималась противу Россіи грозная коалиція.... Такъ какъ шайки наполнялись болѣею частію молодежью, нерѣдко даже дѣтьми 14—15 лѣтъ, то подпольный комитетъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы такіе вояки за ойчизну отнюдь не смѣли выходить изъ Вильны безъ письменнаго на то его разрѣшенія, грозя въ противномъ случаѣ выдачею таковыхъ русскому правительству. Это было единственное распоряженіе, въ которомъ какъ бы проглядывала жалость кровожаднаго комитета къ этимъ малолѣтнимъ ратобор-

цамъ за ойчизну, на самомъ же дѣлѣ творилось это съ цѣлю, чтобы молодежь не проболталась и не выдала тайну вербовки.

Въ концѣ февраля мѣсяца, прусская подданная, жена варшавскаго механика, Винтерфельдъ заявила виленской слѣдственной по политическимъ дѣламъ комиссiи, что одними изъ важныхъ членовъ виленскаго революціоннаго комитета состоятъ виленскіе дворяне—Эдмундъ Вериго и лѣкаръ Стецевичъ; первый собираетъ вокругъ себя молодежь и раздаетъ ей разныя революціонныя брошюры и воззванія, и приглашаетъ ее, Винтерфельдъ, къ доставленію изъ-за границы оружія и пороху, такъ какъ, по занятіямъ мужа, это было очень легко ей сдѣлать; лѣкаръ же Стецевичъ просилъ ее, кромѣ того, и о доставленіи въ Вильну типографскаго станка съ винтовымъ прессомъ. Вмѣстѣ съ сказанными двумя лицами, по найденнымъ уликамъ, была посажена подъ арестъ и 18-лѣтняя красавица, сестра лѣкаря Стецевича. Никогда не забуду я очной ставки между Винтерфельдъ и дѣвицею Стецевичъ. Когда послѣднюю вели въ присутствіе комиссiи, Винтерфельдъ была нарочно посажена въ другой комнатѣ такъ, что арестантка необходимо должна была пройти мимо нея; изъ сосѣдней комнаты мы наблюдали за встрѣчею двухъ этихъ лицъ, чтобы вывести заключеніе о показаніяхъ дѣвицы Стецевичъ, утверждавшей, что она не знаетъ Винтерфельдъ и никогда ея не видѣла. Когда ничего не подозрѣвавшая о подобной встрѣчѣ молодая арестантка вошла въ комнату и замѣтила Винтерфельдъ, краска мгновенно бросилась ей въ лицо; она положила руку на свое трепетавшее сердце и, сдѣлавъ умоляющій видъ, молча какъ бы просила ее отказать отъ улики. Записывая очную ставку между этими двумя лицами, я наблюдалъ за игрою физіономіи молодой Стецевичъ: на прекрасномъ лицѣ ея, полномъ жизни и молодости, и въ блестящихъ глазахъ пылкой дѣвушки поминутно выражались тѣ чувства, которыя волновали ее въ данную минуту очной ставки. На всѣ улики своей противницы она упорно отвѣчала однимъ только отрицаніемъ, а между тѣмъ, не подозрѣвая, что я наблюдалъ за нею во время записыванія показаній, она умоляла взоромъ свою соперницу отказать отъ своихъ обвиненій; и когда та съ положительною точностію поясняла бывшія между ними сношенія,—молнія гнѣва пробѣгала по ея физіономіи; сдвигались черныя бровки, и судорожно трепетали коралловые уста... Казалось мнѣ тогда, что если бы Винтерфельдъ попала въ ея прекрасныя ручки — онѣ навѣрное не выпустили бы ее живою. Когда очная ставка кончилась не въ пользу обвиняемыхъ лицъ, предсѣдатель комиссiи генералъ-лейтенантъ Веселетскій, подошедши къ дѣвицѣ Стецевичъ, началъ угрожать ей показать правду, обѣщая упросить генералъ-губернатора оставить дѣло безъ законнаго преслѣдованія, со вмѣненіемъ ареста въ наказаніе, она оставалась при своемъ. Какая странная должна была

быть та школа воспитанія, которую проходили польки и которая такъ твердо закаляла ихъ сердца во лжи и въ ненависти къ Россіи!

При подобнаго рода обстоятельствахъ В. И. Назимовъ, по природной мягкости своего характера, не былъ въ состояніи приняться за строгія мѣры; при томъ около него постоянно увивались паны, изъ которыхъ многіе принадлежали къ тайной организаціи и сбивали его съ толку своими дружескими совѣтами. Привыкнуши смотрѣть на поляковъ, какъ на не въ мѣру угнетенныхъ, онъ въ теченіе семи лѣтъ своего генераль-губернаторствованія старался всѣми силами своей доброй души проводить указанную ему примирительную съ ними политику новаго благотворнаго царствованія и думалъ, что достигъ намѣченной цѣли; вдругъ такое разочарованіе! Не мудрено послѣ этого, что, встрѣтаясь лицомъ къ лицу съ гнусною неблагодарностью поляковъ, онъ совершенно растерялся и не зналъ, что дѣлать въ этомъ вихрѣ разгулявшихся не въ мѣру политическихъ страстей, въ особенности при тогдашнемъ настроеніи Петербурга, гдѣ нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ лицъ смотрѣли на совершившіяся въ край событія глазами графа Старжинскаго и другихъ поборниковъ польской sprawy. Ходатайства В. И. Назимова о необходимости принятія строгихъ мѣръ не только не находили поддержки, но нерѣдко получались оттуда не совсѣмъ пріятныя указанія. А между тѣмъ всѣ необходимыя средства къ успѣшной борьбѣ съ крамолою были у него подъ рукою. Напрасно думаютъ нѣкоторые, что графъ М. Н. Муравьевъ былъ облеченъ какими-либо особыми полномочіями, при назначеніи его въ Сѣверо-Западный край, кромѣ «правъ и власти командира отдѣльнаго корпуса въ военное время»; всѣ прочія права предоставлены были уже генераль-адъютанту В. И. Назимову, но онъ не умѣлъ, или не хотѣлъ воспользоваться ими. Объ этомъ въ свое время скажетъ послѣднее слово исторія. Вотъ эти законоположенія: 1) 5-го августа 1861 года (т. XXXVI, 37328) изданы были правила на случай объявленія какихъ-либо мѣстностей западныхъ губерній на военномъ положеніи, по которымъ главнымъ начальникамъ тѣхъ губерній были предоставлены особыя права: они могли удалять отъ должности чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, поставляя послѣднія въ извѣстность о томъ; отрѣшати и предавать суду всѣхъ безъ изыятія чиновъ земской и городской полиціи; всѣ жители были подвѣдомственны военному суду, приговоры котораго предоставлялось утверждать главному начальнику края, имѣвшему право приказать приводить ихъ въ исполненіе; онъ могъ также высылать иностранцевъ, подозрительныхъ лицъ и не имѣвшихъ постоянныхъ занятій изъ мѣстности, объявленной на военномъ положеніи и т. д. 2) 5-го августа 1861 года (37327) учреждены полицейскіе суды, «которые въ предѣлахъ строгой законности могли соединять въ себѣ быстроту и несложность дѣлопроизводства»; 3) 16-го августа 1861 г.

(37348) утвержденъ временный наказъ уѣзднымъ полиціямъ, которымъ, между прочимъ, предоставлено было объявлять: «Именемъ государя императора и на основаніи закона приглашаю всѣхъ немедленно (разойтись, положить оружіе и т. п.); при непослушаніи войска будутъ дѣйствовать оружіемъ»; 4) 31-го августа 1861 года (37370) предоставлено главному начальнику края предавать виновниковъ безпорядковъ суду по полемому уголовному уложенію и приводить приговоры въ исполненіе не медля; 5) 4-го сентября 1861 года (37388 и 37389) утверждены наставленія: а) воинскимъ частямъ, назначаемымъ на экзекуцію въ города, мѣстечки и селенія, и б) военнымъ начальникамъ, въ случаѣ употребленія войскъ для усмиренія народныхъ волненій; 6) 15-го января 1863 года (XXXVIII, 39169) повелѣно захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ судить по полевымъ уголовнымъ законамъ; 7) 7-го марта 1863 года, по положенію Западнаго комитета, государь императоръ соизволилъ предоставить виленскому генералъ-губернатору временное право увольнять отъ должностей мировыхъ посредниковъ, волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, которыхъ онъ, при тогдашнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, признаетъ недостаточно благонадежными; 8) по законоположенію 11-го марта 1863 года, лица женскаго пола, прикосновенныя къ преступленіямъ, подлежали суду по полевымъ уголовнымъ законамъ; 9) 24-го апрѣля 1863 года (39542) утверждены правила для образованія сельскихъ вооруженныхъ карауловъ; 10) 24-го апрѣля 1863 года (39540), для воспрепятствованія примыканія къ шайкамъ, преимущественно составившимся изъ мелкой шляхты и горожанъ, воспрещено мѣстнымъ обывателямъ, кромѣ крестьянъ, отлучаться съ мѣстъ далѣе 30 верстъ, безъ особыхъ видовъ отъ мѣстныхъ воинскихъ начальниковъ, подъ опасеніемъ отдачи въ рабочія роты, а для дворянъ—въ тюрьму на срокъ отъ шести мѣсяцевъ до года и штрафа отъ 50 до 500 рублей. Наконецъ, слѣдуетъ здѣсь добавить весьма важное законоположеніе о раздѣленіи политическихъ преступниковъ на категоріи и о порядкѣ наложенія на нихъ взысканій. Государь императоръ, имѣя въ виду, что возстановленіе спокойствія въ губерніяхъ, зараженныхъ мятежемъ, зависитъ не отъ одного дѣйствія военной силы, но и отъ своевременнаго принятія мѣръ къ строгому, но справедливому наказанію виновныхъ, въ особенности по истеченіи срока, дарованнаго высочайшимъ манифестомъ 31-го марта 1863 г., помилованія тѣхъ изъ нихъ, которые добровольно сложатъ оружіе, соизволилъ признать необходимымъ установить, въ дополненіе и поясненіе высочайшаго рескрипта, даннаго на имя командующаго войсками Кіевскаго военного округа 14-го января того года, болѣе положительныя и подробныя правила о порядкѣ наложенія взысканій на мятежниковъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, или арестованныхъ по обвиненію въ

соучастіи съ возмутителями. Всѣ политическіе преступники дѣлились на пять категорій; изъ нихъ, причисленные къ первой категоріи, виновность которыхъ ясно обнаруживалась безъ предварительнаго производства слѣдствія, предавались немедленно по поимкѣ полемому военному суду, приговоры котораго окончательно подтверждались мѣстнымъ военнымъ начальникомъ: военнымъ губернаторомъ, начальникомъ дивизіи, или генераломъ, временно назначеннымъ для командованія войсками въ губерніи, или тѣмъ изъ отрядныхъ командировъ, которые поименованными лицами были на то уполномочены. Полевые военные суды, при производствѣ дѣлъ о преступникахъ всѣхъ категорій, имѣли руководствоваться сокращенными формами судопроизводства, установленными въ раздѣлѣ IV кн. 2 военно-уголовнаго устава для судовъ военного времени, не допуская въ присутствіе суда постороннихъ зрителей и безъ участія защитниковъ и прокуроровъ.

Такимъ образомъ изъ всего изложеннаго становится яснымъ, что всѣ полномочія, признанныя необходимыми для успѣшной борьбы съ мятежемъ и крамолю, были уже предоставлены предмѣстнику графа М. Н. Муравьева, который и вынужденъ былъ привести ихъ въ исполненіе, въ виду безвыходнаго положенія края. Испрошенное государственнымъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ всемілостивѣйшее всепрощеніе тѣмъ, которые до 1-го мая 1863 года явятся съ повинною изъ мятежа, привело совершенно къ другимъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которыхъ ожидало правительство. Усматривая въ этомъ великодушномъ снисхожденіи одну только слабость правительственной власти, коноводы мятежа, съ цѣлію запугать съ одной стороны вновь назначеннаго главнаго начальника края, а съ другой — принудить крестьянъ содѣйствовать вооруженному возстанію, взяли да и порѣшили пустить въ ходъ всевозможный терроръ, дабы страхомъ заставить колебавшихся помогать имъ. Дѣло дошло наконецъ до православныхъ священниковъ. Двое изъ нихъ: Прокоповичъ и Конопасевичъ, за твердое исполненіе вѣрноподданническаго долга и своей прямой обязанности, были повѣшены — первый въ Гродненской губерніи, а второй въ Игуменскомъ уѣздѣ, Минской губерніи. Въ виду подобныхъ звѣрствъ, совершавшихся по цѣлому краю, и полного пренебреженія къ русской законной власти, главному начальнику края предстояло твердыми и рѣшительными мѣрами заставить крамолу сознать свое безсиліе въ борьбѣ съ законнымъ правительствомъ и безусловно смириться передъ Россією. — Трудная задача эта была блестящимъ образомъ разрѣшена графомъ М. Н. Муравьевымъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. М. Сперанскій въ Пензѣ ¹⁾.

Сперанскій, будучи пензенскимъ губернаторомъ, находился въ особенно близкихъ отношеніяхъ съ ректоромъ Пензенской семинаріи, архимандритомъ Аарономъ ²⁾. Послѣдній былъ не просто образованнымъ, а и ученымъ человекомъ. Хорошо знакомый съ новѣйшими языками, онъ слѣдилъ за европейской богословской литературой, имѣлъ большую научную библіотеку и постоянно занимался учеными трудами. Сперанскій, какъ извѣстно, всегда имѣлъ склонность къ научнымъ занятіямъ. Поэтому съ Аарономъ онъ очень любилъ дѣлать часы своего досуга, принимая его у себя въ губернаторскомъ домѣ или запросто отправляясь къ нему въ скромную Спасо-Преображенскую обитель, гдѣ были покои ректора. Подъ руководствомъ, между прочимъ, архимандрита Аарона, Сперанскій сталъ заниматься въ Пензѣ изученіемъ еврейскаго языка. Научныя бесѣды и занятія въ келліяхъ ректора нерѣдко смѣнялись игрой на гусляхъ, инструментѣ, въ свое время очень распространенномъ среди нашего

¹⁾ Въ 1899 году, во время своихъ занятій по составленію историческаго очерка Пензенской духовной семинаріи, я имѣлъ случай ознакомиться съ нѣкоторыми біографическими данными о графѣ М. М. Сперанскомъ. Сообщаемые ниже факты, будучи почерпнуты изъ мѣстныхъ источниковъ (документовъ семинарскаго архива, статей епархіальнаго органа и устныхъ преданій), касаются отношеній Сперанскаго къ названному учебному заведенію. Въ виду того, что объ этихъ фактахъ нѣтъ упоминанія ни въ извѣстномъ трудѣ барона Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго“, ни въ послѣдующихъ очеркахъ о великомъ государственномъ мужѣ и что для полной характеристики выдающихся личностей часто имѣютъ значеніе даже мелкія, повидимому, извѣстія, я и предаю читателямъ собранный мною біографическій матеріалъ о Сперанскомъ.

²⁾ Въ 1826 году епископъ архангельскій, скончался на покой въ Ново-Спаскомъ московскомъ монастырѣ въ 1842 году.

духовенства. Не знаемъ, былъ ли Сперанскій музыкантомъ, а ректоръ Ааронъ оставилъ о себѣ память, какъ объ отличномъ гуслярѣ.

Въ 1818 году Пензенская семинарія была преобразована по уставу Коммисіи духовныхъ училищъ, въ выработкѣ котораго Сперанскій, какъ извѣстно, принималъ самое дѣятельное участіе. Согласно требованію этого устава, учителями семинаріи могли быть только лица съ высшимъ образованіемъ. И вотъ, большинство прежнихъ учителей Пензенской семинаріи должны были оставить свою службу, а въ составъ новаго персонала назначены были только-что окончившіе курсъ Московской духовной академіи—магистръ Василій Алявдинъ ¹⁾ и кандидаты богословія: Василій Мерцаловъ, Иванъ Бѣляевъ и Григорій Сахаровъ. Молодые люди прибыли въ Пензу въ сентябрѣ мѣсяцѣ и остановились на постояломъ дворѣ, куда привезъ ихъ ямщикъ; очень можетъ быть, что въ то время въ Пензѣ и гостиницъ даже не было. На другой день полицеймейстеръ въ своемъ обычномъ рапортѣ доложилъ губернатору о вновь пріѣхавшихъ профессорахъ семинаріи. Сперанскій заинтересовался и принялъ въ нихъ самое живое и теплое участіе. Онъ тутъ же распорядился всѣхъ ихъ позвать къ себѣ. Молодые люди, еще не успѣвшіе отправиться отъ продолжительнаго путешествія, были непріятно изумлены, когда къ нимъ на постоянный дворъ явился полицейскій чиновникъ съ распоряженіемъ явиться къ губернатору. Они знали, что по пріѣздѣ имъ нужно представиться къ своему прямому начальству—ректору семинаріи и епископу; но зачѣмъ ихъ требовали къ губернатору, никакъ не могли понять. Имя Сперанскаго, какъ бывшаго вельможи и любимца государя, конечно, имъ было извѣстно. Съ тяжелымъ смущеніемъ вышли наши юные педагоги съ постоялаго двора и съ гнетущимъ страхомъ переступили порогъ губернаторскаго дома. Но пріемъ, какой они нашли здѣсь, не только не отвѣчалъ ихъ тревожному настроенію, а прямо поразилъ своей неожиданностью. Сперанскій встрѣтилъ и принялъ ихъ, какъ дорогихъ гостей; разспросилъ каждого, откуда онъ родомъ и на какой предметъ назначенъ въ семинарію. При этомъ не преминулъ сообщить, что и самъ онъ духовнаго происхожденія, воспитанникъ духовной школы и нѣкоторое время подвизался, какъ и они, на педагогическомъ поприщѣ. Одинъ изъ гостей—Алявдинъ оказался даже землякомъ Сперанскаго и окончилъ курсъ во Владимірской семинаріи, въ которой обучался и Сперанскій.

Принимая участіе въ прибывшихъ, губернаторъ приказалъ полицеймейстеру отвести имъ приличную казенную квартиру. Мало того, молодые профессора на другой день получили на новой квартирѣ пакетъ,

¹⁾ Впослѣдствіи тобольскій архіепископъ Владиміръ († 1845 г.).

въ которомъ имъ было прислано отъ Сперанскаго 50 рублей денегъ на первоначальное устройство ихъ внѣшней обстановки: онъ по личному опыту зналъ, что скромнаго жалованья наставника семинаріи могло хватать только на пропитаніе. Затѣмъ въ слѣдующій воскресный день всѣ четверо приглашены были къ обѣденному столу губернатора. Вообще М. М. Сперанскій сдѣлался самымъ благодѣтельнымъ, искреннимъ и теплымъ покровителемъ молодыхъ профессоровъ и особенно—Алявдина и Мерцалова, отличавшихся выдающимися дарованіями. Онъ часто приглашалъ ихъ на обѣды и вечера и старался ввести ихъ въ свѣтское городское общество. При такомъ покровительствѣ Алявдинъ и Мерцаловъ скоро приобрѣли извѣстность въ городѣ и сдѣлались, можно сказать, привилегированными домашними учителями въ лучшихъ семействахъ пензенскихъ дворянъ. Впослѣдствіи Мерцаловъ ¹⁾ училъ дѣтей у Ѳ. И. Лубяновскаго, бывшаго губернаторомъ послѣ Сперанскаго, а затѣмъ у А. А. Панчулидзева, который смѣнилъ Лубяновскаго, и всѣми былъ любимъ и отличаеъ за его прекрасныя качества ума и сердца.

Это теплое участіе Сперанскаго къ молодымъ наставникамъ семинаріи, при самомъ вступленіи ихъ въ самостоятельную жизнь, осталось дорогимъ воспоминаніемъ до конца дней ихъ.

Сперанскій не оставлялъ своимъ добрымъ вниманіемъ и воспитанниковъ. Въ некрологѣ одного пензенскаго протоіерея передается съ его словъ слѣдующій случай, характеризующій привѣтливое отношеніе Сперанскаго къ школьникамъ-семинаристамъ. «Однажды,—разсказывалъ почившій пастырь,—играли мы, семинаристы, въ городки: это было на Верхней пѣшей улицѣ ²⁾. Вдругъ собаки, цѣлыми стаями бѣгавшія по городу, бросились на какого-то господина, проходившаго не вдалекѣ отъ насъ съ небольшою тросточкой въ рукахъ, и, прижавъ его къ стѣнѣ, грозили немалой бѣдой. Имѣя въ рукахъ палки, мы бросились на собакъ и спасли господина. Онъ поблагодарилъ насъ и спросилъ, кто мы такіе; узнавъ, что мы—семинаристы, вступилъ съ нами въ довольно продолжительную бесѣду и, между прочимъ, сказалъ, что онъ и самъ былъ семинаристомъ, а теперь вотъ присланъ губернаторомъ въ Пензу».

Случай—самъ по себѣ незначительный, даже пустячный. Но простота и задушевность, съ которыми первое лицо города вступаетъ въ бесѣду съ школьниками, могли бы поразить послѣднихъ и въ настоящее время, а тѣмъ болѣе онѣ были изумительны въ ту отдаленную пору, когда учащіеся дѣти съ именемъ всякаго начальника соединяли пред-

¹⁾ Алявдинъ въ 1820 году перешелъ на службу въ родную Владимірскую семинарію.

²⁾ Нынѣ Суворовская улица.

ставленіе о строгости и недостигаемой высотѣ. Эта случайная бесѣда произвела сильное впечатлѣніе на воспримчивыя юныя души, послужила предметомъ нескончаемыхъ разговоровъ въ школѣ. Старецъ-пастырь, разсказъ котораго нами переданъ, на склонѣ дней своихъ съ любовью и гордостію любилъ вспоминать, какъ онъ въ отроческіе годы былъ случайнымъ собесѣдникомъ знаменитаго Сперанскаго.

Сперанскому болѣе, чѣмъ кому-либо другому, извѣстны были трудолюбіе семинаристовъ и ихъ добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Поэтому онъ съ удовольствіемъ принималъ воспитанниковъ Пензенской семинаріи въ свою губернаторскую канцелярію и старался постепенно замѣнить ими старыхъ подъячихъ, закоснѣвшихъ во взяткахъ и крючкотворствѣ. Поступленіе въ то время духовныхъ воспитанниковъ на гражданскую службу было сопряжено съ немалыми затрудненіями; нужно было ходатайствовать предъ епархіальной властью объ увольненіи «въ иной родъ жизни», на что духовное начальство смотрѣло укоризненно и не всегда давало просимое разрѣшеніе. Сперанскій самъ на себя принималъ эти хлопоты, имѣя въ виду такимъ путемъ получить и нужныя свѣдѣнія о просителяхъ. Среди документовъ семинарскаго архива сохранилось нѣсколько отношеній Сперанскаго къ тогдашнему пензенскому еп. Аѳанасію ¹⁾. Для примѣра приводимъ одно изъ его отношеній, помѣченное 25-мъ генваря 1819 года. «Ваше преосвященство! Милостивѣйшій архипастырь! Здѣшней семинаріи ученики: 1-го отдѣленія Металловъ и 3-го Юговъ, Снѣгуровъ, Таптуковъ, Пластовъ и Викторовъ подали ко мнѣ прошеніе о принятіи ихъ въ статскую службу. А какъ указомъ Правительствующаго Сената (отъ 21-го августа 1818 г.), при семъ въ списокъ прилагаемомъ, дозволено опредѣлять въ гражданскую службу изъ духовныхъ училищъ людей, и не окончившихъ полного курса наукъ, то посему я считаю обязанностію покорнѣйше просить ваше преосвященство приказать, кому слѣдуетъ, сдѣлать о увольненіи означенныхъ учениковъ изъ духовнаго званія и доставленіи ко мнѣ ихъ аттестатовъ надлежащія распоряженія. Съ совершеннымъ почитаніемъ имѣю честь быть вашего преосвященства покорнѣйшимъ слугою М. Сперанскій».

Служба у Сперанскаго, при его гуманныхъ отношеніяхъ даже къ самымъ мелкимъ чиновникамъ, не была похожа на службу въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ. Естественно, что молодые люди съ особой охотой шли на службу въ губернаторскую канцелярію. Нѣкоторые изъ бывшихъ воспитанниковъ Пензенской семинаріи потомъ отправились за

¹⁾ Аѳанасій (Корчановъ) былъ на пензенской кафедрѣ съ 1812—1819 гг.; скончался 24-го декабря 1825 г., живя на покой въ самой Пензѣ, въ собственномъ домѣ.

Сперанскимъ къ мѣсту его новаго служенія въ должности генераль-губернатора Сибири, куда онъ назначенъ былъ въ 1819 году. А одинъ изъ нихъ, поступивъ въ канцелярію въ 1817 году, сдѣлался затѣмъ неразлучнымъ спутникомъ Сперанскаго въ теченіе всей его остальной жизни, т. е. въ продолженіе 22-хъ лѣтъ. Это былъ Косма Григорьевичъ Рѣпинскій, впоследствии дослужившійся до званія сенатора (скончался въ 1876 году).

Непродолжительно было губернаторство Сперанскаго въ Пензѣ ¹⁾, но и за короткое время онъ успѣлъ сдѣлать такъ много полезнаго для губерніи, что надолго оставилъ по себѣ благодарную память, какъ о начальникѣ мудрому и праведному.

Неизмѣнно теплыя чувства хранила въ своемъ сердцѣ къ Сперанскому и Пензенская семинарія, въ лицѣ знавшихъ его питомцевъ и воспитателей.

А. Троицкій.

¹⁾ Губернаторомъ въ Пензу Сперанскій былъ опредѣленъ 30-го августа 1816 г., назначенъ въ Сибирь 22-го марта 1819 г.

Высочайшій рескриптъ объ увольненіи графа Кочубея въ отпускъ.

28-го іюня 1823 г. № 113.

Графъ Викторъ Павловичъ! Снисходя на прошеніе ваше, я указомъ, сего числа даннымъ Правительствующему Сенату, уволилъ васъ въ отпускъ, повелѣвъ до возвращенія вашего исправлять должность вашу по управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, государственному контролеру тайному совѣтнику барону Кампенгаузену. Отъ васъ зависитъ воспользоваться симъ отпускомъ на время вамъ нужное; но для пользы службы, я искренно желаю, чтобъ оно было сколь можно менѣе продолжительно. Мнѣ пріятно, отдавая справедливость достоинствамъ и заслугамъ, изъявить вамъ при семъ случаѣ особенную признательность мою, за исполненіе всѣхъ возложенныхъ на васъ обязанностей съ свойственнымъ вамъ усердіемъ. Пребываю всегда вамъ благосклонный.

И. М. Муравьевъ-Апостолъ,

авторъ «Писемъ изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ» ¹⁾.

(Посвящается А. Д. К.).

ь прискорбію своему авторъ «Писемъ», наблюдая нравы своихъ соотечественниковъ, замѣтилъ, что французы имѣли непосредственное вліяніе на несчастіе русскихъ людей. Съ пагубнымъ тлетворнымъ вліяніемъ ихъ онъ встрѣчался на каждомъ шагу въ нашей частной и даже общественной жизни. Начнемъ ab ovo. Мы восприняли французскій языкъ, и онъ «отравилъ у насъ главный источникъ общественнаго благоденствія—воспитаніе». Свидѣтель эпохи, мечтавшей о созданіи «новой породы людей» путемъ раціональнаго воспитанія, Муравьевъ еще не потерялъ интереса къ вопросу о воспитаніи, котораго къ тому же онъ самъ касался лѣтъ 20 назадъ въ раннихъ своихъ литературныхъ опытахъ въ его «Письмахъ» мы найдемъ много любопытныхъ сужденій на этъ тему. По убѣжденію Муравьева, вся бѣда наша заключается въ томъ, что мы не давали дѣтямъ не только надлежащаго, но даже и какого бы то ни было воспитанія. «Воспитаніе большей части нашихъ дворянъ и дворянокъ заключалось—говоритъ онъ—до сихъ поръ единственно въ наученіи болтать по-французски. На это способы были для каждого состоянія, такъ сказать, подъ рукой: сорванцевъ французовъ всегда была у насъ пропасть; которому не удастся расторговаться табакомъ или помадою, тотъ идетъ въ учителя; не посчастливится французенкѣ дѣлать шляпки, она принимается въ домъ гувернанткой» ²⁾. Спросъ на французовъ у насъ былъ громаднѣй, и къ намъ

¹⁾ См. «Русскую Старину», октябрь 1902 г.

²⁾ Письмо 3-е.

«на Любскихъ судахъ, вмѣстѣ съ устерсами и лимбургскимъ сыромъ, приплывали цѣлыя груды французовъ: парикмахеровъ, поваровъ, модныхъ торговцевъ, учителей»... Они «разсыпались не только въ столицахъ, но и по всему пространству Россіи, и находили средства овладѣть умами во многихъ домахъ, какъ знатныхъ, такъ не знатныхъ» ¹⁾. Послѣдствія приглашенія дурныхъ учителей у насъ скоро обнаружились: мы всѣ говорили на французскомъ языкѣ, но на какомъ французскомъ. «Изо ста человѣкъ у насъ (и то это самая умѣренная пропорція) одинъ говоритъ изрядно по-французски, а 99 по-гасконски, не менѣе того всѣ лепечутъ какимъ-то варварскимъ діалектомъ, который они почитаютъ французскимъ потому только, что это у насъ называется говорить по-французски» ²⁾. И Муравьевъ глубоко сожалѣетъ русскихъ, «которые до сихъ поръ еще дотога ослѣплены предразсудками воспитанія, что не хотятъ видѣть вещей такъ, какъ онѣ есть, которые до сихъ поръ еще почитаютъ французовъ примѣромъ образованности и просвѣщенія; предпочитаютъ ихъ литературу нынѣшнюю, варварскую всѣмъ прочимъ; развращенные ихъ нравы—своимъ отцовскимъ, чистымъ и непорочнымъ, языкъ ихъ—своему природному» ³⁾. Наши дѣти, не достигнувъ и десятилѣтняго возраста, забываютъ свой родной языкъ дотога, что даже «Богу молиться не умѣютъ иначе, какъ по французскому молитвеннику» ⁴⁾. Само собою разумѣется, что, будучи плохими учителями, французы были еще худшими воспитателями. Въ лучшемъ случаѣ ихъ питомцы скоро научаются «пѣть водевили, танцовать гавотъ и вытараща глаза храпѣть въ носъ тирады изъ французской трагедіи» ⁵⁾. Въ одномъ изъ своихъ писемъ ⁶⁾ Муравьевъ сохранилъ намъ цѣлый планъ воспитанія русскаго мальчика подъ крыломъ французскихъ педагоговъ; позволяемъ себѣ — въ виду

¹⁾ Письмо 10-е.

²⁾ (Письмо 10-е). До какихъ чудовищныхъ размѣровъ достигло господство въ нашемъ обществѣ французскаго языка, можно судить уже по одному тому краснорѣчивому факту, что даже въ нашихъ министерствахъ французскій языкъ былъ чуть-ли не официальнымъ въ началѣ прошлаго вѣка. (См. «Русск. Архивъ» 1876 г., № 10, стр. 154, прим.).

³⁾ Письмо 3-е.

⁴⁾ Письмо 3-е. Въ выше цитованныхъ словахъ Муравьева заключается весьма любопытный намекъ на корень сильно распространявшагося въ нашемъ обществѣ (въ его время) католичества; ср. также его 12-е „Письмо“, гдѣ онъ ядовито отзывается о нашихъ „благочестивыхъ Гіоншахъ“, т. е. послѣдовательницахъ извѣстной католической проповѣдницы г-жи Гіонъ (род. въ 1648, ум. въ 1717). (Ср. также статью К. Н. Батюшкова: „Прогулка въ Москвѣ“, находящуюся во 2-мъ томѣ его „Сочиненій“, стр. 24).

⁵⁾ (Письмо 3-е). Списано прямо съ натуры. Картины, подобныя только что цитованной, варьируются во многихъ тогдашнихъ беллетристическихъ сочиненіяхъ нашихъ писателей.

⁶⁾ Въ пятомъ.

крайняго любопытства этого плана—передать его цѣликомъ нашимъ читателямъ: «У насъ къ семилѣтнему мальчику—говоритъ онъ—приставляется французъ-наставникъ, которому, вмѣстѣ съ питомцемъ его, отводятся покои какъ можно далѣе отъ родительскихъ, съ тѣмъ чтобы мальчикъ поскорѣе отсталъ отъ отца и матери и прилѣпился всѣми привычками къ тому, который, за 2.000 р. въ годъ, подрядился поставить въ 8 лѣтъ совершеннаго француза. Два первые года мальчикъ, исключительно, учится болтать по-французски и забывать то, что зналъ своего языка. Главное попеченіе наставника состоитъ въ томъ, чтобы ученикъ его правильно гнусилъ, выговаривая N въ носъ—напримѣръ: *mon dindon*—и когда онъ въ этомъ успѣетъ, то заставляетъ его выучивать наизусть нѣкоторыя басни Лафонтена, и къ тому еще обыкновенно Тераменовъ рассказъ изъ Федры. Эти первые успѣхи, какъ то легко себѣ представить можно, восхитительны для родителей, и первый опытъ—настоящее семейственное торжество. Французъ съ важностью вводитъ въ гостиную питомца своего, ставитъ его посреди кружка сродниковъ и знакомыхъ; мальчикъ намурить рожицу, выпучить глазенки, ножку выставить впередъ, протянетъ рученку, вздохнетъ и начнетъ:

A peine nous sortions des portes de Trézene...

«Громкія восклицанія слушателей сопровождаютъ каждый почти стихъ: *C'est admirable! point d'accent! pas le moindre accent étranger!*—И надобно тутъ замѣтить, что слово *étranger* глубоко впечатлѣвается въ умъ малютки, которому съ тѣхъ же поръ представляется чуждымъ все то, что не чисто по-французски:—первый шагъ къ выполненію условія наставника съ родителями. Гимнастическія упражненія состоятъ въ бильбоке, въ игрѣ волана съ учителемъ, да къ тому три раза въ недѣлю танцмейстеръ начинаетъ его образовывать т. е. заставляетъ его ходить на цыпочкахъ и присѣдать, выворачивая врозь колѣни». Достигнувъ тринадцатилѣтняго возраста, онъ «начинаетъ раздавать билеты учителямъ, которые ходятъ къ нему по часамъ преподавать мифологію, хронологію, математику, географію, исторію и проч. и проч., да къ тому, если французъ его аббатъ, то онъ съ нимъ читаетъ и толкуетъ французскій катехизисъ. Когда случится, что наставникъ человѣкъ весьма ученый, то ученикъ, сверхъ всего упомянутаго, занимается еще выписками изъ писемъ г-жи Севинье и изъ Вольтерова *Siècle de Louis XIV*; ко всему этому присовокупляется музыка, да къ тѣлеснымъ упражненіямъ, сверхъ танцевъ, фехтованье.—Подъ конецъ этого періода рѣдкій мальчикъ находитъ еще удовольствіе въ дѣтскихъ забавахъ; онъ почти образованъ: танцуетъ королевинъ, минуетъ и гавотъ—слѣдственно, можетъ уже играть свою маленькую ролю въ свѣтѣ, и для того начинаютъ вывозить его въ театръ, гдѣ развиваютъ вкусъ его къ изящному, и на

балы, гдѣ онъ учится великой наукѣ обхожденія съ людьми въ свѣтѣ т. е. на балахъ». Къ 15 годамъ нашъ мальчикъ уже оканчиваетъ свое ученье. «Ежедневно, какъ говорится, беретъ уроки отъ дюжины разныхъ учителей и спѣшитъ какъ можно скорѣе выучиться: алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, артиллеріи, фортификаціи, тактикѣ; языкамъ: англійскому, итальянскому, нѣмецкому — только не русскому; танцевать, фехтовать, рисовать, ѣздить верхомъ, играть на клавикордахъ, на скрипкѣ и пѣть. Это все неперемѣнно входитъ въ планъ такъ называемаго знатнаго воспитанія»...

Муравьева возмущаетъ такое воспитаніе: оно не согласно съ его основнымъ убѣжденіемъ, что каждый человѣкъ прежде всего — гражданинъ своей земли, слуга своему отечеству, и дѣло воспитателей и родителей, слѣдственно, приготовить изъ своего сына русскаго человѣка, который бы «не стыдился того, что онъ русскій». Чтобы подкрѣпить еще болѣе основательность своихъ взглядовъ на необходимость воспитанія въ духѣ національномъ, онъ приводитъ въ образецъ воспитаніе англійскаго юношества. Англійскій юноша, оставляя ученіе, уже образованъ на столько, что «ставъ на-ряду съ гражданами, имѣетъ право сказать отечеству: «я готовъ служить тебѣ,—употребляй меня!» Его духовныя и физическія силы уравновѣшены и находятся въ полномъ расцвѣтѣ, а у русскаго уже къ 15 годамъ даже «цвѣтъ лица немного позавялъ», потому что онъ уже «живетъ», въ то время какъ англичанинъ до 20 лѣтъ еще только «приготавливается жить». Эти размышленія о нашемъ «знатномъ» воспитаніи и сопоставленіе его съ англійскимъ приводятъ Муравьева къ грустнымъ заключеніямъ. «Сколько гениевъ у насъ увядаетъ при самомъ развитіи цвѣта разума, и не принесъ никакого плода отечеству!»—воскликаетъ онъ.—«Сколько людей, одаренныхъ способностями, осуждается жить для того только, чтобы бременить собою землю! И все это отъ того только, что мы по странному заблужденію не слѣдуемъ въ воспитаніи путемъ, проложеннымъ опытностью вѣковъ, по которому всѣ просвѣщенные народы шли и будутъ идти, доколѣ станутъ предпочитать ученіе невѣжеству и истинное просвѣщеніе наружному блеску, который, подобно потѣшнымъ огнямъ, сверкнетъ, исчезнетъ и все вокругъ себя оставить по-прежнему въ густомъ мракѣ» ¹⁾. Итакъ, коренное зло нашего воспитанія лежитъ въ непониманіи нашимъ обществомъ всей важности воспитанія, этого «источника общественнаго благоденствія». Наши отцы, отказываясь отъ личнаго руководства въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, желали лишь видѣть ихъ поскорѣе взрослыми, и едва юноша достигалъ 16 лѣтъ, уже спѣшили «показать его свѣту», даже болѣе: они облакали сына въ офицерскій мундиръ, полагая, что

¹⁾ Письмо 5-е.

онъ уже вполне способенъ быть бойцемъ за отечество. Особыхъ стараній для образованія своихъ сыновей наши дворяне не считали нужнымъ ¹⁾ прилагать по слѣдующимъ соображеніямъ: «Природою привилегированное сословіе—говорили они—мы, дворяне, родились съ такими способностями, съ которыми, не ломая головы надъ книгами, всегда и на все способны. Сегодня я предводительствую полкомъ, завтра—стоитъ мнѣ только переменить кафтанъ—и я буду управлять гражданскими дѣлами цѣлой области» ²⁾ и т. д. Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, по мнѣнію дворянъ—«военная служба въ Россіи первый долгъ, къ которому отечество призываетъ дворянина». Муравьевъ, ограничившись ядовитой насмѣшкой на счетъ особенныхъ способностей нашихъ дворянъ, на разсужденіе касательно военной службы отвѣчаетъ такъ: «Положимъ, по вашему мнѣнію, что отечеству нужны богатыри, во что бы то ни стало, и что оно не жалѣетъ о потерѣ девятирхъ сыновей своихъ, лишь бы изъ десяти одинъ, вынеся трудный опытъ, вышелъ изъ онаго съ тѣломъ крѣпкимъ, какъ закаленное желѣзо; я все еще спрошу: что нужнѣе отечеству, богатырь ли тѣломъ, или богатырь душою?

«Если первый нужнѣе, то нѣтъ намъ надобности не только въ университетахъ, но даже и въ наемникахъ-французахъ: купить насъ всѣхъ въ крещенскіе морозы въ прорубяхъ, какъ Ахиллеса окунула матушка въ Стиксѣ, и кто выдержитъ, тотъ и слуга отечеству. Буде же душа беретъ преимущество надъ тѣломъ, и образованіе ея силъ есть первый предметъ родительскаго попеченія въ воспитаніи дѣтей,—въ такомъ случаѣ пора намъ и давно пора образумиться и перестать воображать себѣ, что, научивъ мальчика болтать, какъ попугая, по-французски, и нарядивъ его въ 15 лѣтъ въ мундиръ, мы исполнили всѣ обязанности, которыя возложили на насъ Богъ, природа и отечество» ³⁾.

Осудивъ взгляды современнаго ему общества на воспитаніе и противопоставивъ имъ свои, Муравьевъ набросалъ въ общихъ чертахъ новую систему воспитанія; вся она сводится къ основательному изученію гуманитарныхъ наукъ, въ особенности языковъ и литературъ. Въ основаніе должно быть положено изученіе языковъ древнихъ и родного.

Муравьевъ подробно развилъ эту мысль въ 4-мъ своемъ письмѣ, въ формѣ діалога между двумя свѣдущими въ дѣлѣ воспитанія людьми—Археоновымъ и Неотиномъ; подъ Археоновымъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи ср. статью кн. Н. Н. Цертелева: „О погрѣшностяхъ въ отношеніи къ отечественному воспитанію“ („Вѣсти Европы“ 1828 г., ч. 159, №№ 5 и 6).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Письмо 5-е.

разумѣть самого автора. Итакъ вотъ, что говоритъ Археонновъ, т. е. Муравьевъ:

«И намъ давно бы пора принятыся за настоящее дѣло, и потому я смѣло скажу и всегда говорить буду, что пока мы не будемъ учиться, т. е. посвящать все время перваго возраста отъ 7 до 15 лѣтъ на изученіе греческаго или, по крайней мѣрѣ, латинскаго языка вмѣстѣ съ русскимъ, основательно, эстетически—до тѣхъ поръ мы, большая часть толпы, будемъ не говорить, а болтать, не писать, а лишь марать бумагу» ¹⁾).

Еще рѣзче высказалъ Муравьевъ свое предпочтеніе передъ математикой и прикладными науками наукамъ гуманитарнымъ въ 6-мъ письмѣ, начинающемся извѣстной фразой Шлецера: «*Noch Keine Nation in der Welt ist der Barbarey durch Matematick entrissen worden*» ²⁾).

Муравьевъ признаетъ за математикой неоспоримое ея значеніе для блага человѣчества, но выключаетъ ее изъ круга наукъ, преподаваемыхъ въ «первые годы отрочества»:

«Бога ради»—пишетъ онъ своему другу—не учи ихъ (дѣтей) математикѣ, доколѣ умы ихъ не украсятся прелестями изящной словесности, а сердца ихъ не приучатся любить и искать красоты, неподлежащая размѣру циркуля; однимъ словомъ: образуй въ нихъ прежде всего воображеніе, тогда вредное, когда ненаправленное стремиться ко всему изящному въ природѣ, оно дѣлается рабомъ страстей и порока. Украшенное, обработанное оно освѣщаетъ и самый разумъ. Оно

¹⁾ Письмо 4-е.

²⁾ Сторонникамъ иного направленія въ нашемъ среднемъ образованіи взгляды Муравьева не нравились, и между прочимъ ему по этому поводу были посвящены въ извѣстной «Старинной сатирѣ» слѣдующія злые строки:

„Трактатъ о воспитаніи
Приноситъ новый Локъ...
„Въ малютѣ, при стараньи,
Повѣрьте будетъ прокъ.
Отдайте мнѣ сго. Могу на Нижній смѣло
Сослаться объ умѣ своемъ;
Въ Гипшпаньи—не таюсъ грѣхомъ,—
Совсѣмъ иное дѣло.

Горація на шею
Себѣ я навязалъ;
Я мало разумю,
Но много прочталь.
Малютку радъ учить всѣмъ лексиконамъ въ мірѣ,
Но математикѣ—никакъ:
Боюсь докажетъ: я дуракъ,
Какъ дважды два четыре“.

(См. „Русск. Арх.“ 1876, № 7, стр. 407).

даетъ генію силы и бодрость искать причины вещей; оно, на крыльяхъ своихъ, возноситъ Невтона на тѣ высоты, гдѣ, подобно Прометею, онъ похищаетъ огонь небесный и озаряетъ имъ землю. Такъ точно: безъ воображенія и Невтонъ, великій Невтонъ, былъ бы просто щетчикомъ, не проникъ бы тайнства природы, не открылъ бы законовъ тяготѣнія, не разсѣлъ бы луча солнечнаго на первообразные цвѣта. Въ великой картинѣ мірозданія разумъ усматриваетъ чертежъ, воображеніе видитъ краски:—что же картина безъ красокъ! и что жизнь наша безъ воображенія!»¹⁾

Лучшимъ средствомъ для развитія воображенія и эстетическихъ вкусовъ Муравьевъ считаетъ изученіе всемірной литературы. Въ этой области онъ считалъ себя и прибавимъ—не безосновательно—знатокомъ и специалистомъ. Литература была съ раннихъ лѣтъ его любимымъ занятіемъ²⁾, а отличное знаніе всѣхъ европейскихъ языковъ и личное знакомство съ выдающимися литературными силами Запада³⁾ еще болѣе помогло ему усовершенствовать свой вкусъ и знанія въ излюбленномъ предметѣ.

Не говоря уже о томъ, что познанія Муравьева въ области классическихъ литературъ были для того времени поразительны, онъ представлялъ прямо-таки исключительное явленіе по своему пониманію литературъ новыхъ народовъ Запада. Ему равно доступны и близко знакомы были литературы: французская, нѣмецкая, итальянская, испанская, англійская, и онъ легко могъ оцѣнить ихъ значеніе и роль въ общемъ образованіи. Въ то время, какъ большинство нашего общества, разжигаемое ненавистью къ французамъ, мало-по-малу начало отдаляться отъ ихъ литературы (но не языка!) и даже огульно осуждать ее, Муравьевъ при всемъ своемъ озлобленіи на «изверговъ рода человѣческаго» умѣлъ найти достоинства въ литературѣ народа, давшаго міру Лафонтена. Въ то время, какъ мы совершенно не сумѣли оцѣнить значенія классической дѣятельности Шиллера, Гёте, Канта, а съ писателями итальянскими, испанскими, англійскими были знакомы лишь по именамъ, да дурнымъ переводамъ, Муравьевъ говорилъ о прелести и важности изученія Шиллера, Лессинга, Данте, Тасса, Альфіери, Сервантеса, Шеридана, восторгался Шекспиромъ и убѣждалъ, что нельзя судить о разныхъ литературахъ, произносить надъ ними приговоръ и

¹⁾ Основные положенія этого отрывка подробно развиты полвѣка спустя въ одной изъ своихъ статей М. Н. Катковымъ. (См. его книгу „Наша учебная реформа“. М. 1890, статья IX-я).

²⁾ См. его собственное признаніе въ 13-мъ письмѣ.

³⁾ Между прочимъ онъ былъ знакомъ съ Клопштокомъ, Альфіери, Кастии др.

«не знать тѣхъ языковъ, коихъ произведенія разсматриваются, какъ предметы сравненія». «Спроси Воронихина, постигъ ли бы онъ величіе храма Св. Петра въ Римѣ, по однимъ рисункамъ и моделямъ его; спроси Егорова, позналъ ли бы онъ Рафаеля изъ Джіордановыхъ списковъ? Такъ точно и въ общей литературѣ: хочешь ли имѣть основательное понятіе о свойствахъ, преимуществахъ и недостаткахъ народовъ, наиболѣе въ письменахъ отличившихся: сперва учись ихъ языкамъ; прочитай Данта на итальянскомъ, Сервантеса на испанскомъ, Шекспира на англійскомъ, Шиллера на нѣмецкомъ» ¹⁾. Въ особенности же нельзя пускаться въ критику иностранныхъ литературъ, смотря на нихъ черезъ французскія очки ²⁾.

Кстати о критикѣ. И въ этой области, находившейся въ ту пору еще, можно сказать, въ зачаточныхъ формахъ, надъ которыми еще не поздно было посмѣяться и Пушкину, Муравьевъ выказалъ себя дѣйствительно знатокомъ, и то, что послужило у насъ предметомъ серьезнаго вниманія лишь въ концѣ 1820-хъ, лучше сказать въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, Муравьеву по плечу было говорить еще въ 1814 году! Онъ подвергъ строгому анализу ходячее выраженіе «la critique est aisée et l'art est difficile», указалъ важность разумной критики, какъ науки, и говорилъ о томъ великомъ значеніи Лессинга, какъ критика, которое онъ оказалъ на движеніе нѣмецкой литературы ³⁾. А мы и въ этомъ, какъ и въ литературѣ, отстали отъ Запада потому, что «находимся почти въ томъ положеніи, въ которомъ находились нѣмцы, когда Виландъ началъ писать, а предразсудокъ Фридриха II противу своего языка дѣйствовалъ еще надъ многими умами» ⁴⁾. Что же спасло нѣмцевъ отъ ложной дороги и вывело ихъ на путь совершенства? Для отвѣта на этотъ вопросъ, Муравьевъ становится опять на излюбленную почву: «они всегда учились древнимъ», насъ русскихъ—по глубокому убѣжденію Муравьева—также можетъ обновить лишь основательное изученіе античнаго міра по подлиннымъ памятникамъ его культуры, а не по французскимъ образцамъ. Мы замедлили ходъ нашей литературы внесеніемъ въ нее псевдоклассицизма, и Муравьевъ строго осуждаетъ это направленіе. Какъ бы ни были хороши герои Расина, но все-таки—по словамъ Муравьева—«изъ-подъ палліи или тоги выказываются у нихъ французскіе красные каблучки». Да и вообще даже въ произведеніяхъ крупныхъ французскихъ псевдоклассиковъ «ума много, а изящной природы, во всей очаровательной ея простотѣ, нѣтъ ни въ одномъ. Вездѣ натяжка, нигдѣ цвѣтовъ, которые

¹⁾ Письмо 4-е.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Письмо 12-е.

⁴⁾ Ibidem.

мы видимъ въ природѣ» ¹⁾. Тутъ кстати, кажется, будетъ привести и взглядъ Муравьева на отношеніе изображенія къ объекту изображенія, на роль творчества въ изобразительныхъ искусствахъ, на примѣръ, въ литературѣ. Муравьевъ возстаетъ противъ французской теоріи: «embellir la nature». Это—явная бессмыслица,—говоритъ онъ,—«ибо украшать природы невозможно; напротивъ того: лишнимъ тщаніемъ давать не сродныя ей прикрасы значить портить ее; то же, что французы въ художествахъ называютъ *genre maniéré*, а я изнѣженнымъ, жеманнымъ вкусомъ». И эта *genre maniéré*, «вкусъ изнѣженности», эта неестественность, по мнѣнію Муравьева, «у французовъ господствуетъ вездѣ, даже и въ лучшихъ ихъ писателяхъ». Вотъ почему онъ настойчиво рекомендуетъ русскимъ людямъ отказаться отъ слѣдованія въ вопросахъ литературы и искусствъ по французской указкѣ и обратиться къ неизсякаемому источнику красоты и правды, къ самой природѣ; и ужъ если кто пожелаетъ учиться по образцамъ, сдѣланнымъ руками человѣческими, то слѣдуетъ обратиться къ произведеніямъ отнюдь не тѣхъ, кто «смотря въ окно на грязную улицу, описываетъ испещренные цвѣтами Андалузскіе дуга, или пышно рисуетъ цѣпь Пиренейскихъ горъ, глядя съ чердака на Монмартръ».

Въ данномъ случаѣ учителями должны быть древніе греки, равно постигшіе тончайшія извилины души человѣка и нѣжнѣйшіе тона ихъ прекраснаго неба. Да и къ чему намъ подражать, когда въ самомъ русскомъ народѣ заложены такіа богатая дарованія, когда мы, русскіе,—говоря словами Муравьева,—«народъ, надѣленный драгоцѣннѣйшими дарами природы, наиспособнѣйшій ко всѣмъ успѣхамъ ума, съ сильной душою, съ пылкимъ воображеніемъ» ²⁾. Диковиннымъ, чудовищнымъ кажется Муравьеву такое небреженіе нами къ своимъ способностямъ, ко всему русскому, и его возмущаетъ до глубины души такое рабское пристрастіе русскихъ ко всему иноземному. Вѣдь рабство, какое бы оно ни было, все же рабство, а «рабство и просвѣщеніе не совмѣстимо» ³⁾. Мы обратились въ рабовъ, забывшихъ всякое самолюбіе, и на столько забывшихъ, что такое «національная гордость», что не можемъ усмотрѣть тѣснѣйшей связи между ней и языкомъ, на которомъ мы говоримъ ⁴⁾! Мы предпочли плохой французскій языкъ родному и наивно удивляемся медленному ходу нашего просвѣщенія. Тогда какъ—по убѣжденію Муравьева—стоило бы только ввести въ обществѣ употребленіе собственнаго языка, и мы сразу получили бы «двѣ важнѣйшія выгоды: 1) собственные свои мысли, а не занятая;

¹⁾ Письмо 4-е.

²⁾ Письмо 5-е.

³⁾ Письмо 6-е.

⁴⁾ Письмо 10-е.

составился бы языкъ размышленія и умствованія, или просто сказать языкъ книжный, котораго до сихъ поръ у насъ еще нѣтъ, да и быть не можетъ потому, что сколько бы Академіи ни потѣли надъ словарями и грамматиками, проза чистая, логическая не составитъ, доколѣ она сперва не обдѣлается въ обществахъ, образованныхъ вѣжливостью и просвѣщеніемъ. Языкъ разговорный къ языку книжному точно то, что рисованіе къ живописи. Не будетъ перваго, не будетъ никогда и послѣдняго: ибо вѣсь и значеніе словамъ даетъ употребленіе, а не опредѣленіе академиковъ» ¹⁾. И если мы, получивъ надлежащее воспитаніе, будемъ говорить по-русски—тогда и у насъ «будетъ свой языкъ, обработанный для всѣхъ родовъ словесности; орудіе готовое для людей, рожденныхъ съ талантами. Сей ходъ, непремѣнный для образованія всѣхъ языковъ вообще, у насъ еще вдвое необходимѣе по той причинѣ, что мы не имѣемъ того, что существуетъ у всѣхъ прочихъ просвѣщенныхъ народовъ: состоянія ученыхъ людей».

Нѣтъ у насъ ученыхъ, нѣтъ у насъ и писателей: «мы всѣ пишемъ *ad libitum*, мы *dilletanti*, а не *virtuosi*» ²⁾; нѣтъ у насъ, слѣдственно, и истиннаго просвѣщенія...

Вотъ къ какимъ печальнымъ выводамъ пришелъ Муравьевъ, обозрѣвая положеніе вещей въ нашемъ отечествѣ... Но Россія еще не погибла. Богомъ хранимая, она, какимъ-то чудомъ вынесшая за время своего существованія столько безчисленныхъ ударовъ, сыпавшихся на ея грудь со стороны иноземцевъ ³⁾, устояла и тогда, когда пораженная въ самое сердце, она—казалось, должна была пасть къ ногамъ побѣдителей. Устоять она и теперь отъ всякихъ бѣдъ, если только.... «пребудетъ вѣрна Церкви, царю и самой себѣ» ⁴⁾. Мысль о необходимости вѣры, религіи для политической независимости народа Муравьевъ высказываетъ не разъ въ своихъ письмахъ. «Безъ нея—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ—никакой народъ не можетъ долго пребыть въ независимости; съ нею же какая бы внѣшняя опасность ни угрожала, всякое

¹⁾ Вотъ любопытный взглядъ Муравьева на словари: „Всѣ эти толстые словари кажутся мнѣ похожими на арсеналы, въ которыхъ тьма древнихъ и новыхъ оружій, развѣшанныхъ по стѣнамъ въ систематическомъ порядкѣ. Войди въ нихъ, и съ перваго взгляда покажется тебѣ сокровище необъятное. Но какъ дѣло дойдетъ до вооруженія, такъ и не знаешь, за что и какъ приняться, потому что оружіе знакомо тебѣ только по одной надписи, которая виситъ надъ нимъ, а не по ручному употребленію“. (Письмо 10-е).

²⁾ Письмо 10-е.

³⁾ „Въ событіяхъ нашего отечества все чудесно: какъ будто читаешь Аріосто!“ восклицаетъ Муравьевъ, вспоминая длинную вереницу враговъ, совершавшихъ набѣги на нашу отчизну.

⁴⁾ Письмо 1-е.

государство преодолѣть ее и устоять» ¹⁾. Ненормальное положеніе вещей во Франціи Муравьевъ также объясняетъ ослабленіемъ религіи въ этой странѣ и происходящей отъ сего развращенности нравовъ во французахъ ²⁾; въ крушеніи ея политическаго могущества онъ видитъ опять-таки «примѣръ того, что безъ вѣры общество человѣческое, какъ бы оно сильно ни было, долго существовать не можетъ» ³⁾. Религія—будь то «деизмъ, политеизмъ, ислаимзмъ»—связующее звено между отдѣльными членами націи. . . .

На этомъ замѣчаніи мы позволимъ себѣ прекратить обзорѣніе «Писемъ» Муравьева и постараемся теперь выяснить самую личность автора этихъ писемъ не на основаніи только словъ его, но фактовъ его жизни и «сопутствующихъ обстоятельствъ». Говорить объ умѣ Муравьева, его богатыхъ познаніяхъ и несомнѣнной талантливости, полагаемъ излишнимъ: объ этомъ достаточно свидѣлствуютъ его «Письма», которыя мы нарочно старались излагать, въ большинствѣ случаевъ, устами самого автора, желая сохранить всю ихъ колоритность. Намъ остается, слѣдственно, разрѣшить лишь одинъ наиболѣе серьезный вопросъ, напрашивающійся самъ собой при оцѣнкѣ «Писемъ», какъ произведенія характера публицистическаго: насколько былъ искрененъ авторъ въ своихъ филиппикахъ, и не есть ли они—въ виду встрѣчающихся въ нихъ крайностей—лишь искры отъ великаго московскаго пожара, взлетѣвшія наверхъ и скоро сами погасшія? Исходили ли мысли, такъ горячо высказанныя Муравьевымъ, изъ тѣхъ его заветныхъ убѣжденій, которымъ онъ ни разу не измѣнялъ? Прежде всего, читатель, которому попадались не разъ наши журналы втораго десятилѣтія прошлаго вѣка, пожалуй, сказалъ бы, что отъ «Писемъ» Муравьева пахнетъ «Сыномъ Отечества». Онъ былъ бы правъ, ибо они и печатались въ этомъ журналѣ; но мы скорѣе сказали бы, что отъ нихъ пахнетъ дымомъ и кровью Отечественной войны, и потому имъ болѣе всего и приличествовало помѣститься на страницахъ «Сына Отечества». Муравьевъ былъ искрененъ въ своемъ негодованіи на «изверговъ-французовъ» и въ ненависти ко всему французскому его времени. Какъ враговъ отечества онъ ненавидѣлъ французовъ, еще будучи нашимъ полномочнымъ посланникомъ въ чужихъ краяхъ, и возненавидѣлъ ихъ еще болѣе, когда онъ,—бѣглецъ изъ горѣвшей своей родной столицы, искалъ спасенія въ Нижнемъ-Новгородѣ и, сидя за стѣнами, видѣвшими Минина, металъ (въ пріятельскомъ кругу) громы и молніи на мнимую цивилизацію Франціи. Но должно сознаться, что

¹⁾ Письмо 14-е.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Письмо 1-е.

Муравьевъ, не смотря на все свое анти-галльское направленіе, на весь свой—по выраженію Л. Н. Майкова—ничѣмъ не смущающійся патріотическій пылъ ¹⁾, все же не могъ уступить общему потоку, требованію моды. Не говоря о томъ, что онъ до конца дней своихъ изъяснялся на обще-принятомъ въ нашемъ обществѣ языкѣ, т. е. на французскомъ, когда въ томъ не представлялось особенной надобности, онъ самъ бывалъ нерѣдко въ Парижѣ и даже нѣкоторыхъ дѣтей своихъ (и до и послѣ 1812 года) воспитывалъ въ столицѣ Франціи.

На послѣднее обстоятельство едва-ли, намъ кажется, можно смотрѣть какъ на жертву модѣ: повидимому, Муравьевъ все же считалъ Францію наиболѣе просвѣщенной страной цивилизованнаго Запада. Далѣе. Быть можетъ, искреннимъ былъ Муравьевъ въ похвалахъ, расточаемыхъ имъ по адресу нашего правительства за его заботы о народномъ просвѣщеніи, но съ увѣренностью можно сказать, что впоследствии онъ перемѣнилъ на этотъ счетъ свое мнѣніе. Онъ хорошо зналъ направленіе министерства Шишкова, не могъ не слышать о подвигахъ Магницкаго и его ближайшихъ сотрудниковъ, а тяжести и придирчивость нашей цензуры 1840 годовъ испыталъ лично на себѣ... ²⁾. Но какъ бы то ни было «Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ» остаются драгоценнымъ памятникомъ нашей публицистической литературы и облачаютъ въ авторѣ во всякомъ случаѣ человѣка отгнанныхъ дарованій съ умомъ прозорливымъ, съ сердцемъ любящимъ свое отечество и глубоко скорбѣвшимъ о его недугахъ. Насъ лично въ «Письмахъ» Муравьева въ особенности привлекаетъ глубокое пониманіе ихъ авторомъ идеи національности. Его прямо-таки поражало отсутствіе въ нашемъ обществѣ какого бы то ни было самосознанія и до глубины души возмущало исключительное предпочтеніе нашимъ обществомъ французской культуры въ то самое время, когда, по его словамъ, «въ этомъ народѣ (т. е. французскомъ) давно сердце высохло: не въ состояніи болѣе производить Расиновъ, онъ гордится теперь Кондорсетами, хладною философіею исчисленія, которая убиваетъ воображеніе и вмѣстѣ съ нимъ вкусъ къ изящному, т. е. стремленіе къ добродѣтели» ³⁾. Не менѣе замѣчательными по тому времени намъ кажутся и взгляды Муравьева на воспитаніе, въ которомъ онъ видитъ залогъ всего нашего общественнаго благополучія, которому придаетъ высокое общегосударственное значеніе. Важность и цѣнность его взглядовъ на этотъ предметъ мы поймемъ еще болѣе, если вспомнимъ, что Муравьевъ приглашалъ обра-

¹⁾ „Сочиненія“ К. Н. Батюшкова, т. I. Спб. 1887 г., стр. 158.

²⁾ (На основаніи неизданнаго письма И. М. Муравьева-Апостола къ П. И. Кешпену отъ 24-го октября 1845 г.). Письмо хранится въ Императорской Академіи Наукъ.

³⁾ Письмо 6-е.

тить серьезное вниманіе на всѣ ужасныя послѣдствія нашего дурнаго «знатнаго» воспитанія именно въ то самое время, когда «мы всѣ учились по немногу» и при томъ «чему-нибудь и какъ-нибудь». Муравьевъ высказывался за необходимость болѣе продолжительнаго и болѣе солиднаго воспитанія, и какъ на единственное средство къ обновленію нашего воспитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ на средство къ болѣе правильной выработкѣ самобытности указывалъ на классическое образованіе. Мы оцѣнимъ значеніе автора «Писемъ» въ исторіи нашего просвѣщенія еще болѣе, если обратимъ вниманіе, что почти вѣкъ тому назадъ Муравьевымъ были высказаны горячо и убѣдительно тѣ самыя педагогическіе взгляды, которые пришлось лишь повторить и развить такимъ людямъ, какъ М. Н. Катковъ, Ѳ. М. Достоевскій ¹⁾. И намъ остается лишь подтвердить справедливость опасеній старика Державина, что «Письма» Муравьева «укоризной будутъ сильной въ потомствѣ вѣку нашему, что таковыя люди не заняты дѣлами общественными». — Муравьевъ—говоря его же словами—былъ достоинъ служить отечеству.

Ив. Кубасовъ.

¹⁾ См. книгу: М. Н. Катковъ „Наша учебная реформа“,—съ приложеніями и съ предисловіемъ и примѣчаніями Л. Поливанова 1890 г.—Кстати, популярность взглядовъ Муравьева въ средѣ лицъ, причастныхъ къ литературѣ, давно засвидѣтельствована. Такъ, напр. мысли Муравьева о литературѣ и подражательности, высказанныя въ 4-мъ письмѣ, повторилъ и развилъ К. Н. Батюшковъ въ своей статьѣ: „Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности“ („Сочиненія“ т. III); ср. также отзывъ о нихъ Д. В. Дашкова въ „Русск. Арх.“ 1866 г., стр. 493.

**Поручикъ Усовскій — участникъ въ тайномъ обществѣ декабри-
стовъ.**

Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату.

14-го марта 1827 г., № 1927.

Г. управляющій Главнымъ штабомъ его императорскаго величества сообщилъ мнѣ отъ 7-го сего марта, что главнокомандующій 1-ю арміею, г. генералъ-фельдмаршалъ графъ Сакенъ на высочайшее имя отъ 28-го генваря сего года донесъ, что Полтавскаго пѣхотнаго полка поручикъ Усовскій, по произведенному надъ нимъ суду, найденъ виновнымъ: въ бытности сочленомъ злоумышленнаго тайнаго общества, имѣвшаго на-мѣреніе къ испроверженію законной власти; въ изъявленіи согласія внушать и возбуждать ропотъ и неудовольствіе къ высочайшей особѣ и правительству, давъ клятвенное обѣщаніе содѣйствовать замысламъ того общества съ пожертвованіемъ самой жизни; и что онъ г. главнокомандующій, за сіе преступленіе Усовскаго, подтверждалъ, лиша его всѣхъ чиновъ и дворянскаго достоинства, и отвѣдя на эшафотъ предъ полкомъ, переломить чрезъ палача надъ головою его шпагу и сослать въ Сибирь въ каторжную работу. Каковую конфирмацію благоудно было государю императору въ 17-й день минувшаго феврала утвердить съ тѣмъ, чтобъ Усовскій сосланъ былъ въ каторжную работу на двадцать лѣтъ и по истеченіи оныхъ оставленъ на поселеніи въ Сибири.

О таковой высочайшей волѣ я имѣю честь предложить Правительствующему Сенату къ свѣдѣнію, присовокупляя, что объ оной, какъ увѣдомилъ меня г. управляющій Главнымъ штабомъ, сообщено г. главнокомандующему 1-ю арміею, къ должному исполненію.

Сообщилъ Г. Н. Рѣпинскій.

Письма В. П. Балабина ¹⁾ графу П. Д. Киселеву.

1.

16-го (28-го) мая 1856 г. Вѣна.

Ваше сіятельство! Сію минуту я получилъ извѣщеніе о моемъ назначеніи совѣтникомъ посольства въ Парижъ. Безъ сомнѣнія, я обязанъ

¹⁾ По окончаніи курса въ благородномъ пансіонѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ Викторъ Петровичъ Балабинъ, 7-го марта 1832 г., поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и 31-го декабря 1835 года былъ назначенъ третьимъ переводчикомъ въ департаментъ внутреннихъ сношеній. Спустя два года онъ былъ утвержденъ вторымъ переводчикомъ, а 2-го августа 1840 года перемѣщенъ въ III экспедицію департамента внутреннихъ сношеній вторымъ секретаремъ. Съ 27-го марта 1842 г. начинается дипломатическая дѣятельность Виктора Петровича, назначеннаго въ этотъ день младшимъ секретаремъ посольства въ Парижъ. 28-го апрѣля 185 г. 1, онъ былъ назначенъ старшимъ секретаремъ въ Константинополь и черезъ два года (4-го сентября 1853 г.) совѣтникомъ посольства въ Парижъ. 18-го декабря 1854 года Балабинъ былъ назначенъ состоять по министерству и черезъ полгода, 8-го іюня 1855 г., совѣтникомъ посольства въ Вѣнѣ. Произведенный 15-го апрѣля 1856 года въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Викторъ Петровичъ въ іюль (24-го) того же года былъ отправленъ опять совѣтникомъ посольства въ Парижъ и въ августъ пожалованъ въ званіе камергера. Въ Парижѣ Викторъ Петровичъ пробылъ два года, и 5-го августа 1858 года ему высочайше повелѣно было состоять по особымъ порученіямъ при императорѣ австрійскомъ, а 22-го іюля 1860 г. онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при немъ же. Произведенный 17-го апрѣля въ тайные совѣтники, В. П. Балабинъ въ августъ (12-го) 1864 г. былъ зачисленъ по министерству иностранныхъ дѣлъ и 25-го ноября того же года скончался. Настоящія письма печатаются съ просвѣщеннаго разрѣшенія графа Дмитрія Алексѣевича Милютина, наслѣдника архива графа П. Д. Киселева. (См. „Русс. Стар.“ 1896 г. № 12, стр. 677). Большая часть помѣщаемыхъ писемъ писана на французскомъ языкѣ и очень не много на русскомъ.

Ред.

этимъ вамъ, ибо вы одобрили выборъ министерства, и я спѣшу выразить вамъ по этому случаю мою чувствительную благодарность. Я не добивался этого мѣста: оно сопряжено съ довѣріемъ, которое можно оказать, но о которомъ просить не приходится. При всемъ томъ это мѣсто, въ ряду другихъ ему подобныхъ, болѣе всего соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ. Я занималъ его десять лѣтъ слишкомъ ¹⁾ подъ начальствомъ вашего брата. Позвольте мнѣ надѣяться, что перемѣна начальника не будетъ мнѣ чувствительна, точно также какъ и вы, графъ, найдете во мнѣ тѣ же усердіе и преданность, съ конми я всегда относился къ вашему достойному брату. Я общаю это ему самымъ положительнымъ образомъ въ своемъ письмѣ, которое прошу васъ считать надежнѣйшей гарантіей съ моей стороны. Во всемъ остальномъ осмѣливаюсь просить вашего снисхожденія.

Предоставляю себя, съ сегодняшняго же дня, въ распоряженіе вашего сіятельства, на тотъ случай, ежели у васъ будутъ какія-либо приказанія; будьте увѣрены въ томъ, что я спѣшу, какъ можно скорѣе, къ мѣсту моего назначенія, куда мнѣ хотѣлось бы пріѣхать раньше вашего сіятельства, чтобы къ этому моменту быть уже въ курсѣ дѣла. Всѣми силами постараюсь, насколько отъ меня будетъ зависѣть, явиться къ мѣсту моего назначенія своевременно.

Примите, графъ, увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи. В. Балабинъ.

2.

12-го (24-го) сентября 1856 г. Вѣна.

Ваше сіятельство! Позвольте выразить вамъ мою искреннюю благодарность за письмо отъ 27-го августа, которое я имѣлъ честь получить, и за выраженные въ немъ благосклонность и довѣріе, которое я всѣми силами постараюсь оправдать. Совершенно независимыя отъ меня обстоятельства задержали меня по сей часъ въ Вѣнѣ; тѣмъ не менѣе я выѣзжаю отсюда черезъ нѣсколько дней и устроюсь въ Парижъ за долго до пріѣзда вашего сіятельства, слѣдовательно, въ моментъ вашего пріѣзда буду исполнѣнъ къ вашимъ услугамъ.

Честъ имѣю препроводить при семъ письмо, полученное мною вчера на ваше имя отъ брата вашего изъ Рима. Его письмо ко мнѣ свидѣтельствуетъ, въ чемъ я впрочемъ никогда и не сомнѣвался, что ему тамъ нравится и что мы имѣемъ въ немъ наилучшую гарантію добрыхъ отношеній къ папѣ.

Примите, графъ, увѣреніе въ глубочайшей моей преданности.

¹⁾ Это не совсѣмъ точно, какъ видно изъ вышеприведеннаго примѣчанія.

3.

27-го января (8-го февраля) 1857 г. Парижъ.

Ваше сіятельство! Пользуюсь отъѣздомъ барона Зеебаха, чтобы сообщить все, что можетъ васъ интересовать, и что случилось здѣсь послѣ вашего отъѣзда ¹⁾. Къ сожалѣнію, на моемъ отчетѣ несомнѣнно должно отразиться то печальное состояніе, въ какое повергла меня сильная простуда, сопровождаемая лихорадочнымъ состояніемъ, которую я схватилъ прошлый четвергъ, возвращаясь съ бала въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Я сижу съ тѣхъ поръ безвыходно въ моей комнатѣ и даже боюсь, не придется ли мнѣ отпустить съ пустыми руками курьера, бывшего сегодня по утру изъ Ниццы.

Простившись съ вами прошлую среду, я тотчасъ отправился къ персидскому посланнику. Онъ сообщил мнѣ, что Коулэй (Cowley) возобновилъ предложенія Редклиффа, сдѣлавъ самыя незначительныя измѣненія въ редакціи нѣкоторыхъ статей и исключивъ требованіе о низложеніи Садръ-Азама, отъ котораго Англія отказывается. Изъ этого слѣдуетъ, что она продолжаетъ настаивать на точномъ исполненіи самой опасной для насъ статьи о консулахъ и самаго тяжкаго пункта для Персіи, заключающагося въ одностороннемъ обязательствѣ, которое отъ нея требуютъ относительно ея будущихъ сношеній съ Афганистаномъ. Ферукъ-ханъ очень упалъ духомъ; онъ умолялъ меня спросить по телеграфу совѣта кн. Горчакова относительно послѣдняго пункта, составляющаго 2-ю статью ультиматума. Я отвѣчалъ, что готовъ сдѣлать это изъ уваженія къ нему, но что наше рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, принято, мы не откажемся отъ своего взгляда и не признаемъ за Англіей права принимать на себя роль единственнаго третейскаго судьи во всѣхъ спорахъ, могущихъ возникнуть между Персіей и Афганистаномъ. Я сообщилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ копію съ депеши, которую Хрептовичу было поручено прочесть Кларендону; я замѣтилъ посланнику, что то обстоятельство, что англичане обратились къ нему сами и смягчили до извѣстной степени свои условія, служить само по себѣ доказательствомъ ихъ желанія придти къ соглашенію, и совѣтовалъ ему отстаивать свои интересы до послѣдней возможности и въ особенности отнестись къ своему положенію спокойно и хладнокровно. Онъ обѣщалъ это. При свиданіи нашемъ на другой день, онъ передалъ мнѣ, что Коулэй намекнулъ на то, что англійскій кабинетъ желалъ бы видѣть его въ Лондонѣ. Посланникъ снова просилъ меня узнать, какъ взглянетъ на это нашъ кабинетъ. Телеграфъ не замедлилъ принести мнѣ желаемый отвѣтъ. Импе-

¹⁾ Въ это время графъ П. Д. Киселевъ находился въ Ниццѣ.

раторъ, будучи вполне увѣренъ, что посланникъ всячески будетъ охранять достоинство своей страны, не видитъ препятствія къ его поѣздкѣ въ Лондонъ. Тѣмъ временемъ пріѣхалъ въ Петербургъ Озеровъ, нашъ посланникъ въ Аѣинахъ, который привезъ нѣсколько депешъ изъ Персіи. Въ одной изъ нихъ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Тегеранѣ предписывается дать понять, что мы были бы не прочь отказаться отъ своего права назначать консуловъ въ нѣкоторые мѣстности по нашему усмотрѣнію, ежели бы этотъ отказъ побудилъ Англію не настаивать болѣе на 3-мъ пунктѣ предъявленныхъ ею требованій. Постараюсь въ разговорѣ съ Ферукъ-ханомъ какъ можно осторожнѣе воспользоваться этимъ сообщеніемъ. Я побываю у него завтра, если позволитъ здоровье. Такъ какъ депеши, полученныя мною изъ Ниццы, требуютъ моего свиданія съ Валуевскимъ, то я полагаю завтра же просить позволенія явиться къ нему.

Пока здѣсь только и разговора о прилагаемой при семъ статьѣ *Moniteur'a*, которая разсѣваетъ всѣ опасенія относительно того, какое положеніе займетъ Франція въ вопросѣ о княжествахъ. Какой Дамокловъ мечъ надъ головою австрійскихъ турокъ!

Гюбнеръ и Джемиль положительно не ожидали этого и не могутъ еще придти въ себя. Не знаю, коснется ли Валуевскій этого вопроса въ разговорѣ со мною; впрочемъ, нашъ образъ дѣйствій, намѣченный протоколами парижскаго конгресса, какъ нельзя болѣе простъ въ этомъ случаѣ; я сомнѣваюсь, чтобы нашъ кабинетъ захотѣлъ уклониться отъ него. Это дастъ ему возможность засвидѣтельствовать блестящимъ образомъ наше единомысліе съ Франціей въ восточномъ вопросѣ и скрѣпить наши узы въ ущербъ Австріи. «Наши интересы тождественны почти во всемъ кромѣ дѣла на Востокѣ», — сказалъ императоръ австрійскій прошлое лѣто кн. Горчакову, когда тотъ откланивался ему передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. Надѣюсь, мы будемъ настолько вѣжливы, чтобы не противорѣчить его величеству.

Насколько мнѣ извѣстно, къ началу конференцій не выработано еще ничего опредѣленнаго по швейцарскимъ дѣламъ. Во всякомъ случаѣ, графъ, я не премину письменно и по телеграфу извѣщать васъ обо всемъ, что можетъ васъ интересовать.

Честъ имѣю приложить при семъ депешу, полученную сегодня утромъ отъ графа Хрептовича, и письмо на ваше имя отъ гр. Гендрикова.

Искренно желаю, чтобы невзгоды утомительнаго путешествія не отразились на вашемъ здоровьи, и прошу васъ принять, графъ, увѣреніе въ моемъ почтеніи и неизмѣнной преданности.

Р. S. Говорятъ, будто княгиня Ливень завѣщала по 20.000 франковъ ежегодно г. Гизо и по 25.000 франковъ Маріонъ Эллисъ и Церини. Рассказываютъ также, что душеприказчики, герцоги Монтебелло

и де-Ноаль, весьма озадачены тѣмъ, что въ духовномъ завѣщаніи не оказалось никакого распоряженія относительно бумагъ княгини, которыя будто бы при жизни она обѣщала оставить въ ихъ распоряженіе, чтобы они разобрали и пристроили ихъ, а сыновья не выказываютъ ни малѣйшаго желанія разстаться съ ними. Я хочу, при случаѣ, поддержать ихъ въ этомъ намѣреніи.

Сію минуту я получилъ прилагаемую при семъ записку отъ виртембергскаго посланника. Она обязываетъ насъ воздержаться отъ какой бы то ни было демонстраціи. Все-таки я напишу Бенкендорфу, чтобы онъ спросилъ приказаній ея императорскаго высочества великой княгини Ольги Николаевны, чтобы она видѣла нашу готовность служить ей.

4.

28-го апрѣля 1858 г. Парижъ.

Ваше сіятельство! Тотчасъ послѣ вашего отъѣзда у меня былъ г. Мери, чиновникъ, причисленный къ министерству иностранныхъ дѣлъ. Онъ пріѣхалъ къ вамъ отъ имени гр. Валевскаго съ просьбою, чтобы вы исходатайствовали въ Петербургѣ присылку по телеграфу полномочій для подписанія договора по невшательскому дѣлу. Онъ присовокупилъ, что остальные уполномоченные получили уже всѣ нужные документы, а такъ какъ отъ насъ до Парижа далеко, то посланникъ желалъ бы, чтобы вы снесли объ этомъ по телеграфу. Такъ было поступлено, если припомните, въ бѣлградскомъ дѣлѣ. Быть можетъ, вы пожелаете, графъ, телеграфировать объ этомъ лично въ Петербургъ или телеграфируете мнѣ слѣдующія слова: «уполномочиваю васъ», тогда я буду телеграфировать отсюда. Все-таки можно будетъ выиграть такимъ образомъ дня три. Во всякомъ случаѣ буду ожидать вашихъ приказаній.

У меня былъ Ла-Героньеръ съ Деламаромъ. Журналъ «La Patrie», составляющій собственность послѣдняго и въ которомъ очевидно заинтересованъ также Ла-Героньеръ, не будетъ агитировать противъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ и уже отвѣтилъ въ этомъ смыслѣ на предложеніе Колле-Мегре (Collet-Maigret). Турнейсенъ, заходившій ко мнѣ на-дняхъ, объяснилъ мнѣ причину враждебнаго отношенія этого господина. Предъявивъ слишкомъ большія требованія, онъ не могъ съ самаго начала придти къ соглашенію съ правленіемъ и съ тѣхъ поръ имѣетъ противъ него зубъ. Исаакъ Перрейра, какъ директоръ желѣзной дороги, по которой проѣдетъ великій князь ¹⁾, уѣзжаетъ сегодня въ

¹⁾ Великій князь Константинъ Николаевичъ.

Маконъ. Онъ будетъ ходатайствовать у его высочества, если къ тому представится случай, чтобы управленіе нашихъ желѣзныхъ дорогъ удостоилось чести быть представленнымъ великому князю во время его пребыванія здѣсь. Ежели случая къ тому не представится, то управленіе будетъ просить васъ, графъ, исходатайствовать ему эту милость.

Мнѣ передавали сегодня утромъ, что изъ Тулона было испрошено по телеграфу разрѣшеніе морскаго министерства произвести судовые маневры, чтобы этимъ доставить удовольствіе великому князю. Императоръ приказалъ отвѣтить, чтобы вся эскадра была предоставлена въ полное распоряженіе его высочества. Изъ Тулона же сдѣланъ запросъ относительно осмотра укрѣпленій Тотлебеномъ. Депеша была препровождена въ военное министерство, гдѣ по этому поводу, какъ говорятъ, немного поморщились, но когда она была доложена императору, то онъ велѣлъ все показать.

Говоря о присутствіи великому князю желаніи все видѣть собственными глазами и вникать въ техническую сторону дѣла, моряки говорятъ здѣсь, также какъ въ Тулонѣ, что онъ поступаетъ въ семь случаевъ какъ голландецъ.

Подстрекаемые нашимъ примѣромъ, здѣсь мечтаютъ о назначеніи военной и морской комиссіи, которая отплатила бы намъ тою же монетою, т. е. произвела бы у насъ тѣ же осмотры и испытанія, какіе мы производимъ здѣсь. Объ этомъ говорятъ въ морскомъ министерствѣ.

P. S. По моему расчету, курьеръ, везущій государынѣ портретъ императора, не поспѣетъ къ 23-му числу. Допустивъ, что онъ пріѣдетъ въ Маконъ завтра, въ среду, въ 5 ч. утра, онъ выѣдетъ оттуда не ранѣе 8 ч. вечера и будетъ въ Марсель въ четвергъ, въ 6 ч. 35 м. утра.

5.

22-го августа 1858 г. Парижъ.

Ваше сіятельство! Сегодня по утру, просматривая «Le Nord», я убѣдился, что мое предостереженіе не послужило ни къ чему. Ежели вы увидите случайно Поггенполя, то, не сочтете ли вы нужнымъ дать ему понять, что ему не слѣдовало по крайней мѣрѣ упоминать ваше имя, не получивъ на это предварительно разрѣшенія. Конечно, съ одной стороны пусть вѣдаетъ Европа, но съ другой, такъ какъ во мнѣніи публики мы и журналъ нашъ составляемъ одно нераздѣльное цѣлое, то намъ нельзя не соблюдать приличій.

Вашъ покорный слуга Балабинъ.

Извлеченіе изъ статьи «Le Nord», приложенное къ вышеприведенному письму.

«Въ корреспонденціи изъ Парижа мы находимъ интереснѣйшія

подробности о послѣднемъ засѣданіи конференціи. Отсылаемъ къ ней читателя, если его интересуетъ знать, по какой причинѣ послѣднее собраніе затянулось долѣе обыкновеннаго. Это объясненіе, въ которомъ фигурируетъ лордъ Коулай, довольно любопытно, но мы не считаемъ умѣстнымъ приводить его здѣсь ¹⁾. Скажемъ только, что англійскій уполномоченный удивилъ всѣхъ остальныхъ, выразивъ совершенно неожиданно свое сожалѣніе по поводу того, что конференція только въ третьемъ засѣданіи приняла рѣшеніе обнародовать въ протоколахъ только свои постановленія, не приводя въ отдѣльности мнѣній, высказанныхъ каждымъ изъ уполномоченныхъ. Достопочтенный лордъ заключилъ свою рѣчь просьбою, чтобы не были обнародованы и протоколы двухъ первыхъ засѣданій. Не довѣряя вѣроятнo скромности прочихъ членовъ конференціи, онъ предложилъ, чтобы каждый изъ уполномоченныхъ обязался честнымъ словомъ сохранить въ тайнѣ все происходящее на ея совѣщаніяхъ. Нашъ корреспондентъ передаетъ, что графъ Киселевъ первый отвергъ съ мужественной энергіей и прямою это предложеніе, тѣмъ болѣе удивительное, что оно сдѣлано представителемъ страны, считающей гласность однимъ изъ существенныхъ элементовъ своего образа правленія. Его сіятельство высказался, какъ говорятъ, приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Я отказываюсь принять сдѣланное намъ предложеніе. Россія страна не конституціонная, тѣмъ не менѣе она желаетъ удовлетворить общественное мнѣніе. Въ Парижскомъ конгрессѣ участвовало четыре державы: Англія, Франція, Россія и Сардинія; мы всѣ желали союза княжествъ; ежели одна изъ державъ измѣнила свое мнѣніе, пусть знаютъ, которая именно и по какой причинѣ.....

Лордъ Коулай видимо не пытался даже возражать на этотъ энергическій протестъ—справедливое наказаніе за коварную политику, которая стремится одновременно воспользоваться выгодами великодушія, заявленнаго во всеуслышаніе, и скрытаго въ тайнѣ эгоизма. Такъ

¹⁾ Вотъ въ чемъ состоялъ этотъ курьезный эпизодъ:

„Уполномоченные были приглашены на засѣданіе 19-го августа къ 12 часамъ дня. Всѣ собрались къ назначенному часу, исключая лорда Коулая. Англійскій уполномоченный не явился и на предыдущее засѣданіе, ограничившись присылкою своихъ полномочій гр. Валуевскому. Оказывается, что лордъ предпочелъ провести время въ своемъ помѣстьи Шантильи, съ однимъ изъ своихъ друзей, бывшимъ министромъ, который пріѣхалъ къ нему изъ Лондона. 19-го числа сотоварищи лорда Коулая, увидавъ, что онъ отсутствуетъ, полагали, что придется отложить подписаніе актовъ. Англійскій уполномоченный заставилъ прождать себя около двухъ часовъ. Знаете ли, что онъ привелъ въ свое оправданіе? Онъ сказалъ, что отправился по утру на охоту, увлекся и опоздалъ на поѣздъ. Все это было заявлено съ обычнымъ британскимъ хладнокровіемъ.

Примѣч. В. П. Балабина.

какъ Франція, Пруссія и Сардинія одобрили слова русскаго уполномоченнаго, то надобно надѣяться, что протоколы будутъ обнародованы и справедливое любопытство политическаго міра будетъ этимъ удовлетворено.

6.

27-го августа 1858 г. ⁴⁾. Парижъ.

Ваше сіятельство. Я имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 25-го числа. Я имѣлъ случай сперва чрезъ посредство Виллинга обратить на статью «Норда» вниманіе гр. Валевскаго, а потомъ лично съ министромъ объясниться; но долженъ сказать, что онъ не только не выразилъ сожалѣнія, но скорѣй противное тому. — При появленіи же статьи я вымылъ голову Поггенполю, который оправдывается тѣмъ, что, будучи въ Остенде, онъ получилъ мое предупредительное письмо тогда, когда статья уже была напечатана. Вины тѣмъ слѣдственно брюссельскіе редакторы, коимъ по сему случаю преподаны наставленія при сильномъ выговорѣ и воспрещеніи впредъ пускаться на подобныя выходки. Сверхъ того я пригласилъ Поггенполя помѣстить ретрактацію, но осторожную, чтобъ не раздуть огня, уже потухшаго, и не возбудить полемики, тѣмъ болѣе, что противъ ожиданія моего журналы промолчали объ этомъ дѣлѣ, по видимому здѣсь уже забытомъ. Что же до посла англійскаго касается, я постараюсь довести словесно до его свѣдѣнія, сколь вамъ это было непріятно, но гдѣ мнѣ англичани наайти, чтобъ передать ему объ этомъ. Богъ одинъ вѣдаетъ.

По вашему приказанію не оставляю также увѣдомить и князя Горчакова. Между тѣмъ обязанностью считаю извѣстить ваше сіятельство, что все это надѣлало гораздо меньше шума, нежели можно было ожидать, и что нынѣ и отголоска болѣе не слышно. Правда и то, что въ городѣ нѣтъ ни души; всѣ дипломаты разъѣхались, а за ними и гр. Валевскій. Наконецъ Бенедетти, къ которому заходилъ, объявилъ мнѣ, что до возвращенія министра и согласно его желанію лавочка закрывается.

Примите, графъ, увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ почтеніи и таковой же преданности.

7.

30-го августа (11-го сент.) 1858 г. Баденъ.

Ваше сіятельство! Я имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 6-го сентября въ Баденѣ; такъ какъ оно было адресовано въ собственныя руки,

⁴⁾ Письмо писано по-русски.

то мнѣ переслали его съ вѣрной оказіей со всѣми приложеніями, которыя я возвращаю Убри, коему я передалъ и самое письмо, имѣя въ виду тѣ распоряженія, какія въ немъ заключаются.

Письмо кн. Горчакова, приложенное къ сообщенію, которое было получено изъ Австріи, передано мною Бенедетти; это дало мнѣ поводъ послать еще одну депешу о Черногоріи. Турки обратились въ Парижъ съ тѣмъ же сообщеніемъ, какое сдѣлалъ намъ повѣренный въ дѣлахъ Австріи. Оба сообщенія имѣли одинаковый успѣхъ. По всей вѣроятности, мнѣ придется начать мою дѣятельность въ Вѣнѣ съ того же вопроса, коимъ я былъ занятъ послѣднее время моего пребыванія въ Парижѣ. Что касается втораго письма отъ 8-го (20-го) числа, то оно служить отвѣтомъ на ваше предпослѣднее письмо. Тѣмъ не менѣе я отмѣтилъ себѣ переговорить о немъ въ Петербургѣ. Словомъ, я надѣюсь, что въ Парижѣ, въ церкви, все обойдется какъ нельзя лучше, ибо въ моментъ моего отъѣзда Толстой всѣми силами заботился о томъ, чтобы въ день св. Александра Невскаго туда съѣхались на молебствіе всѣ высшіе военные и гражданскіе чины и звѣздоносцы.

Вашего брата я еще засталъ здѣсь. Я привезъ ему въ высшей степени красивыя дамскія подвязки и чулки. Онъ не нахвалится настойками изъ травъ, которыя его заставляютъ глотать и которыя, по его словамъ, дѣйствуютъ на него такъ благотворно, что онъ совсѣмъ пересталъ раздражаться. — Между тѣмъ болѣзнь, которой онъ страдаетъ, часто выражается именно крайней раздражительностью. Онъ уѣзжаетъ завтра въ Мюнхенъ. Въ сущности я вижу его рѣдко; для меня онъ чело́вѣкъ слишкомъ свѣтскій и имѣетъ слишкомъ обширныя знакомства. Я со своей стороны также уѣзжаю изъ Бадена дня черезъ два на Берлинъ и Штеттинъ, гдѣ сяду на пароходъ 6-го (18-го) числа.

Погода стоитъ у насъ послѣдніе два дня превосходная.

Прошу васъ, графъ, принять увѣреніе въ тѣхъ же чувствахъ, какія я выразилъ вамъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ изъ Парижа, и пожеланія вамъ добраго здоровья; вмѣстѣ съ симъ прошу также принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и неизмѣнной преданности.

8.

1-го сентября 1858 г., Парижъ.

Ваше сіятельство! Довѣріе, коимъ вы постоянно удостоивали меня, дало мнѣ смѣлость распечатать, адресованныя вамъ кн. Горчаковымъ частныя письма, которыя привезены сюда нашимъ священникомъ Васильевымъ. Дѣйствительно, въ одномъ изъ нихъ заключалось сообщеніе, которое я тотчасъ передалъ кому слѣдуетъ черезъ Бенедетти. Я прилагаю его при семъ въ видѣ депеши Буоля (Buol), написанной съ юно-

шескимъ жаромъ молодаго улёма. Впрочемъ, это дѣло уже кончено; турки, поспѣшившіе обратиться сюда со своими жалобами, ничего не добились подобно тому, какъ домогательства австрійцевъ потерпѣли фіаско въ Петербургѣ.

Второе письмо ¹⁾ служить отвѣтомъ на ваши первыя сообщенія о свиданіи въ Шербургѣ. Любопытно, что въ этомъ письмѣ говорится чуть не съ сожалѣніемъ о замѣчательномъ отсутствіи единодушія между бывшими союзниками. Впрочемъ, этимъ письмомъ никоимъ образомъ нельзя воспользоваться здѣсь въ настоящее время: затрогивая политическіе вопросы общаго характера, оно не можетъ касаться вторыхъ чинновъ посольства, но предназначено для тѣхъ лицъ, которыя посвящены въ сокровенныя мысли и предначертанія кабинетовъ. Поэтому я спѣшу препроводить его вамъ. Это письмо будетъ служить продолженіемъ того, которое вы сохранили ²⁾, такъ какъ оно имѣетъ цѣлью исправить ошибочныя взгляды, которые могли себѣ составить о нашихъ крайне миролюбивыхъ стремленіяхъ.

И такъ самыми существенными пунктами двухъ послѣднихъ писемъ можно считать слѣдующее: 1-е) что мы не являемся сторонниками мира во что бы то ни стало ³⁾, 2-е) что, озабочиваясь положеніемъ дѣлъ на Востокѣ, мы до поры до времени не высказываемъ нашихъ сокровенныхъ мыслей по этому предмету, пока западные кабинеты не потребуютъ, чтобы мы высказались рѣшительно.

Во всякомъ случаѣ не одинъ мѣсяцъ пройдетъ до тѣхъ поръ, пока вамъ представится возможность заняться этимъ вопросомъ и пока политическій міръ проснется отъ своего сна, который будетъ тѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ долѣе затянется нынѣ политическій сезонъ.

Въ письмѣ заключалось кромѣ того официальное извѣщеніе о назначеніи Убри, который пріѣхалъ третьяго дня, а также о моемъ назначеніи ⁴⁾. Предупреждая меня на счетъ того, что на новомъ посту мнѣ будетъ такъ же трудно дѣйствовать своевременно, какъ и воздерживаться кстати отъ какихъ-либо дѣйствій, кн. Горчаковъ присовокупляетъ что онъ даетъ мнѣ на устройство моихъ дѣлъ время, которое пройдетъ до возвращенія императора ⁵⁾, когда мнѣ придется ѣхать безъ промедленія. Слѣдовательно, не смотря на все мое желаніе раздѣ-

¹⁾ Помѣта рукою гр. П. Д. Киселева: письмо ко мнѣ отъ 8 (20) августа.

²⁾ Помѣта рукою гр. П. Д. Киселева. Письмо отъ кн. Горчакова отъ 1 (13) августа.

³⁾ Общая однако лишь нравственную поддержку, которую въ Тюльери сочтутъ слишкомъ недостаточной. (Прим. гр. П. Д. Киселева).

⁴⁾ Состоять при императорѣ австрійскомъ.

⁵⁾ 2-го октября.

латься съ моимъ имуществомъ постепенно, мнѣ по неволѣ придется спѣшить.

Нашъ священникъ вернулся изъ Петербурга съ новымъ планомъ церкви. На этотъ разъ вмѣсто Кавоса мы имѣемъ дѣло съ Кузьминымъ,—вотъ все, что мы при этомъ выиграли, такъ какъ въ общемъ стиль тотъ же, если не считать, что у одного купола имѣли видъ ананасовъ, а у другаго они остроконечны, какъ шапка Мономаха или какъ свѣчной гасильникъ. Этотъ планъ, раскритикованный императрицею, одобренъ государемъ; поэтому я преклоняюсь, оставаясь однако при моемъ собственномъ мнѣніи, признаюсь весьма непокладистомъ въ семъ случаѣ. Подобная церковь очень умѣстна въ Петербургѣ, такъ какъ она подражаетъ московскимъ образцамъ и свидѣтельствуетъ объ уваженіи юной столицы къ священнымъ традиціямъ ея старшей сестры; перенесенная въ Кіевъ, эта же церковь покажется не достаточно почтительною, потому что Кіевъ долженъ въ свою очередь оказывать почтеніе своей старшей сестрѣ по христіанскому ученію и цивилизаціи, а этой сестрою является Византія, а не Москва. Въ этомъ отношеніи существуетъ хронологическая и церковная преемственность, игнорировать которую нельзя ¹⁾. Но я никогда не кончу, коснувшись этого предмета, который, разумѣется, я не развивалъ въ разговорѣ съ о. Васильевымъ, такъ какъ его стараніямъ мы будемъ обязаны по крайней мѣрѣ тѣмъ, что у насъ будетъ приличное зданіе и поэтому намъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, всячески поощрять его ²⁾.

Валевскій находится въ Виши, откуда онъ отправляется прямо въ Біаррицъ. Императоръ и императрица должны были прибыть туда сегодня утромъ.

Примите, графъ, увѣреніе въ моей глубочайшей преданности.

Прилагаю при семъ бумагу о назначеніи Убри.

Въ ту минуту, какъ я собирался запечатать это письмо, которое Гротъ вручить кому-либо изъ нашихъ въ Брюсселѣ, для передачи вамъ, я получилъ ваше письмо отъ 30-го числа съ припискою гр. Адлерберга. Я займусь имъ и посвящу во всѣ подробности моего преемника, который возьметъ это дѣло на себя.

¹⁾ На все это было указано въ Петербургѣ. Мы предлагали избрать среднее между эскизомъ Гагарина въ Византійскомъ стилѣ и Кіевскимъ стилемъ; остановились на срединѣ между Москвою и Петербургомъ.

²⁾ Если Васильевъ дастъ средства въ осуществленію одобреннаго плана, то надобно приступить въ дѣлу безъ дальнѣйшей полемики.

9.

7-го сентабря 1858 г., Парижъ.

Ваше сіятельство! Есть чувства, которыя я не умѣю выразить словами, вотъ причина, почему я простился съ вами молча. Прерывая это молчаніе сегодня, въ моментъ моего отъѣзда изъ Парижа, я удовлетворяю этимъ настоятельную потребность своего сердца и хочу уплатить по мѣрѣ силъ лежащей на мнѣ долгъ признательности.

Два года, проведенные подъ одною кровлею съ вами, научили меня цѣнить васъ какъ частнаго человѣка и какъ государственнаго дѣятеля. Въ обоихъ отношеніяхъ вы вселили во мнѣ то глубокое чувство удивленія, которое называется уваженіемъ, когда оно относится къ человѣку зрѣлыхъ лѣтъ, обладающему выдающимися качествами ума и сердца. Какъ человѣкъ и государственный дѣятель, вы многому научили меня въ короткое время. Столь поучительные примѣры встрѣчаются слишкомъ рѣдко, чтобы не цѣнить ихъ по достоинству. Спокойствіе, съ какимъ я ожидалъ восемь мѣсяцевъ моего отпращиванія къ мѣсту служенія, на которое я призванъ довѣріемъ моего монарха по прошествіи 25 лѣтъ службы, докажетъ вамъ лучше всякихъ словъ, на сколько это убѣжденіе во мнѣ глубоко и искренно. Надо сказать правду, вы облегчили мнѣ это ожиданіе, вы оказали мнѣ довѣріе, дѣлающее мнѣ честь. Вы отнеслись ко мнѣ съ такимъ благоволеніемъ, которое облегчило мнѣ исполненіе моихъ обязанностей и дѣлало мнѣ занятіе дѣлами пріятнымъ.

Я уѣзжаю сегодня, преисполненный сожалѣнія и признательности, которыя никогда не изгладятся изъ моего сердца; я желалъ бы какъ нельзя болѣе, чтобы мнѣ представился случай доказать на дѣлѣ тѣ чувства, которыя меня одушевляють и которыя я вамъ высказалъ.

Нѣтъ надобности, графъ, говорить вамъ о моихъ товарищахъ; вы ихъ знаете. Тѣмъ не менѣе мнѣ всегда будетъ пріятно слышать, что вы удостоите ихъ тою же благосклонностью, какую вы оказывали мнѣ. Разставаясь съ ними, я не могу оставить имъ болѣе драгоценнаго наслѣдія. Наконецъ, желаю моему отечеству, о благѣ котораго я постоянно, возношу самыя горячія мольбы, чтобы вы долго еще оставались его достойнымъ представителемъ.

Прошу васъ удѣлить мнѣ, графъ, мѣстечко въ вашемъ воспоминаніи взаимнѣ моихъ искреннихъ пожеланій вамъ счастья, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и неизмѣнной преданности. В. Балабинъ.

P. S. Сію минуту я получилъ письмо вашего сіятельства отъ 5-го сентабря; къ сожалѣнію, оно было получено мною въ тотъ моментъ, когда я уже садился въ экипажъ, чтобы уѣхать въ 8 часовъ ве-

чера. Увожу всё бумаги съ собою и буду имѣть честь сообщить обстоятельно все то, что будетъ мною сдѣлано во исполненіе вашихъ приказаній, при чемъ возвращу вамъ ваше письмо и черновикъ.

На это письмо графъ Павелъ Дмитріевичъ отвѣчалъ:

17-го сентября 1858 г., Остенде.

Я получилъ въ Остенде, дорогой Викторъ Петровичъ, ваше любезное письмо отъ 7-го числа сего мѣсяца. Чувства, въ немъ выраженные, коимъ я охотно вѣрю, дають мнѣ надежду на то, что наши добрыя отношенія, основанныя на довѣріи и расположеніи, переживутъ наши служебныя отношенія, прекратившіяся, къ величайшему моему сожалѣнію, слишкомъ скоро. Вы этому, конечно, повѣрите и не смотря на всю вашу скромность сознаетесь, что я правъ, сожалѣя о томъ, что вы оставили столь важный постъ при неопытномъ патронѣ, случайно попавшемъ въ дипломаты, единственная миссія котораго заключалась по моему мнѣнію въ томъ, чтобы занять подобающее мѣсто въ виду Парижскаго трактата. Ежели эта цѣль болѣе или менѣе достигнута, ежели дѣла шли порядочно, какъ я смѣю думать, я этимъ обязанъ вашему содѣйствію и вашимъ полезнымъ и разумнымъ совѣтамъ, коими я пользовался, какъ вамъ извѣстно, широко. Итакъ, если мы оказались на высотѣ положенія, если наши дѣйствія заслужили благосклонное одобреніе кого слѣдуетъ,—припишите добрую долю этого успѣха себѣ; въ противномъ случаѣ примите, въ видѣ утѣшенія, мою искреннюю благодарность и увѣреніе въ сердечномъ уваженіи, которое, надѣюсь, будетъ взаимно и прочно.

Гротъ, на обратномъ пути въ Парижъ, заѣхалъ ко мнѣ на короткое время въ Остенде. Вотъ еще человекъ, котораго я люблю и для котораго все-таки долженъ желать инаго назначенія. Его чинъ и прекрасныя способности дають ему право на повышение, котораго я желаю ему отъ души, но осуществленіе этого желанія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ будетъ тягостно для меня. Хорошія чувства не исключаютъ, какъ видите, эгоизма.

Мое лѣченіе идетъ весьма успѣшно, но жизнь въ Остенде донелзя однообразна, поэтому, принявъ послѣднюю ванну, я сажусь на поѣздъ и мчусь въ Парижъ, чтобы быть дома, гдѣ, въ особенности въ мои лѣта, все-таки чувствуешь себя лучше, чѣмъ гдѣ-либо.

Вы получите это письмо въ то время, когда у васъ будетъ еще досугъ прочесть его. Будьте здоровы, любезный товарищъ, сохраните добрую память обо мнѣ взаимнъ моего сердечнаго къ вамъ расположенія.

10.

29-го сентября (10-го октября) 1858 г. С.-Петербургъ.

Ваше сіятельство! Прежде чѣмъ изложить на бумагѣ мои первыя впечатлѣнія,—а иныхъ я еще не въ состояніи сообщить вамъ,—позвольте мнѣ еще разъ дать волю моимъ чувствамъ и выразить вамъ мою глубочайшую признательность за письмо, которое вы были такъ добры прислать мнѣ изъ Остенде. Оно было для меня въ высшей степени драгоценнымъ подтвержденіемъ тѣхъ чувствъ, которыя я бесконечно цѣню; оно было бы для меня естественнымъ предметомъ гордости, если бы ваша скромность не требовала того же и съ моей стороны; ежели бы вашъ примѣръ не обязывалъ меня къ тому же, наконецъ, ежели бы я осмѣлился принять все то, что вы, по своей благосклонности, готовы подарить мнѣ. Всякія почетныя и иныя награды, разумѣется, весьма лестны; къ сожалѣнію, онѣ ни мало не увеличиваютъ чувства собственного достоинства. Этого грустнаго пробѣла для меня не существуетъ, и я этимъ обязанъ вамъ, ибо могу ли я отказать себѣ въ величайшемъ удовольствіи хоть чуточку уважать себя, коль скоро вы дали мнѣ право на столь лестное для меня названіе. Имѣя привычку переживать одинъ всѣ невзгоды и дѣлиться радостями съ тѣми, кто мнѣ близокъ и дорогъ, я поспѣшилъ сообщить послѣднюю моей семьѣ, въ полной увѣренности, что она будетъ въ восторгѣ раздѣлить мою признательность. Примите же, графъ, увѣреніе въ моей искренней благодарности и будьте увѣрены, вмѣстѣ съ тѣмъ, что хотя я и страдаю иногда недостаткомъ памяти, въ чемъ вы не разъ меня упрекали, за то сердце мое всегда помнить долгъ признательности.

Оправившись отъ простуды, я поспѣшилъ къ князю Горчакову, который возвратился всего нѣсколько дней тому назадъ. Я провелъ у него весь день, весь вечеръ, думалъ, что проведу у него всю ночь. Онъ принялъ меня весьма любезно и бесѣдовалъ со мною обо всемъ подробно. Приступаю къ дѣлу безъ дальнѣйшихъ околичностей и стараюсь быть краткимъ, ибо это единственное средство быть вполне яснымъ.

Если между Петербургомъ и Парижемъ не существуетъ разногласія, то во всякомъ случаѣ существуетъ нѣкоторая, впрочемъ, едва уловимая разница въ оцѣнкѣ фактовъ, какъ это видно изъ полученныхъ нами частныхъ писемъ. Уяснить себѣ, въ чемъ именно заключается это различіе и при случаѣ разсѣять его,—такова была задача, которую я намѣтилъ себѣ съ самаго начала.

Вотъ вынесенное мною впечатлѣніе. Это различіе во взглядахъ касается двухъ пунктовъ: мнѣнія императора Наполеона о содѣйствіи,

на которое онъ можетъ разсчитывать со стороны Россіи и вопросъ о Дунайскихъ княжествахъ.

Приступаю къ обсужденію перваго изъ этихъ пунктовъ:

Его величество въ разговорѣ съ вами, по крайней мѣрѣ два раза, старался вывѣдать ваши мысли; вы же, вмѣсто того, чтобы сдѣлать шагъ впередъ, подавались назадъ. Онъ хотѣлъ проникнуть наши намѣренія, вы этому нисколько не способствовали; онъ хотѣлъ знать, въ какой мѣрѣ можно довѣрять намъ, вы не пришли ему въ этомъ случаѣ на помощь. Это имѣло послѣдствіемъ, что увѣренность уступила въ его душѣ мѣсто сомнѣнію и что довѣріе его было поколеблено. Таковъ смыслъ частнаго письма, которое я препровождаю вамъ вмѣстѣ съ черновикомъ, служащимъ отвѣтомъ на это письмо, содержаніе коего я сообщилъ сегодня въ письмѣ кому слѣдуетъ.

То же самое было высказано мнѣ и при личномъ свиданіи.

— Откуда имѣете вы эти свѣдѣнія?—спросилъ я.

— Изъ секретнаго источника.

— Что служить вамъ порукою ихъ достовѣрности?

— Принцъ Наполеонъ подтвердилъ въ Варшавѣ.

— Дали ли ему возможность высказаться или же его навели на это; въ такомъ случаѣ его отвѣтъ не трудно было предугадать; ему было весьма выгодно выразить сомнѣніе, чтобы получить съ нашей стороны какія-либо положительныя увѣренія... Могъ ли посланникъ высказаться, не зная, ищемъ ли мы осложненій или хотимъ избѣжать ихъ, коль скоро общее положеніе дѣлъ въ Европѣ, съ одной стороны, а съ другой положеніе Франціи въ частности заставляло его предполагать, что осложненіе дѣлъ отнюдь не входило въ ближайшія намѣренія Франціи.

— Во-первыхъ, мы этого не думаемъ, а во-вторыхъ, размѣръ содѣйствія обуславливается поводомъ, коимъ оно вызвано; прежде всего вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ принципѣ, а затѣмъ уже можетъ быть приступлено къ обсужденію условій.

— Принципіально вопросъ былъ рѣшенъ въ Штутгартѣ, и на него постоянно ссылались.

— Рѣшенный принципіально въ Штутгартѣ, онъ не только не былъ разработанъ, но скорѣе заглохъ въ Парижѣ. [Это утверждаетъ и секретный источникъ. То же самое подтвердилъ и принцъ Наполеонъ.

— До какихъ размѣровъ дошло бы въ концѣ концовъ это содѣйствіе?

— До ста тысячъ человѣкъ.

— Отчего же вы не выговорили эту цифру?

— Всего выговорить невозможно; при томъ она условна и пропорціональна.

— Уѣхалъ ли принцъ Наполеонъ успокоенный?

— Къ счастью, онъ совершенно успокоился.

На этомъ все время вертѣлся разговоръ.

— Если вы хотите вызвать войну, скажите это прямо.

— Мы вовсе не хотимъ этого, мы желаемъ только, чтобы императоръ Наполеонъ былъ увѣренъ, что онъ можетъ разсчитывать на наше содѣйствіе.

— Европѣ выгодно поддерживать эти сомнѣнія и эксплуатировать тѣ чувства, которыя приписываютъ императрицѣ, и ваши собственныя слова; какъ же вы хотите избѣгнуть сомнѣній, если таковыя существуютъ, или хотя бы притворнаго недовѣрія, которое можетъ вызвать съ нашей стороны извѣстныя увѣренія?

— Этихъ-то увѣреній именно и не добились въ Парижѣ.

Я этимъ ограничусь; сказаннаго достаточно, чтобы дать вамъ точное понятіе объ образѣ мыслей нашего министра и о томъ, что онъ высказалъ.

Перехожу къ Дунайскому вопросу:

— Дѣло, хорошо начатое, окончено дурно. Не назначено срока для присылки отвѣта Вѣнскимъ кабинетомъ, не сдѣлано категорическаго заявленія, коимъ актъ 7-го ноября былъ бы объявленъ уничтоженнымъ, не сказано рѣшительнымъ образомъ, что отвѣтъ долженъ быть объявленъ на конференціи,—поэтому Буоль торжествуетъ и болѣе дерзокъ, чѣмъ когда-либо.

Я отвѣчалъ, что хотя не указано числа, что было бы впрочемъ не особенно вѣжливо, все же назначенъ довольно близкій срокъ, что декларация Порты и право, предоставленное державамъ имѣть каботажъ на нижнемъ теченіи Дуная, исполнѣ лишають Вѣнскій кабинетъ возможности привести этотъ актъ въ исполненіе въ этой части рѣки и наконецъ что конференція разошлась съ тѣмъ, чтобы собраться вновь, когда будетъ полученъ отвѣтъ Австріи.

Мнѣ отвѣчали, что случай высказаться категорически былъ слишкомъ хорошъ, чтобы упускать его, что намъ нечего было опасаться, что мы очутимся въ меньшинствѣ на конференціи; и что то же можно сказать и о консульской юрисдикціи, которую намъ слѣдовало горячо отстаивать тѣмъ болѣе, что не было никакого основанія думать, что который-либо изъ этихъ вопросовъ можетъ повести къ разрыву и ничто не мѣшало намъ дѣйствовать смѣлѣе.

Исключая этихъ двухъ вопросовъ, не было и рѣчи о какомъ-либо разногласіи или разницѣ во взглядахъ. Въ томъ и другомъ случаѣ очевидно желали, чтобы относительно Австріи дѣйствовали рѣшительнѣе, такъ какъ всѣ преимущества были на сторонѣ ея противниковъ; же-

лаютъ также популярности, которую могло дать намъ обнародованіе протоколовъ.

Принцъ Наполеонъ былъ принятъ въ Варшавѣ съ большимъ почетомъ; шагъ, сдѣланный императоромъ Наполеономъ, вызвалъ здѣсь и въ Варшавѣ живѣйшее удовольствіе. Это счастливая мысль, которая принесетъ хорошіе плоды. Принцъ всѣмъ понравился; въ немъ нашли много ума и такта.

Изолированное положеніе Австріи, представителемъ которой является простой генералъ, отразилось на мнѣ; меня не только не торопятъ болѣе уѣзжать, но желаютъ даже, чтобы я продлилъ свое пребываніе здѣсь. Общее настроеніе весьма благопріятно Франціи; надобно замѣтить, что къ ней относятся лучше всего тамъ, гдѣ это было особенно желательно. Въ политическомъ мірѣ не замѣчается колебаній, есть надежда, что въ немъ настало затишье. Пруссимъ принцемъ также остались довольны. Вообще вернулись очень довольные поѣздкой.

Совершенно вѣрно, что въ Россіи и въ Польшѣ народъ встрѣчалъ императора съ истиннымъ энтузіазмомъ. Вамъ извѣстна уже его рѣчь московскому дворянству. Въ томъ же духѣ произнесены имъ рѣчи и въ другихъ мѣстахъ. О нихъ толкуютъ различно: благопріятно отзываются о нихъ сторонники освобожденія, болѣе строго—противники этой мѣры, осуждающіе слишкомъ непосредственное и частое вмѣшательство въ вопросъ, который, будучи предоставленъ на обсужденіе дворянства, требуетъ до нѣкоторой степени свободы при обсужденіи и еще не достаточно созрѣлъ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, которыя я считаю довольно вѣрными, труды комитетовъ подвигаются, настроеніе дворянства улучшается, самый принципъ освобожденія никѣмъ не оспаривается, но за то никто не одобряетъ тѣхъ основъ, которыя приняты въ этомъ дѣлѣ правительствомъ; имъ не сочувствуетъ ни дворянство, дѣйствующее съ задней мысли, что правительство не сказало еще своего послѣдняго слова и что оно выскажется въ концѣ концовъ за вознагражденіе, ни народъ, который не можетъ взять въ толкъ, что ему придется выкупать то, что онъ считаетъ своей собственностью, и который въ свою очередь дѣлаетъ заднюю мысль, что правительство также не сказало еще относительно его своего послѣдняго слова и что этимъ послѣднимъ словомъ будетъ рѣшеніе освободить крестьянъ безъ выкупа.

Между тѣмъ труды комитетовъ, руководящихся въ своихъ работахъ тѣми основаніями, которыя намѣчены правительствомъ, подвигаются и всѣ увѣрены, что въ нѣсколько мѣсяцевъ они настолько подвинутся, что могутъ быть переданы въ Центральный комитетъ, въ составъ котораго войдутъ и провинціальныя депутаты. Это рѣшеніе правительства принято въ провинціи съ восторгомъ. Центральный комитетъ све-

детъ всѣ эти труды въ общее «Положеніе», которое будетъ такимъ образомъ строго разработано теоретически, но будетъ ли оно примѣнимо на практикѣ—вопросъ.

Между тѣмъ поговариваютъ уже о вознагражденіи мелкихъ землевладѣльцевъ и, если не ошибаюсь, уже приступлено къ обсужденію нѣкоторыхъ мѣръ, или, лучше сказать, полумѣръ въ этомъ смыслѣ. А между тѣмъ нѣкоторые мелкопомѣстные дворяне изъ ловкихъ, воспользовавшись вздорожаніемъ пустопорожныхъ земель, подъ шумокъ нашли средство отдѣлаться отъ своихъ крѣпостныхъ, которые ихъ стѣсняли: кого въ рекруты, кого на волю, а кого на болото. Были случаи, когда правительству пришлось прибѣгнуть къ строгимъ карательнымъ мѣрамъ. Отдали помѣщиковъ дворянству подъ опеку, а нѣкоторыхъ переселенцевъ вернули обратно на счетъ помѣщика. Но въ общемъ страна спокойна; крестьянинъ ждетъ и будетъ долго выжидать прежде, нежели выкупить что бы то ни было, а дворянство, безъ малѣйшаго интереса, продолжаетъ заниматься дѣломъ, которое ему поручено разработать. Вопросъ все-таки подвигается и рано или поздно повлечетъ за собою многіе другіе и пробудитъ ихъ (дворянъ) отъ сна, въ который они погружены.

Это заставляетъ меня обратиться къ вопросу о нашихъ центральныхъ учрежденіяхъ. До сихъ поръ ни въ одной отрасли управленія не видно руководящаго начала.

Вамъ извѣстно, конечно, что здѣсь весьма озабочены чрезвычайно быстрымъ ростомъ русскихъ заграничныхъ изданій. Какъ помочь бѣдѣ? Будбергъ предлагаетъ: 1) учредить бюро прессы въ Петербургѣ, по примѣру Парижа и Вѣны, 2) основать за границей русскій журналъ для борьбы съ Герценомъ и К°. Его просили привезти въ Варшаву этотъ проектъ разработаннымъ. Нашъ министръ сообщилъ мнѣ объ этомъ конфиденціально. Я отвѣчалъ ему, что нѣтъ ничего легче, какъ осуществить первый изъ этихъ пунктовъ и что ходъ дѣла долженъ быть слѣдующій: отмѣна предварительной цензуры, изданіе закона о печати и учрежденіе распорядительнаго и цензурнаго бюро, которое будетъ наблюдать за исполненіемъ закона. Относительно втораго пункта я замѣтилъ, что это только подольетъ въ огонь масла. Онъ возражилъ, что объ отмѣнѣ цензуры не можетъ быть и рѣчи. Въ такомъ случаѣ я рѣшительно не понимаю, въ чемъ будетъ состоять роль распорядительнаго бюро. Однако мысль эта понравилась императору и уже приступлено къ собиранію свѣдѣній. Всѣ жалуются на недостатки управленія, и никто не можетъ указать что-нибудь раціональное, ибо никто не хочетъ понять, что въ жизни народовъ бываютъ переходныя эпохи, когда всякій ходитъ ощупью въ ожиданіи того, что само Провидѣніе укажетъ надлежащій путь.

Я буду принятъ императоромъ, какъ только окончательно поправлюсь. Императрица Марія Александровна поразила меня своимъ умомъ, послѣдовательностью и, прямо сказать, возвышенностью своихъ мыслей. Я затронулъ вопросы внутренняго управленія, церкви, духовенства и т. п. и былъ удивленъ, что по всѣмъ этимъ предметамъ ея мысли солидарны съ моими. Однимъ словомъ, я нашелъ, что ея величество интересуется всѣми современными вопросами и озабочена тѣмъ же, чѣмъ озабочены и мы; между прочимъ она раздѣляетъ опасенія и недовѣріе правящихъ сферъ ко всевозможнымъ ассоціаціямъ, если это не акціонерныя компаніи. За то эта отрасль процвѣтаетъ въ особенности благодаря преміямъ, на которыя многія очень падки. А между тѣмъ общества и компаніи могутъ оказать намъ большія услуги; приведу примѣръ. Пріѣзжаю изъ Штеттина, пристаю къ англійской набережной и вижу—нѣтъ выбора между невозможными дрожками и ломовиками. Размышленіе приводитъ къ слѣдующему выводу: прогресса или нововведенія въ видѣ маленькихъ каретокъ нельзя ожидать отъ дворянства, которое ѣздитъ въ собственныхъ экипажахъ, ни отъ народа, который въ нихъ не нуждается, но отъ средняго класса,—а его у насъ не существуетъ. Что дѣлать? Образуется компанія, привозитъ кэбы изъ Лондона, и вскорѣ у нашихъ желѣзно-дорожныхъ станцій появляются наемныя кареты....

11.

7-го (19-го) октября 1858 г. С.-Петербургъ.

Ваше сіятельство! Я только-что узналъ о томъ, что въ Парижъ отправляютъ курьера изъ министерства, поэтому я долженъ сѣбѣ и могу наскоро прибавить нѣсколько словъ въ дополненіе къ письму, которое я имѣлъ честь отправить вамъ недавно.

Императоръ, котораго я видѣлъ на-дняхъ, благоволилъ довольно долго бесѣдовать со мною и подтвердилъ по всѣмъ пунктамъ то, что я писалъ вамъ о настроеніи императорскаго кабинета по отношенію къ Франціи. Оно можетъ быть названо прекраснымъ и не оставляетъ желать ничего лучшаго, такъ что въ настоящее время здѣсь даже вознамѣрились окончательно отрѣшиться отъ тѣхъ натянутыхъ отношеній, какія вы подмѣтили въ Штутгартѣ и противъ которыхъ вы тогда старались бороться. Доказательствомъ улучшившихся отношеній служить разрѣшеніе, данное заблаговременно великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ посѣтить Парижъ, о чемъ я уже сообщалъ вамъ. Точно также препятствія не встрѣтятся и къ поѣздкѣ великаго князя Константина Николаевича, который уѣзжаетъ на-дняхъ и вѣроятно будущей весною пожелаетъ быть

въ Парижѣ съ супругою. Ежели это состоится, то великой княжнѣ Еленѣ Павловнѣ придется, по всей вѣроятности, отложить свою поѣздку. За то наши отношенія къ Вѣнѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ухудшаются. Всею виною Дунай, хотя по моему мнѣнію нѣсколько преждевременно, такъ какъ это дѣло идетъ своимъ чередомъ и еще будетъ время настаивать, когда отвѣтъ изъ Вѣны будетъ представленъ конференціи и будетъ признанъ ею неудовлетворительнымъ.

Его величество коснулся слегка трудовъ конференціи. По его мнѣнію, договоръ о княжествахъ можетъ повести къ большимъ осложненіямъ; при томъ государь считаетъ его временнымъ. Я возразилъ на это, что и весь Востокъ временный и что добиваться теперь чего-нибудь окончательнаго значило бы, по моему скромному мнѣнію, игнорировать наши интересы и желать невозможнаго.

Его величество раздѣляетъ это мнѣніе; онъ полагаетъ, что осложненія не заставятъ себя долго ждать и что въ такомъ случаѣ самое лучшее для насъ будетъ упрочить мало-по-малу наше согласіе съ Франціей. Я вполне присоединился къ этому мнѣнію, присовокупивъ, что и вы держитесь того же взгляда и признаете, что намъ не слѣдуетъ вызывать осложненій, дабы лучше къ нимъ подготовиться и быть на высотѣ обстоятельствъ, которыя легко могутъ превзойти всякія ожиданія. Императоръ не упомянулъ, въ разговорѣ со мною, о томъ почти неувимомъ разногласіи во взглядахъ между парижскимъ посольствомъ и императорскимъ кабинетомъ, о которомъ говорилъ со мною министръ. Какъ мнѣ показалось, императоръ даже избѣгалъ говорить со мною объ этомъ, хотя я два раза подавалъ къ этому случай.

Не знаю, сообщилъ ли я вамъ о проектѣ, выработанномъ Будбергомъ касательно организаціи у насъ бюро прессы, по образцу Парижа и Вѣны. Мысль эта понравилась императору. Князь Горчаковъ высказалъ, что для того, чтобы руководить и давать указанія, необходимо предварительно самому получить указанія, и что ему неизвѣстны руководящія начала нашихъ министерствъ. Вслѣдствіе этого министрамъ было предписано изложить каждому отдѣльно направленіе, коего они намѣрены держаться, и представить это на разсмотрѣніе въ совѣтъ. Эти господа чрезвычайно взволновались и очутились въ большомъ затрудненіи. Что изъ этого выйдетъ, не знаю. Что же касается бюро прессы, то изъ него ничего не выйдетъ, по той причинѣ, что здѣсь не желаютъ ни полемики, ни отмычки предварительной цензуры, ни офиціознаго правительственнаго органа.

Я принужденъ окончить это письмо, попросивъ извиненія въ томъ, что оно набросано довольно небрежно; вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ, графъ, принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ и неизмѣнномъ почтеніи.

12.

27-го октября (8-го ноября) 1858 г. С.-Петербургъ.

Письмо, которое я имѣлъ честь послать вамъ черезъ графа Віельгорскаго, было вложено въ пакетъ, отправленный позже; вслѣдствіе этого оно получено вами, вѣроятно, гораздо поздіѣе того числа, коимъ оно помѣчено. Надѣюсь, что подобная же участь не постигнетъ настоящаго письма, служащаго какъ бы дополненіемъ перваго. Продолжаю свой рассказъ съ того, на чемъ я остановился. Встѣдъ за аудіенціей у императрицы я былъ принятъ государемъ въ Зимнемъ дворцѣ. Передаю сущность его разговора въ двухъ словахъ: я не замѣтилъ въ немъ и слѣда того неудовимаго разногласія во взглядахъ, о коемъ я упоминалъ въ первомъ письмѣ. Его величество одушевленъ по отношенію къ Франціи чувствами, которыя должны чрезвычайно радовать васъ; они преисполнены довѣрія, дружбы и величепріятнаго сочувствія. Совершенно иначе относится онъ къ политикѣ вѣнскаго кабинета, но и въ этомъ отношеніи его взгляды также ясны и опредѣленны, что облегчаетъ мнѣ мою задачу, но не дѣлаетъ ее особенно пріятной. Впрочемъ, я высказалъ его величеству откровенно, что если бы дѣло стояло иначе, то, пожалуй, я оказался бы по своимъ убѣжденіямъ человѣкомъ, не подходящимъ для возлагаемаго на меня порученія. Послѣ этой аудіенціи, я получилъ приглашеніе провести четыре дня въ Гатчино, гдѣ мнѣ былъ оказанъ самый благосклонный пріемъ. Увѣренность въ томъ, что это благоволеніе, и милостивыя слова, которыя мнѣ было такъ отрадно слышать, относятся собственно къ вамъ, придавала имъ еще большую цѣну и я ни на минуту не заблуждался въ ихъ истинномъ значеніи.

Вдовствующая императрица, пріѣхавшая въ Гатчино впервые послѣ испытаннаго ею тяжкаго горя, не могла совладать со своими чувствами. Заболѣвъ, она провела безвыходно въ своихъ комнатахъ все время до своего отъѣзда. Наше общество составляли человѣкъ тринадцать самыхъ приближенныхъ ко двору лицъ: адъютанты, фрейлины, великая княжна Елена Павловна со своею свитою; наши министры внутреннихъ дѣлъ и удѣловъ пріѣзжали на короткое время, а князь Горчаковъ находился въ Гатчино почти постоянно. Общество проводило все время въ той залѣ, которая называется арсеналомъ. По какой причинѣ не въ двухъ или трехъ другихъ залахъ, когда ихъ такая масса—не знаю. Въ полдень всѣ сходились къ завтраку, затѣмъ устранилась прогулка или охота; въ 5 часовъ обѣдали, въ 9 часовъ всѣ собирались смотрѣть французскій или русскій спектакль; вечеръ оканчивался танцами, опять таки въ арсеналѣ, а не въ другой какой-либо залѣ. Въ числѣ пьесъ, тутъ иггранныхъ, назову одну: «Предубѣжденіе», пьеса тенденціозная, въ ко-

торой честность и возвышенныя чувства изображены въ образѣ молодого человѣка, который оставляетъ службу въ канцеляріи губернатора, гдѣ его возмущаетъ взяточничество, и поступаетъ въ станovyе съ намѣреніемъ пользоваться своею властью, чтобы дѣлать добро и бороться со всевозможными мерзавцами. Онъ побѣждаетъ предрасудокъ стараго генерала, на дочери котораго въ концѣ концовъ женится. Я упоминаю объ этой пьесѣ, — которая сама по себѣ довольно слаба, — только потому, что она имѣетъ нѣкоторое значеніе по тенденціи, которая въ ней проводится; пьеса эта была весьма одобрена императоромъ.

— Хотите держать пари, — сказалъ мнѣ князь Дмитрій Оболенскій, — что эта тенденція, которую мы съ вами одобряемъ, осуждается княземъ В. Д.¹⁾ и другими?

Я проигралъ пари.

Вторая русская пьеса годилась скорѣе для балагана. Нѣтъ возможности высидѣть двѣ пьесы подлѣ рядъ, въ которыхъ выведены на сцену чиновники или что-либо въ этомъ родѣ. Наши комедіи походятъ на нашу страпню; у насъ есть хорошія блюда точно такъ же, какъ есть хорошія пьесы, но, строго говоря, у насъ не существуетъ ни комедіи, ни кулинарнаго искусства. У насъ нѣтъ разнообразія ни въ типахъ, ни въ блюдахъ.

Оболенскому было оказано въ Гатчинѣ особое вниманіе. Если подобное же вниманіе, оказанное вашему покорному слугѣ, не возбудило ни въ комъ зависти, это надобно приписать тому, что я тутъ временный гость. Въ Гатчинѣ, точно такъ же, какъ и въ нашихъ петербургскихъ салонахъ, я имѣлъ случай убѣдиться, что вопросы внутренніе до такой степени выдвинулись на первый планъ и дотога поглощаютъ всѣ умы, что внѣшнія дѣла совершенно отодвинуты ими на задній планъ. И это понятно, — это является, во-первыхъ, реакціей противъ застоя предшествовавшаго режима и, во-вторыхъ, указываетъ на то, что идетъ борьба, которая затрагиваетъ самые существенные интересы Имперіи и каждаго изъ ея жителей въ отдѣльности гораздо ближе, чѣмъ послѣдняя война.

Начну съ дѣлъ внѣшней политики.

Въ этой области нѣтъ ничего новаго, если не считать перемѣны, происшедшей въ Берлинскомъ кабинетѣ. Не послужитъ ли это для насъ переходомъ отъ нашего брака съ Пруссіей, заключеннаго по страсти, къ браку по разуму? Многіе это думаютъ, но въ интересахъ общихъ дѣтей супруги будутъ поддерживать вѣроятно наружное согласіе. Здѣсь были восхищены отвѣтомъ, даннымъ Вруновымъ Мальмбюрри, о чемъ его извѣстили по телеграфу. Въ сущности Англія остается при своемъ мнѣніи, а мы при своемъ; но за то мы обогатились еще однимъ перломъ дипломатическаго искусства. Обнародованіе протоколовъ произвело

¹⁾ Въ подлинникѣ только однѣ начальныя буквы.

отличное впечатлѣніе; всѣхъ интересовало знать, какъ велико было ваше участіе въ конференціяхъ; оно было всѣми замѣчено, и національное самолюбіе этимъ удовлетворено. Въ протоколахъ всѣхъ особенно интересовала роль, которую игралъ нашъ посланникъ въ Парижѣ; что же касается до самой сущности вопросовъ, то они мало занимали умы, такъ какъ всеобщее вниманіе поглощено въ настоящее время всецѣло дѣлами внутренними. Закончу свой отчетъ, сказавъ, что общество видимо относится вполне сочувственно къ общему направленію нашей внѣшней политики, и поэтому всѣ искренно желаютъ вамъ успѣха. Меня сопровождаютъ пожеланія иного рода, впрочемъ столь же единодушныя, чтобы не сказать болѣе. Всѣ, отъ мала до велика, одушевлены однимъ желаніемъ. Поэтому, пожалуй, можно сказать, что одно наше министерство пользуется симпатіями публики.

Перехожу къ дѣламъ внутреннимъ.

Вамъ извѣстенъ проектъ Ростовцева¹⁾, создающій генералъ-губернаторовъ, уѣздныхъ начальниковъ и мировыхъ судей. Этотъ проектъ былъ позднѣе существенно дополненъ и выработанъ во время поѣздки его составителя за границу и препровожденъ сюда, по крайней мѣрѣ частью въ видѣ писемъ къ императору. Эта часть его труда была рассмотрѣна Государственнымъ Совѣтомъ и болѣе либеральна, нежели первая часть проекта, что приписываютъ влиянію на Ростовцева, его сына и Жеребцова, котораго вы знаете. Я не могу дать вамъ совершенно яснаго понятія объ этомъ проектѣ, такъ какъ я могъ только бѣгло просмотрѣть его. Онъ блещетъ юношескимъ вдохновеніемъ, благими намѣреніями, прекрасными мыслями и разными другими совершенно неудобноисполнимыми вещами. Такъ, напр., помѣщикъ дѣлается главою сельской общины. Онъ можетъ передать свою власть управляющему и ѣхать куда ему угодно. Допустимъ, что правительство недовольно управляющимъ. Что же оно дѣлаетъ? Оно замѣняетъ его сосѣднимъ помѣщикомъ и, въ вознагражденіе послѣднему, взыскиваетъ съ вашихъ доходовъ тройную сумму противъ того, что вы платите своему управляющему. Первая часть проекта, по высочайшему повелѣнію, была разослана всѣмъ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ, съ требованіемъ высказать ихъ мнѣніе. Собраніе ихъ отвѣтовъ представляетъ курьезный документъ: ни одинъ отвѣтъ нельзя назвать вполне отрицательнымъ или положительнымъ; есть отвѣты совершенно ничтожныя, есть и другіе, каковы напр. отвѣты с.-петербургскаго и московскаго генералъ-губернаторовъ, написанные замѣчательно хорошо, дотога хорошо, что невольно задаешь себѣ вопросъ, кто бы могъ ихъ написать. Между прочими документами я отмѣтилъ слѣдующее (Петербургъ). Вы требуете 600 уѣздныхъ начальниковъ, людей дѣятельныхъ, честныхъ и благородныхъ, которые должны явиться вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Якова Ивановича Ростовцева, впоследствии графа.

достойными представителями закона. Но если вы имѣете столько лицъ, отвѣчающихъ этимъ требованіямъ, почему же вы не вводите эти элементы на высшія ступени служебной іерархіи, гдѣ далеко не всѣ лица блещутъ этими качествами? Иначе говоря: вы не можете найти 50 хорошихъ губернаторовъ, гдѣ же вы найдете 600 героев? Нѣкоторые замѣчанія касались избранія мировыхъ судей, которое, по смыслу проекта, должно производиться въ присутствіи уѣзднаго начальника, котораго предполагается облечь правомъ представлять о неблагонадежности избраннаго лица. Всѣ находятъ эту статью проекта чудовищной. Если не ошибаюсь, пока этотъ проектъ разсматривается комиссіей, въ составъ которой назначены Ланской, Панинъ, Муравьевъ, Ростовцевъ и др.; другая комиссія, состоящая изъ представителей министерства внутреннихъ дѣлъ, удѣловъ и юстиціи, составляетъ сводъ ея основныхъ положеній, такъ сказать, кодифицируетъ ихъ, приспособляя къ требованіямъ жизни. Эта работа молодыхъ силъ идетъ одновременно и параллельно съ занятіями стариковъ. Нѣтъ надобности говорить, кто является тутъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ¹⁾; но мнѣ кажется, что можно ожидать хорошихъ результатовъ. Давай Богъ. Необходимо придти къ какому-нибудь существенному результату, пока страна еще спокойна.

Кажется, я говорилъ вамъ въ первомъ письмѣ о бюро прессы. Такъ какъ я въ этомъ не увѣренъ, то передамъ сущность дѣла въ нѣсколькихъ словахъ: зная, что наше правительство озабочено быстрымъ ростомъ нашихъ заграничныхъ изданій, Будбергъ представилъ два проекта: 1) учрежденіе въ Россіи бюро прессы по примѣру Парижа и Вѣны и т. д. 2) основаніе русскаго журнала за границею, для борьбы съ Герценомъ и К^о.

Вторая часть проекта признана неудобноисполнимою, а первую императоръ желаетъ осуществить. Кн. Горчаковъ ставитъ препятствіемъ отсутствіе печатныхъ указаній нашимъ министерствамъ, безъ коихъ бюро прессы не будетъ въ состояніи направлять въ свою очередь частную полемику. Вопросъ этотъ переданъ на разсмотрѣніе. Объ отмѣнѣ предварительной цензуры нѣтъ и рѣчи. Къ чему же учреждать въ такомъ случаѣ бюро? Вотъ въ чемъ составитель проекта запутался. Словомъ, въ настоящее время остановились, кажется, на слѣдующей полумѣрѣ: изберутъ трехъ лицъ, въ родѣ Тютчева, напр., которыя, будучи посвящены въ сущность руководящихъ началъ, которыя министры должны съ высочайшаго утвержденія проводить въ своихъ министерствахъ, будутъ въ свою очередь давать указанія редакторамъ газетъ и повременныхъ изданій, которые будутъ такимъ образомъ знать, до какой степени правительство разрѣшаетъ имъ обсуждать на страницахъ ихъ изданій современные вопросы о судопроизводствѣ, финансахъ, народномъ просвѣщеніи и т. п.

¹⁾ Намекъ на Н. А. Милютину.

Прошлый четверг была очередь гр. Панина и его соображений. Кажется, онъ намѣревался только повторить тѣ соображенія, которыя онъ представлялъ уже въ Государственный Совѣтъ при разсмотрѣннн проекта Блудова о судопроизводствѣ, сокращенномъ судопроизводствѣ и присяжныхъ стряпчихъ. Въ совѣтѣ министровъ предсѣдательствовалъ императоръ. Я знаю одно: что князь Горчаковъ, поѣхавъ въ совѣтъ съ твердымъ намѣреніемъ молчать, далъ генеральное сраженіе. Убитыхъ нѣтъ, не знаю еще, были ли раненые. Общество настроено, какъ вамъ извѣстно, не въ пользу министра юстиціи.

Что касается взглядовъ, преобладающихъ въ высшихъ сферахъ, то увѣряють, будто они стали гораздо либеральнѣе послѣ поѣздки по губерніямъ,—поѣздки, во время которой раздался голосъ великаго народа, привѣтствовавшего своего монарха. Нѣсколько запоздалое появленіе въ нашихъ газетахъ рѣчи, съ которою императоръ обратился къ московскому дворянству, вызвало оживленные толки за и противъ: одни видятъ въ ней полезный урокъ, данный упрямому фрондирующему дворянству, другіе видятъ въ ней опасное потворство желаніямъ народа.

Между тѣмъ здѣсь пронесся, по обыкновенію преувеличенный, слухъ о вашей болѣзни, и всѣ отъ мала до велика только и толкуютъ о васъ. Зная, что вы поправились, мнѣ было пріятно слышать эти толки. Обсужденіе вопроса о предполагаемомъ преемникѣ вашемъ начиналось и заканчивалось вопросительнымъ знакомъ, и всѣ разговоры на эту тему кончались такъ: ваше присутствіе въ Парижѣ такъ же необходимо, какъ здѣсь; нѣтъ никого, кто бы могъ замѣнить васъ *ni extra, ni intra muros* (ни здѣсь, ни за границею). Ту же мысль высказалъ мнѣ нашъ министръ, послѣ получасовой слишкомъ бесѣды. Онъ настолько уменъ, чтобы понять, что мы потеряли въ васъ хорошаго кормчаго и что по качкѣ судна замѣтно, что его мѣсто никѣмъ не занято. Это мнѣніе раздѣляется въ настоящее время всѣми, да и неудивительно: я говорю это въ смыслѣ управленія внутренними дѣлами, а не внѣшними.

Кн. Горчаковъ сообщилъ мнѣ по секрету, что III отдѣленіе предложило или собирается предложить вамъ запретить продажу «Колокола» въ Парижѣ. Я отвѣчалъ, что это доказываетъ только, что III отдѣленіе заинтересовано вѣроятно непосредственно въ изданіи этого журнала, такъ какъ запрещеніе наилучшее средство увеличить его продажу. Оно добьется того, что «Колоколъ» появится съ переводомъ на французскій языкъ и что вмѣсто нашихъ путешественниковъ или, лучше сказать, кромѣ нихъ, его будетъ читать вся Европа.

Желая вамъ, графъ, быстрого выздоровленія, пользуюсь случаемъ повторить вамъ увѣреніе въ моей глубочайшей преданности и таковомъ же почтеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ біографіи Е. К. Фредерици.

Письмо Н. П. Резанова ¹⁾—П. К. Сухтелену ²⁾.

13-го іюня 1805 г. Петропавловскій портъ.

Генералъ! Я отправляюсь въ Кадыякъ, и завтра же Камчатка не увидитъ меня; препоручаю вниманію вашему храбраго майора Фредерици ³⁾, котораго отправляю съ кораблемъ «Надежда» для сдачи въ министерство вещей, оставшихся у меня отъ японской миссіи. Я съ похвалою отзываюсь о немъ въ моемъ докладѣ его императорскому величеству; Бога ради исходатайствуйте ему крестъ Св. Анны, имъ по справедливости заслуженный. Прощайте, достоуважаемый государь мой; теперь въ Америку уношу я чувства отличнаго уваженія и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою. Резановъ ⁴⁾.

¹⁾ Николай Петровичъ Резановъ (1764 † 1807), мореходъ и первый нашъ посланникъ въ Японію; составитель словаря и грамматики японскаго языка. Скончался въ Красноярскѣ.

²⁾ Графъ Петръ Корниліевичъ Сухтеленъ (1751 † 1836 г.), инженеръ-генералъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. См. о немъ „Русская Старина“, томъ XV, стр. 105, 576, XVII, 847, XIX 5, 6, 8, 428, 547.

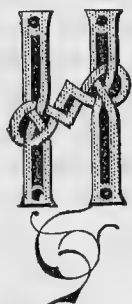
³⁾ Майоръ Фредерици, на котораго Резановъ обращаетъ вниманіе императора—Ермолай Карловичъ Фредерици († 1874 г.), впоследствии комендантъ города Павловска, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ и благосклонностью императрицы Маріи Ѳеодоровны.

⁴⁾ Переводъ съ французскаго.

Петербургъ въ 1840—1841 гг.

(По дневнику П. Г. Дивова).

1840 годъ.

Мстекшій, 1839 годъ, былъ богатъ событіями первостепенной важности, изъ-за которыхъ легко могла вспыхнуть война въ Европѣ и въ Азіи. Таковы: изгнаніе изъ Испаніи Донъ-Карлоса, который былъ вынужденъ поселиться въ Буржѣ, кончина султана и завоеванія, совершенныя англичанами въ Индіи.

Испанія была взволнована присутствіемъ Донъ-Карлоса въ ея сѣверныхъ провинціяхъ, гдѣ число его приверженцевъ постоянно возрастало, но онъ былъ вынужденъ искать убѣжища во Франціи вслѣдствіе измѣны генерала Марото. Часть войскъ Донъ-Карлоса изъявила добровольно покорность королевѣ Христинѣ. Но Кабрера, предводитель войскъ Донъ-Карлоса, сталъ во главѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ въ Аррагоніи и не хотѣлъ вступать ни въ какіе переговоры съ регентшей, а продолжалъ поддерживать права Донъ-Карлоса на испанскій престолъ.

Англія находится въ довольно странномъ положеніи по отношенію къ обѣимъ частямъ свѣта. Находясь (изъ-за Канады) постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ къ Соединеннымъ штатамъ, въ войнѣ съ Китаемъ, въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Египту, Персіи, Испаніи, Португаліи и нѣкоторымъ африканскимъ владѣніямъ, она завидуетъ въ душѣ Франціи и надѣется уничтожить ея флотъ. Въ то же время дѣлаетъ попытки снискать расположеніе этой державы, вліяніе которой простирается даже на южную Америку и которой удалось недавно уладить споръ, возникшій между Сентъ-Джемскимъ кабинетомъ и Неаполемъ изъ-за вывоза сѣры.

Экспедиція Перовскаго въ Хиву чрезвычайно встревожила Англію но неудача этой экспедиціи успокоила ее, и она снова сблизилась съ Россіей.

Франція, стараясь снискать дружбу своей соперницы, непомѣрно усиливаетъ въ то же время свои морскія силы и вызываетъ этимъ ненависть Англіи, хотя послѣдняя не проявляется пока явно, такъ какъ Англія, въ виду своихъ враждебныхъ отношеній ко многимъ странамъ, вынуждена скрывать до поры до времени свои чувства и дѣлать видъ, будто она сочувствуетъ видамъ Франціи. Но это не можетъ продолжаться долго; какъ только дѣла въ Канадѣ и въ Китаѣ уладятся, то вражда, существующая между Франціей и Англіей, несомнѣнно, должна обнаружиться. Англія постарается возстановить противъ своей соперницы прочія континентальныя державы, чтобы уничтожить французскій флотъ.

Франція поддерживаетъ въ тайнѣ королеву Христину, но не хочетъ дѣйствовать открыто, не смотря на всѣ интриги Лондонскаго кабинета, который хотѣлъ втянуть ее въ войну съ Испаніей. Ея сближенію съ Англіей мѣшаетъ также ихъ разногласіе во взглядахъ относительно египетскаго Судана. Англичане имѣютъ полное основаніе опасаться усиленія государства, столь близкаго къ Индіи и находящагося подъ властью Али-паши, который уже овладѣлъ Сиріей. Съ другой стороны, торговое соперничество въ южной Америкѣ возбуждаетъ неудовольствіе Сентъ-Джемскаго кабинета противъ Франціи. Оживленная газетная полемика указываетъ на существованіе довольно значительнаго разногласія во взглядахъ между обоими кабинетами. Донъ-Карлосъ ходатайствовалъ чрезъ посредство нѣкоторыхъ европейскихъ кабинетовъ о предоставленіи ему права поселиться въ Лондонѣ. Ему въ этомъ отказано, но инфанту Дону-Себастьяно разрѣшено отправиться въ Римъ.

Еще одинъ вопросъ тревожилъ Тюльерійскій кабинетъ, а именно: поѣздка герцога Бордосскаго въ Италію, куда онъ прибылъ неожиданно на свиданіе со своей матерью, герцогиней Беррійской, которая выѣхала ему навстрѣчу въ Неаполь. Эта поѣздка совершилась безъ вѣдома австрійскаго правительства; по крайней мѣрѣ оно дѣлало видъ, что ему объ этомъ ничего не было извѣстно.

Австрія слѣдовала своей исконной политикѣ, поддерживая въ тайнѣ законныхъ монарховъ Испаніи и Франціи. Она улучшила свои финансы, сблизилась съ Англіей въ ущербъ интересамъ Россіи. Австріи предоставила англичанамъ большія торговыя привилегіи на Дунаѣ, чтобы имѣть возможность препятствовать торговлѣ Россіи на этой рѣкѣ.

Пруссія также слѣдовала прежней политикѣ, поощряя развитіе фабрикъ. Ея отношенія къ Россіи останутся, по всей вѣроятности, не-

измѣнны, не смотря на кончину Фридриха-Вильгельма III, который скончался почти на рукахъ императора, своего зятя.

Швеція и Данія подчинялись вліянію великихъ державъ. Король Датскій скончался и ему наследовалъ его сынъ, Христіанъ VIII.

Германскій сеймъ и всѣ германскіе владѣтельные князья слѣдовали политикѣ, намѣченной Австріей и Пруссіей.

Бельгія и Голландія были умиротворены благодаря энергичному содѣйствію пяти великихъ державъ. Бельгійцы долгое время упорствовали; но ихъ удалось убѣдить, и они возвратили голландцамъ земли, отошедшія къ нимъ по послѣдней конвенціи.

Турція, раздираемая внутренними смутами, вслѣдствіе интригъ Али-паши, была еще болѣе потрясена кончиною султана. Его сынъ, приверженецъ новыхъ идей, получилъ престолъ, едва вступивъ въ юношескій возрастъ; по совѣту своего умирающаго отца онъ вручилъ бразды правленія Хозревъ-пашѣ, который облеченъ имъ неограниченной властью.

Передъ смертью султанъ началъ войну съ Али-пашою, который, не довольствуясь обладаніемъ Египтомъ, захватилъ также Сирію. Турецкое войско было разбито, а флотъ, вслѣдствіе измѣны капитанъ-паши, остался во власти Али, который заперъ его въ Александріи.

Усиленіе могущества Али-паши отнюдь не входитъ въ расчеты Англіи, поэтому она вооружилась, угрожала пашѣ и требовала, совместно съ прочими державами, чтобы онъ возвратилъ султану флотъ. Въ этихъ безплодныхъ угрозахъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Англійскій и французскій флоты стоятъ въ бездѣйствіи въ Дарданеллахъ, ожидая приказанія идти въ Александрію, но такъ какъ интересы державъ расходятся: Англія хочетъ униженія Али-паши, а Франція поддерживаетъ его интересы, то весьма возможно, что и въ текущемъ году не будетъ предпринято никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій.

17-ти лѣтній турецкій султанъ оставилъ вначалѣ у власти всѣхъ бывшихъ министровъ своего отца, но его мать добила того, что они были смѣнены. Вообще, положеніе Турціи такъ шатко, что эта держава исчезла бы съ политическаго горизонта Европы, если бы соперничество европейскихъ державъ не предупредило ея окончательнаго паденія и не вызвало соглашенія между Россіей, Австріей, Пруссіей, Англіей и Франціей, коимъ обезпечивается неприкосновенность Турецкой имперіи.

Европейскія державы были заняты въ текущемъ году постройкою желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ и старались развить свою торговлю и промышленность. Ни одна держава не хотѣла воевать, но всѣ готовились къ войнѣ.

Россія взидала спокойно на дѣйствія остальныхъ державъ. Турецкія событія сблизили ее съ Англіей и отдалили отъ Франціи. Она могуще-

ственной своей арміей и флотомъ и могла, въ случаѣ надобности, примкнуть къ той державѣ, коей интересы совпадали съ ея собственными. Это внушало всѣмъ страхъ.

Что касается внутреннихъ дѣлъ, то всѣ министры остались на своихъ мѣстахъ, исключая министра юстиціи Дашкова, который былъ назначенъ на мѣсто Кушника для редактированія Свода законовъ; на его же мѣсто назначенъ Блудовъ, вмѣсто котораго министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ графъ Александръ Строгановъ.

Царскую фамилію занималъ важный вопросъ о бракосочетаніи великой княжны Маріи Николаевны, вышедшей замужъ за герцога Лейхтенбергскаго, племянника короля Баварскаго и сына Богарне. Свадьба была отпразднована со всѣмъ подобающимъ великолѣпіемъ.

Въ этомъ году состоялось освященіе памятника на Бородинскомъ полѣ, гдѣ пало столько жертвъ безумнаго честолюбія Наполеона; была отслужена торжественная панихида. 120 тысячъ войскъ присутствовало при этой церемоніи.

Въ Бородинѣ императоръ получилъ печальное извѣстіе о пожарахъ, бывшихъ въ разныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе поджоговъ среди крестьянъ, которые распространяли слухъ, будто эти поджоги совершаются самими помѣщиками. Императрица очень больна. Добрый отецъ и супругъ и вся имперія были опечалены также болѣзнію наслѣдника цесаревича. Отправившись изъ Бородина въ Варшаву, императоръ заболѣлъ въ Могилевѣ лихорадкою, что заставило его остановиться въ этомъ городѣ; только нѣсколько недѣль спустя онъ пріѣхалъ, ко всеобщему удовольствію, въ Царское Село, а затѣмъ около 7-го ноября перебрался въ Петербургъ.

Слишкомъ щедрая раздача орденовъ составляетъ явленіе по истинѣ прискорбное, которое уронить значеніе раздаваемыхъ наградъ. За послѣдніе три года ежегодно появлялось отъ 1.000 до 2.000 новыхъ кавалеровъ, хотя законъ старается пресѣчь это злоупотребленіе, воспрещая представлять къ наградѣ лицъ, прослужившихъ менѣе 15 лѣтъ. Чтобы не быть введеннымъ въ заблужденіе министрами, императоръ отсылалъ всѣ представленія въ совѣтъ министровъ. Даже былъ изданъ указъ, коимъ разрѣшалось представлять служащихъ къ наградамъ не ранѣе, какъ два года спустя по полученіи предъидущей награды; но этотъ же законъ давалъ поводъ къ злоупотребленіямъ, такъ какъ, по прошествіи этихъ двухъ лѣтъ, начальство считало себя уже въ правѣ дѣлать представленія о всякомъ.

Января 1-го. Нѣсколько человѣкъ пожалованы въ сенаторы.

Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ главныхъ отраслей внутренняго управленія Имперіи въ истекшемъ году. Относительно продовольственныхъ мѣръ, министру внутреннихъ дѣлъ удалось достигнуть довольно боль-

шихъ успѣховъ; но при крѣпостномъ правѣ вопросъ о народномъ удовольствіи представляется довольно сомнительнымъ; въ этомъ отношеніи заслуживаетъ похвалы только одно удѣльное вѣдомство. Полиція, которая нынѣ лучше оплачивается, начинаетъ улучшаться, въ особенности въ столицахъ; корпусъ жандармовъ и тайная полиція также проявляютъ болѣе успѣшную дѣятельность.

Пути сообщенія улучшились съ устройствомъ шоссе, прорытіемъ каналовъ и постройкою пароходовъ.

Для народнаго просвѣщенія сдѣлано весьма много; основаны начальныя школы, семинаріи, гимназіи, университеты, разныя учебныя заведенія для дѣтей дворянъ обоюго пола, для солдатскихъ дѣтей или кантонистовъ, въ которыхъ они воспитываются въ правительственномъ духѣ; но, присмотрѣвшись къ этимъ заведеніямъ внимательно и хладнокровно, нельзя не замѣтить, что

1) образованіе народа пошло впередъ слишкомъ быстрыми шагами и порождаетъ новыя идеи объ отношеніяхъ правителей къ управляемымъ;

2) Что въ кадетскихъ корпусахъ всѣхъ этихъ молодыхъ людей воспитываютъ скорѣе для фронта и военной выправки, нежели для занятія военными науками, что могло бы дать намъ со временемъ хорошихъ генераловъ;

3) Что либеральныя идеи начинаютъ замѣтнымъ образомъ распространяться, и это неудивительно, ибо цензура газетъ ослаблена и въ газетахъ печатаютъ парламентскія пренія, происходящія во всѣхъ странахъ;

4) Что кантонисты, получившіе тщательное воспитаніе, образуютъ въ государствѣ какъ бы особое сословіе; они получаютъ мѣста въ генеральномъ штабѣ и почти во всѣхъ министерствахъ. Эти люди, хорошо приспособленные ко всякаго рода работамъ, дали, разумѣется, изъ своей среды нѣсколько выдающихся личностей, свѣдущихъ въ математикѣ, архитектурномъ черченіи, межеваніи и т. д., но для того, чтобы не давать имъ большаго хода, опредѣлено, что они должны прослужить не менѣе 20 лѣтъ до полученія чина, дающаго право на званіе личнаго дворянина;

5) Что училище Правовѣдѣнія, находящееся подъ попечительствомъ принца Петра Ольденбургскаго, сына королевы Виртембергской, сестры императора Николая, дастъ цѣлое поколѣніе новыхъ законовѣдовъ. Эти молодые люди займутъ современемъ мѣста секретарей Сената. Первый выпускъ будетъ произведенъ въ нынѣшнемъ году: 14 чело-
вѣкъ будутъ распределены въ различныя департаменты. Тѣ, кои воспитывались на казенный счетъ, обязаны отслужить 6 лѣтъ въ Сенатѣ; остальные, учившіеся на свой счетъ—4 года. Я присутствовалъ на ихъ

выпускномъ экзаменѣ. Это дѣйствительно превосходное учебное заведеніе; молодые люди сдѣлали въ немъ очень большіе успѣхи;

6) Знаніе латинскаго и греческаго языка сдѣлалось неизбѣжно для успѣшнаго поступленія въ училище Правовѣдѣнія и университетъ.

Въ царствованіе императора Николая I, въ обѣихъ столицахъ и во всей Имперіи значительно приумножились благотворительныя учрежденія, учреждены разнаго рода пріюты для больныхъ дѣтей, для дневнаго надзора за дѣтьми, коихъ родители заняты работою; глазная лѣчебница выстроена на деньги, выданныя казною займообразно.

Вечеромъ былъ публичный маскарадъ въ Большомъ театрѣ, на которомъ присутствовали императоръ и великіе князья Александръ и Михаилъ, которые пробыли до 2—3 часовъ по полуночи.

Января 4-го. Графъ Панинъ вступилъ въ управленіе министерствомъ юстиціи на мѣсто Блудова; въ указѣ онъ названъ статсъ-секретаремъ; слѣдовательно, онъ не получилъ чина тайнаго совѣтника. Вещь небывалая. Императору видимо нравятся публичные маскарады, которые онъ посѣщаетъ аккуратно, забавляясь остроумными выходками дамъ.

Января 17-го. Говорятъ, будто императоръ предложилъ министру финансовъ Канкрину избрать себѣ помощника, въ виду его слабаго здоровья. Графъ назвалъ Бибикова, кievскаго генераль-губернатора, за которымъ посланъ нарочный съ приглашеніемъ прибыть въ Петербургъ, а графу разрѣшено ѣхать будущею весною лѣчиться за границу.

Января 22-го. Я былъ приглашенъ къ шведскому посланнику, барону Пальмштіерна и видѣлъ, до чего пренебрегаетъ своимъ туалетомъ дипломатическій корпусъ; даже англійскій посланникъ походилъ на лакея.

Февраля 1-го. Виленскій генераль-губернаторъ, кн. Долгорукій, переведенъ въ Полтаву, а на его мѣсто назначенъ генераль-лейтенантъ Мирковичъ, коего нѣмецкая партія считаетъ неспособнымъ занимать это мѣсто.

Февраля 9-го. Все заставляетъ предполагать, что наше единомысліе съ Англіей относительно египетскаго Судана вовлечетъ насъ въ войну и что Франція, со своей стороны, поддержитъ Магомета-Али.

Марта 15-го. Въ этомъ мѣсяцѣ произошла дуэль между сыномъ французскаго посланника, барономъ Барантомъ и лейбъ-гусаромъ Лермонтовымъ, которая не имѣла печальныхъ послѣдствій для обѣихъ сторонъ. Офицеръ поступилъ даже благородно, сдѣлавъ выстрѣлъ на воздухъ. Дуэль произошла изъ-за особъ прекраснаго пола.

Марта 17-го. Тайный совѣтникъ Вронченко назначенъ товарищемъ министра финансовъ. Это назначеніе, повидимому, навсегда за-

крыло доступъ въ министерство князю Любецкому, который желалъ получить мѣсто графа Канкрина.

Апрѣля 4-го. Я препроводилъ князю Александру Голицыну записку, касающуюся дѣлъ глазной лѣчебницы, съ просьбою довести до свѣдѣнія его величества, что это благотворительное учрежденіе надѣется, что его банковый долгъ, равняющійся 250.000 руб., будетъ сложенъ и что 185.000 руб., которые могутъ быть выручены отъ продажи дома, будутъ обращены въ пользу лѣчебницы; вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ его удѣлить мнѣ минутку свиданія. Онъ ничего не отвѣтилъ на мое письмо, и мнѣ не извѣстно, какая участь постигла мою записку.

Апрѣля 15-го. Я былъ съ визитомъ у князя Александра Голицына, который не сказалъ мнѣ ни слова о дѣлахъ лѣчебницы.

Апрѣля 30-го. Попечитель глазной лѣчебницы, князь Голицынъ, сообщилъ мнѣ официально, что государь императоръ не счелъ возможнымъ сложить лежащихъ на ней 250.000 р. долга.

Мая 6-го. Дворъ переѣхалъ въ Царское Село. 9-го числа императоръ и императрица предполагаютъ отправиться за границу. Затѣмъ императоръ поѣдетъ въ Варшаву на маневры и возвратится въ Петербургъ въ первыхъ числахъ іюня.

Мая 17-го. Императоръ проводилъ императрицу до Варшавы, гдѣ получилъ тревожныя извѣстія о здоровьѣ своего тестя, короля прусскаго; отправился въ Берлинъ, а императрица для поддержанія своего расшатаннаго здоровья поѣхала на воды въ Эмсъ. Только по приѣздѣ императора въ Берлинъ, появились первые бюллетени, возвѣщавшіе объ опасности, которая угрожала жизни короля. Послѣдній бюллетень отъ 6-го іюня нов. ст. весьма мало успокоителенъ.

Мая 31-го. Въ официальной петербургской газетѣ появилось извѣстіе о кончинѣ его величества короля прусскаго и о томъ, что его императорское величество, прибывъ въ Берлинъ 26-го апрѣля въ 9 часовъ утра, засталъ своего тестя въ живыхъ, но онъ скончался въ тотъ же день въ 4 часа по полудни.

Іюня 10-го. Во всѣхъ газетахъ появилось объявленіе, что его императорское величество повелѣлъ отслужить въ лютеранской церкви заупокойную обѣдню и что лица, имѣющія приѣздъ ко Двору, должны обязательно на ней присутствовать.

Я былъ тамъ вмѣстѣ съ прочими. Церковь была сверху до низу затянута чернымъ сукномъ; посреди церкви былъ воздвигнутъ катафалкъ, похожій на бѣлый мраморный, на немъ стоялъ золотой глазетовый гробъ, покрытый глазетовымъ покровомъ; ступени, ведшія къ гробу, были обтянуты краснымъ сукномъ. Говорятъ, будто эта церемонія обошлась въ 80.000 р. Полкъ покойнаго короля стоялъ за рѣ-

шеткой; по окончаніи заупокойной службы было сдѣлано три залпа изъ ружей, какъ для шефа полка.

Іюня 16-го. Императоръ возвратился изъ Эмса. Говорять, будто онъ узналъ за границей о бѣдственномъ положеніи нѣкоторыхъ центральныхъ губерній, которыя страдаютъ отъ недостатка продовольствія и дороговизны съѣстныхъ продуктовъ, такъ какъ за четверть ржи платятъ до 50 коп. Поэтому, тотчасъ послѣ его отъѣзда, каравану ржи, шедшему въ Петербургъ, было приказано идти въ Москву; также велѣно было выписать рожь изъ-за границы.

Іюль. Наслѣдникъ цесаревичъ возвратился въ Петербургъ и высадился съ парохода въ Петергофъ.

Іюля 15-го. Мнѣ передавали, будто императоръ охотно принимаетъ участіе въ церковномъ пѣніи на «Собственной дачѣ», смежной съ Сергіевомъ, гдѣ онъ живетъ у своей дочери, герцогини Лейхтенбергской Маріи Николаевны. За обѣдней не бываетъ никого посторонняго помимо князя Алекс. Голицына и г-жи Потемкиной. Великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ приходится пѣть вмѣстѣ съ своими двумя фрейлинами и своими сестрами.

Августа 27-го. Была сильная гроза, которая началась въ 8 часовъ и продолжалась часъ, что бываетъ довольно рѣдко въ Петербургѣ въ это время года. Молнія ударила въ колокольню Инженернаго замка.

Сентября 3-го. Четвертаго числа ожидаютъ въ Царское Село императора и императрицу. Въ Петербургѣ готовится блестящая иллюминація для будущей супруги наслѣдника цесаревича. Иллюминаціи министерства иностранныхъ дѣлъ, финансовъ и Главнаго штаба обойдутся 36.000 р., по 12.000 на министерство.

Сегодня появился церемоніаль встрѣчи невѣсты наслѣдника цесаревича, принцессы Маріи Дармштадтской. Статсъ-дамы, фрейлины, камергеры и камеръ-юнкеры должны отправиться за 10 верстъ отъ столицы и ожидать тамъ прибытія императрицы съ невѣстою, откуда поѣздъ двинется торжественно въ столицу. Купечество съ ихъ женами приглашено во дворецъ; для него предназначается Бѣлая зала. Государственный Совѣтъ и Сенатъ должны были собраться въ церковь, а затѣмъ перейти въ Концертное зало. Отличіе, оказанное купечеству, весьма умѣстно.

Сентября 8-го. День въѣзда въ Петербургъ принцессы Гессенъ-Дармштадтской, невѣсты его императорскаго высочества наслѣдника цесаревича. По пути слѣдованія кортежа до дворца раздавались выстрѣлы изъ орудій, громкое «ура!» толпы и звонъ колоколовъ. Мы простояли во дворцѣ съ 11 часовъ до 4-хъ. Духовенство вышло навстрѣчу въ самой церкви.

Городъ былъ прекрасно иллюминированъ; особенно хорошо былъ

иллюминированъ циркъ передъ дворцомъ, который производилъ волшебное впечатлѣніе.

Сентября 9-го. Дворъ и принцесса Дармштадтская были въ Большомъ театрѣ. Вечеромъ была иллюминація и сильная гроза, что весьма удивительно. Появился указъ объ упраздненіи Литовскаго статута въ западныхъ губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Волынской, Минской, Гродненской, Бѣлостокской и о введеніи вмѣсто него русскихъ законовъ.

Французскія газеты, издаваемые въ Петербургѣ, соблюдаютъ глубокое молчаніе о политическихъ дѣлахъ въ такую минуту, когда всѣ находятся насторожѣ и въ ожиданіи событій.

Сентября 17-го—20-го. Въ Петербургѣ происходили военные маневры, въ которыхъ участвовалъ весь петербургскій гарнизонъ. Надобно было взять крѣпость съ суши и со стороны рѣки. Она переходила нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Маневры начались 17-го поздно вечеромъ и продолжались до 20-го и закончились въ Царскомъ Селѣ ужиномъ, баломъ и спектаклемъ, на который были приглашены главнѣйшіе генералы ¹⁾.

1841 годъ.

Уже 1839 г. былъ богатъ выдающимися событіями, но 1840 г. превзошелъ его въ этомъ отношеніи. Кто могъ думать, что Франція, такъ тѣсно связанная съ Англіей, будетъ готова начать съ этой державою войну, желая оказать поддержку египетскому пашѣ. Колебанія тюльерійскаго кабинета въ восточномъ вопросѣ побудили лондонскій кабинетъ начать переговоры съ великими державами: Россіей, Австріей и Пруссіей. Всѣ присоединились къ предложеніямъ лондонскаго кабинета, и 3-го (15-го) іюля четырьмя державами было подписано соглашеніе; Франція осталась въ восточномъ вопросѣ одинока.

До полученія ратификаціи этого договора въ Лондонѣ, тюльерійскій кабинетъ пустилъ въ ходъ всевозможныя средства для того, чтобы отговорить отъ этого вѣнскій кабинетъ. Но всѣ его попытки были тщетны, такъ какъ и самъ султанъ поспѣшилъ присоединиться къ рѣшенію четырехъ державъ. Такъ какъ египетскому пашѣ былъ данъ двадцатидневный срокъ для выполненія постановленій подписаннаго державами договора, коимъ онъ обязывался, между прочимъ, возвра-

¹⁾ Этими числами заканчивается дневникъ 1840 года.

титъ султану флотъ и очистить сѣверную часть Сиріи, съ оговоркою, что въ противномъ случаѣ державы понудятъ его къ этому, то когда положенный срокъ истекъ, ихъ флоты атаковали и бомбардировали Байрейтъ. Французское министерство не пришло на помощь пашѣ, но приняло мѣры къ укрѣпленію Парижа и вооруженію Франціи и всѣхъ крѣпостей, какъ будто четыре державы предполагали воевать съ Франціей.

Между тѣмъ принцъ Людовикъ-Бонапартъ, сынъ знаменитой Гортензіи, явился съ 14 или 15 сумасбродными приверженцами въ Булонь и распространилъ тамъ прокламаціи, заявляя о своихъ правахъ на престолъ своего дяди, императора Наполеона. Принцъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ графомъ Монтолономъ и другими лицами, которые были приговорены къ заключенію въ крѣпостяхъ на 20, 15 и 10 лѣтъ; а принцъ Людовикъ-Наполеонъ былъ осужденъ на пожизненное заключеніе.

Въ виду тревожнаго положенія дѣлъ, Франція и Англія успѣшно вооружались. Англичане, со своей стороны, опасались, чтобы французы не предпріяли непріязненныхъ дѣйствій противъ острова Кандіи, одного изъ Болеарскихъ острововъ и острова Джерси. Обѣ державы опасались, повидимому, чтобы Россія не употребила въ дѣйствіе свой флотъ въ восточномъ вопросѣ. Съ другой стороны, эти державы зорко слѣдили за тѣмъ, что происходило въ Испаніи, откуда былъ изгнанъ Донъ-Карлосъ и его сторонники, число коихъ, вмѣстѣ съ корпусомъ послѣдняго защитника этого принца, Кабреры, доходило до 20 тысячъ человекъ; послѣ чего герцогъ Витторіо Эспаретто рѣшилъ свергнуть власть королевы Христины, примкнувъ къ революціонной джунтѣ; королева благоразумно отказалась отъ регентства и удалилась въ Неаполь.

Въ Португаліи также были волненія; эта страна хочетъ, повидимому, подражать Испаніи въ стремленіи ниспровергнуть монархическую власть. Англійское министерство старается сдержать эти проявленія революціоннаго духа. Полагаютъ, что Англія хочетъ воспользоваться Португаліей и Испаніей для того, чтобы угрожать Франціи нападеніемъ со стороны Пиреней.

Италія также была взволнована происками карбонаріевъ, но они сдерживались стараніями Австріи. Такъ какъ Папская область, въ особенности приморская ея часть, могла подвергнуться нападенію французовъ, то Анкона была успѣшно укрѣплена. По случаю столкновенія, происшедшаго между Франціей и Англіей, король неаполитанскій очутился въ крайне затруднительномъ положеніи.

Австрія играла въ истекшемъ году видную роль. Ея маленькій флотъ дѣйствовалъ успѣшно вмѣстѣ съ англійскими судами у береговъ Си-

ри, во время бомбардированія Байрейта; англичане приписываютъ даже вѣнскому кабинету не только мысль о союзѣ четырехъ державъ, который оставилъ Францію одинокой, но и осуществленіе этой мысли. Ея сухопутныя силы угрожаютъ Франціи, а пребываніе герцога Бордоскаго, законнаго претендента на французскій престолъ, во владѣніяхъ императора австрійскаго является угрозою въ глазахъ приверженцевъ Орлеанскаго дома, который овладѣлъ французскимъ престоломъ вопреки всѣмъ законамъ, существовавшимъ до этого времени во Франціи.

Помимо недоразумѣній съ Франціей, у Англіи были таковыя же въ Индіи, Китаѣ, Канадѣ, и довольно значительное войско было послано въ Кантонъ.

Въ дѣлахъ внутреннихъ Англіи создалъ не мало тревогъ Одонелль, который склонялъ своихъ ирландскихъ соотечественниковъ отдѣлиться отъ Англіи, учредить свой собственный парламентъ и управляться своими собственными средствами. Другіе неуравновѣшенные умы стараются ниспровергнуть аристократію.

Между Голландіей и Бельгіей происходили довольно большія недоразумѣнія по поводу Люксембурга и кое-какихъ денежныхъ претензій, которыя были рѣшены при вмѣшательствѣ великихъ державъ. Люксембургъ былъ присоединенъ къ Голландіи или Нидерландамъ.

Король голландскій отказался отъ престола, на который вступилъ его сынъ, принцъ Оранскій, подъ именемъ Вильгельма IV.

Въ іюлѣ мѣсяцъ скончался король прусскій; его сынъ Фридрихъ IV, вступивъ на престолъ, не произвелъ никакихъ перемѣнъ въ управленіи. Послѣ коронаціи, происходившей въ Кѣнигсбергѣ, было роздано множество наградъ.

Въ Даніи также скончался король, престолъ перешелъ къ его сыну, Христиану VII.

Баварскій дворъ породнился съ петербургскимъ вслѣдствіе брака великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ; но мать герцога не посѣтила Петербургъ, и великая княжна поѣхала въ Баварію. Говорятъ, будто ея упорный отказъ пріѣхать въ Петербургъ былъ вызванъ религіозными соображеніями: она ярая католичка и подчиняется вліянію духовенства. Русскій дворянинъ и богачъ, Анатолій Демидовъ, женившись на дочери бывшаго короля испанскаго, Іосифа Бонапарта, породнился съ баварскимъ, виртембергскимъ и русскимъ дворами.

Во внутреннемъ управленіи Россіи не произошло никакихъ перемѣнъ. Всѣ министры остались на своихъ постахъ. Министръ финансовъ графъ Канкринъ возвратился въ Петербургъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія. Наши финансы находятся въ довольно плохомъ состояніи; введеніе ассигнацій и депозитовъ вызвало всеобщее безпо-

койство. Съ другой стороны, дѣла внѣшней политики и въ особенности Египта потребовали довольно большихъ расходовъ на вооруженіе.

Министръ юстиціи, графъ Панинъ, также уѣзжалъ на нѣкоторое время и въ его отсутствіе министерствомъ управлялъ Лонгиновъ. Въ польскихъ губерніяхъ отмѣненъ Литовскій статутъ; но онъ будетъ еще дѣйствовать въ Малороссіи; это нехорошо, но говорятъ, что это сдѣлано для того, чтобы не приравнять Малороссію къ польскимъ губерніямъ. Предполагаютъ ввести нѣкоторыя статьи Литовскаго статута въ русскій сводъ законовъ.

Министръ народнаго просвѣщенія, Уваровъ, внесъ большой порядокъ въ управленіе своего министерства; но, кажется, онъ слишкомъ спѣшитъ просвѣтить народъ. Впрочемъ, я не осуждаю за это Уварова; быть можетъ, онъ также сознаетъ грозящую опасность, но вынужденъ уступить волѣ монарха.

Статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, вмѣсто Лонгинова, назначенъ князь Голицынъ, служившій ранѣе въ канцеляріи его величества.

При дворѣ играли роль тѣ же лица, какъ и прежде: графъ Бенкендорфъ, князь Меншиковъ, графъ Клейнмихель, князь Волконскій, графъ Киселевъ, графъ Алексѣй Орловъ, который будетъ назначенъ главнокомандующимъ войскъ, въ случаѣ, если Россія поддержитъ султана противъ Али-паши.

Министръ путей сообщенія, графъ Толь, разбитъ параличемъ и утратилъ все свое вліяніе.

Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Строгановъ не выказалъ особенной прозорливости во время неурожая, постигшаго нѣкоторыя губерніи.

Министръ юстиціи графъ Панинъ былъ менѣе щедръ на разныя предложенія, нежели прежде. Носится слухъ, будто его хотятъ удалить, назначивъ куда-нибудь посланникомъ.

Января 3-го. Балъ у министра финансовъ графа Канкрина, на которомъ впервые не присутствовалъ дворъ.

Вслѣдствіе нездоровья императрицы и высоконазначенной невѣсты наслѣдника цесаревича отложенъ придворный маскарадъ, на которомъ долженъ былъ фигурировать посланникъ съ луны, сопровождаемый зeffирами и другими миеологическими лицами. Этого посланника долженъ былъ изображать Рибопьеръ. Болѣе двадцати генераловъ должны были появиться въ формѣ временъ императора Павла всѣхъ родовъ оружія, т. е. пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи.

Января 8-го. Сегодня мнѣ минуло 75 лѣтъ. Сколькихъ событій и сколькихъ перемѣнъ при дворѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ въ продолженіе моей 53-хъ-лѣтней службы!

Января 12-го. Князь Голицынъ, попечитель глазной лѣчебницы, сообщилъ мнѣ, что высочайшимъ повелѣніемъ разрѣшено комитету разыграть старый домъ лѣчебницы въ лотерею, выпустивъ 6.000 билетовъ по 10 рублей каждый. Это высочайшее повелѣніе написано въ такомъ духѣ, что я питаю надежду, что вся сумма, вырученная отъ лотерей, будетъ отдана въ пользу лѣчебницы, и что съ нея будетъ сложенъ долгъ казнѣ.

Января 16-го. Я ѣздилъ благодарить графа Строганова, министра внутреннихъ дѣлъ, за его содѣйствіе въ устройствѣ лотереи въ пользу глазной лѣчебницы. Мы говорили объ увеличеніи дѣлопроизводства во всѣхъ вѣдомствахъ. Я привелъ въ примѣръ, между прочимъ, министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ царствованіе Екатерины, число дѣлъ доходило въ немъ всего до 600 нумеровъ, теперь же ихъ бываетъ 12.000. Говоря о современной политикѣ, графъ Строгановъ высказалъ, что въ настоящее время много болтовни, но мало сути; что въ прежнее время было меньше фразъ, но за то высказывалось болѣе здравыхъ и полезныхъ мыслей; что въ его министерствѣ рѣдко случаются доклады, заслуживающіе быть прочитанными, а между тѣмъ время у него такъ занято, что ему приходится выбирать день для того, чтобы навѣстить отца.

— Графъ Нессельроде, министръ иностранныхъ дѣлъ, — сказалъ онъ, — имѣетъ время бывать въ обществѣ и пользоваться жизнью.

Мы говорили также о министрѣ юстиціи, котораго я очень хвалилъ, хотя замѣтилъ, что онъ очень зависитъ отъ своихъ секретарей.

Императрица все еще недомогаетъ; повидимому, при дворѣ не будетъ маскарадовъ; но кажется, хотятъ дать оперу, въ которой приметъ участіе Росси (бывшая пѣвица).

Февраль. Весь этотъ мѣсяцъ при дворѣ были въ большомъ волненіи. Во-первыхъ, по поводу нездоровья императрицы и великой княгини Маріи Александровны, невѣсты наследника цесаревича. Съ другой стороны, великая княгиня Марія Николаевна ожидаетъ маленькаго и поэтому осталась за границей. Все это выѣстъ взятое очень встревожило императора. Плохое состояніе нашихъ финансовъ еще болѣе увеличивало его дурное расположеніе духа. Его величество сдѣлалъ такой строгій выговоръ министру финансовъ Канкрину, что тотъ заболѣлъ. Говорятъ, что вслѣдствіе происшедшаго между ними горячаго объясненія пріостановлены всѣ постройки.

Марта 13-го. По телеграфу получено изъ Варшавы прискорбное извѣстіе о томъ, что въ Берлинѣ народъ остановилъ короля на улицѣ, требуя конституціи. Это извѣстіе весьма опечалило императора.

Марта 22-го. Похороны царицы имеретинской совершились такъ же торжественно, какъ погребеніе грузинской царицы. Получивъ повѣстку,

я поѣхалъ въ Александро-Невскую лавру и былъ единственнымъ изъ сенаторовъ на похоронахъ. Я видѣлъ въ церкви министра внутреннихъ дѣлъ графа Строганова, на котораго былъ возложенъ весь церемоніаль. Онъ говорилъ мнѣ, что императоръ сопровождалъ тѣло до Знаменской церкви, а покойная царица жила на Литейной.

Марта 31-го. Я былъ, по обыкновенію, на второй день Пасхи съ визитомъ у графа Нессельроде. Онъ принялъ меня со своей обычной любезностью. Мы говорили о поведеніи посланника въ Вѣнѣ, Татищева. Я сказалъ, что на его мѣсто есть три кандидата: 1) Рибопьеръ; 2) Воронцовъ-Дашковъ и 3) и его зять Гурьевъ изъ Неаполя.

— Первый, — сказалъ я, — повредилъ себѣ въ Берлинѣ и врядъ-ли будетъ назначенъ; императору остается сдѣлать выборъ между двумя послѣдними.

Нессельроде замѣтилъ на это, что его зять не богатъ; но если къ его личнымъ средствамъ прибавить 100 т. р. жалованья, то онъ можетъ жить подобающимъ образомъ. Надѣюсь, что никто не станетъ подражать князю Разумовскому, который построилъ въ Вѣнѣ цѣлый кварталъ.

Апрѣля 9-го. Обнародованъ церемоніаль бракосочетанія наследника цесаревича, почти тожественный съ церемоніаломъ, который соблюдался при свадьбѣ герцога Лейхтенбергскаго съ великой княгиней Маріей Николаевной; увеличено только число пушечныхъ выстрѣловъ. Бракосочетаніе состоится 16-го числа.

Апрѣля 16-го. Военный министръ графъ Чернышевъ получилъ княжескій титулъ.

Апрѣля 28-го. Балъ у наследника цесаревича, на который съѣхалось до 300 особъ. Залы дворца были переполнены военными и свитскими.

Апрѣля 29-го. Большой парадъ, удостоившійся одобренія его величества.

Апрѣля 30-го. Публичный маскарадъ, коимъ закончились празднества въ Петербургѣ.

Мая 4-го. Императоръ уѣхалъ въ Москву. Великій князь съ супругою выѣхали туда же 7-го числа. Тверское дворянство дало имъ балъ.

Мая 19-го. На минеральныхъ водахъ, на дачѣ Строганова была разыграна лотерея въ пользу глазной лѣчебницы. На розыгрышѣ присутствовало свыше 1.000 человекъ, въ томъ числѣ генераль-губернаторъ графъ Эссенъ и оберъ-полицеймейстеръ Кокошкинъ.

Мая 24-го. Я былъ у министра финансовъ графа Канкрина, чтобы поговорить съ нимъ о дѣлахъ комитета. Я просилъ сложить по крайней мѣрѣ банковъ долгъ, когда будетъ уплачено 60 т. р. Онъ сказалъ

мнѣ, что затруднительное положеніе финансовъ не позволяетъ ему ходатайствовать объ этомъ въ настоящемъ году.

— Сколько же вы должны еще?—спросилъ онъ.

— Пятьдесятъ тысячъ рублей ассигнаціями,—отвѣчалъ я;—при томъ я прошу ваше сіятельство разрѣшить мнѣ напомнить вамъ объ этомъ послѣ вашего возвращенія.

Онъ замолчалъ и какъ бы безмолвно согласился на мою просьбу. Я сказалъ ему между прочимъ, что мнѣ извѣстны всѣ происки, которые дѣлаются противъ него при дворѣ, но что безпристрастные люди отдають ему должное за все сдѣланное имъ на пользу отечества.

На этомъ обрывается дневникъ Давова, скончавшагося въ 1841 г

О наблюденіи типографіями цензурныхъ узаконеній.

Циркулярное отношеніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея гражданскимъ губернаторамъ.

13-го февраля 1822 г.

Г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія увѣдомилъ меня, что, по случаю несоблюденія цензурныхъ узаконеній типографщиками и издателями, признаетъ онъ необходимо нужнымъ сдѣлать повсемѣстно подтвержденіе о слѣдующемъ:

1. Чтобы къ цензурному просмотру не представлялись книги никакого рода, ни даже періодическія изданія, уже печатныя, но всегда рукописи, исключая токмо книгъ, печатаемыхъ новымъ тисненіемъ.

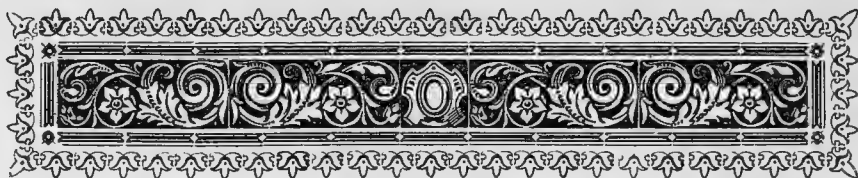
2. Чтобы типографіи не приступали ни подъ какимъ видомъ къ набору и тисненію рукописей или и печатныхъ книгъ, ни даже періодическихъ изданій, какъ-то: журналовъ или газетъ, безъ точнаго на нихъ одобренія цензуры.

3. Чтобы мѣста, не дозволенныя цензурою къ напечатанію, отнюдь не были замѣняемы точками, обнаруживающими въ книгѣ то, что цензурою не было пропущено.

Всѣ сіи предположенія г. министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія доводилъ до свѣдѣнія государя императора и получилъ на то высочайшее его величества утвержденіе.

По сему уваженію и въ слѣдствіе отношенія ко мнѣ князя Александра Николаевича Голицына, я вмѣняю себѣ въ обязанность просить васъ, милостивый государь мой, о подтвержденіи кому слѣдуетъ во ввѣренной вамъ губерніи, чтобы означенныя правила были точно и непремѣнно наблюдаемы, подъ опасеніемъ отвѣтственности въ случаѣ нарушенія оныхъ.

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи ¹⁾.

Въ Іерусалимѣ.

48.

25-го сентября. Пустыня Іордан-
ская мон. Іоанна Предтечи.

Слава Богу, послѣ 22 лѣтъ моего обѣта быть на Іорданѣ, я прибыла на грани моей земной жизни въ землю обѣтованную и черезъ 22 года и 8 мѣсяцевъ долгаго страдальческаго для меня времени, вчера, 24-го, поклонилась, на пути къ Іордану, горѣ Новавъ (небо), откуда Господь показалъ Моисею всѣ концы земли обѣтованной. Эта гора господствуетъ среди высокихъ горъ хребта горъ Аравійскихъ, которыя находятся противъ бывшаго въ древности славнаго города Іерихона, который Господь нашъ Іисусъ Христосъ часто посѣщалъ, освѣщая путь свой дѣлами божественнаго всемогущества и милосердія. Здѣсь онъ даровалъ зрѣніе слѣпому, здѣсь утѣшалъ мытаря по имени Закхея. Мѣста эти теперь въ запустѣніи; отъ прежняго города не осталось ничего. Іерихонъ, подобно маленькой деревнѣ (или селенію), населенъ арабами, около селенія вытекаетъ изъ горъ источникъ близъ нынѣшней деревни или селенія, гдѣ сооружена греками церковь во имя пророка Елисей. Здѣсь попеченіями великихъ князей Сергія и Павла Александровичей построенъ русскій страннопримный домъ, для поклонниковъ нашихъ, гдѣ они получаютъ ночлегъ на пути слѣдованія на Іорданъ и обратно. Отъ Іерихона Іорданъ находится въ двухъ часахъ пути, дорога тутъ идетъ по самой дикой и неровной пустынѣ; близъ Іордана

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1902 г.

всюду наносы песку, которые образовались при разливѣ рѣки и Мертваго моря; тутъ же и груды соли и мусора, смѣшавшихся съ пескомъ. Вотъ тутъ-то и монастырь святаго Іоанна Крестителя на обнаженномъ холмѣ, противъ того мѣста рѣки Іордана, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ принялъ крещеніе отъ Іоанна. Древній монастырь нынѣ вполне разрушенъ. Онъ былъ сооруженъ царицей Еленой, въ недавнемъ времени возобновленъ стараніями и средствами патріарха Никодима, тому лѣтъ 15 не болѣе, а древній монастырь (находился) на землѣ бедупновъ. Завтра надѣюсь въ день Іоанна Богослова имѣть счастье быть при освященіи воды на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ крестился, и погрузиться съ моими больными ногами въ тѣ самыя святыя струи, гдѣ совершилось все, въ началѣ нашего спасенія.

Не безъ основанія полагають, что и израильтяне, предводимые Іисусомъ Навиномъ, перешли здѣсь черезъ Іорданъ. Сюда относятся древнія великія событія, при которыхъ Іорданъ открывалъ дно свое для того, чтобъ прошли люди, яко по суху. Здѣсь же и святая Марія Египетская прошла по водамъ къ отцу Зосимѣ, для принятія тѣла и крови Спасителя, и затѣмъ перешла обратно въ свою пустыню. Одинъ археологъ грекъ началъ дѣлать скудными средствами монастыря раскопки; многое свидѣтельствуєтъ теперь, что это то самое мѣсто, гдѣ было крещеніе Господа.

49.

26-го сентября. День св. Іоанна Богослова.

Сейчасъ съ Іордана. Богъ сподобилъ меня читать паремію и апостола во время освященія воды и прочитатъ всѣ молитвы и тропари и во время погруженія креста въ струяхъ Іорданскихъ, старческимъ голосомъ пропѣть трижды: «во Іорданѣ крещающуся тебѣ Господи» и проч. Изъ пустыньки іорданской, гдѣ жилъ Іоаннъ Креститель, принесли древнюю икону Богоявленія. Игуменъ Пахомій меня оное благословилъ, что конечно меня много утѣшило. Послѣ водоосвященія игуменъ окропилъ насъ, затѣмъ всѣ мужчины пошли въ даль, мы же трое остались погрузиться въ св. струи Іордана. Купальную монатейную, новую святку сохраняю до принятія схимы или до смерти. То, что я чувствовала, входя въ воду, не могу описать, и я, опускаясь бережно въ мѣстѣ, гдѣ еще никто не погружался, трижды пропѣла: «во Іорданѣ» и проч. Затѣмъ поспѣшно вышла на берегъ; такъ какъ ноги мои больныя и слабыя скользили по тинѣ и песку, то боялась, какъ бы не упасть, и держалась за натянутую веревку.

27-го числа вечеръ. Утромъ мы поѣхали на старый Иорданъ по дорожкамъ, проведеннымъ между кустарниками божьяго дерева въ близости рѣки. Иорданъ окруженъ густыми, но не высокими ивами, берега крутые, теченіе рѣки быстрое, и не вездѣ можно купаться, иначе смѣлки уносятся потокомъ, что и бываетъ неоднократно. На крутыхъ берегахъ, даже на обрывистыхъ растутъ тростникъ или камышъ, одѣтый зеленой пеленой плюща и леандра, но теперь леандры не цвѣтутъ; плющъ крупный, и эти тростники величиной въ 6, 7 аршинъ. Берега Иордана очень живописны, рѣка Божоявленія стремится быстро голубою лентою къ Мертвому морю, волны котораго орошаютъ ноги паломниковъ, ищущихъ камушки, которые отбрасываетъ море изъ пучины своей. На берегахъ все чисто, выбрасывается соль и мѣстами колючій мохъ. Вода нестерпимо солена и горька, рыбы въ томъ морѣ нѣтъ никакой и если зайдетъ какая изъ Иордана, то она умираетъ и откидывается волнами на берегъ; мѣсто дикое, все вокругъ его мертво. На берегу стоятъ деревянная палатка (баракъ), а на водѣ нѣчто въ родѣ баркаса, на которомъ путешествуютъ бедуины окрестныхъ селеній, но мы никого не видали. Кучеръ нашъ еврей отпрегъ лошадей, выкупалъ ихъ, но пить имъ конечно не давалъ. Сестра Ольга, разувшись стала собирать для меня камушки, и ноги ея обдавались жгучими и горячими солеными волнами. На разстояніи двухъ-трехъ верстъ не болѣе пріѣхали въ монастырь преп. Герасима, великій подвигъ котораго извѣстенъ намъ. Братіи тутъ только 15 человекъ. Нашъ встрѣчали, какъ и въ монастырѣ св. Іоанна Крестителя, со звономъ по мѣстному обычаю. Въ двухъ верстахъ видѣется гора, жилище львовъ, гуляющихъ по ночамъ въ окрестностяхъ, и даже тому два дня левъ величиною съ осла приходилъ къ монастырю св. Герасима и собаки лаемъ своимъ отогнали его далеко. Съ террасы одинъ монахъ швырнулъ въ него камнемъ, онъ испугался и бѣжалъ. Мой проводникъ негръ вооруженъ на случай револьверомъ, такъ какъ иногда бываютъ нападенія бедуиновъ. Новый монастырь сооруженъ тому 30 лѣтъ патріархомъ Іерооеемъ, а древній разрушенъ уже давно. Мощи преп. Герасима частію въ Іерусалимѣ въ церкви Гроба Господня, а на мѣстѣ, гдѣ былъ погребенъ, не осталось никакого слѣда. Чудотворная икона Божоявленія въ патріархіи, а монастырь основанъ былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Богородица съ Іисусомъ Христомъ, съ Іосифомъ и Іаковомъ братомъ Божиимъ, имѣли ночлегъ и отдохновеніе во время бѣгства ея въ Египетъ.

50.

23-го сентября, вечеръ.

Ужасная жара меня положительно истомила, солнце пекло до захода, теперь посвѣжѣе. Всѣ ночп. здѣсь молятся, а весь день игументъ съ

братіей въ трудахъ, на своихъ плечахъ носить хворость съ пустыни Іорданской. Вокругъ монастыря пр. Герасима почва не плодородная, и мѣстность во всѣхъ отношеніяхъ дикая.

50.

30-го сентября. Іерусалимъ.

Вчера я пріѣхала изъ Іорданской пустыни. Іерусалимъ отъ Іордана въ 70-ти верстахъ; убійственный воздухъ Мертваго моря повліялъ на меня своею сухостію и адскою жарою. Кромѣ того я 6 дней ничего не ѣла, молоко скверное и чѣмъ-то пахнетъ. Въ Візанію не завернула, экипажъ хотя крытый, запряженный тройкой хорошихъ лошадей, но утомилъ меня сильно. Въ 4 часа дня были мы у Яфѣскихъ воротъ, и пришлось идти пѣшкомъ, что меня еще болѣе утомило.

52.

17-го октября, Іерусалимъ.

Вчера была у обѣдни въ арабской церкви, гдѣ, по случаю накопившихся поклонниковъ, пѣли по-русски. Ко всеночной ходила на русскую постройку и до начала службы исповѣдовалась у благодѣтеля моего старца игумена Веніамина. Молюсь за него; тому три дня, думала, что онъ умретъ, но молитвы сонма людей, за него постоянно молящихся, возвратили его къ жизни. Ему 80 лѣтъ, страдаетъ катарромъ легкихъ, два дня никого не принималъ, пріобшился Св. Таинъ, передалъ свою духовную библіотеку въ Палестинское общество, передалъ оному и домъ, имъ купленный тому 5 лѣтъ, который стоитъ до 40.000, и въ которомъ живутъ бесплатно бѣдныя поклонницы изъ русскихъ. Онъ завѣщалъ, чтобы Палестинское общество не требовало никогда отъ нихъ платы и такимъ же образомъ въ будущемъ призрѣвали бѣдныхъ. Видя холодность и недружелюбіе къ нему архимандрита Рафаила, завидующаго ему за любовь и уваженіе, которое онъ пріобрѣлъ въ Іерусалимѣ въ теченіе 40 лѣтней его жизни, Веніаминъ поручилъ Палестинскому обществу заняться его погребеніемъ. Мнѣ Богъ помогъ написать ему икону Спасителя съ тѣмъ, что она будетъ помѣщена на памятникѣ на его могилѣ на Сіонѣ.

53.

18-го октября.

Сегодня годовщина памятнаго для меня дня. Сегодня вечеромъ въ эти самые часы въ 1874 году была я въ Москвѣ въ окружномъ судѣ;

кончилось мое дѣло, и злобою людскою была я невинно осуждена сонмомъ безграмотныхъ присяжныхъ засѣдателей, въ числѣ которыхъ былъ раскольникъ секты перекрещенцевъ, имѣющій противъ меня сильную злобу за открытіе тайной молебни въ 1866 году въ Серпуховѣ. Восемь лѣтъ послѣ того, врагъ отомстилъ мнѣ. Творецъ всесильный далъ ему право издѣваться надо мной, но души моей касаться не дозволилъ, а потому силою Божіею минуты осужденія были для меня счастливейшими минутами моей жизни. Писавши мой іерусалимскій дневникъ, обращаю къ тебѣ и мои душевные воспоминанія о ночи съ 18-го на 19-е октября.

Наши настоящія дружескія отношенія влекутъ меня, чтобы открыть и тебѣ то, чѣмъ переполнена была душа моя въ то время и чѣмъ она наполнена теперь, въ настоящія минуты, во время моего житія въ св. градѣ Іерусалимѣ.

Судъ начался 5-го октября, я, при появленіи моемъ въ оный, была удивлена переменой по закону назначенныхъ присяжныхъ засѣдателей для моего дѣла. Возраженій я не сдѣлала, во-первыхъ, не зная правъ моихъ для отвода незаконно и тайно отъ меня назначенныхъ судомъ, а во-вторыхъ, все и вся предоставляя Богу, я эту перемену приняла какъ бы исходящую отъ Него.

Благодаря вниманію предсѣдателя, мнѣ было приготовлено покойное бархатное кресло, и на скамью подсудимыхъ меня не взвели. 14 дней я находилась на травлѣ и глядѣла на судей и присяжныхъ, какъ на палачей, а не какъ на людей, правду по закону рѣшающихъ. Измученная нравственною пыткой въ присутствіи гласнаго суда, гдѣ тысячи глазъ были обращены на меня убогую, разукрашенную высочайшими наградами, 14 долгихъ дней я ждала рѣшенія присяжныхъ, т. е. моей участи, и вотъ, наконецъ, въ 3 часа ночи на 19-е число все было кончено. Слово мое присяжнымъ было сказано отъ души, изложено искренно, въ немъ было между прочимъ первое: что Господь подкрѣпить меня перенести тѣ пытки, которыя я перенесла на судѣ; что мою твердость отношу особенной милости Божіей, что меня грѣшную много укрѣпляла постоянная мысль, что если Самъ Страдалецъ Іисусъ былъ приведенъ на судъ Пилата, то какъ же мнѣ паче всѣхъ худѣйшей не испытать тѣхъ страданій, къ которымъ я осуждена; второе, что меня подкрѣпляетъ тотъ обѣтъ, который я дала передъ Крестомъ и Евангеліемъ во время моего постриженія, переносить безъ ропота всякій позоръ. Вотъ тѣ мысли и тѣ чувства, съ которыми я встрѣтила рѣшающій мою участь приговоръ людей, а не Бога. Я была укрѣплена тѣмъ чувствомъ, что я опозорена за мою безграничную любовь къ ввѣреннымъ мнѣ сестрамъ Владычнаго монастыря, къ бѣднымъ больнымъ, къ сиротамъ, призрѣваемымъ и ко всему страждущему человечеству,

которому я служила, по истинѣ сказать, день и ночь. Все вышесказанное возбуждало мои нравственные силы, любовь къ монашеству, мои внутренніа задушевныя убѣжденія, тягость, которую я ощущала постоянно отъ моего высокаго положенія. Людской приговоръ я выслушала по совѣсти спокойно, точно будто рѣчь шла даже вовсе не обо мнѣ; мнѣ казалось, что я не осуждена, но награждена судомъ Божиимъ, отнявшимъ отъ меня тяжесть, гнетущую меня по земному высокому положенію. Въ минуты обвиненія я почувствовала какую-то внутреннюю радость, вспомнивъ слова моего незабвеннаго старца и учителя въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета: «Вы несете безвинно скорбь, а въ словѣ безвинно большое утѣшеніе противъ скорби». Я возвратилась къ той монашеской жизни, для прохожденія которой я оставила міръ, все мое богатство въ тѣ минуты превратилось въ нищету, и съ того времени я счастлива вполне и это счастье не оставляло меня доселѣ, при всѣхъ моихъ нуждахъ. Слава Богу о всѣхъ и всегда! вотъ мой девизъ. 22 года прошли и тѣ чувства, которыя подкрѣпляли меня и утѣшали, во время моей позорной пытки, подкрѣпляютъ и утѣшаютъ меня и теперь, тѣмъ болѣе теперь, когда я на склонѣ лѣтъ удостоилась выплакаться на Св. Голгофѣ и поклониться Св. Гробу Господню, на мѣстѣ, гдѣ возлежалъ и воскресъ изъ мертвыхъ Спаситель міра, гдѣ я по милосердію Божию вотъ уже пятый мѣсяцъ почти ежедневно взываю у самаго животноснаго Гроба: «радуясь животноснѣй гробѣ, изъ него же Христосъ Воскресе».

54.

20-го октября.

Сегодня день кончины императора Александра III. На раскопкахъ была торжественная обѣдня, служилъ архіерей Поликарпъ и нашъ русскій архимандритъ Рафаилъ; присутствовали при службѣ: русскій консулъ Арсеньевъ со своимъ штатомъ и уполномоченный Палестинскаго общества Михайловъ. Патріархъ еще не возвратился, ждутъ его въ началѣ ноября. Время у насъ въ Іерусалимѣ отличное: въ 6 часовъ утра солнце сіяетъ, люди на постройкахъ работаютъ, въ тѣ часы и я открываю свое окно, иду въ храмъ или молюсь дома по мѣрѣ силъ. Келія моя очень удобная, главное на солнцѣ — для живописца очень хорошо. Сегодня я устроила на стѣнѣ эскизъ, мною написанный для креста Голгофскаго. Спокойствіе духа, когда взираю на изображеніе креста, подкрѣпляетъ меня, и я счастлива, что Господь даетъ силу заниматься живописью.

55.

26-го октября.

Весь день писала два эскиза предстоящихъ для Голгофскаго креста въ ростъ, одинъ докончила, завтра докончу другой. На Голгофѣ тѣло

Спасителя писано на кипарисѣ и укрѣплено къ трехъ-древнему кресту. Эта работа меня очень заботитъ и утѣшаетъ, заказала себѣ лѣстницу, чтобы на оной сидѣть, когда буду писать тѣло Спасителя.

56.

27-го числа.

Сегодня воскресенье, мнѣ сказали, что службы не будетъ въ Воскресенскомъ храмѣ, потому что архіерей служить въ городскомъ монастырѣ. Вставши въ 5 часовъ, я пошла приложиться къ Св. Гробу. Слышу великолѣпное пѣніе и органъ—иду къ Св. Гробу, тамъ идетъ служеніе католиковъ. Постояла у окна Кувукліи, посмотрѣла на благоговѣнное служеніе и пошла далѣе, тамъ идетъ литургія коптская, потомъ взшла въ пещеру, вижу въ этомъ бѣдномъ склепѣ служеніе сирянъ, т. е. абиссинцевъ; я стала не подалеку отъ служащаго священника, иконостаса нѣтъ, престолъ покрытъ пеленою зеленого цвѣта съ золотыми позументами, стоятъ три подсвѣчника съ зажженными свѣчами, надъ престоломъ лампада, на престолѣ малая позолоченая серебряная чаша и маленькій дискосъ, но безъ звѣзды. На престолѣ три небольшія иконы, передъ престоломъ коврикъ, подъ онымъ на полу большая рогожка. Священникъ служитъ очень благоговѣнно, на немъ бѣлый подрясникъ, затѣмъ эпитрахиль, поручи, поясъ и риза малинового цвѣта, на головѣ въ родѣ шапочки монашеской, вышитой бѣлымъ; пѣніе хотя не стройное, но не столько кричатъ, какъ у грековъ. Сирийскій храмъ по бѣдности своей освѣщается пятью лампадами, которыя висятъ въ сводѣ склепа. Полумракъ этого святилища возбуждаетъ къ молитвѣ, благоговѣнію всѣхъ служащихъ также; ни разговора, ни смѣху не слышно.

57.

15-го ноября.

Вчера былъ царскій день, для меня знаменательный: ровно 27 лѣтъ, какъ Псковская община освящена и открыта. Слава Богу, я еще не умерла и радуюсь преуспѣянію общины. Сегодня мнѣ минулъ 71 годъ, слава Богу, хранить меня Господь. Была сегодня за благословеніемъ у отца Веніамина, солнце проглянуло, посидѣла у него съ часъ. Я рада, что увидала старца и утѣшена его духовною бесѣдою. На базарѣ толпа народа: турки, арабы, греки, иностранцы и русскіе всѣ толкаютъ другъ друга. Идти мнѣ по этимъ улицамъ трудно и тяжело, главное по уличнымъ лѣстницамъ ходьба для больныхъ ногъ тяжела. Иногда пожалѣешь и навьюченнаго осленка, котораго гонять по лѣстницамъ; ноги у нихъ тонкія, слабыя, того гляди, упадетъ, верблюдамъ легче, ихъ шагъ великъ.

58.

17-го ноября.

Сейчасъ былъ у меня арабъ-столяръ, на меня работающій, съ тѣхъ поръ какъ я въ Іерусалимѣ. Я стала у него разспрашивать о благодатномъ огнѣ, и отъ него получила слѣдующія свѣдѣнія.

Получивши въ великую субботу святаго огня отъ Гроба Господня, всѣ спѣшатъ домой, зажигаютъ фонарь и одинъ изъ семьи идетъ на Сіонъ, каждый къ своей могилѣ, гдѣ покоются родныя ихъ семьи. Огнемъ, взятымъ у Гроба, они осѣняютъ могилу, дѣлая на оной огнемъ три креста, со словами: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа», и тѣмъ освящаютъ любимый прахъ, говоря, что благодать святаго огня нужна всѣмъ, какъ живымъ, такъ и мертвымъ. Такой здѣсь обычай съ незапамятныхъ временъ.

59.

18-го ноября.

Вчера былъ у меня архимандритъ Мелетій, профессоръ нашей духовной академіи, грекъ, который изучилъ русскую исторію. Здѣсь въ семинаріи его патріархъ опредѣлилъ на должность. Черезъ него я имѣю надежду на полученіе данныхъ относительно исторіи праздника Покрова, о чемъ я писала въ моемъ дневникѣ. Теперь же мой дневникъ молчитъ, хотя у меня много есть чего описать, я этимъ займусь, окончивши эскизы въ ростъ человѣка. Отецъ Веніаминъ мнѣ помогъ, далъ мнѣ нужныя средства для заказа креста Голгофскаго столяру, а теперь я сосредоточена мыслями и сердцемъ на Голгофѣ. Все хорошо, патріархъ пріѣхалъ, выздоровѣлъ, буду у него на-дняхъ, поднесу икону пр. Герасима.

Слава Богу, 15-го числа мнѣ минуло 71 годъ, глаза хороши, ноги ходятъ по лѣстницамъ іерусалимскимъ, устаю, но все-таки бодро себя чувствую.

60.

24-го ноября 1896 г.

Вчера, день святителя Митрофанія, встрѣтила въ Воскресенскомъ храмѣ. Преосвященный Поликарпъ пріобщалъ меня въ 3 часа ночи у Св. Гроба. Балуютъ меня старицу всѣ служители Гроба Господня, и монахи голгофскіе называютъ меня «мамаша». Архимандритъ Ефимій радъ, что я осталась до будущаго лѣта. Преосвященный Поликарпъ просилъ меня бывать у него, онъ добрейшій человѣкъ, много пострадалъ отъ патріарха Никодима безвинно, былъ сосланъ, изгнаніе продолжалось нѣсколько лѣтъ, но послѣ изгнанія Никодима, онъ былъ

какъ невинный возвращенъ святѣйшимъ синодомъ іерусалимскимъ и возведенъ въ санъ архіерея. Онъ очень ученъ и очень умный человѣкъ, еще молодъ, ему около 55 лѣтъ, онъ своими достоинствами мѣшалъ честолюбію патріарха Никодима.

61.

1-го декабря.

Сегодня день св. Филарета Милостиваго—день памятный. Была я въ арабской церкви и поминала усопшаго отца моего митрополита Филарета, потомъ была у патріарха. Вниманіе его ко мнѣ и предупредительность меня старуху трогаетъ; удивился моему живописному искусству. Икона, которую я написала ему въ подарокъ, очень понравилась, мы съ нимъ много сегодня поговорили, передалъ снѣ мнѣ про свое путешествіе за границу, былъ въ Парижѣ, потомъ въ Швейцаріи, гдѣ пилъ воды и купался по назначенію парижскихъ докторовъ; эти воды ему очень помогли, но онъ еще слабъ, не служилъ еще со времени своего пріѣзда. Отъ него пришла домой, время было прекрасное, теперь открыто окно, 23 градуса по Реомюру на солнцѣ, а въ комнатѣ 14; дожди начинаютъ быть сильными, но теперь они пріостановились, вѣроятно, на нѣсколько дней.

62.

6-го декабря.

Сейчасъ изъ храма Воскресенія, гдѣ проздновали торжество тезоименитства нашего Царя. Торжество было великое: присутствовалъ русскій консуль Арсеньевъ съ женою и весь его консульскій штатъ, также Палестинское общество въ полномъ составѣ и русскій архимандритъ Рафаиль. Левый хоръ былъ русской миссіи, храмъ и Кувуклія огнемъ горѣли; сотни лампадъ и свѣчъ придаютъ что-то волшебное.

63.

16-го декабря.

Сейчасъ возвратилась изъ Крестнаго монастыря, гдѣ еще не была, и отъ Симеона Богопріимца. Изъ Крестнаго монастыря мы ѣздили въ мѣсто лѣтняго пребыванія іерусалимскаго патріарха. Тамъ прелестная мѣстность, воздухъ чистый, раздѣланы сады въ европейскомъ вкусѣ, церковь хорошая. Я тамъ въ палисадникѣ сорвала цвѣты желтенькіе, благоуханіе ихъ удивительное, такихъ цвѣтовъ я у насъ въ оранжереяхъ не видала никогда, постараюсь привезти съ собой.

Зима стоитъ великолѣпная, говорятъ, рѣдко такія зимы бываютъ въ Іерусалимѣ. Слава Богу, что я никого не послушала и сию крѣпко на утесѣ Голгофскомъ, въ зданіи Св. Гроба Господня, гдѣ построено Авраамовское подворье.

64.

22-го декабря.

Сегодня второй день іерусалимской зимы, по ночамъ вѣтеръ и сильный дождь; днемъ съ утра солнце. Сегодня въ часть ночи было пять градусовъ, а теперь 2 ч. дня—семь, т. е. тепла; у меня же въ келіяхъ отъ 12 до 14 град., въ корридорѣ холодно. Послѣ Крещенія начну писать голгофское распятіе. Всѣ, которые видятъ у меня эскизъ въ рамѣ, находятъ, что ликъ удаченъ; на себя не надѣюсь, а на Божию помощь. Теперь доска грунтуется, заказала столикъ, чтобы удобно сидѣть и лѣсенку, чтобы безъ помощи другихъ влѣзть и спускаться на полъ; эта работа меня одушевляетъ.

65.

25-го—27-го декабря.

Слава Богу, Господь сподобилъ меня быть въ св. градѣ Іерусалимѣ торжественный праздникъ Рождества Христова. Прежде всего скажу, что дождь идетъ ровно трое сутокъ, только теперь къ вечеру небо прояснилось, температура понизилась.

Въ 11 часовъ ночи, ради торжественнаго праздника, турки отперли храмъ; дождь шелъ, я пошла къ Гробу Господню, стояла утрению и обѣдню. Послѣ обѣдни архіерей пошелъ съ крестнымъ ходомъ, вокругъ Кувукліи, обходилъ онъ Св. Гробъ три раза. Патріархъ служилъ въ патріархіи, а намѣстникъ его и два архіерея были въ Внолеемѣ; весь почти православный людъ Іерусалима наканунѣ пошелъ также туда. Вечеромъ служили по-просту; 26-го служба была обыкновенная, сегодня, 27-го, также все было, говорятъ, пусто, потому что дождь лилъ, какъ бы изъ ведра.

66.

1-го января 1897 г.

Проводила я старый высокосный годъ и встрѣтила 1897 г. радостно въ Воскресенскомъ храмѣ. 1896 г. былъ для меня годомъ незабвеннымъ въ моей жизни тѣмъ, что въ этотъ годъ я поѣхала въ Іерусалимъ.

67.

26-го января.

Зима въ Іерусалимѣ благодатная, сейчасъ пишу у открытаго окна, на солнцѣ 20 градусовъ тепла, такая сила овощей, что цвѣтной ка-

пустой всѣ базары загромождены. Филарета вчера принесла мнѣ качанъ безъ листьевъ въ 10 фунтовъ вѣса за 15 коп., есть кочны по 2 $\frac{1}{2}$ коп., морковь свѣжая, рѣпа, свекла; рѣпа не имѣетъ той горечи, которая у насъ въ Россіи, очень дешева, картофель дешевый. Зимой здѣсь не голодно: консервы всякіе, икра красная и черная, семга, осетрина и бѣлорыбца, но свѣжей рыбы нѣтъ, рѣдко привозятъ изъ Іордана; тамъ ловится сомъ большихъ размѣровъ, есть даже привозная треска. Зимой Іерусалимъ богатъ провизіей, но за то май, іюнь, іюль и августъ здѣсь бѣдствуютъ, даже и въ сентябрѣ плохо. Слава Богу, о жизни Іерусалима все узнала и могу теперь сказать, что жить здѣсь очень хорошо, но безъ денегъ жить и здѣсь трудно, очень трудно. Если бы я была помоложе съ искусствомъ живописи и позолоты, могла бы богато здѣсь жить, но въ мои годы жить постоянно трудомъ въ чужой сторонѣ, по слабости моей, немыслимо.

68.

9-го февраля.

Скорбно, грустно въ Іерусалимѣ сегодня: въ 12 ч. ночи скончался всѣмъ любимый, всѣмъ уважаемый патріархъ Герасимъ отъ болѣзни печени и почекъ. Во время херувимской въ 2 часа ночи возвѣстили служащему архіерею о кончинѣ новопреставленнаго патріарха и тутъ же помянули его имя при выходѣ съ дарами. Послѣ обѣдни была по немъ панихида, всѣ со слезами молились о упокоеніи души его. Послѣдній его выѣздъ былъ 2-го января. Отъ простуды сдѣлалось воспаленіе печени, и наконецъ 28-го онъ попросилъ, чтобы его особоровали. Наканунѣ былъ консилиумъ, на который были приглашены два греческихъ доктора, одинъ англійскій, одинъ французскій, одинъ нѣмецкій, русскій и даже еврейскій. 29-го ему доложили, что я желаю принять его святительское благословеніе. Онъ лежалъ въ постели, я взошла, поклонилась, поцѣловала его руку. Онъ перекрестилъ меня, положилъ руку на мою голову и тихо сказалъ по-французски: «Dieu est notre protecteur. Merci, bien merci». Я вышла вся въ слезахъ. Его вынесли въ 8 ч. утра въ церковь патріархія, и онъ до погребенія возсѣдаетъ на своемъ престолѣ. Во время выноса былъ печальный русскій звонъ, погребутъ его на Сіонѣ. Онъ сидитъ на креслѣ, обитомъ черной матеріей, подъ ногами коверъ, облаченіе бѣлое, митра бѣлая съ золотомъ, омофоръ бѣлый, на груди панатія на серебряной цѣпочкѣ, голова поникнута, глаза плотно закрыты, около него стоитъ любимый его діакономъ о. Ефремъ; лицо воздухомъ не покрыто, наискось отъ его головы стоитъ священникъ-монахъ, читаетъ по-гречески евангеліе. У усопшаго на колѣняхъ икона Божіей Матери, а слѣва на груди онъ держитъ маленькое въ серебряномъ окладѣ евангеліе, священникъ читаетъ безъ

облаченія, діаконъ тоже, нѣтъ ни подсвѣчниковъ, ни репидъ, ни патріаршаго креста, никакой приличной обстановки. Народъ снуетъ взадъ и впередъ, только кавасы на дежурствѣ оберегаютъ тѣло отъ массы народа. Всѣ грустятъ, говорятъ, втораго Герасима у насъ не будетъ. Погребеніе завтра (10-го числа) въ 10 ч. утра; будутъ при погребеніи въ шествіи католики разныхъ орденовъ, ихъ митрополитъ также, армянскій патріархъ, духовенство протестантское и англиканское, архіерей коптскій, сиріонскій, абиссинскій и раввинъ еврейскій. Музыка военная турецкая, солдаты подъ предводительствомъ іерусалимскаго паши; я буду смотрѣть на шествіе изъ училища патріархіи. Сегодня же (синодъ іерусалимскій) послалъ телеграммы о смерти патріарха въ Россію, государю, въ синодъ, въ Константинополь султану и визирю, въ Аѳины королю греческому. Въ шествіи будетъ участвовать и русская миссія, также всѣ консулы.

Герасимъ былъ прежде патріархомъ антиохійскимъ, затѣмъ послѣднія 7 лѣтъ іерусалимскимъ. Кротость, любовь и смиреніе были въ немъ замѣчательны; по духу онъ былъ подвижникъ, истинный монахъ, всѣ иновѣрцы по немъ горюють, даже и католики. Теперь будутъ выборы, но кого назначить султанъ, конечно, неизвѣстно.

69.

10-го февраля 10 часовъ утра.

Время чудное, солнце сіяетъ, небо сине-голубое, всѣ спѣшать на Сіонъ, гдѣ назначено погребеніе патріарха въ 10 ч., т. е. выносъ изъ церкви св. Константина и Елены. Обѣдня была ранняя простая по-гречески, а не по чину російской православной церкви. 8 град. тепла въ воздухѣ; благовѣста къ погребенію еще нѣтъ, потому что не получена телеграмма отъ султана о погребеніи патріарха на Сіонѣ, и на передачу управленія одному изъ двухъ избранныхъ архіереевъ. Первый ударъ колокола возвѣститъ о полученіи этой телеграммы отъ султана, но если телеграмма опоздаетъ, то и выносъ долженъ дожидаться оной, потому что до разрѣшенія султана нельзя погребать патріарха. Подушки съ орденами будутъ нести каждый консулъ своихъ государей.

Неурядица несказанная была на выносѣ и проводахъ патріарха. Ни одной хоругви не было при выносѣ, только двѣ репиды и патріаршіи крестъ были впереди шествія, при двухъ фонаряхъ. Свѣчей вынесено не было, ихъ не было даже въ церкви. Несли усопшаго на креслѣ, покрыли лицо его воздухомъ; несли монахи въ рясахъ; изъ высшаго духовенства шелъ одинъ митрополитъ Никифоръ, духовникъ патріарха въ облаченіи, шли нѣсколько діаконѡвъ, монахи и послушницы всѣ въ рясахъ; затѣмъ шли ученики семинаріи и изъ нашего училища нѣсколько

дѣвочекъ несли вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ съ надписью «патріарху Герасиму». Похоронили его сидя въ креслѣ.

Все кончено, патріарха Герасима нѣтъ...

Теперь начнутся ссоры и выборы.

70.

16-го февраля.

Сегодня воскресенье, а я грѣшная по немощи моей не была въ церкви. Служилъ преосвященный Деміанъ вилеямскій, назначенный султаномъ ефитропомъ церкви іерусалимской до избранія пріемника усопшему патріарху Герасиму.

Теперь начнутся выборы, это процедура долгая, пожалуй, быть можетъ, дождусь и новаго патріарха. Преосвященный Деміанъ былъ посланъ покойнымъ патріархомъ за себя, для присутствія при коронаціи императора. Человѣкъ онъ разумный и деликатный. Говорятъ, теперь будетъ составленъ іерусалимскимъ синодомъ списокъ изъ 12 лицъ, имѣющихъ право на патріаршество, и списокъ этотъ будетъ посланъ султану, который вычеркнетъ тѣхъ, кого турецкое правительство допустить до патріаршества не желаетъ. Затѣмъ списокъ этотъ будетъ посланъ въ Петербургъ и Аѳины, гдѣ по правительственнымъ соображеніямъ будутъ исключены непригодные къ избранію. Тогда турецкій султанъ изъ числа оставшихся изберетъ трехъ и изъ этихъ трехъ будетъ избранъ одинъ патріархией іерусалимской. Избраніе будетъ по шарамъ или по запискамъ. Ефитропъ Деміанъ, который въ списокъ быть уже не можетъ по закону, будетъ предсѣдателемъ выборовъ, которые производятся будутъ въ Воскресенскомъ храмѣ. Тѣ лица, изъ которыхъ будутъ избирать патріарха, будутъ въ то время ожидать своей участи въ патріархіи. Затѣмъ избраннаго патріарха введутъ съ торжествомъ къ Гробу Господню.

Должно быть, что по близости времени Пасхи, благодатный огонь будетъ получать съ Гроба Господня преосвященный Деміанъ.

71.

27-го февраля.

Общественная жизнь въ Іерусалимѣ сильно волнуется, по смутамъ и рѣзнямъ на островѣ Критѣ и чумѣ въ Индіи. Русскихъ поклонниковъ въ Іерусалимѣ не пускаютъ, къ Пасхѣ, бывало, ихъ было до 10—15 тысячъ, а теперь осталось тысячи три; высылать не высылаютъ, но послѣ Пасхи уѣдутъ вѣроятно тысячи двѣ или болѣе. Пока Россія въ мирѣ съ Турціей, то на Св. Землѣ все будетъ тихо и благополучно. Получи-

лась телеграмма въ патріархію, что въ Меккѣ холера, поклонниковъ изъ Россіи не пускаютъ въ Іерусалимъ, а изъ Іерусалима турокъ, по приказанію султана не пускаютъ въ Мекку; говорятъ, что для уѣзжающихъ изъ Іерусалима въ Европу будетъ карантинъ. Здѣсь эпидеміи не бо-
ятся, тому 25 лѣтъ была холера, но малое время, другихъ болѣзней эпидемическихъ даже не помнятъ.

72.

9-го марта.

О чумѣ и холерѣ ничего не слышать у насъ, карантинъ нѣтъ, все оказалось пустою болтовнею. Для избранія патріарха пріѣхали два архіерея, одинъ изъ Назарета, другой изъ Акры; вѣроятно, къ Пасхѣ выборы состоятся, любопытно будетъ присутствовать на нихъ.

73.

29-го марта.

Грустно видѣть тѣ интриги, которыя усиливаются въ патріархіи. Султанъ ужъ повелѣлъ, чтобы патріарха избрать къ Пасхѣ, но едва-ли это сбудется. Ссоры, распри, все мнѣнія идутъ врозь. Синодъ ничѣмъ не кончается, и послѣ ссоры та или другая партія идутъ на разбирательство къ папѣ.

74.

31-го марта.

Зима прошла, но зима только на словахъ, у меня теперь 15 градусовъ тепла въ комнатѣ. Сегодня опять назначено синодомъ собраніе для избранія патріарха, если выберутъ двухъ или трехъ лицъ, то будетъ рѣшительное избраніе у св. Гроба Господня. У коптовъ дѣло другое, они послѣ смерти патріарха избираютъ 12 человекъ изъ опытныхъ старцевъ монастыря св. Антонія въ Египтѣ и при собраніи народа въ Каирѣ, младенецъ мужскаго пола вынимаетъ изъ сосуда одинъ пакетъ, и то имя принимается какъ бы отъ руки Божіей, и старецъ назначается въ патріархи.

Сообщилъ Князь А. Дадіанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Venezia. Лошади, приучающіяся къ Корзо: *L'illusion de la gloire, qui n'est autre chose que la farine*¹⁾. Лошади скачутъ за вѣнкомъ и за овсомъ. Торжество муки и известки. Маски желѣзныя и обыкновенныя, блузы и бѣлыя куртки. Начало. Колоколь. Сенаторъ со свитою. Церемонія жидовъ въ Капитоліи. Прежняя скачка: жида въ мѣшкахъ отъ Piazza del Popolo до Piazza di Venezia. Нынче только явленіе въ Капитолій съ платою 5000 піастровъ за годовую *dispensio*. Проѣздъ сенатора по Корзо. Первые маски, преслѣдуемые мальчишками (женщина съ собакою, адвокатъ съ ужасными воротниками). 1. Кареты въ два ряда, маски и народъ по бокамъ и въ серединѣ; по тротуарамъ стулья; въ окнахъ ковры; балконы украшены; всѣ дома унижены людьми. Самыя живыя сцены около S. Carlo, Palazzo Ruspoli, Piazza Colonna и Scia(r)ra. Баталія экипажей съ экипажами, экипажей съ балконами и экипажей съ пѣшеходами. Мелкія конфетти и крупныя, и букеты. Одни просто для боя, другіе какъ знакъ вниманія. 2. Выстрѣлъ, возвѣщающій удаленіе экипажей. Большая свобода для пѣшеходовъ и большая возня. Ранѣ движенія войска первый проходъ пѣшкомъ; конница шагомъ. Конница рысью. Раздвоеніе и сліяніе толпы. Разстановка часовыхъ; улица, пушечный выстрѣлъ, бѣгъ; триумфальные крики для первыхъ и свисты для послѣднихъ. Остановка у Piazza di Venezia. Покрывало, шесть, удвоен(ныя) силы, паденіе. Награды состоятъ въ знаменахъ. Выигрышъ (?)²⁾. 3. Послѣ скачки. Разѣздъ во всѣ стороны экипажей; маски по тротуарамъ; окончательныя сцены въ кафѣ и на боковыхъ улицахъ до 12 часовъ; *festin*, или публичный маскарадъ, продолжается въ обыкновенные дни до 12, а въ другіе отъ 12 до утра. Замѣченныя маски и сцены. Первая открываетъ женщина съ собакою. Фантастическая маска, за нею мальчишки, и смѣхъ Антонія³⁾. (Колоколь, слышанный съ высоты Онофріо. Лихорадка). Адвокаты съ огромными бумаж(ными) воротниками и разноцвѣтными носами. Поэтъ съ свистками. Аптекари съ огромными трубками. Кучера женицами. Арлеки(ны) и пул(и)чинелли. Кормилица съ кошкою. Всадникъ. Двѣ маски на ходуляхъ. Сцена трубки и носа. Сцена — и ложки. Концертъ, производимый —. Мужчина женщиною съ огромными плечами. Мертвецъ. Чучела. Пароходъ. Поѣздъ зеленыхъ телѣгъ. Омнибусъ. Деревянные щипцы, на коихъ достаютъ до третьяго этажа. Мѣста, на коихъ садятся красавицы: три фраскаты на Piazza Sciarra. Двѣ миленькія на возвышеніи. Чижикъ, поданный в(еликому) к(нязю), и аплодированіе народа.

¹⁾ Т. е. призракъ славы, которая не иное что, какъ мука.

²⁾ Знакъ вопроса поставленъ самимъ Жуковскимъ.

³⁾ Наемный слуга Жуковскаго въ Римѣ (см. Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенроа, т. I, стр. 570).

29 генваря (10 февраля), воскресенье. У обѣдни. Рисоваль. Въ S. Pietro in Montorio. Обѣд(аль) у в(еликаго) князя. Въ Palacordo съ кн(ягиней) Волхонскою. У в(еликаго) к(нязя) Меццофанти ¹⁾ и Schrewsbury ²⁾.

30 генваря (11 февраля), понедѣльникъ. Утромъ визиты. У Агриколы ³⁾, у Риччи ⁴⁾, у Базилевскаго, у Фиккельмонъ, у Долгорукихъ, у Кателя ⁵⁾, у Мпнарди ⁶⁾. На Corso. Русскія маски. Также пестрота безъ новости. Къ Вьельгорскому. Вечеръ сперва у Элмйтъ, потомъ у Торлоніа. Кр(он)принцъ Баварскій.

31 генваря (12 февраля), вторникъ. Послѣдній день въ Римѣ. Поутру вмѣстѣ съ Гоголемъ къ Кестнеру ⁷⁾, къ Потемкину⁸⁾, къ Шпауру ⁹⁾, къ Мену, къ в(еликому) князю. У Вьельгорскаго, котораго срисоваль и у котораго обѣдалъ вмѣстѣ съ Гоголемъ и Чертковою ¹⁰⁾. На Корзо. Скачка лошадей. Не было масокъ замѣчательныхъ. Лава народу. Быстрота на страдѣ. Всякій невольно увлекается. Идущій тихо становится бѣгущимъ бѣшено, какъ скоро ихъ увлекаетъ струя. Начало моколетя ¹¹⁾. Трубки, трости, телѣги. Нападенія на ѣдущихъ Бой сверху внизъ и по бокамъ. Senza mo(c)colì. На кровляхъ, въ окнахъ, въ корзинахъ, на длинныхъ жердяхъ. Посѣщеніе домовъ. Какъ бы хотъ разъ прокричать, промычать, проревѣть. Непрерывный гулъ. Звѣзды. Лошади и ихъ смиреніе. Ораторъ, увѣнчанный и заброшенный. Нашъ балконъ цѣль нападенія и самое опасное мѣсто для сидящихъ внизу. По вечеру у Нарышкиной. Потомъ на балъ къ Потемкину. Смѣшной дипломатъ Толстой.

1 (13) февраля, среда. Выѣздъ изъ Рима. Я по об(ыкновенію) опоздалъ. Волканическая сторона до Рончильоне. Прекрасные виды между Рончильоне и Витербо. Благод(арность) М. Я. Нарышкиной на улицѣ. Miss Grove. Ночевали въ Aquapendente. Задержка лошадей.

2 (14) февраля, четвергъ. Переѣздъ изъ Aquapendente въ Poggi-

¹⁾ См. выше, стр. 294, прим. 3-е.

²⁾ Т. е. Shrewsbury.

³⁾ Пейзажистъ Эдуардъ Агрикола (р. 1800), родомъ изъ Берлина.

⁴⁾ См. выше, стр. 290, прим. 5-е, и стр. 426, прим. 5-е.

⁵⁾ См. выше, стр. 295, прим. 2-е.

⁶⁾ См. выше, стр. 459, прим. 7-е.

⁷⁾ См. выше, стр. 292, прим. 6-е.

⁸⁾ См. выше, стр. 447, прим. 11-е.

⁹⁾ См. выше, стр. 286, прим. 8-е.

¹⁰⁾ Женою Александра Дмитриевича Черткова, Елизаветою Григорьевною, рожденною графиней Чернышевою (р. 1805 † 1858).

¹¹⁾ Хожденіе съ зажженными свѣчами, которыя потомъ всѣ начинаютъ гасить другъ у друга.

bonsi. Ёхалъ съ Кривцовымъ ¹⁾. Чудная дорога. Волканическая пустыня около Радикофани. Видимая перемѣна всего, кромѣ природы, при въѣздѣ въ Тоскану. Обработанность всюду видна, несмотря на утесы. Другія выраженія лицъ. Въ жилищахъ опрят(ность). Слѣдствіе *petite culture*: деньги, порядокъ, оп(р)ятность, бережливость, наряды, все изъ труда. Sa(n) Quirico. Замѣчательный порталъ церкви. Сіенну проѣхали, не осматривавъ. Пріѣхали въ 8 часовъ въ Poggibonsi, гдѣ нашли Орлова ²⁾. Къ намъ присланъ маршрутъ путешествія. Великій князь почти съ слезами обвинялъ себя, что просился ѣхать, но это другая причина, и, можетъ быть, хорошо, что мы уѣхали.

3 (15) февраля, пятница. Переѣздъ изъ Poggibonsi въ Массу. Быстрый проѣздъ черезъ Пизу. Въ Пизѣ обѣдали у к(нязя) Репнина ³⁾. Его больная дочь ⁴⁾. Репнины весьма недовольны в(еликимъ) к(няземъ). На дорогѣ изъ Poggibonsi въ Пизу встрѣча съ фельдъегеремъ, который привезъ намъ Орлова и убилъ всю надежду остаться въ Италіи ⁵⁾. Урокъ великому князю. Изъ Пизы въ Массу съ Кривцовымъ. Великолѣпная встрѣча герцога Моденскаго, коего мы не видѣли и, тогда же счастливо опередивъ, не попали къ нему на ужинъ.

4 (16) февраля, суббота. Изъ Массы въ Кіавари. Каррара. Прекрасный спускъ въ нее. Герцогъ Моденскій и великолѣпная встрѣча. Дождь отъ Каррары до Кіавари. Въ Сарзанѣ переправа черезъ Магру при музыкѣ и дождѣ. Спеція и преле(стный) ея заливъ. Въѣздъ и спускъ къ Рапалло. Видны заливъ Спеціи, испорченные дождемъ. Въѣздъ при дождѣ и туманѣ и спускъ глубокою ночью къ Рекко. Пріѣхалъ сонный въ Кіавари, гдѣ увидѣлъ Паулуччи ⁶⁾ и Тютчева ⁷⁾. Вездѣ обра-

¹⁾ См. выше, стр. 286, прим. 2-е.

²⁾ Генераль-адъютанта графа (впослѣдствіи князя) Алексѣя Ѳеодоровича Орлова, который былъ назначенъ сопровождать наследника въ дальнѣйшемъ путешествіи вмѣсто умершаго князя Х. А. Ливена.

³⁾ У члена Государственнаго Совѣта, генераль-адъютанта князя Николая Григорьевича Репнина (р. 1778†1845), бывшаго въ 1816—1835 гг. малороссійскимъ генераль-губернаторомъ.

⁴⁾ Княжна Варвара Николаевна (р. 1809†1891), писательница, находившаяся въ перепискѣ съ Гоголемъ и Шевченкомъ.—О пребываніи Репниныхъ въ то время въ Пизѣ см. въ письмѣ Гоголя къ кн. В. Н. Репниной отъ 18-го января 1839 г. (Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шейрова, т. I, стр. 559).

⁵⁾ „Я здоровъ тѣломъ, но боленъ грустію по Италіи, которую мы покинули, какъ любовникъ покидаетъ невѣсту, которую любитъ страстно и съ которой судьба велитъ ему развестись прежде времени“—писалъ Жуковский И. И. Козлову 9 (21) февраля 1839 г. изъ Турина (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 476).

⁶⁾ См. выше, стр. 436, прим. 10-е.

⁷⁾ Поэта Ѳ. И. Тютчева.

ботанность и нищенство. Полкъ нищихъ по дорогѣ. Все здѣшнее богатство отъ моря. Узкая полоса земли по берегу моря. Главный и недостаточный прибытокъ оливы. Ужасно бѣдныя хижины. Народъ кажетсѣ дикимъ отъ неопрятности.

5 (17) февраля, воскресенье. Переѣздъ въ Геную. При выѣздѣ изъ Кіавари въ Геную начинается прекрасная береговая дорога и сады померанцевъ. Нерви тонетъ въ померанцевыхъ деревьяхъ. Солнце. Заливъ Рапалло повтореніе Крыма. Все оливы въ терассахъ. Первая и вторая галерея.

6 (18) февраля, понедѣльникъ. Переѣздъ изъ Генуи въ Александрію.

7 (19) февраля, вторникъ. Переѣздъ изъ Александріи въ Туринъ. Погода лучше. Наконецъ и тепло, и ясно. Амфитеатръ Альповъ. Слѣва Mont Viso, противъ Mont Cénis, вправо Mont Rosa. Сторона, хорошо обработанная. Дурная дорога и богатые поля. Подѣздъ къ Турину черезъ Moncalier(i), примыкающій¹⁾ къ подошвѣ высокаго холма, на коемъ Superga, церковь, гдѣ хоронятъ Савойскихъ государей. Кругомъ Альпы. Прекрасный видъ на По и Туринъ. Великолѣпный мостъ черезъ По и видъ на площадь, наполненную народомъ, на Cantrada del Po. Остановил(ись) въ Hôtel de l'Europe противъ дворца. Визитъ великаго князя королю²⁾, контръ-визитъ и наше представленіе. За обѣдомъ подлѣ Тютчева, который опять Карамзинъ духомъ. Послѣ обѣда проспалъ отъ 8 до 11-ти.

8 (20) февраля, среда. Быстрый взглядъ на картинную галерею. Маркизь Азеліо³⁾ ея начальникъ. Обѣзжали городъ, весьма регулярный, но совсѣмъ не привлекательный. S. Giovanni, гдѣ слышалъ итальянскую проповѣдь; принадлежащая къ нему капелла изъ чернаго мрамора съ св(в)ознымъ сводомъ. Церк(овь) Corpus Domini, маленькій обрачикъ богатыхъ римскихъ. Обѣздъ около города по бульвару. Piazza d'Armi. Длинный каменный мостъ. Церковь Богоматери. Маленькій Пантеонъ, безъ всякаго эффека, архитектурная прекрасная игрушка. Il Monte. Къ Азеліо. Въ книжную бѣдную лавку. Войска на площади. Обѣдъ у короля. Я сидѣлъ между младшимъ сыномъ⁴⁾, довольно умнымъ и пріятнымъ, и между Тютчевымъ—(Деспотъ есть безпрестанно возражающійся) ⁵⁾. Противъ меня Латуръ, бывшій первый министръ. Посѣщеніе С(ильвіо) Пеллико⁶⁾, который имѣетъ

¹⁾ Въ дневникѣ описка: примыкающему.

²⁾ Сардинскому королю Карлу-Альберту (р. 1798†1849).

³⁾ Робертъ Тапарелли, маркизь Азеліо (Azeglio, р. 1790 † 1862), живописецъ и историкъ искусства.

⁴⁾ Фердинандомъ, герцогомъ Генуэзскимъ.

⁵⁾ Одно слово осталось неразобраннымъ.

⁶⁾ См. выше, стр. 454, прим. 9-е.

всю фizioномію своихъ сочиненій: простота и ясность. Живетъ въ домѣ маркиза Бароля ¹⁾, своего покровителя. Отъ Пеллико къ аббату Камподонико ²⁾, который живетъ въ трактирѣ на Piazza, и на дверяхъ его стоитъ: Roma. Поговорили о Козловѣ ³⁾, Вьельгорскомъ, о Римѣ. Какъ мало даетъ утѣшенія мысль въ несчастіи, говоритъ Тютчевъ, очень справедливо и глубоко. Мысль должна обратиться въ чувство, и чувство христiанское, тогда она будетъ не утѣшеніе(мъ), а силою. Смиреніе.

9 (21) февраля, четвергъ. Туринъ. Галлерей. Вмѣстѣ съ Пеллико и маркизомъ Азеліо. Потомъ полчаса у Пеллико. Къ Камподонико и къ Мишо ⁴⁾ Обѣдъ у короля; подлѣ меня—⁵⁾, бывшій министромъ въ Россіи. Вечеру карусель. Центавръ Вагнеръ. Видъ на сцены. Видъ со сцены. Король какъ Вагнеръ. Галлерей оружья. Прощанье.

10 (22) февраля, пятница. Переѣздъ изъ Турина въ Новару. Король на заставѣ. Переправа на понтонахъ. Стансы и несбывшіяся ожиданія. Дорога по равнинѣ, ограниченной снѣжными Альпами, которые удаляются въ сторону по мѣрѣ приближенія къ Новарѣ. Вистъ на два стола. Неудачная посылка за Врбною ⁶⁾.

11 (23) февраля, суббота. Переѣздъ изъ Новары въ Миланъ. Праздникъ Анунціады. Встрѣча съ Врбною на мосту Тессинскомъ. Приѣздъ въ Миланъ въ исходѣ перваго часа. Неудачный визитъ къ Манцони ⁷⁾, къ Гартигу ⁸⁾, къ Маркези ⁹⁾. Театръ: *Gemma de Vergi* ¹⁰⁾, *Les voyageurs*, *Les coutumes indiennes*.

12 (24) февраля, воскресенье. Переѣздъ изъ Милана въ Верону

¹⁾ Маркиза Barolo.

²⁾ Папскому повѣренному въ дѣлахъ въ Туринѣ. — Камподонико ранѣе былъ въ Петербургѣ. На слѣдующій день, 9-го февраля, Жуковский снова посѣтилъ Камподонико и писалъ И. И. Козлову: „При семъ письмо отъ аббата Камподонико, съ которымъ я свидѣлся въ Берлинѣ (опечатка; слѣдуетъ читать: въ Туринѣ) и котораго нашелъ тѣмъ же добрымъ, вѣрнымъ другомъ друзей своихъ, какимъ онъ былъ въ Петербургѣ“ (см. Сочиненія Жуковского, изд. 7-е, т. VI, стр. 476).

³⁾ Поэтъ И. И. Козловъ.

⁴⁾ Быть можетъ, къ генераль-адъютанту графу Александру Францовичу Мишо (р. 1771 † 1841), участвовавшему въ Отечественной войнѣ и въ походахъ 1813—1814 гг.

⁵⁾ Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

⁶⁾ См. выше, стр. 419, прим. 7-е.

⁷⁾ См. выше, стр. 425, прим. 10-е.

⁸⁾ См. выше, стр. 425, прим. 5-е.

⁹⁾ См. выше, стр. 431, прим. 4-е.

¹⁰⁾ *Gemma di Vergy*—опера Доницетти.

черезъ Врешію. Ввечеру разговоръ порядочный о кампаніяхъ Фридриха и Наполеона ¹⁾).

13 (25) февраля, понедѣльникъ. Переѣздъ изъ Вероны въ Тревизу.

14 (26) февраля, вторникъ. Изъ Тревизы въ Удино. Осматривалъ: 1) Кафедральную церковь Богоматери. Построена Сансовиномъ. Нѣсколько замѣчательныхъ картинъ: Богоматерь Gerolamo da Treviso. Успение Pietro Maria Pennachi. Св. Екатерина и другіе святые Bisolo. Чудо Антонія Moroni (новый). Рождество Христово P. Bordone (вырѣзана голова Іосифа). Барельефъ Срѣтеніе Богоматери, Благовѣщеніе Тиціана. Фрески Pordenone. 2) Церковь св. Николая. Запрестольная картина Богоматерь на тронѣ въ храмѣ, который служитъ продолженіемъ рамы, S(ebastiano) dal Piombo ²⁾. Алтарь, украшенный мозаикою, представляющею Т(айную) Вечерю. С. Магдалина Pietro Fiamingo. 3) Театръ.—Городъ, не представляющій ничего замѣчательнаго въ зданіяхъ. Дорога по равнинѣ, окруженной полукругомъ Альповъ, покрытыхъ снѣгомъ. Здѣсь начинаются Карн(і)йскіе Альпы.

15 (27) февраля, среда. Переѣздъ изъ Удино въ Тарвисъ. Осматривалъ городъ, который имѣетъ фizioномію историческую. Площадь съ ратушею, напоминающею въ маломъ Дожевѣ дворецъ. Колонны, на одной изъ которыхъ былъ нѣкогда венеціанскій левъ. Правительственный мрач(ный) домъ съ аркадами и башнею для часовъ, на вершинѣ которой два гиганта съ молотками бьютъ въ полночь часы. Все постройки Палладіо. На верху замокъ, гдѣ содержатся теперь колодники. Для чего отымаютъ у нихъ видъ на окрестность? Безполезная раздражительная жестокость. Видъ съ башни великолѣпный. Моимъ проводникомъ былъ графъ Отеліо, нѣкогда плѣнникъ въ Россіи, жившій въ Вяткѣ и сохранившій намъ благодарность.—Дорога черезъ дикое дефілѣ Понтебы. Всѣ ужасы разрушеній горныхъ. Земля старится. Горы непримѣтно разрушаются и съ ними магазинъ воды. Переѣздъ черезъ мостъ Понтебы. Вдругъ покидаешь Италію. На переѣздѣ изъ Понтебы въ Тарвисъ глубокій снѣгъ. Въ Тарвисѣ, не городъ, а деревнѣ, довольно плохой трактиръ и нѣмецкая спальня. Печи вмѣсто каминовъ,

¹⁾ Упрекъ, который дѣлалъ А. И. Тургеневъ Жуковскому (въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому („Остафьевскій Архивъ“, IV, стр. 71), о томъ, что онъ недостаточно отвращалъ наслѣдника во время путешествія отъ баловъ и парадовъ, не устремлялъ его на лучшее устройство, не заговаривалъ съ нимъ о важномъ, хотя бы и не слушали его, не отвѣчали ему, не надобѣдалъ наслѣднику и его приставникамъ своими напоминаніями, мало съ нимъ читалъ, а занимался только рисованіемъ своихъ альбомовъ, не вполне основателенъ, какъ это можно видѣть изъ многихъ мѣстъ его дневника за 1838 и 1839 гг.

²⁾ T. e. del Piombo.

полы деревянные, короткія кровати и пуховики вмѣсто одѣялъ. Прогулка при лунѣ.

16 (28) февраля, четвергъ. Переѣздъ изъ Тарвиса въ Фризахъ черезъ Виллахъ и Клагенфуртъ. Прекрасная долина. Озеро Вёртъ близъ Клагенфурта (мы ни его, ни Виллаха не видѣли).

17 февраля (1 марта), пятница. Переѣздъ изъ Фризаха къ Леобенъ. Старый замокъ въ Фризахъ. Доминиканскій монастырь опустѣлый. Мой провожатый владѣлецъ развалинъ. Леобенъ проѣхали никогни(то).

18 февраля (2 марта), суббота. Изъ Леобена въ Нейштатъ. Снѣгъ на горахъ. Крутой спускъ къ Шотвейну. Живописное мѣстоположеніе. Бумажная фабрика. Ссора съ почтальономъ и червонецъ. Въ Нейштатѣ Татищевъ¹⁾ и Орловъ²⁾. *Système Nicolas*—все тузами³⁾.

19 февраля (3 марта), воскресенье. Приѣздъ въ Вѣну. Прекрасный видъ на Вѣну отъ креста *Spinnen Kreuz*. Квартира въ *Hofburg* (*Schweizerhof. Kabinetsfüge*). Я сосѣдъ *Fürstenberg*'а⁴⁾. Тотчасъ въ мундиръ. Представленіе Меттерниху⁵⁾ и Колловрату⁶⁾. Величественное, неподвижное лице М(еттерниха). Разговоръ о Франціи: *anarchie politique*. Сравненіе себя съ утесомъ. Графъ Дидрихштейнъ⁷⁾. Графъ Врбна⁸⁾. Графъ Гоесъ, оберъ-г(оф)маршалъ. Графъ Чернинъ, оберъ-камергеръ. Иосифъ Фирстенбергъ, оберъ-шенкъ. Обѣдъ за гофмаршалскимъ столомъ. Я между Дидрихштейна и Фирстенберга, оберъ-шенка. Передъ обѣдомъ представленіе эрцгерцогамъ и императору. Карлъ, Францискъ-Карлъ, Іоаннъ, Лудвигъ, Максимиліанъ⁹⁾. Сынъ палатина¹⁰⁾.—Вечеру театръ. Я въ ложѣ. Близъ графини Wallis. Вечеру у Меттерниха. Его жена; М-е Struve¹¹⁾, Нарышкина. Принцъ Нассау-Принцъ Веймарскій.

¹⁾ См. выше, стр. 208, прим. 11-е.

²⁾ См. выше, стр. 467, прим. 2-е.

³⁾ Рѣчь идетъ объ императорѣ Николаѣ I. Ср. „Записки М. А. Паткуль“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1902 года, июнь, стр. 865.

⁴⁾ Было нѣсколько графовъ Фюрстенберговъ, занимавшихъ высшія придворныя должности.

⁵⁾ Канцлеру.

⁶⁾ Графъ Францъ-Антонъ Kolowrat-Liebsteinsky (р. 1778†1861), министръ внутреннихъ дѣлъ.

⁷⁾ Графъ Маврикій Дитрихштейнъ, оберъ-гофмаршалъ двора австрійской императрицы.

⁸⁾ Оберъ-шталмейстеръ графъ Евгеній Врбна.

⁹⁾ Австрійскіе эрцгерцоги.

¹⁰⁾ Иосифъ (р. 1833), сынъ палатина Венгерскаго Іосифа, въ первомъ бракѣ женатаго на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ († 1801).

¹¹⁾ Вѣроятно, жена совѣтника нашего посольства въ Вѣнѣ Густава Генриховича Струве.

20 февраля (4 марта), понедѣльникъ. Обѣдъ у р(усскаго) посла ¹⁾. Церк(о)вн(ая) служба. Концертъ.

21 февраля (5 марта), вторникъ. Обѣдъ у короля (sic). Библіотека. Комиче(скій) театръ. Письма. (Maria).

22 февраля (6 марта), среда. Лошади. Бельведеръ. Шноръ ²⁾. У эрцгерцога Карла. Валленштейнъ. Меттернихъ.

23 февраля (7 марта), четвергъ. Амбрасская галерея. Выставка. Тезей. Ресторация. Татищевъ.

24 февраля (8 марта), пятница. Утро. Cerrini ³⁾. Графиня Банффи. Бельведеръ. Обѣздъ города съ в(еликимъ) к(няземъ). Обѣдъ у Татищева. У в(еликаго) к(нязя).

25 февраля (9 марта), суббота. Вукъ Стефановичъ ⁴⁾. Въ Бельведеръ. Къ Меттерниху. Обѣдъ у Меттерниха. Я за столомъ близъ Дидрихштейна. Une faute d'orthographe. Вечеру картины.

26 февраля (10 марта), воскресенье. Къ обѣднѣ. На выставку. Меттернихъ. Къ Фюриху ⁵⁾. Къ Дидрихштейну. Его сынъ въ Карслру. Къ графинѣ Банфи. У нея молодой improvisator. Графиня Фуссъ. Гр(афъ) Зичи. Вечеръ въ Шенбруннѣ. Liebesprotoc(o)ll. Обѣдъ въ оранжереѣ подлѣ пр(инца) Виртемб(ергскаго).

27 февраля (11 марта), понедѣльникъ. У меня Ранфль ⁶⁾. Въ Технологическій Музеумъ. Въ арсеналъ. Въ Карузiner Kirche. Къ Чеху ⁷⁾ въ училище глухонѣмыхъ. Къ гр(афу) Гоесъ. Обѣдалъ одинъ у себя. Въ театръ.

28 февраля (12 марта), вторникъ. Поутру у меня Цедлицъ ⁸⁾, Чехъ, Оффенгеймъ, Дидрихштейнъ. Перстень Цедлицу. У Салиса, у Банфи, у Дидрихштейна. Обѣдалъ у Татищева. Вечеру прелестный концертъ во дворцѣ. Прощанье. Герберштейнъ.

¹⁾ Дмитрія Павловича Татищева.

²⁾ См. выше, стр. 414, прим. 7-е.

³⁾ Баронъ Cerrini, оберъ-гофмейстеръ двора эрцгерцога Альберта.

⁴⁾ Знаменитый сербскій писатель Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

⁵⁾ Извѣстный живописецъ Joseph von Führich (р. 1800†1876).

⁶⁾ Живописецъ Mathias-Johann Ranftl (р. 1805 † 1854), познакомившійся съ Жуковскимъ въ 1827 году во время пребыванія своего въ Петербургѣ (см. Wurzbach, Biographisches Lexicon des Kaiserthums Oesterreich, томъ 24 (Wien. 1872), стр. 330).

⁷⁾ Священникъ Францъ-Германъ Чехъ (Czech, р. 1783 † 1847) преподавалъ Законъ Божій въ вѣнскомъ училищѣ глухонѣмыхъ и, вмѣстѣ съ директоромъ этого училища Венусомъ, много содѣйствовалъ улучшенію ихъ участи.

⁸⁾ Поэтъ баронъ Іосифъ-Христіанъ фонъ Цедлицъ (Zedlitz, р. 1790†1862). Въ 1836 г. Жуковскій перевелъ одно изъ лучшихъ его стихотвореній „Ночной смотръ“.

20 марта (1 апрѣля), понедѣльникъ¹⁾. Пребываніе въ Гагѣ. Обѣдня. Обѣдъ у короля²⁾. Вечерня. Вечеръ у великой княгини³⁾. Разговоръ съ молодою принцессою⁴⁾. У меня Yvoу и Schulz и Алопеу(съ)⁵⁾.

21 марта (2 апрѣля), вторникъ. У принцовъ. У Yvoу. У Алопеуса. Обѣдня. Обѣдъ у принца Оранскаго. Вечерня. Вечеръ у Мальтица⁶⁾. Картонъ Ленардо да Винчи.

22 марта (3 апрѣля), среда. У Сева⁷⁾. Галерея новыхъ картинъ фламандской школы. Обѣдня. Обѣдъ у принца Оранскаго. Я во все время подлѣ пр(инца) Вильгельма. Послѣ обѣда у в(еликаго) князя. 1000 рублей Штегману⁸⁾. Литографія. Бѣда на свѣтѣ болѣе отъ комаровъ и мухъ, нежели отъ чудовищъ.

23 марта (4 апрѣля), четвергъ. Причащеніе⁹⁾. Потомъ все утро дома. Обѣдъ у пр(инца) Оранскаго. Картина въ его кабинетѣ, представляющая самоотверженіе Вандерверфа¹⁰⁾. Вечерня и 12 евангелій. Вечеръ у себя. Письма. Писалъ къ Штегману. Прощай Англія. За что же убили Италію?

24 марта (5 апрѣля), пятница. Этотъ день дома. Принималъ лѣкарство. У Орлова. Чтеніе его писемъ. У Мальтица. Его жена. У Шульца. Съ гр(афомъ) Алопеусомъ прогулка за городъ. Костюмъ ске-

¹⁾ Замѣтки Жуковскаго за время съ 1 (13) по 19 (31) марта были писаны, какъ сказано въ настоящей тетради дневника, „въ книжкѣ № 4, карандашомъ“; этой книжки дневника Жуковскаго нѣтъ между его бумагами, пожертвованными Императорской Публичной Библіотекѣ П. В. Жуковскимъ. — Выѣхавъ изъ Вѣны 1-го марта, наслѣдникъ отправился въ Мюнхенъ, посѣтилъ затѣмъ Штутгартъ, Карлсруэ, Гейдельбергъ, Дармштадтъ, Майнцъ, Кобленцъ и, совершивъ поѣздку по Рейну, прибылъ 19-го марта въ Роттердамъ.

²⁾ У короля Нидерландскаго Вильгельма I (р. 1772†1843).

³⁾ У великой княгини Анны Павловны, супруги Вильгельма, принца Оранскаго (впослѣдствіи короля Нидерландскаго Вильгельма II (р. 1792†1849).

⁴⁾ Съ дочерью великой княгини Анны Павловны, принцессою Софіею (р. 1824).

⁵⁾ Младшій секретарь нашей миссіи въ Гагѣ, графъ Александръ Давыдовичъ Алопеусъ (сынъ бывшаго посланника въ Берлинѣ графа Д. М. Алопеуса).

⁶⁾ У нашего министра въ Гагѣ барона Франца Петровича Мальтица (см. выше, стр. 78, прим. 4-е).

⁷⁾ У адъютанта принца Фридриха Нидерландскаго, полковника Сева, владѣвшаго собраніемъ картинъ новыхъ мастеровъ.

⁸⁾ См. выше, стр. 100, прим. 9-е.

⁹⁾ Это былъ Великій Четвергъ.

¹⁰⁾ Голландскаго патріота Питера ванъ деръ Верфа (van der Werff), оказавшаго подвигъ самоотверженія во время осады Лейдена испанцами въ 1574 году.

венингских¹⁾ женщинъ. Мантія. Шляпа. Окрестности Гаги. Дюны. Всякое растеніе исчезаетъ къ морю. Повозки безъ дышла. Деревянные башмаки. Прогулка мимо трехъ кладбищъ: жидовскаго, обнесеннаго досчатымъ заборомъ, католическаго съ церковью и лютеранскаго съ домомъ для мертвыхъ, гдѣ чистота; горница для доктора съ фортопьяно. Памятникъ Лауница²⁾. Вѣра, Надежда, Любовь, памятникъ молодой Сторумъ, умершей отъ любви. M-elle Sibourg. Шоссе кирпичное. Торфъ и дуга, обнесенные плотинами. Чистота улицы. Мытье домовъ и мостовой. Каналъ безъ конца.—Обѣдалъ одинъ дома. Послѣ обѣда у Бенкгаузена³⁾, коему далъ комиссіи. Вечеръ дома одинъ. Письма.

25 марта (6 апрѣля), суббота. Весь день дома больной. Вед(икій) к(нязь) по обыкновенному и не вспомнилъ обо мнѣ. Передъ обѣдомъ у меня Мальтицъ, потомъ капитанъ Аріенсъ⁴⁾; потомъ гр(афъ) Алопеусъ, съ которымъ ходилъ по городу. Старинный замокъ статхудеровъ, передъ коимъ казненъ О(лденъ) Барневельдъ⁵⁾. Тюрьма, въ коей содержались де Витты⁶⁾ и передъ кою умертвилъ ихъ народъ. Мимо эшафота, на коемъ въ 7 ударовъ отрублена голова Аделаиды Пульгетъ любовницы Алберта. Гробъ голландскій камень съ 7 рубцами и пирамидальный знакъ на мостовой. Покупалъ рисунки. Въ 10 часовъ заутрени. Всѣ русскіе. Розговѣнье у в(сликаго) князя.

26 марта (7 апрѣля), Свѣтлое Воскресенье. Подарокъ отъ принца Оранскаго. Розговѣнье у Анны Павловны. Питье за здоровье государя и Боже царя храни. Къ Сева. У него картина Гукгука⁷⁾ Внутренность лѣса съ огромнымъ деревомъ. Его сы(нъ) рисовщикъ. Экгутъ⁸⁾ голландскій живописецъ. Данте точно голландецъ. Въ галерею Ферстолька⁹⁾: три Рюисдаля, два моря и водопадъ; Рембрандта Голова старухи. Гооль—Внутренность. Вуверманъ—баталія. Поттеръ. Дюжарденъ. Ванъ деръ Вельдъ. Ванъ деръ Неръ. Тербургъ. Бергемъ. Боль-

¹⁾ Sheveningen—мѣстечко недалеко отъ Гааги.

²⁾ См. выше, стр. 230, прим. 6-е.

³⁾ Генеральный консулъ въ Англіи Егоръ Карловичъ Беньгаузенъ.

⁴⁾ Адъютантъ принца Оранскаго.

⁵⁾ Янъ van Oldenbarnevelt, нидерландскій государственный дѣятель, противникъ принца Морица Оранскаго, возведенію котораго въ штатгальтеры онъ самъ способствовалъ, былъ казненъ въ 1619 году.

⁶⁾ Янъ и Корнелисъ де Витты (de Witt), нидерландскіе государственные дѣятели, враждовавшіе противъ дома Оранскаго, были убиты народомъ въ 1672 году.

⁷⁾ Голландскій пейзажистъ Bernhard-Cornelys Koek-Koek (р. 1803†1858).

⁸⁾ Янъ-Іосифъ Eeckhout (р. 1793†1861).

⁹⁾ Баронъ Jan-Gilbert Verstolk van Soelen (р. 1777 † 1845), нидерландскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1818—24 гг. онъ былъ посланникомъ въ Петербургъ.

шое собраніе рисунковъ и гравюръ.—Въ Société du Plein. Курящая толпа съ виномъ и газетами. Cabinet de lecture. Обѣдъ у короля. Я между министрами внутреннихъ дѣлъ¹⁾ и финансовъ²⁾. Послѣ обѣда дома. Вечеръ у Мальтица. Антикварій —³⁾; secrétaire d'état —⁴⁾. Westcappelen⁵⁾. Поттеръ.

27 марта (8 апрѣля), понедѣльникъ. Рожденіе принцессы⁶⁾. Обѣдня. Поздравленіе. Къ Сева и намъ сперва къ Лоттуму⁶⁾. Рафаэлева Мадонна, типъ Мадонны д'Альби⁷⁾ и едва-ли не лучше. Къ Эггуту⁸⁾. Ателье въ родѣ Герардова⁹⁾. Обои картины. Большой шкафъ. Шитая риза. Бутылки. Портреты Ванъ Эйка, Рембрандта и другихъ вмѣсто став(е)нь. Оружія. Стилеты. Эскизы картинъ начат(ыхъ): Смерть Вильгельма I¹⁰⁾. Супружество Жакелины¹¹⁾. Чтеніе Шекспира, изъ Вудстока¹²⁾. Эскизъ Женитьбы Jan de Витта¹³⁾. Дочь живописца. Его ученикъ. Копія съ Рембрандта. Эскизы: Собака, Танцы. Оттуда къ Адлербергу. Обѣдъ у короля. За столомъ близъ президента криминальной палаты и камеры депутатовъ: мы выиграли отъ отдѣленія Бельгіи¹⁴⁾. Права Франціи. Оппозиція фракцій въ камерахъ. Въ Голландіи не слыхано, чтобы судья кривилъ душою. Хорошій духъ камеръ. Привязанность къ королю. Характеръ фризоновъ и ихъ малорѣчивость. Уголокъ малодоступный иноземцамъ. Вліяніе на характеръ мѣстности. Что такое цивилизація: собственность, идея правды, вниманіе ко всему умственному. Тутъ всѣ формы годятся. Физіономія народа. Революція фр(анцузская) хотѣла всѣмъ дать вдругъ иную схожую внѣшность и вздумала намазать ее на лицахъ насильно кровавою кистію. Ходьба по городу. Повозки безъ дышелей. Тротуары плебейскіе и аристократическіе. Тѣнь де Витта проказница въ домѣ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ его кабинетъ остался по

¹⁾ Генераломъ барономъ Кокомъ.

²⁾ Министромъ финансовъ былъ G. Beelaerts van Blokland.

³⁾ Для фамилии въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

⁴⁾ Баронъ Генрихъ-Іаковъ Doorn van Westcapelle (р. 1786 † 1853), долгое время бывший въ царствованіе короля Вильгельма I министромъ внутреннихъ дѣлъ.

⁵⁾ Принцессы Софіи (см. выше, стр. 473, прим. 4-е).

⁶⁾ Графъ Фридрихъ Wylich und Lottum (р. 1796 † 1847), прусскій посланникъ въ Гаагѣ.

⁷⁾ Т. е. д'Альбе.

⁸⁾ См. выше, стр. 474, прим. 8-е.

⁹⁾ Французскій живописецъ Gérard (см. выше, стр. 415, прим. 2-е).

¹⁰⁾ Вильгельма I Молчаливаго (убитъ въ 1584 г.).

¹¹⁾ Жакелины, принцессы Баварской (р. 1401 † 1436), съ герцогомъ Іоанномъ Брабантскимъ.

¹²⁾ Романъ Вальтеръ Скотта.

¹³⁾ См. выше, стр. 474, прим. 6-е.

¹⁴⁾ Отъ Голландіи въ 1830 году.

прежнему. Вечеръ у принца Оранскаго. Мазурка. Невинныя игры. Разговоръ послѣ у в(еликаго) к(нязя) о привидѣніяхъ и прочемъ.

28 марта (9 апрѣля), вторникъ. Поутру съ Сева въ Музеумъ. Быкъ Поттера, его Корова въ водѣ. Рембрандтъ Анатомія. Рюиздаль два пейзажа. Рай Брегеля и Рубенса. Ванъ Дикъ—портретъ Букингама ¹⁾ и его жены. Ванъ деръ Гельстъ—портретъ Пот(т)ера. Мирисъ—его портретъ. Ванъ Остадъ—двѣ группы. Рубенсъ—портретъ его духовнаго отца. Рембрандтъ—Симеонъ принимаетъ Спасителя во храмъ. Рюиздаль—Видъ Гарлема. Янъ Стеенъ—Докторъ и больная. Сваневельдъ—большой пейзажъ. Теньеръ—Кухня. Химикъ. А. ванъ деръ Вельтъ—Схевенинг(ен)ъ. В. ванъ деръ Вельтъ—два морскихъ вида. Дюреръ—портреты. Гольбейнъ—Т(ома)съ. Морусъ ²⁾. Эразмъ ³⁾. Анна Сеймуръ ⁴⁾. Вернетъ—Буря. Мурилло—Богоматерь съ Младенцемъ. Пастухъ. Жанъ Беллини Богоматерь.—У Орлова съ Мальтицемъ. Ввечеру балъ. Рисунки Рафаеля, Коррежия и Микель Анжа.

29 марта (10 апрѣля), среда. Поутру дома до 12 часовъ. Потомъ къ Алопеусу, котораго засталъ за страсбургскимъ пирогомъ. Пошли пѣшкомъ въ Схевенинг(ен)ъ. Дорога аллею. Мимо дачи принца Оранскаго, принадлежавшей отцу Катцу, вел(икому) пенсіонарію и поэту ⁵⁾. До самой деревни Схевенинг(ен)ъ аллея. Деревня какъ городокъ. Тротуары аристократическіе и плебейскіе. Мостовая. Окна огромныя съ чистыми стеклами. Выставка раковичныхъ издѣлій. Фонари. Двери съ бронзовыми ручками и головами. Вымощенные камнемъ сѣни. Деревья. Церковь на берегу. Горы дюнь. Рыбій запахъ. Море. Его не-вѣрность въ приливъ. Собаки тройкой, четверкой. Горы корзины. Костюмъ: широкой плащъ, длинная кофта, маленькій круглый чепецъ. Возвращеніе въ фіакръ. Обѣдъ у короля. За обѣдомъ подѣлъ Омфала ⁶⁾. Театръ: Une bonne fortune, глупость; Les gants jaunes, смѣшно. Diver-tissement дрянъ (Боже царя храни, Вильгельмъ ⁷⁾ и Сарафанъ ⁸⁾).

30 марта (11 апрѣля), четвергъ. Къ великому князю. Разговоръ особенный. Все утро за городомъ. Солнце и рѣзкой холодъ. Лѣсъ. Maison au Bois. Дворецъ, построенный принцессою Амалією Сольмскою

¹⁾ Извѣстнаго любимца королевъ англійскихъ Іакова I и Карла I (былъ убитъ въ 1628 году).

²⁾ См. выше, стр. 305, прим. 10-е.

³⁾ См. выше, стр. 305, прим. 9-е.

⁴⁾ Т. е. Жанна Сеймуръ (третья жена короля англійскаго Генриха VIII).

⁵⁾ Извѣстному Якову Катцу (р. 1577†1660).

⁶⁾ Баронъ Омфаль былъ флигель-адъютантомъ короля Нидерландскаго.

⁷⁾ Голландскій національный гимнъ.

⁸⁾ Романсъ А. Е. Варламова (р. 1801†1851): „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ“.

въ память Генриху-Фридриху Нассаускому, ея мужу, сыну Вильгельма I¹⁾, умершему въ 1647. Зала, расписанная масляными красками Рубенсомъ, Иордан(с)омъ, Эвердингеомъ, Гон(т)горстомъ и еще другими, числомъ 9. Аллегорическое изображеніе случаевъ жизни Генриха. Въ куполѣ портретъ Амаліи. Циклопы. Венера и время, поражающія все земное, Рубенса. Большая аллегорія: Триумфальный въѣздъ въ Герцогенбушъ, Иорданса. Портреты семейные, изъ коихъ одинъ прекрасный Вандиковъ. Японская горница.—Поѣздка черезъ Форбургъ въ Рисвикъ. Внутренность фермы. Деревня какъ городъ. Равнина, разрѣзанная дорогами, и дороги, обсаженные деревьями. Красныя кровли. Мельницы. Нѣсколько городовъ видно разо(мъ), Роттердамъ и Дельфтъ. Веселый ландшафтъ. Каналъ. Суда. Большое судно съ пассажирами. Обѣдалъ одинъ. Вечеру балъ у принца Фридриха²⁾. Ф(анъ) Мааненъ³⁾, де Ион(гъ)⁴⁾, Брюнетъ⁵⁾, beau-frère Глинки⁶⁾, кажется Löwendal, и Hugiens.

31 марта (12 апрѣля), пятница. Утромъ у смѣшнаго Westreenen⁷⁾—собраніе всякаго вздора, которое онъ называетъ своимъ сокровищемъ. Онъ, подавая мнѣ⁸⁾, сказалъ: «Голландскій статск(ій) совѣтникъ служить русскому». Въ библіотеку. Манускриптъ 9-го вѣка съ миниатюрами. Молитвенникъ испанскій. Молитвенникъ съ гротесками. Донатово⁹⁾ латинско(е) Rudiment доказательство первенства изобрѣтенія книгопечатанія въ Гарлемѣ Костеромъ¹⁰⁾. 1. Книгопечатныя рѣзныя

¹⁾ Оранскаго.

²⁾ Сына короля нидерландскаго Вильгельма I. Принцъ Фридрихъ (р. 1797) былъ голландскимъ адмираломъ.

³⁾ Министръ юстиціи Корнелисъ-Феликсъ ванъ Маанен (р. 1769†1849).

⁴⁾ Янъ-Корнелисъ de Jonge (р. 1794 † 1853), голландскій историкъ и нумизматъ.

⁵⁾ Русскій генеральный консулъ въ Амстердамѣ Иванъ Львовичъ Брюнетъ.

⁶⁾ Дмитрія Григорьевича Глинки (о которомъ см. выше, стр. 382, прим. 2-е). Онъ былъ женатъ на Юстинѣ-Христинѣ Вангеманъ-Гюйгенсъ. Бабка ея съ материей стороны была графиня Шарлотта-Маргарита Лёвендааль (см. князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, Русская Родословная книга, изд. 2-е, Спб. 1895, т. I, стр. 134).

⁷⁾ Голландскій историкъ и библіографъ Willem-Hendrik-Jakob Westreenen van Tiellandt (р. 1783 † 1848). Въ своемъ трудѣ „Esquisse de progrès de l'imprimerie dans les Pays-Bas pendant les XV, XVI et XVII siècles“ онъ приписываетъ Лейдену первую идею книгопечатанія подвижными буквами.

⁸⁾ Одно слово осталось неразобраннымъ.

⁹⁾ Донатъ, извѣстный латинскій грамматикъ IV вѣка.

¹⁰⁾ Мнѣніе, будто бы Laurens Janszoon Coster, жившій въ Гарлемѣ въ срединѣ XV вѣка, изобрѣлъ книгопечатаніе ранѣе Гутенберга, не имѣетъ за собою основаній; но во всякомъ случаѣ книгопечатаніе въ Голландіи началось въ Гарлемѣ.

доски деревянные; 2. Рѣзные деревянные подвижныя литеры (окончательное *t*, перевернутая буква доказываетъ, что Донатъ напечатанъ въ Голландіи и подвижными буквами). Собраніе эльзевировъ. Евангеліе славено-голландское ¹⁾. До 100.000 волюмовъ. Поэтъ Богаерсъ ²⁾. Съ Севою въ галерею Стенграха ³⁾, отличное собраніе знатока. Обѣдъ у принца Оранскаго. Замѣчанія Орлова ⁴⁾ на русскихъ солдатъ: прямо въ рай. Я не люблю, чтобы министръ морской сидѣлъ у руля; каждый знай свое мѣсто. Балъ у Мальтица. Министръ внутр(еннихъ) дѣлъ Коск. Бургомістръ гагскій—⁵⁾, *v(an) d(er) Ноор* ⁶⁾ съ брилліантовыми пуговицами.

1 (13) апрѣля, суббота. Поутру у генерала Кока. У живописца—⁷⁾: Спаситель на крестѣ, Филиппъ и Вильгельмъ Оранскій. У Босбома ⁸⁾: виды Руана.—Поѣздка въ Катвикъ съ Бенеринкомъ, инженеромъ и начальникомъ отдѣленія путей сообщенія въ южной Голландіи. Дорога лѣсомъ, потомъ равнинами, усаженными загородными домами. Рейнъ близъ внутренняго канала. Несправедливость Голландіи къ германскому старику. Каналъ, соединяющій Рейнъ съ моремъ. Три шлюзы. Цѣль сего сообщенія давать истокъ водамъ Гарлемскаго озера въ так(ое) время, когда дуетъ восточный вѣтеръ и море низко. Въ высокое море шлюза заперта. Соляная градирня между второю шлюзою и третьею, которая просто мостъ съ дверями; вторая шлюза створчатая, послѣдняя опускающаяся. Сборъ воды и быстрый выпускъ ея въ море для очищенія канала. Проектъ осушить Гарлемское озеро. Катвикскій каналъ есть памятникъ короля Лудвига-Наполеона. Каналъ Цедрикъ и каналъ между Амстердамомъ и Гельдеромъ суть дѣла нынѣшняго короля. Градирня. Три водоема, изъ нихъ машина паровая и двѣ мельницы поднимаютъ воду, и она очищается или дистилируется послѣ по сухимъ вѣтвямъ. Но должна падать со стороны вѣтра. Дистилляція воды производится въ Лейденѣ.—Сторона привлекательная зрѣлищемъ благосостоянія жителей. Порядокъ, опрятность, симметрія въ приборѣ вещей, даже хворосту. Крашенныя бочки. Дорожки, огороды и пр. и пр. Съ дороги виденъ Лейденъ; впрочемъ всѣ виды обыкновенныя. Для путешествія день былъ неблагоприятный: холодъ и дож(дикъ). Бой моря съ шлюзою. Мой товарищъ обѣдалъ у меня.

¹⁾ Напечатанное въ 1717 году по повелѣнію Петра Великаго.

²⁾ Голландскій поэтъ Адріанъ Богарсъ (Bogaers, p. 1795†1870).

³⁾ Галерея барона Steengracht'a.

⁴⁾ Графа Алексѣя Ѳедоровича Орлова.

⁵⁾ Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

⁶⁾ Владѣвшій тоже собраніемъ картинъ.

⁷⁾ Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

⁸⁾ Художникъ Johannes Bosboom p. 1817); онъ рисовалъ главнымъ образомъ внутренности церквей и монастырей.

2 (14) апрѣля, воскресенье. Моя поѣздка доставила мнѣ насморкъ. Хорошо, если тѣмъ только кончится. Поутру къ обѣднѣ. Великій князь читалъ мнѣ письмо, вчера не дочитанное. Къ Севѣ ¹⁾). Прекрасная картина Декампа ²⁾ Иосифъ и его братья. Визиты къ фанъ Манену ³⁾), къ De Jong ⁴⁾), съ которымъ осматривалъ палату депутатовъ, перовъ и ратушу. Палата перовъ та самая, гдѣ Петръ Великій бѣжалъ отъ Штатовъ. Портреты статгудеровъ. Вольшая простота въ убранствѣ, начиная съ Совѣта, простое сукно, оловянные чернильницы, блюда изъ простой глины для песку. Обѣдъ у короля. Подлѣ меня его адъютантъ — ⁵⁾). Вечеръ у принца Оранскаго; пѣніе Толстова, принцессы Софіи ⁶⁾ и Madame Scott ⁷⁾). Разговоръ съ герцогинею Веймарскою, женою Бернарда ⁸⁾). Въ часъ пополудни отправились въ Амстердамъ.

3 (15) апрѣля, понедѣльникъ. Приѣздъ въ Амстердамъ въ шесть часовъ. Горницы въ старой ратушѣ, нынѣшнемъ дворцѣ. Холодъ и дымъ отъ желѣзной печи. Дай Богъ, чтобы Голландія безъ бѣды съ рукъ сошла. Eglise Nouvelle, готическое зданіе. Сводъ деревянный, вѣроятно для легкости. Здѣсь гробы Рютера ⁹⁾, Фонделя ¹⁰⁾ и ван Спейка ¹¹⁾, героя нашего времени, достойнаго славы съ баснословнымъ Курціемъ ¹²⁾. Онъ былъ сирота, воспитанникъ города Амстердама; когда товарищамъ его говорили, что смерть Спейка должна была ихъ изумить, — «Н и м а л о», былъ ихъ отвѣтъ; «никто изъ насъ не удивился, потому что мы все дали обѣщаніе сдѣлать это же въ подобныхъ обстоятельствахъ; жребій достался ему, и онъ сдержалъ слово». Прекрасно. — Музеумъ. Картины нидерландской школы (фламандской и голландской); нѣсколько неважныхъ итальянской и нѣмецкой. Поттера, Дюжардена и Ванъ деръ Вельда.

¹⁾ См. выше, стр. 473, прим. 7-е.

²⁾ Французскаго живописца Descamps (р. 1714 † 1791).

³⁾ См. выше, стр. 477, прим. 3-е.

⁴⁾ См. выше, стр. 477, прим. 4-е.

⁵⁾ Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

⁶⁾ См. выше, стр. 473, прим. 4-е.

⁷⁾ Вѣроятно, жены состоявшаго при англійскомъ посольствѣ Newton-Saville Scott'a.

⁸⁾ См. выше, стр. 429, прим. 9-е. Принцъ Бернгардъ Саксенъ-Веймарскій находился на нидерландской службѣ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта; онъ былъ женатъ на принцессѣ Идѣ Саксенъ-Мейнингенской.

⁹⁾ Знаменитый адмиралъ Michiel Adrianszoon de Ruyster (р. 1607†1671).

¹⁰⁾ Поэтъ Joost van den Vondel (р. 1587†1679).

¹¹⁾ Лейтенантъ флота van Speyk взорвалъ въ 1831 году ставшую на мель около Антверпена канонерскую лодку, которою завладѣли было бельгійцы. При взрывѣ погибли какъ оны, такъ и самъ ванъ Спейкъ.

¹²⁾ Баснословный римскій герой Curtius, пожертвовавшій своею жизнью и бросившійся въ расщелину на Forum Romanum, для того, чтобы она снова закрылась.

Поттеръ самый гениальный изъ трехъ и близкій къ натурѣ; Ванъ деръ Вельде имѣетъ въ сти(лѣ) свое(мъ) много ванъ деръ Верфа; Дюжарденъ среднее между ими. Орфей въ нидерландскомъ костюмѣ, характеристики слушающихъ его лиру животныхъ; Бой медвѣдя съ собаками—большая картина. Дюжардена два ландшафта. Большая картина съ портрета (sic). А. ванъ деръ Вельде—пейзажъ. W. v(an) der Velde—большія марины. We(l)niх—животныя. Вуверманъ—Мародеры. Травля соколами. Вейнантсъ—маленькіе пейзажи. Бергемъ—небольшіе пейзажи. Ботъ—три ландшафта. Брежеленкамп¹⁾—двѣ картинки. Сцены сельской жизни. Герардъ Доу—Школа при свѣчахъ. Мущина и женщина въ саду. Ле Дюкъ. Ванъ Дейкъ—портретъ антверпенскаго бургомистра. Эвердингенъ. Флинкъ—Исаакъ, благословляющій Иакова. Гельдеръ—портретъ Петра Великаго. I. Гаккертъ—Деревья. Van der Hagen. Нееш—Цвѣты и плоды. В. v(an) der Гель(с)тъ—Обѣдъ, данный капитаномъ Витсомъ въ воспоминаніе мира Минстерскаго въ Амстердамѣ. Три начальника арбалетниковъ, рассматривающіе призы. В(анъ) деръ Гейденъ—виды городовъ голландскихъ. Hondekoeter—животныя. Гоогъ (Hooge)—Внутренность дома. Портретъ. V(an) Huysom—Плоды. Clais—Паркъ въ лѣсу. Мешъ—большая картина: Дѣвушка въ окнѣ. Ванъ деръ Нееръ—пейзажи. Ванъ деръ Neefs—Внутренность церкви. Netscher. V(an) Ostade—пейзажъ. Живописецъ въ своей рабочей. Рембрантъ—La garde de nuit, или к(апитанъ) Кокъ съ своей свитой, отправляющійся на стрѣльбу въ цѣль (почему ночью?). 5 портретовъ амстердамскаго цеховаго правленія. Портретъ. Усѣкновеніе главы Предтечи. Rubens—Pieté Romaine. Христосъ, несущій крестъ (эскизъ). Рюйсдаль—Каскадъ большой. Каскадъ малый. Схалькенъ. Рюишъ—цвѣты. Шорель—эмблематическія фигуры. Snyders—Травля бегемота и крокодила. J. Steen—Булошникъ. Шарлатанъ. Праздн(икъ) с(вятаго) Николая. Теньеръ—Караульня, въ коей солдаты играютъ въ карты. С. Антоній. Тербургъ—портреты уполномоченныхъ въ Минстерскомъ мирѣ. Ванъ деръ Верфъ. De Wit—Дельфины. Церковь. Zachtleven²⁾. III. Въ Старую церковь. Слѣдъ погребенія. Цвѣтныя стекла. Переѣздъ по городу. Новый докъ и новая плотина. Шлюзы. Видъ на сѣверную Голландію. Трактиръ на Эйф. Устрицы. Quartier des Juifs, hospice des orphelins catholiques. Arbeitshaus. Keizer(s)gracht. Herrengracht(t). Приѣздъ в(еликаго) князя. Народъ передъ дворцомъ: собаки. Большая зала во дворцѣ, Моисеева зала, Ванъ Спейкова³⁾ зала. За обѣдомъ подлѣ

¹⁾ Т. е. Brekelencamp.

²⁾ Т. е. Saftleven.

³⁾ См. выше, стр. 479, прим. 11-е.

принца Фридриха. Бургомистръ Крамеръ. Генералъ Перпоншѣ. Въ театрѣ. *Gusbrucht van Aemstel*¹⁾. *Arlequin ob het Toover-Eiland*. Ужинъ. Нашъ добрый народъ, только чтобы зубы скалить.

4 (16) апрѣля, вторникъ. Пребываніе въ Амстердамѣ. У фанъ деръ Гопа съ Сева. Въ музеумъ. У консула²⁾. Въ сигарочной лавкѣ. Въ магазинѣ эстамповъ. Обѣдъ за столомъ п(ринца) Оранскаго. Сильный вѣтеръ. Во французскій театръ. *Un bal dans le grand monde*. М-е de Sennetun.

5 (17) апрѣля, среда. Поѣздка съ Оудерменлономъ въ Брукъ³⁾ Саардамъ. Вечеръ у пр(инца) Оранскаго. Омонимы.

6 (18) апрѣля, четвергъ. Въ два училища. Галлерей Six и van Soonen. Къ консулу. *L'Entrepôt*. Фрисъ. Обѣдъ. За столомъ М-е de Vassenaer, баронъ — ⁴⁾, М-elle Omfal, Д. Еввардъ, полковникъ — ⁴⁾. Въ фран(цузскій) театръ. Двѣ глупыя піесы. Вечеръ съ Vassenaer. Картины.

7 (19) апрѣля, пятница. Поѣздка въ Гарлемъ. Плотина и шлюза между Зидерзе и Гарлемскимъ озеромъ. Проектъ высушить Гарл(емское) озеро. Гарлемъ чист(ый) городъ. Старинная ратуша съ крыльцомъ и съ балкономъ для висѣлицы: тамъ портреты графовъ Голландскихъ, бургомистровъ и Костера⁵⁾. Памятникъ Костеру передъ его домомъ. Его гробъ въ кафедральной церкви. Прекрасное готическое зданіе. Игра органовъ: изъ Гендья, изъ Гейдна. Потомъ всякаго рода дрянъ. Громъ, человѣческій голосъ. Все то хорошо, что не насильство. Органъ долженъ быть музыкою церкви. Роскильдъ. — Къ Принцену⁶⁾. Похожъ на книгопродавца Горна. Грубая и прямодушная манера голландская. Его метода чтенія. Ученики въ то же время учителя. Вольность. Право покидать институтъ и право отсылать. Необходимость образовывать помощника. 1600 фл(ориновъ) жалованья, обращающагося въ полный пенсіонъ послѣ 60 лѣтъ службы; 500 послѣ 20 лѣтъ. Двѣ школы среднія, ни для бѣдныхъ, ни для имущихъ. Низшія простыя. Весел(ые) учен(и)ки нормальной школы. Принценъ директоръ школы нормальной и одинъ изъ инспекторовъ прочихъ школъ. Нѣтъ методы ланкастерской. Метода Песталоцци для блеску въ одной школѣ. — Планъ Гарлема въ другой. Занятія про себя, весьма порядочные рисунки на

¹⁾ Т. е. *Gysbrucht van Amstel*, трагедія Vondel'я.

²⁾ И. Л. Брюнета (см. выше, стр. 477, прим. 5-е).

³⁾ Т. е. Broek.

⁴⁾ Для фамилій оставленъ пробѣлъ.

⁵⁾ См. выше, стр. 477, прим. 10-е.

⁶⁾ Педагогъ Питеръ-Йоганнъ Prinsen (р. 1777 † 1854). О немъ см. Frederiks и van den Branden, *Biographisch Woordenboek der Noord-en Zuidnederlandsche Letterkunde*, 2-е изд., Амстердамъ. 1892, стр. 628.

аспидной доскѣ. Пѣніе. Осмотръ города вмѣстѣ съ Десникомъ (?), который служилъ мнѣ переводчикомъ и въ то же время мѣшалъ, ибо я довольно понималъ голланд(ско)-нѣмецкій языкъ Принцена.—Возвращеніе въ лунную ночь. В(еликій) к(нязь) еще нездоровъ. Не ѣздитъ часто въ Амстердамъ. Послѣ обѣда урокъ въ нормальной школѣ: о томъ, каковъ долженъ быть учитель; не наставленіе, а разсужденіе о чтаномъ въ Нимейерѣ¹⁾. Ланкастер(ская) метода никогда не существовала въ Голландіи по той причинѣ, что она занимается болѣе ученіемъ, чѣмъ воспитаніемъ и дѣлаетъ много механически. Нѣтъ жизни, есть форма. Зданія училищныя. Мнѣ подарены всѣ элементарныя книги.

8 (20) апрѣля, суббота. Амстердамъ—Утрехтъ. Великій князь еще остается въ Амстердамѣ. Но болѣзни нѣтъ. М-е Vassenaer. Выходъ на башню дворца съ Роелемъ и Hugiens. Въ Hospice des orphelins. Основанъ женщиною въ —²⁾ году. Только сироты гражданъ (Bürger) Амстердама. Право записывать. До 14 лѣтъ въ институтъ. Отъ 14 до 20 работа у хозяина; часть заработанныхъ денегъ себѣ. До 50 флориновъ въ годъ. Пища, одежда, квартира въ институтъ. Работа внѣ. Контроль ежемѣсячный, при расчетѣ съ хозяиномъ.—Отдѣленіе женское. Дѣвицы до 20 лѣтъ работаютъ въ институтъ. Потомъ выходятъ для услуженія въ дома. Великолепная чистота. Въ рабочихъ горницахъ тихо и порядочно. Милыя, умныя, свѣжія и проказливыя лица. La mère. Школа для мальчиковъ и дѣвочекъ вмѣстѣ. Больница. Спальни. Для дѣвушекъ постели, по двѣ на одной. Окно изъ горницы la mère. Ящики съ ключами каждой и съ общимъ ключемъ la mère. Ихъ работа. Обѣдъ и чтеніе С(вященнаго) Писанія. Больница. Платье изъ двухъ цвѣтовъ.—Отдѣленіе мужское. Спальни, койки. Дворъ. На дворѣ подъ навѣсомъ ящики для инструментовъ. Билеты ежегодные въ продолженіе шести лѣтъ съ занятіемъ инструментовъ.—Присутственная камера кураторовъ: портретъ v(an) Speik³⁾, взрывъ корветты; шпага и ордена и эмблема добраго воспитанника. Знамя, подаренное королемъ, и памятникъ мраморный съ надписью на дворѣ. Всѣ мальчики знаютъ его имя. Ванспейксты. Контора. Стѣны, обвѣшенныя табличами. Портретъ van Speik.—II. Обзоръ Arbeitshaus. Присутств(енная) камера. Портреты директоровъ и директрисъ. Огромныя спальни. Рабочая длинная галлерей, гдѣ работаютъ мѣшки (сучать, ткать и шьютъ) для кофе, и отсылаются въ Остиндію. До 500 бѣдныхъ. Бани. Тряпье. Пища. Больница. Аптека.—Въ синагогу португальскую. Огромная палата. Возвышеніе для чтенія книги Моисея.

¹⁾ Нѣмецкій богословъ и педагогъ Августъ-Германъ Нимейеръ (р. 1754 † 1828).

²⁾ Для цифры оставленъ пробѣлъ.

³⁾ См. выше, стр. 479, прим. 9-е.

Св(ятая) святыхъ, гдѣ хранятся книги закона, серебряныя блюда и сосуды для умовенія. Покрывала во время молитвы. Особое отдѣленіе для женщинъ на верху. — У Пиннемана¹⁾. Ничего особенно замѣчательнаго. Сынъ и отецъ. У перваго кажется мнѣ болѣе таланта. — Завтракъ у консула. Поэтъ Леннепъ²⁾. — Переѣздъ изъ Амстердама въ Утрехтъ берегомъ Фехта (Рейнъ) посреди прекрасныхъ домиковъ, которыхъ легкую красоту надобно воображать и кои въ Голландіи имѣютъ особую прелесть. Въ Утрехтѣ въ Hôtel des Pays-Bas; очень чистый. Вечеру прогулк(а) по горо(ду). Огромная церковь и башня.

9 (21) апрѣля, воскресенье. Пребываніе въ Утрехтѣ—Гуда—Гага. — Прогулка по городу. За городомъ домики, разсыянные посреди рощъ. Липовыя старинныя аллеи. Въ десять часовъ съ профес(соромъ) Креувангер и профессоромъ политической экономіи, бывшимъ въ Россіи—³⁾, въ университетъ. Анатомическій кабинетъ. Препараты анатомическіе. Сравнительная анатомія. Восковые препараты. Физическій кабинетъ: электромагнетическій телеграфъ. Церковь каедральная, коей половина обрушена бурей. Высокая колокольня. Дворъ монастырскій старинной готической архитектуры; палата, гдѣ дѣлаются университетскія пренія и гдѣ засѣдаетъ совѣтъ университетскій. Собраніе портретовъ профессоровъ съ начала университета. — Въ галерею профессора Biepland. Нѣсколько хорошихъ картинъ. Ландшафтъ Бота. Три ландшафта Рюисдаля. Портретъ Гуго Гроція⁴⁾ съ женою, Мааса⁵⁾. Тербурга. Съ 1/2 3-го часа от(ѣздъ) изъ Утрехта. Въ Гоуду въ 1/2 6-го. Въ каедр(альную) церковь. Проповѣдь дѣтская. Прогулка по городу. Наклоненные дома. Живописность нѣкоторыхъ зданій, рѣшетки на кровляхъ. Странная архитектура и внутреннее расположеніе домовъ. Возвращеніе въ церковь. Писанныя окна XVI вѣка; всѣ дары разныхъ лицъ и словій; между ними одно окно Филиппа⁶⁾ II и Маріи, жены его. Для чего Гоудѣ? Въ Гагу пріѣхали въ 11-ть часовъ. Два курьера черезъ Лондонъ. Привезли ленту и брильянты⁷⁾ Кавелину, а мнѣ оплеуху.

¹⁾ Амстердамскіе живописцы Jan-Willem Pieneman (р. 1779†1853) и его сынъ Niclas Pieneman (р. 1810†1860).

²⁾ Фамилія поэта написана Жуковскимъ какъ здѣсь, такъ и ниже ошибочно; слѣдуетъ читать: Леннепъ. Голландскій поэтъ Яковъ ванъ Леннепъ (van Lepper, р. 1802†1868) былъ сынъ Давида-Якова Леннепа (р. 1774†1853) извѣстнаго профессора классической филологіи въ Амстердамѣ, а потомъ въ Лейденѣ, и тоже поэта.

³⁾ Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

⁴⁾ Знаменитаго ученаго Гуго Гроція (р. 1583 † 1645).

⁵⁾ Т. е. Маес.

⁶⁾ Филиппа II, короля Испанскаго († 1598).

⁷⁾ Орденъ св. Александра Невскаго съ брилліантовыми украшеніями.

10 (22) понедѣльникъ. Гага. Мы остаемся здѣсь до 30-го. Слѣдовательно еще 8 дней. Трогательное письмо государя къ в(еликому) князю и императрицы. Къ М-е Dedel. Она познакомилась съ Сашею¹⁾ въ Гіерѣ, потомъ съ нею вмѣстѣ была въ Гіерѣ и Пизѣ и закрыла ей глаза. Простодушная женщина съ голландскимъ здравымъ умомъ. У Босбома²⁾. У Нейена. У генерала Кока³⁾. Картина, представляющая кораблекрушеніе парохода, на коемъ находилась его дочь съ мужемъ, полковникомъ Стюромъ, губернаторомъ Молукскихъ острововъ. Обѣдъ у принца Оранскаго. Послѣ обѣда разговоръ съ Орловымъ⁴⁾. Его прекрасное письмо къ государю. Послѣ-обѣда и вечеръ дома.

11 (22) апрѣля, вторникъ. Сочинялъ стихи Леннепсу⁵⁾, которые прочиталъ съ удовольствіемъ Толстому. Къ великому князю. Подводный ботъ, устроенный на подобіе рыбы съ хвостомъ и жабрами, въ немъ можно пробыть подъ водою до 3-хъ часовъ, не перемѣняя воздухъ, плыть по какому угодно направленію и опускаться на такую глубину, какъ угодно. Къ Мальтицу, который взялся перевести стихи. Домой, гдѣ нашелъ описаніе кораблекрушенія, присланное мнѣ Кокомъ, и письма его дочери, которая во всѣ дни пребыванія на коралловомъ утесѣ вела свой журналъ. Женское сердце сокровище возвышенныхъ чувствъ и силы великой.—Обѣдъ у короля. Послѣ обѣда читалъ реляцію. Вечеръ у Мальтица. Жена его брата⁶⁾ украшенный портретъ сестры. Секретарь французскаго посольства—⁷⁾, бывший въ Бразиліи. Разговоръ о Гёте, о Валленштейнѣ. Разговоръ довольно долгій съ Ферстолькомъ⁸⁾: Голландіи въ Европѣ не знаютъ. Считаютъ насъ отставшими. У насъ много распространено свѣдѣній; но у насъ все практическое и нѣтъ теорій, по крайней мѣрѣ писанныхъ. Противуположность Бел(б)гій. Нашъ характеръ молчаливое блаженство и постоянство. Религіозность съ величайшею терпимостію. Въ школахъ нѣтъ особеннаго преподаванія религіи, отъ сей терпимости; но духъ религіозный препо-

¹⁾ Съ покойною племянницею Жуковскаго Александрою Андреевною Воейковою.

²⁾ См. выше, стр. 478, прим. 8-е.

³⁾ См. выше, стр. 475, прим. 1-е.

⁴⁾ Съ графомъ А. О. Орловымъ.

⁵⁾ Эти стихи Жуковскаго печатаются въ собраніи его Сочиненій съ ошибочною датой 7 (19) апрѣля. Дневникъ точно опредѣляетъ время, когда написано это стихотвореніе. Ошибочное написаніе фамиліи голландскаго поэта (Леннепсъ вмѣсто: Леннепъ) повторяется какъ въ дневникѣ Жуковскаго, такъ и въ печатныхъ изданіяхъ его сочиненій.

⁶⁾ Барона Аполлона Петровича Мальтица (о которомъ см. выше, стр. 413, прим. 6-е).

⁷⁾ Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

⁸⁾ См. выше, стр. 474, прим. 9-е.

даванія. Догматы предметъ особеннаго ученія. Постоянное существованіе камеръ. Нѣтъ никакихъ цвѣтовъ мнѣній. Каждый держится своего. Министры не зависятъ отъ большинства. Король управляетъ и долженъ быть заботливъ. Опасное положеніе отъ Франціи. Отъ потери Бельгіи уменьшеніе силы. Но нужна ли она среднему государству? Неутрализовать. Амстердамъ съ своими капиталами; Роттердамъ съ своимъ движеніемъ коммерціи и пр. и пр. Вечеромъ дочитывалъ реляцію. 9-го мая Шиллеровъ памятникъ открывается въ Штутгартѣ, — и мнѣ бы явит(ь)ся туда съ стихами. Увидимъ.

12 (24) апрѣля, среда. Утромъ у великой княгини. Она нимало не любезна, хотя имѣетъ на то всю добрую волю. Нѣтъ натурального; все по должности. Утро у себя, спалъ, читалъ и писалъ. У меня на минуту Деделъ. Обѣдъ у принца Оранскаго. *Tabagie* ⁴⁾. Вечеръ всѣ у принца Оранскаго, а я дома дописывалъ «Камоенса».

13 (25) апрѣля, четвергъ. Поѣздка въ Дельфтъ. Въ кафедральной церкви монументъ Вильгельма I ²⁾ и Гуго Гроція. Казарма на мѣстѣ дворца. У схода лѣстницы видны дыры, пробитыя пулею убійцы Вильгельма. — Сундукъ, въ коемъ спасся Гуго Гроцій изъ тюрьмы. Медаль, на коей его эффиція, и сундукъ. Бумаги его, относящіяся къ шведской миссіи ³⁾. Все это у вдовы *Graswinkel*. Обѣдъ у короля. Вечеръ дома.

14 (26) апрѣля, пятница. Курьеръ. Мы ѣдемъ въ Англію. Прекрасныя письма государя къ Орлову и в(еликому) к(нязю). Утромъ читалъ записку Поццо ⁴⁾. Обѣдъ у Ферстолька ⁵⁾. Я между v(an) Маанен ⁶⁾ и v(an) der Doorn ⁷⁾. Ввечеру танцы у принца Фридриха ⁸⁾.

15 (27) апрѣля, суббота. Вмѣстѣ съ бургомистромъ у Криземана ⁹⁾, у Схельфута ¹⁰⁾, въ залѣ для Академіи. Обѣдалъ у Дедела. Вечеръ дома. Приготовленіе къ акту. Мы ѣдемъ à l'improviste въ Англію, а надобно быть на вечерѣ, на обѣдѣ, на *déjeuné dansant*, писать письма, два раза къ обѣднѣ и еще осмотръ школы и съѣздить въ Лейденъ.

16 (28) апрѣля, воскресенье. У обѣдни. У Сева заказъ картинъ. У меня Гигенсъ. Обѣдъ у короля за столомъ между Ферстолькомъ и Кокомъ. Вечеръ у герцогини Веймарской. Пѣніе и толкотня.

⁴⁾ Курительное общество.

²⁾ Вильгельма I Оранскаго (убитаго въ 1584 году).

³⁾ Когда Гроцій былъ шведскимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ.

⁴⁾ Посла въ Лондонѣ графа К. О. Поццо ди Борго.

⁵⁾ См. выше, стр. 474, прим. 9-е.

⁶⁾ См. выше, стр. 477, прим. 3-е.

⁷⁾ См. выше, стр. 477, прим. 2-е.

⁸⁾ Сына короля Нидерландскаго Вильгельма I.

⁹⁾ Живописецъ (Янъ-Адамъ Kruseman (р. 1804†1862).

¹⁰⁾ Пейзажистъ Андрей Schelfhout (р. 1787†1870).

17 (29) апрѣля, понедѣльникъ. Двадцать одинъ годъ великому князю У обѣдни. Déjeuné dansant. Коммандорство ордена Сокола. За столомъ подлѣ баронессы Мальтицъ. Слава и многолѣтіе. Послѣ обѣда дома. Вечеръ опять на пляскѣ. Дисброу¹⁾. Писалъ письма.

18 (30) апрѣля, вторникъ. Письма. Молебень. Къ Дисброу. Съ Мальтицемъ въ Лейденъ. Городъ большой и чистый, какъ всѣ голландскіе. У воротъ живописная мельница. Голландія начинается украшаться. Зеленъ. Цвѣты. Садики близъ домовъ. Но все еще нѣтъ листьевъ на деревьяхъ. Въ Лейденѣ осматривалъ: кабинетъ египетскихъ древностей. Папирусы. Рядъ гіероглифическихъ надписей. Есть время Авраама, время вступленія израильтянъ въ Египетъ. Гробы, муміи, всякаго рода утварь, даже хлѣбъ. Все это изъ гробовъ. Древности явайскія. Древности этрускія, греческія, римскія и германскія въ маломъ количествѣ. Кабинетъ японскій Сибольда²⁾, чрезвычайно полный. Простая молельня. Прекрасныя металлическія чаши и вазы. Коллекція рисунковъ. Карты; между прочимъ, Россіи съ русскими надписями. Книги и рукописи. Технологическій кабинетъ всѣхъ царствъ. Модели домовъ, мостовъ, храмовъ, разныхъ лавокъ. Кабинетъ натуральной исторіи; удивительно полный, прекрасно содержимый: чучела слоновъ, гиппопотамовъ, риноцеровъ, антилопъ, обезьянъ, жирафъ и пр. Кабинетъ насѣкомыхъ, раковинъ. Словомъ, богатство неоцѣненное. Собраніе портретовъ: Боэргавъ³⁾, Гензіусъ⁴⁾, Арминій⁵⁾. Картины въ ратушѣ: замѣчательна Страшный Судъ Луки Лейденскаго. Возвратились въ 8 часовъ. Дорогою Мальтицъ читалъ на память Шиллера и Гёте. Завидная память.

19 апрѣля (1 мая), среда. Послѣдній день въ Гагѣ. Въ девять часовъ къ великой княгинѣ. Въ $1\frac{1}{2}$ 11 въ главную народную школу съ де Йонгомъ⁶⁾. До 1000 человекъ въ двухъ горницахъ. Низшій классъ. Склады и чтеніе залпомъ. Склады послѣ чтенія для правописанія. Метода Привцена⁷⁾. Пѣніе безъ нотъ. Высшій классъ: Счетъ головной. Географія общая и Голландія; исторія вообще Голландіи, чистописание (по написанью). Пѣніе по нотамъ. Визиты прощальныя. Про-

¹⁾ Англійскій посланникъ въ Гагѣ Sir Edward Cromwell Disbrowe.

²⁾ Естествоиспытатель и путешественникъ Филиппъ-Францъ von Siebold (р. 1796 + 1866).

³⁾ Голландскій врачъ Германъ Бургавъ (Boerhave, р. 1668 + 1738, въ Лейденѣ).

⁴⁾ Знаменитый лейденскій филологъ Николай Heinsius (р. 1620 + 1681).

⁵⁾ Іаковъ Arminius (р. 1560+1609), профессоръ богословія въ Лейденѣ.

⁶⁾ См. выше, стр. 477, прим. 4-е.

⁷⁾ См. выше, стр. 481, прим. 6-е.

ѣздъ черезъ Роттердамъ. Движеніе водяное и земное. Ночевка въ Дортрех(т)ѣ въ плохомъ трактирчикѣ Bellevue.

20 апрѣля (2 мая). Путешествіе въ Англію. Изъ Дортрехта въ 6 часовъ утра. Переправа къ Мордейку на пароходѣ. Принцъ Фридрихъ въ своей яхтѣ. Приѣздъ в(еликаго) к(нязя) съ п(ринцемъ) Оранскимъ. Послѣ завтрака проспалъ до обѣда. Вечеръ музыка. Разговоръ съ Аріенсомъ¹⁾. Иллюминація.

21 апрѣля (3 мая), пятница. Проснулся уже въ устьѣ Темзы. Безпрерывный приливъ кораблей и пароходовъ. Шернессъ. Гревзевдъ. Искать мѣсто Гревз(ендскаго) монастыря. Помню мѣсто, гдѣ читалъ это въ дѣтствѣ. Вуличъ. Гриничъ. Дептфортъ. Высадка. Стрѣльба. Толстой²⁾ и Торрингтонъ³⁾. Переѣздъ въ Лондонъ. Мы живемъ близъ Grosvenor Square, Brock-Street, H(ôtel) Mivards. У меня три горницы. Это лучший или одинъ изъ лучшихъ трактировъ въ Лондонѣ. Но я не замѣчаю этой разительной чистоты и этой точности. Съ Англіею не то, что съ нашимъ англ(ійскимъ) магазиномъ въ Петербургѣ. Былъ у кн(ягини) Вяземской⁴⁾. У посла⁵⁾. Воронцовъ⁶⁾. Длинный обѣдъ. За столомъ близъ Поццо, который ужасно устарѣлъ. Чтобъ его присутствіе в(еликаго) к(нязя) не ухлопало. Орлову⁷⁾ быть его наслѣдникомъ, и скоро. Бенкгаузенъ⁸⁾, Киселевъ⁹⁾, Бергъ¹⁰⁾, Строгановъ¹¹⁾. Алфри и полиція. Мой valet de pied.

22 апрѣля (4 мая), суббота. Часть утра потеряна. Къ великому князю Къ Воронцову: графиня Шуазель¹²⁾, Гнезенау. Чрезвычайная вѣжность графини Воронцовой¹³⁾. Возвращеніе домой. Въ формѣ къ королевѣ¹⁴⁾

¹⁾ См. выше, стр. 474, прим. 4-е.

²⁾ Иванъ Матвѣевичъ, младшій секретарь посольства въ Лондонѣ, впоследствии графъ и министръ почтъ и телеграфовъ.

³⁾ Лордъ Торрингтонъ (Torrington), назначенный состоять при наслѣдникѣ во время пребыванія его въ Англіи.

⁴⁾ У княгини Вѣры Ѳеодоровны Вяземской, жены князя П. А. Вяземскаго.

⁵⁾ У графа Поццо ди Борго.

⁶⁾ Генералъ-адъютантъ графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

⁷⁾ Графу Алексѣю Ѳеодоровичу. Преемникомъ графа Поццо ди Борго въ Лондонѣ былъ баронъ Филиппъ Ивановичъ Брунновъ.

⁸⁾ См. выше, стр. 474, прим. 3-е.

⁹⁾ См. выше, стр. 437, прим. 1-е.

¹⁰⁾ Камеръ-юнкеръ Александръ Ѳеодоровичъ Бергъ, младшій секретарь нашего посольства въ Лондонѣ.

¹¹⁾ Графъ Алексѣй Григорьевичъ Строгановъ, состоявшій при посольствѣ въ Лондонѣ.

¹²⁾ См. выше, стр. 361, прим. 10-е.

¹³⁾ См. выше, выше, стр. 361, прим. 9-е.

¹⁴⁾ Къ королевѣ Викторіи (р. 1819+1901).

въ Buckingham Palace. Женское кокетство. Нѣсколько минутъ ожиданія. Насъ представлялъ Пальмерстонъ ¹⁾. Молодой адъютантъ королевы. Великолѣпная лѣстница. Большая зала, украшенная картинами. Комната пріемная. Нѣсколько круглыхъ столовъ; фортопьяно съ доскою вызолоченною. Визитъ къ герцогинѣ Кентской ²⁾. Miss Flora Hastings. Довольно долгой разговоръ вел(икаго) князя. Къ герцогу Кембричскому ³⁾. Портретъ императрицы Dow ⁴⁾. Къ герцогу Суссекскому; не принялъ. Къ Веллингтону ⁵⁾. Противъ Hyde Park. Статуя Марса. Въ прихожей подъ лѣстницей колоссальная статуя Наполеона съ побѣдою въ рукахъ. Портреты современныхъ государей. Между прочимъ Георга IV ⁶⁾ въ шотландскомъ костюмѣ; долженъ быть Лоренцовъ ⁷⁾. Желѣзные сторы или ставни. Къ Princess Sophia ⁸⁾. Въ четыре часа вмѣстѣ съ Воронцовымъ прогулка. Взглядъ на лондонскую панораму. Оксфордская улица. Regent-Street. Панорама въ пантеонѣ. Regent Park. Ъхали въ фiakрѣ. Потомъ пѣшкомъ по Tryde Park. Гулянье. Кареты въ три ряда. Мало пѣшеходовъ. Множество верховыхъ мушкетеровъ и дамъ. Великій князь верхомъ и встрѣча съ Кавелинымъ, который недоволенъ тиранствомъ обычаевъ англійскихъ. Обѣдъ у королевы. Мы отплатили ей и заставили подождать *La fatuité de Tolstoy* ⁹⁾, который ужасно важничаетъ. За обѣдомъ Пальмерстонъ, Мельборнъ ¹⁰⁾, Поццо съ племянникомъ и племянницей, Воронцовъ съ женою, Торрингтонъ, Альбермарль ¹¹⁾, принцъ Оранскій съ Ариенсомъ и chargé d'affaires саксонскій. Я подлѣ фрейлины Miss Lister, умная и довольно пріятная лицомъ. Разговоръ à bâton(s) rompus ¹²⁾ полуанглійскій, полуфранцузскій. Съ другой стороны подлѣ меня адъютантъ королевы — ¹³⁾. Противъ Miss Flora Hastings. Послѣ обѣда чуть не попалъ я въ женскую компанію. Нѣсколько минутъ одни мужчины. Потомъ опять въ общей горницѣ; ко-

¹⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ, знаменитый государственный дѣятель Англіи (р. 1784†1865).

²⁾ Мать королевы Викторіи.

³⁾ Герцоги Кембриджскій и Суссекскій—дяди королевы Викторіи.

⁴⁾ См. выше, стр. 197, прим. 4-е.

⁵⁾ Знаменитый фельдмаршалъ, побѣдитель Наполеона I при Ватерлоо († 1852).

⁶⁾ Короля англійскаго († 1830).

⁷⁾ Извѣстный англійскій живописецъ Sir Thomas Lawrence (р. 1769 † 1830).

⁸⁾ Тетка королевы Викторіи.

⁹⁾ Т. е. фатовство Толстого.

¹⁰⁾ Лордъ Вильямъ Мельбурнъ (р. 1779†1848), въ то время первый лордъ казначейства.

¹¹⁾ Графъ Albemarle, оберъ-шталмейстеръ двора королевы.

¹²⁾ Т. е. въ нѣсколько пріемовъ.

¹³⁾ Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

ролева на софѣ съ двумя высочествами, подлѣ в(еликій) к(нязь), Воронцовъ и Пальмерстонъ, съ другой стороны Мельборнъ, Орловъ, Поццо; Lady Albemarle (?) ¹⁾, Lady Surray, бывший ирландскій губернаторъ — ²⁾, Армстронгъ Groom. Послѣ обѣда явленіе нашей свиты. Скучный этикетъ. Cercle. Но великій князь довольно пріятно занимался съ своими сосѣдками. Я проболталъ съ Поццо. Никакъ не удалось представиться Мельбурну. Кончилось въ 11½ часовъ. Здѣсь Бунзентъ ³⁾ и Гамель ⁴⁾.

23 апрѣля (5 мая), воскресенье. Чтобъ понять Лондонъ и почувствовать прелесть здѣшней жизни, надобно здѣсь совсѣмъ сродниться. Это невозможно иностранцу. Римъ есть самый прелестный городъ для иностранца. Потомъ, вѣроятно, Парижъ. Здѣсь размышленіе. Тамъ минута. Въ десять часовъ у в(еликаго) к(нязя). Представленіе: к(нязь) Мещерскій, Лубинскій, старый Крейтонъ, Гамель, Штиглицъ. Къ обѣднѣ въ русскую церковь вмѣстѣ съ Гамелемъ. Завтракъ у Смирнова, гдѣ Воронцовъ, Завадовская, гр. Потоцкая. Заходилъ къ в(еликому) князю. Къ Бунзену; не засталъ. Въ Ричмондъ. Кew, Воскресенье. Группы выходящихъ изъ церкви. Кладбище, чистые гробы, церковь, обросшая плющемъ, дерево по срединѣ. Разнообразіе домовъ и ихъ живописность. Группы дѣтей. Деревья въ цвѣту. Особенное чувство въ Англіи, чувство физической свободы; результатъ общественнаго чувства. Для этого нужна матеріальная воля кошелька. Необходимость обжиться, чтобъ понять Англію. Англія послѣдній актъ воспитанія, какъ латинскій языкъ первый актъ. Для иностранца здѣсь скучно, онъ изолированъ, не къ кому прильнуть. Лондонскій день. — Сравненіе Голландіи съ Англіей. Главная разница въ масштабѣ. Чистота, вкусъ, произведенія, обработанность земли, искусство, народный характеръ. Вліяніе географическаго положенія и исторіи. Отъ чего живописная поэзія въ особенности принадлежитъ Англіи, нѣсколько Швейцаріи, мало Италіи и Франціи, Германіи болѣе фантастическая? Искусство украшать природу, особенно въ томъ, чтобъ ее прятать. Прелестныя деревья въ Ричмондѣ; огромный стволъ, изъ коего вдругъ раскинуло(сь) 20 деревьевъ. Кривая линія, планы, группировка деревъ. Отъ чего грустное чувство, подобное происходящему отъ музыки? Возвращеніе черезъ

¹⁾ Знакъ вопроса поставленъ самимъ Жуковскимъ.

²⁾ Для фамиліи оставленъ пробѣлъ.

³⁾ См. выше, стр. 263, прим. 3-е, и стр. 287, прим. 1-е. Послѣ отозванія, въ 1838 году, изъ Рима Бунзентъ былъ назначенъ въ 1839 г. прусскимъ посланникомъ въ Швейцарію, а въ 1841 г. таковымъ же въ Лондонѣ.

⁴⁾ Вѣроятно, академикъ по части технологіи Іосифъ Христіановичъ Гамель (р. 1788†1861).

Гоммершмидъ ¹⁾. Загородные дома. Трактиры. Желѣзный цѣпной мостъ. Дома въ Чельзеа ²⁾. Терассы. Архитектура домовъ безъ стили. Вывѣски.—Обѣдъ у посла; одни только наши. Его прекрасная племянница, бывшая Крельонъ. Картины: Жераровъ ³⁾ Амуръ и его же Коринна. Холодно и безъ колорита. Вечеръ у княгини Мещерской, гдѣ Воронцовы, графиня Шуазель, Завадовская, Лубинскій, Строгановъ, Долгорукій.

24 апрѣля (6 мая), понедѣльникъ. У великаго князя съ Бунзеномъ. Въ Вестминстеръ. Суды и судьи и адвокаты. Westminster Hall. Westminster Abbey. Гробы, начиная съ ⁴⁾ Ben Jonson (poets corner) ⁵⁾ и оканчивая W. Pitt ⁶⁾. (Шекспиръ, Гендель ⁷⁾, Грей ⁸⁾, Фоксъ ⁹⁾, Канингъ, Чатамъ, Елизавета и Марія Стюартъ, Восковыя фигуры: Карлъ II, Георгъ I и Марія Анна, Елизавета, Нельсонъ ¹⁰⁾. Гробъ Эдуарда ¹¹⁾ и его матери. Генрихъ V безъ головы. Знамена рыцарей Подвязки. Гробъ Чосера ¹²⁾. Нютонъ. Надписи. Шекспира и Гея ¹³⁾. Надпись Генделя. Whyte Hall. Церковь тамъ, гдѣ былъ эшафотъ. Рубенсовъ Апотеозъ Іакова II.—Сходъ на пароходъ. Овощной и рыбный рынокъ. На пароходѣ подъ мостами къ London Bridge. Mansion-House. Залы лордъ-мера и его приѣмныя горницы. S. Paul. Сравненіе съ S. Pierre. Wien. Монументы. Общая панихида. Exhibition. Обѣдъ подлѣ Лабинскаго. Вечеръ у Поццо. Lord Durham ¹⁴⁾ и его жена. Lady Pembroke ¹⁵⁾ и ея дочери. Завадовская. Brou(gham) ¹⁶⁾. Melburne ¹⁷⁾. Marquis Landsdown(e) ¹⁸⁾. Heitesbury ¹⁹⁾. Aberdeen ²⁰⁾. Bug-

¹⁾ T. e. Hammersmith.

²⁾ Chelsea (Чельзи), часть Лондона.

³⁾ См. выше, стр. 415, прим. 2-е.

⁴⁾ Драматургъ Ben Jonson (р. 1573†1637).

⁵⁾ Т. е. уголокъ поэтовъ.

⁶⁾ Министръ Вильямъ Питтъ (р. 1759†1806).

⁷⁾ Знаменитый композиторъ.

⁸⁾ Thomas Gray, извѣстный поэтъ (р. 1716†1771).

⁹⁾ Знаменитые государственные люди Англіи: Charles-James Fox (р. 1749†1806), George Canning (р. 1770†1827) и William Pitt, графъ Chatam (р. 1708†1778).

¹⁰⁾ Адмиралъ Horatio Nelson (р. 1758†1805).

¹¹⁾ Короля Англійскаго.

¹²⁾ Поэтъ Geoffrey Chaucer (†1400).

¹³⁾ Поэтъ John Gay (р. 1688†1732).

¹⁴⁾ John-George Lambton, графъ Durham (р. 1792†1840), бывший губернаторъ Канады, а въ 1835—37 гг. посланникъ въ Петербургъ.

¹⁵⁾ Lady Pembroke, рожд. графиня Екатерина Семеновна Воронцова.

¹⁶⁾ Баронъ Генрихъ Врумъ (Brougham, р. 1778†1868), государственный дѣятель и писатель.

¹⁷⁾ См. выше, стр. 488, прим. 10-е.

¹⁸⁾ Президентъ совѣта министровъ.

¹⁹⁾ Lord William Heitesbury, бывший въ 1830—32 гг. англійскимъ посланникомъ въ Петербургъ.

²⁰⁾ Государственный дѣятель и писатель графъ George Hamilton Gordon Aberdeen (р. 1784†1860).

get ¹⁾). Miss Cowper. Бунзеново мнѣніе о ученіи оксфордскомъ и о учености въ Англіи.

25 апрѣля (7 мая), вторникъ. У великаго князя. Странность моего положенія. Въ 11 часовъ въ церковь с(вятаго) Павла, которая мнѣ понравилась теперь болѣе, чѣмъ наканунѣ. Какъ много величественнаго въ этой смѣси разныхъ монументовъ. Отсюда въ Tower. Гарнизонъ. Арсеналъ на 150.000 человѣкъ. Древнія оружія отъ Эдуарда до Іакова Втораго; всѣ сидятъ на коняхъ; въ лицахъ сохранено сходство. Оружія временъ Елизаветы. Темница Ралейга ²⁾. Топоръ, коимъ отрублена голова Іоанны Грей ³⁾. Орудія пытки. Елизавета на конѣ. Архивъ. Маленькая конурка, гдѣ погибли сыновья Эдуарда ⁴⁾—Въ Музеумъ: богатство египетскихъ древностей. Колоссы, статуя Озирисова сына. Хронологія. Розетскій камень служитъ основаніемъ разбору іероглифическаго и фонетическихъ письменъ. Муміи. Переходъ изъ египетской камеры въ греческую. Мраморы Эльгиновы ⁵⁾. Статуи фронтоны: Рожденіе Минервы и Споръ Минервы съ Нептуномъ за Аяны. Лапифы и центавры. Горельефъ Метоновъ. Барельефъ, представляющій Панаѳиней. Слѣпки съ храма Тезеева, представляющіе войну лапифовъ и центавровъ и съ амазонками. Слѣпки эгинскихъ мраморовъ. Собраніе вазъ. Библіотека. Русскія книги, между прочимъ и мои. Lady—⁶⁾ и ея дочери. Героическая черта ея мужа. Пока я разъѣзжалъ, министерство успѣло допнуть, и в(еликій) к(нязь) присутствовалъ при его послѣдней минутѣ. Что-то скажутъ объ этомъ всезнающіе французскіе журналы? Въ 8 часовъ въ театрѣ; наконецъ я слышалъ итальянскую оперу во всемъ ея совершенствѣ. Чистота, выраженіе и гармоническіе звуки пѣнія Гризи ⁷⁾ ни съ чѣмъ несравнимы; при этомъ могучій голосъ Лаблаша ⁸⁾ и нѣжное пѣніе Рубини ⁹⁾. Божественная музыка. Тамбурины ¹⁰⁾ охрипѣли, онѣ извинялись передъ публикою, но въ чемъ, я не понялъ. Послѣ театра на вечеръ къ Бруму ¹¹⁾. Разговоръ съ Гейтесбури ¹²⁾.

¹⁾ Не Samuel ли Budget, богатый англійскій негоціантъ (р. 1794 † 1851)?

²⁾ Знаменитый адмиралъ Sir Walter Raleigh (Рали) (р. 1552 † 1618) былъ заключенъ въ темницу въ 1603 г. королемъ Іаковомъ I.

³⁾ Jane Gray, королевы Англійской († 1554).

⁴⁾ Сыновья короля англійскаго Эдуарда IV были убиты въ 1483 г. Ричардомъ III.

⁵⁾ См. выше, стр. 118, прим. 10-е.

⁶⁾ Для фамиліи въ дневникѣ оставленъ пробѣлъ.

⁷⁾ Знаменитая пѣвица Giulia Grisi (р. 1811 † 1869).

⁸⁾ Васъ Luigi Lablache (р. 1794 † 1858).

⁹⁾ Теноръ Giovanni Battista Rubini (р. 1795 † 1854).

¹⁰⁾ Васъ Antonio Tamburini (р. 1800 † 1876).

¹¹⁾ См. выше, стр. 490, прим. 16-е.

¹²⁾ См. выше, стр. 490, прим. 19-е.

26 апрѣля (8 мая), среда. У в(еликаго) князя. Къ Бунзену. Въ Вестминстеръ. Въ National Gallerie. Старыя картины. Выставка. Обѣдъ у Палмерстона. Лордъ Голландъ ¹⁾. Кларендонъ ²⁾. Lady Fitzroy Somerset. Я подлѣ Miss Coore(r). Oui и non. Потомъ подлѣ лорда Морпета ³⁾. Обѣдъ кончился въ одиннадцать часовъ.

27 апрѣля (9 мая), четвергъ. Съ Брумомъ въ 10 часовъ сначала въ Court of the Judicial Committee of Privy Co(u)ncil, потомъ въ Court of Queens Bench. Lord le chef juge d'Angleterre (Lord Denman) ⁴⁾. Свѣтъ сверху. Возвышенная лавка для судей и президента. Справа свидѣтели, слѣва присяжные, противъ адвокаты, сзади зрители. На верху также ложи; стѣны, покрытыя столярною покрышею. Большая торжественность. Костюмъ судей и адвокатовъ: черная мантия съ парикомъ. Лордъ . . . ⁵⁾; въ немъ все въ движеніи: носъ, ротъ и внутренность. Затѣмъ домой. Съ Кавелинымъ къ Мещерскимъ, гр(афинѣ) Завадской, Воронцову и Шуазель. Съ гр(афомъ) Воронцовымъ на выставку рисунковъ водяными красками. Многое превосходно. Особенно виды равнинъ. Облака, ни кѣмъ не виданныя. Обѣдъ у герцога Кембричскаго. Богъ привелъ мнѣ сѣсть между Торрингтономъ, который не говорить и даже не понимаетъ по-французски, и между Веллингтономъ, который глухъ и занятъ рождающимся министерствомъ. Послѣ обѣда въ 11 часовъ навалила толпа, и была духота, въ которой растаяла прелесть голосовъ Гризи, Рубини, Тамбурины, Лаблаша и Персіани⁶⁾. Возвратился во второмъ часу. Письма отъ Тургенева, Рейтерна и Кестнера ⁷⁾.

28 апрѣля (10 мая), суббота. Въ Zoological Garden. Медвѣди. Волки. Два слона. Риноцеросъ. Тигры. Львы. Леопарды. Три жираффы. Верблюды. Зубры. Страусы.—Диорама. Коронація. С. Кроче.—Гулянье пѣшкомъ. Дышло въ затылокъ. Regent-Street. У книг(ини) Вяземской. Обѣдъ дома. Балъ королевы, на который не попалъ—. Писалъ и послалъ письмо къ Тургеневу.

29 апрѣля (11 мая), суббота. Поутру съ в(еликимъ) княземъ въ Вуличъ. Дорога черезъ Blackheath. Закалъ ядеръ и пушекъ. Строганье

¹⁾ Канцлеръ графства Ланкастерскаго.

²⁾ George-William-Frederic Clarendon (р. 1800 † 1870), дипломатъ. Въ 1820—23 гг. онъ состоялъ при англійскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, а въ 1856 г. былъ представителемъ Англіи на Парижскомъ конгрессѣ.

³⁾ Статсъ-секретарь Ирландіи.

⁴⁾ Lord Thomas Denman (р. 1779 † 1854).

⁵⁾ Фамилія написана неразборчиво.

⁶⁾ Пѣвица Fanni Persiani (р. 1811 † 1867), жена итальянскаго композитора Giuseppe Persiani.

⁷⁾ См. выше, стр. 292, прим. 6-е.

посредствомъ колеса. Здѣсь центръ. Въ каждой военной пристани артиллерій(скій) запасъ для извѣстнаго числа кораблей. Убыль, безпрестанно замѣчаемая изъ Вулича. Экзерциція: пушки, конгревовы ракеты, бомбическія пушки, бомбы. Быстрота стрѣльбы.—Гриничъ. Паркъ. Зданіе. Зала собранія съ портретами и картинами. Библіотека. Столовая. Комнаты для спаленъ. Старикъ. Училища для дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ. Видъ на Темзу. Жаль, что нѣтъ моря. Обѣдъ у Поццо, у котораго я не обѣдалъ для оперы. Анна Bolen ¹⁾: Grisi старш(ая) ²⁾, Grisi младш(ая) ³⁾, Рубини, Лаблашъ. Несравненно.

30 апрѣля (12 мая), воскресенье. Неудалось съ Бунзеномъ въ Вестминстеръ (жаль) и въ Виндзоръ (радъ), ибо третій или четвертый день уже холодъ и дож(дъ) послѣ грозы и послѣ трехъ прекрасныхъ, теплыхъ, весеннихъ дней. Поѣздка въ Ричмондъ не удалась, и хорошо, что не удалась. Я у Лубинскаго; замѣчательный разговоръ. Къ к(нягинѣ) Вяземской. Къ Поццо; духъ бодръ, но плоть немощна. Съ гр(афомъ) Воронцовымъ къ Lady Pembrock. Parloir вверху. Сходъ внизъ для обѣда. Вездѣ такъ. За столомъ одна дочь — ⁴⁾, графиня Потоцкая съ дочерью и сыномъ, гр(афиня) Шуазель и одинъ зять. Разговоръ о министерствѣ *comme de raison*. Поговариваютъ о созданіи 40 перовъ. Послѣ обѣда еще двѣ дочери; одна больная, блондинка, другая черноволосая. Разговоръ объ Италіи и Минхенѣ съ Брюсомъ ⁵⁾. Скоро явился Воронцовъ. Онъ все *preo(s)curé* и не веселъ. Я возвратился домой въ 11 часовъ. Успѣлъ выпастись и отправиться къ в(еликому) к(нязю), гдѣ въ полномъ ходу вистъ и мушка.

1 (13 мая), понедѣльникъ. Поутру съ Бунзеномъ въ Old Bayley. Открытіе суда; перекличка и присяга присяжныхъ. Рѣчь имъ отъ президента. Лордъ-меръ. Къ в(еликому) князю и съ нимъ вмѣстѣ сперва въ Penitencery; чистота и опрятность. Огромность зданія.—Потомъ въ Бедламъ ⁶⁾. На одинъ годъ. Отдѣленіе мужчинъ.—Въ камеру перовъ. Ajourné. Въ камеру депутатовъ. Рѣчь Пиля ⁷⁾ и S. J. Russell ⁸⁾. O'Con-

¹⁾ Анна Boleyn—опера Доницетти.

²⁾ См. выше, стр. 454, прим. 5-е.

³⁾ См. выше, стр. 491, прим. 7-е.

⁴⁾ Для имени оставленъ пробѣлъ.

⁵⁾ Быть можетъ, англійскій историкъ и археологъ John Bruce (р. 1802).

⁶⁾ Домъ для сумасшедшихъ.

⁷⁾ Знаменитый англійскій государственный дѣятель сэръ Робертъ Пиль (р. 1788 † 1850).

⁸⁾ Lord John Russel (р. 1792 † 1878), въ то время министр внутреннихъ дѣлъ.

nel¹⁾). Крики. Обѣдалъ дома (прочіе у Ландсдовна²⁾). Ввечеру концертъ у королевы. Множество красавицъ. Lord A(r)gyle³⁾, Мельборнъ, Ландсдовнъ, Пальмерстонъ, Морпетъ⁴⁾, Дисбровъ⁵⁾, Дурамъ⁶⁾.—Въ пивоварнѣ Барклея⁷⁾.

2 (14 мая) вторникъ. Въ кабинетъ восковыхъ фигуръ; въ Rantechnicon, въ Gallerie Adelaide, въ панорамѣ Leister Place. У Бунзена. Театръ: Lucia di Lammermoor⁸⁾.

3 (15) мая, среда. Поѣздка въ Эпсомъ. Дорога. Встрѣчи. Замѣшательство въ узкомъ мѣстѣ. Ссора у барьеры. Видъ дилижанса. Эпсомское поле. Кареты. Сцены въ каретахъ. Домъ для зрителей. Завтраки по 5 шиллинговъ съ персоны. Скачка. Выигрышъ. Sweepstake. Снѣгъ и дождь. Возвращеніе. Вечеръ въ Альмакъ⁹⁾. Большое зало, рѣдкость въ Лондонѣ. Lady Cooper и ея милая дочка.

4 (16) мая, четвергъ, Вознесеніе. Обѣдня. Съ Жонсономъ въ картинную галерею лорда Говера. Осмотръ клубовъ: Crockford. Самая богатая зала, но только для игроковъ. Университетскій. Самый comfortable. Библиотека. Устройство услуги. Кухня, буфетъ, ванны, уборныя, погребъ, колокольчики, слуховыя трубы, запасныя горницы, Traveller Athenaeum. Прекрасный локаль. Горница для входящихъ газетъ, горница для устарѣвшихъ газетъ. — Въ Society of arts. Общество для поощренія изобрѣтеній въ пользу всенародную. Награды. Нѣтъ патента. Въ магазинъ Эллиса и Эверингтона. Ленты, шелковыя и бумажныя матеріи, мягкая рухлядь. Зонтики. Шелковыя матеріи лондонскія и бристольскія. Машины въ Ковентри. Зонтики. Болѣе миліона чистаго дохода. Афиши въ разныхъ мѣстахъ.—Въ лавку кипсековъ. Обѣдалъ у Мещерскаго. Въ театрѣ. Les Noces de Figaro¹⁰⁾. Lucia¹¹⁾.

5 (17) мая, пятница. Утромъ къ Бунзену и съ нимъ вмѣстѣ въ картинную галерею Egerton'a. Lady Raffles. NB. Тиціановы 3 возраста. Карлъ I (пьяница, спящій, грѣющійся, плачущій, про-

¹⁾ Daniel O'Connell (р. 1775 † 1847), извѣстный прландскій общественный дѣятель, въ то время депутатъ отъ Дублина въ парламентѣ.

²⁾ См. выше, стр. 490, прим. 18-е.

³⁾ Герцогъ Argyll, оберъ-гофмейстеръ.

⁴⁾ См. выше, стр. 492, прим. 3-е.

⁵⁾ См. выше, стр. 486, прим. 1-е.

⁶⁾ Т. е. Durham (см. выше, стр. 490, прим. 14-е).

⁷⁾ Самая большая въ Лондонѣ пивоварня.

⁸⁾ Опера Доницетти.

⁹⁾ Almack—помѣщеніе для баловъ по подпискѣ, посѣщавшихся преимущественно высшимъ обществомъ.

¹⁰⁾ Опера Моцарта.

¹¹⁾ См. выше, прим. 8-е.

повѣдникъ) Лароша ¹⁾. Къ лорду Бруму. Въ Ольдъ Bauley. Драка и строгость разбора. Совѣстливость адвокатовъ и судей. Newgate. Чистота. Крѣпость. Ходъ къ виселицѣ черезъ кухню. Любонникъ свинья. М-е Frey. Туннель. Огромность и бесполезность предпріятія. Обѣдъ у маркиза Anglesey ²⁾. Lady Sydnei и Lady Rychmond, его дочери. Lady Cooper съ дочерью. Смѣсь цвѣтовъ. Веллингтонъ, Грей ³⁾, Палмерстонъ и Дургамъ. Подлѣ меня Палмерстонъ и Сидней. Вечеръ у Веллингтона. Знакомство съ Пилемъ. Картины. Копіи съ испанскихъ Рафаелей. Памятники побѣды. Коррежіевъ Спаситель. Ландсдаунъ и жена его. Гуммелауеръ ⁴⁾.

6 (18) мая, суббота. Съ Бунзеномъ къ Милю ⁵⁾, гдѣ Тайлоръ ⁶⁾, Kemble ⁷⁾, издатель Review, Sir John Hanmer ⁸⁾ (Fra Cipolla), Ро-жеръ(съ) ⁹⁾, Lyttelton, Pysey ¹⁰⁾, членъ нижней камеры и авторъ философскихъ статей, Меллишъ.—Съ Бунзеномъ въ галерею Пия. Прекрасный выборъ фламандской школы. Пилъ самый нравств(енный) человѣкъ. Молитва. Анекдотъ о Саладинѣ: продаешь дымъ, получаешь плату звономъ. Картина Вильки ¹¹⁾: Нохъ ¹²⁾. Портреты Лоренца ¹³⁾ Веллингтонъ въ группѣ и Ж. Рейнольдса ¹⁴⁾ Жонсонъ. Терасса и дерево. Съ Кольвилемъ въ W. I. Docks ¹⁵⁾. Бездна чаю, кр(аснаго) дерева, рому, сахару. Подъемъ и укладка. Желѣзо и кровли. East I. Docks ¹⁶⁾. Поѣздка въ Гриничъ. Жилища матросовъ при свѣтѣ солнца. Внутреннія украшенія:

¹⁾ Живописецъ Paul Delaroche (р. 1797†1856).

²⁾ Извѣстный генералъ (потомъ фельдмаршалъ) Henry William Paget маркизъ d'Anglesey (р. 1768†1854), въ 1830—33 гг. бывшій вице-королемъ Ирландіи.

³⁾ Вѣроятно, герцогъ Charles Grey (р. 1764†1845), государственный дѣятель.

⁴⁾ Совѣтникъ австрійскаго посольства.

⁵⁾ Знаменитому политико-эконому и философу John Stuart Mill (р. 1806†1873).

⁶⁾ Вѣроятно, Isaacs Taylor (р. 1787†1861), писатель по философіи и богословію.

⁷⁾ John-Mitchell Kemble (р. 1807†1857), филологъ и археологъ, редакторъ British and foreign Review.

⁸⁾ Т. е. Hanmer.—Sir John Hanmer (р. 1809†1881), политическій дѣятель и поэтъ. Въ 1839 г. онъ издалъ „Fra Cipolla and other poems“.

⁹⁾ Поэтъ Samuel Rogers (р. 1763†1855).

¹⁰⁾ Т. е. Pusey. Philip Pusey (р. 1799†1855), пріятель Бунзена.

¹¹⁾ Знаменитый англійскій живописецъ David Wilkie (р. 1785†1841).

¹²⁾ John Knox (†1571), шотландскій реформаторъ.

¹³⁾ См. выше, стр. 488, прим. 7-е.

¹⁴⁾ Живописецъ Sir Joshua Reynolds (р. 1723†1792).

¹⁵⁾ Т. е. Вестиндскіе доки.

¹⁶⁾ Т. е. Остиндскіе доки.

чашки, корабли, портреты, весла, дубины. Remember thy Savio(u)r ⁴⁾. Новый жилецъ на старомъ мѣстѣ. Обѣдъ у Поццо. Я подлѣ Кнезебека⁵⁾. Вечеръ у Вяземской. Надина⁶⁾ больна. Возвращеніе съ граф(иней) Шуазель.

7 (19) мая, воскресенье. Обѣдня въ Вестминстерѣ. Органъ въ высотѣ, внизу пѣніе, подѣ ногами и кругомъ гробы: удивительно. Заповѣди. Книжки. Поѣздка въ Ричмондъ и Гамптнокуртъ⁴⁾. Видѣ съ террасы и изъ окна въ трактирѣ. Гам(п)т(н)окуртскій дворецъ. Отдѣлка деревомъ. Быстрой бѣгъ по горницамъ. Двѣ минуты передъ картонами Рафаеля. Голбейнъ. Церковь дворцовая. Вечеръ у Пьюзи⁵⁾ съ Бунзеномъ.

8 (20) мая, понедѣльникъ. Утро. Завтракъ у Рожерса⁶⁾. Домъ на S. James Park. У него Бунзень, Кольвиль и Kemble⁷⁾. Мадонна Гвершина. Рисунки Флакмана⁸⁾. Въ домѣ Сутерланда. Великолѣпная лѣстница. Къ Мещерскому. Съ Ботомъ въ типографію Times. Магазинъ серебряныхъ и брилліантовыхъ вещей. Въ фарфоровый магазинъ. Обѣдалъ у лорда Hall съ Бунзеномъ и множествомъ незнакомыхъ и для этого пропустилъ публичный обѣдъ, данный великому князю обществомъ Россійской компаніи. Глупость.

9 (21) мая, вторникъ. Поѣздка въ Оксфордъ въ 5 часовъ утра, черезъ Онзло, Кельнбрукъ, Слогъ и Мандистедъ. Первое дѣйствіе возвышеніе въ докторство⁹⁾. Сцена съ Торрингтономъ. Мантія, введеніе, привѣтствіе, воззванія, рукоплесканія. Осмотръ коллегіи. Вице-канцлеръ Gilbert¹⁰⁾. Вводитель профессоръ гражд(анскаго) права Филлиморъ¹¹⁾. Профессоръ геологіи Букландъ¹²⁾ и Акландъ¹³⁾, членъ парламента. Сын(о)къ Бунзена. Братъ Акланда, поэтъ Рускинъ¹⁴⁾. Обѣщаніе прислать сочиненія въ бібліотеку. Возвращеніе поздно, въ 3 часа утра.

⁴⁾ Т. е. Помни о твоёмъ Спасителѣ.

⁵⁾ См. выше, стр. 119, прим. 11-е.

⁶⁾ Дочь кн. П. А. Вяземскаго, княжна Надежда Петровна.

⁴⁾ Т. е. Hampton-Court.

⁵⁾ См. выше, стр. 495, прим. 10-е.

⁶⁾ См. выше, стр. 495, прим. 9-е. Поэтъ Рожерсъ владѣлъ собраніемъ картинъ.

⁷⁾ См. выше, стр. 495, прим. 7-е.

⁸⁾ John Flaxman (р. 1755†1826), знаменитый англійскій скульпторъ и жи вописецъ.

⁹⁾ Наслѣднику былъ поднесенъ дипломъ на званіе доктора гражданскаго права Оксфордскаго университета.

¹⁰⁾ Davies Gilbert (р. 1767†1840), предсѣдатель Королевскаго Общества.

¹¹⁾ John-George Phillimore (р. 1808†1865).

¹²⁾ William Buckland (р. 1784†1856), знаменитый геологъ.

¹³⁾ Политическій дѣятель и филантропъ Sir Thomas Duke Acland (р. 1787† 1871).

¹⁴⁾ Знаменитый впоследствии англійскій писатель Рэсинъ (John Ruskin, р. 1819†1900).

